Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Центр социально-политических исследований
и информационных технологий

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ФИЦ «КОМИ НЦ УрО РАН»

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ АРКТИКИ
ИМ. АКАД. Н.П. ЛАВЕРОВА Уро РАН

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Москва 2024

УДК 81’27(470)
ББК 81.21(2Рос)
Г72

Ответственный редактор
М.А. Омаров
доктор политических наук, профессор,
директор Центра социально-политических исследований
и информационных технологий РГГУ

Рецензенты
В.А. Ачкасов
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета

И.А. Разумова
доктор исторических наук, профессор
Кольского филиала Петрозаводского государственного университета,
ведущий научный сотрудник Кольского научного центра РАН

Рекомендовано к изданию

Ученым советом Института языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»

Ученым советом Федерального исследовательского центра комплексного изучения
Арктики им. акад. Н.П. Лаверова УрО РАН

© Коллектив авторов, 2024
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2024
© Институт языка, литературы
и истории ФИЦ «Коми НЦ УРО РАН», 2024
© Федеральный исследовательский
Центр комплексного изучения
Арктики им. акад. Н.П. Лаверова
УрО РАН, 2024

ISBN 978-5-7281-3387-2

Оглавление

Введение 4

Глава 1. Основные принципы языковой политики Российской Федерации и ее правовая основа 17

Глава 2. Эволюция языковой политики в России и языковые дискуссии последних лет, их роль в формировании современной языковой политики и политики гражданской интеграции 34

Глава 3. Динамика этнодемографических и этнокультурных изменений, ее социальная, политическая и культурная обусловленность. Языковые преобразования в республиках с финно-угорским населением 59

Глава 4. Языковое образование и практика языковой политики в республиках с финно-угорским населением 82

Глава 5. Этнокультурное образование как механизм реализации государственной национальной политики: социальный запрос и культурные практики 98

Глава 6. Отношение к языку и этничности в молодежной среде (по итогам опроса в ноябре-декабре 2022 г.) 114

Глава 7. Язык как маркер гражданской интеграции молодежи в Карелии 127

Глава 8. Язык и интеграция в Республике Коми 151

Глава 9. Язык и интеграция в Республике Марий Эл 184

Глава 10. Языковое образование и просвещение в Республике Мордовия 235

Глава 11. Язык и интеграция в молодежной среде Архангельской области 266

Глава 12. Опыт языковой политики в Республике Алтай 330

Глава 13. Опыт языковой политики в Республике Саха (Якутия) 356

Заключение 373

Источники и литература 380

Сведения об авторах 416

Введение

Как известно, язык – это один из важнейших элементов культуры вообще и этнической – в частности, а потому его значение для культурной жизни этнических сообществ достаточно значимо. В российской науке и в общественном мнении сложилось устойчивое представление о том, что язык является главным (или одним из основных) этнодифференцирующим признаком, а этничность и самостоятельный язык этнического сообщества связаны неразрывно. Между тем, мировой опыт и многочисленные этнографические материалы свидетельствуют, что для формирования культурной отличительности и этнической идентичности наличие отдельного языка не является обязательным условием. Примеров из современных культурных практик тому достаточно: это и единый сербохорватский язык, и использование английского языка в качестве родного такими крупными этническими сообществами, как ирландцы, шотландцы, валлийцы, это и многочисленные этнические группы в Африке, у которых далеко не всегда «язык является маркером этнических границ» [Шлее 2004: 108]. Однако в любом случае культурное значение языка отрицать невозможно.

В современном мире этничность как форма культурной солидарности и культурной отличительности, а также и язык как носитель культуры приобретают все чаще и все очевиднее форму идеологии и становятся инструментом политической борьбы и межгрупповой конкуренции. Тезис «язык есть власть» особенно очевидно проявляет себя на постсоветском пространстве, где процессы нациестроительства тесно связаны с этническим национализмом [Ачкасов 2012].

Что касается языковой (шире – национальной) политики в российских регионах, особенно в национальных республиках, то в ней просматривается попытка сочетать лояльность культурному многообразию и правам человека с этнически привилегированными практиками, находящими отражение в региональном законодательном поле, концептуальных моделях этнополитики и этнокультурного образования, в символических образах территориальных сообществ. Язык же все чаще пытаются использовать как инструмент сохранения и укрепления этнической идентичности. «Сами меньшинства … находятся в поиске идентичности, причем, как показывают исследования и в России (на примере Башкортостана), и во Франции (на примере Бретани), для них характерно меньшее отторжение Другого и бóльшая терпимость к инаковости (видимо, этому способствует собственный опыт пребывания в ситуации меньшинства). Эта идентичность может быть инклюзивной, двухуровневой (не исключающей национальную идентичность), может стремиться к реализации национального проекта … или реализовывать себя вне зависимости от при-

вязки к территории, вписавшись с позитивным знаком в интернациональные рамки» [Филиппова, Ле Торривеллек 2018: 7].

Язык является не только носителем культуры и важнейшим средством коммуникации между людьми, но играет и важную роль в процессах нациестроительства, в политической конкуренции внутри сложносоставных обществ. Известно, что переход от династических империй, где культурная гомогенизация подданных не являлась актуальной задачей властей, к национальным государствам [Андерсон 2001], начавшийся на рубеже XVIII-XIX вв., породил необходимость гражданской консолидации общества, ибо вместо отношений между верховным правителем и подданными, строившимися на безусловном подчинении последних власти, пришла новая модель политического взаимодействия, характерная для государств-наций. В ней гражданин и государство (верховная власть) выступали как равные партнеры и несли равную ответственность за судьбы страны, а национализм стал частью государственной идеологии [Малахов 2005]. Ответственность за страну и осознание национального единства укреплялись не только с помощью институтов представительной демократии, земляческой/территориальной солидарности, но и с помощью инструментов культурной интеграции и главную роль здесь играл общий для всех граждан язык. Формула «одна страна – один народ – один язык» – это конструкт, укреплявший основы нации. Неслучайно в 1880 г. во Франции был принят закон о всеобщем образовании и единственным языком французской школы в нем был признан французский [Эран 2008: 150], а использование бретонского, эльзасского, баскского, корсиканского и других языков многочисленных этнических меньшинств не только не допускалось в образовательном процессе, но жестко пресекалось даже во время внеурочного общения учеников. Примерно аналогичная языковая политика проводилась во многих других странах, включая Россию, где национальные языки могли использоваться лишь на начальном этапе образования. Наибольший вклад в развитие образования на языках этнических меньшинств внесли педагоги-просветители Казанской методической школы во главе с Н.И. Ильминским, чья методика освоения детьми меньшинств русского языка основывалась на том, что освоение русского языка детьми должно осуществляться только после освоения грамоты на своем этническом языке [Корнеева, Крылова 2017]. Учебные же программы гимназий строились целиком на основе русского языка: и в Петербурге, и в Тамбове, Киеве, Тбилиси, Кишиневе, Варшаве и Вильно они были одинаковы, поскольку русский язык был основным языком образования. Впрочем, в Прибалтийском крае (Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии) в системе образования до 1890-х гг. большую роль играл язык политически и культурно доминирующего меньшинства – балтийских немцев, а в ев-

рейских школах, помимо немецкого, допускалось использование идиша. В Финляндии, чтобы ограничить шведское влияние, поощрялось применение финского языка, который медленно, но неуклонно отвоевывал позиции у шведского. В Молдавии (Бессарабии), наоборот, после того как в 1870-х гг. в Румынии отказались от использования кириллицы и стали активно изгонять из румынского языка славянизмы, использование румынского языка в Бессарабской губернии стало ограничиваться, хотя тогда он не мог составить конкуренцию русскому языку в сфере образования и культуры. Тем не менее язык все очевиднее приобретал значение политического инструмента, и примером тому является культурная политика Австро-Венгрии.

В целях укрепления отношений между Веной и подвластными ей балканскими народами в Австро-Венгерской империи поощрялось развитие сербохорватского языка и осуществлялось его нормирование, а с конца XIX в. предпринимались попытки сконструировать нормы украинского литературного языка, чтобы с помощью языка и народной культуры отделить малороссов от русских и представить их отдельным народом, усилить их лояльность австрийской короне. При этом немецкий доминировал в австрийской части империи, а венгерский – в венгерской, причем процессы онемечивания меньшинств и их мадьяризации были очевидны.

В России одним из наиболее масштабных проектов конструирования идентичности с помощью алфавита можно считать эксперимент по кириллизации литовского языка, осуществлявшийся на практике с 1864 по 1904 гг. и совпавший по времени с запретом на латинскую азбуку для белорусского и украинского языков. Целью эксперимента была не столько русификация литовцев, как зачастую принято считать в литовской историографии, сколько максимальное дистанцирование их от поляков [Гром 2014]. Эти меры должны были способствовать укреплению «культурной» литовскости. О формировании же политического литовского самосознания с помощью имперских властей не было и речи, ибо политические цели образовательной политики были иными. Примечательно, что в некотором смысле интересы официальных властей совпадали с устремлениями самих литовских националистов, для которых пан-польский проект был неприемлем.

Крах Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской империй после окончания Первой мировой войны изменил языковую ситуацию во многих регионах Европы и особенно в новообразованных государствах, возникших на руинах прежних империй. Процессы нациестроительства приобрели совсем иные масштабы, а роль языка как инструмента укрепления культурных основ наций еще более усилилась, особенно в СССР, который создавался как этническая федерация, а многие крупные народы, получившие «свои» национально-государствен-

ные образования стали именоваться «социалистическими нациями», хотя создавались и развивались они как культурно-языковые сообщества, а не как территориально-политические объединения граждан (что, собственно, и есть нация). Именно поэтому акты самоопределения не предшествовали созданию национально-государственных образований в СССР, хотя право на самоопределение было принято в качестве важной политической нормы в принятой съездом советов в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России». Местные большевики осуществляли «нациестроительство» сверху, не получив на него политического мандата от собственных этнических групп, а тем более местных территориальных сообществ в целом (таким же образом возникали и новые «независимые» государства, строившиеся на обломках Российской и Австро-Венгерской империй).

После распада СССР и Восточного блока в российских регионах, бывших советских союзных республиках и в странах Восточной Европы стала формироваться новая политика памяти, и начались так называемые войны памяти, в результате которых переписывались национальные истории, сносились памятники советским воинам и символы советской эпохи, появлялись новые культурные ориентиры и культурные иерархии, внедрение которых сопровождалось и языковыми, и этническими конфликтами. Рождение новых государств, активизация националистических движений привели к активизации поиска пространственных и культурных границ этнических сообществ и новообразованных государств-наций, потребовали ответа на вопрос «кто мы?» и «откуда мы?», подтолкнули к созданию актуальных национальных символов и нового «прочтения» собственной истории. Конечно, эти потребности отчасти удовлетворялись растущим объемом исследований и публикаций, рассматривающих различные аспекты истории народов, их культурного развития, этнического бытия, но строго академические издания или аналитические публикации в прессе не могли выполнить ту роль, которую с успехом решало конструирование мифов и их внедрение в публичное пространство и реальную политику. Этнополитическое мифотворчество оттесняло на задний план прагматические интересы реальных социальных сил и способствовало превращению этничности из культурного феномена в политический ресурс. *Миф становился доказательством прямого действия, заменяя собой сложную систему аргументации при выдвижении требований политической автономии, территориальных претензий, политических и культурных приоритетов для этнической общности или группы.*

Культурное и историческое мифотворчество коснулось и языка, а в большей мере языковой политики, в которой эмоциональная составляющая явно доминировала над рациональными подходами.

Проблема политического и культурного мифотворчества и его последствий, пожалуй, наиболее очевидно видна на примере стран Балтии. Тот факт, что процесс постсоветского нациестроительства в Литве, Латвии и Эстонии приобрел откровенно мифологизированный характер, вполне объясним, ибо для формирования нации необходим объединительный миф, но балтийское мифотворчество было направлено исключительно на сплочение титульных, или, по версии местных политиков – «нациеобразующих», этнических групп и на ограничение культурной и политической роли русскоязычного населения, т.е. культурная и политическая мифология здесь работала на разделение общества и формирование этнократических режимов.

Поскольку гражданские нации в странах Балтии к моменту утраты независимости так и не были сформированы, там установились авторитарные ультранационалистические режимы. Казалось, что с ними у советской власти не может быть ничего общего, но в реальности здесь сработал феномен преемственности национализмов, т.е. националистические доктрины меняли свои формы, но сохраняли этнонационалистическую сущность. В советские годы на «историческую память о независимости» стали водружать практики, связанные с доктриной этнического национализма, взятой на вооружение большевиками и последовательно претворявшейся ими в жизнь через идею «размежевания народов», а потому в сознании населения прочно утвердилась этноцентричная и иерархичная модель республиканских сообществ, а процесс нациестроительства и в постсоветскую эпоху не мог опираться на республиканские идеалы свободы, равенства и братства. Как это ни парадоксально, но именно *советская модель этнополитики стала фундаментом, на котором строились концепты литовской, латышской и эстонской этнонаций*. Используя советские идеи «коренизации» и этнической иерархии, основой наций во всех трех странах были объявлены титульные этнические группы, а способом интеграции наций – усвоение и безоговорочное признание меньшинствами культурных ценностей доминирующих групп. Поэтому вполне логично, что балтийская политическая мифология была ориентирована не столько на интеграцию общества (таковая ставилась целью лишь номинально), сколько на обоснование идеи политической/культурной иерархии и этнической сепарации.

В результате избранной в Балтии политики исторической памяти происходит не только «присвоение истории» этническим большинством, но осуществляется «овладение пространством», «присвоение времени» и «зачистка мемориального пространства», что в итоге оставляет этнические меньшинства без собственных исторических образов, без своих пространственных ориентиров и топонимов, без культурных институтов, помогающих сохранять идентичность и культурное наследие. В этой свя-

зи уместно замечание Хью Майалла: «...формы того, как группы хранят и воспроизводят память о своем прошлом, имеют решающее значение для мобилизации конфликта, а значит и для примирения и работы с культурными традициями» [Майалл 2007: 85].

Однако говорить о примирении между этническими группами и формировании гражданской солидарности в Литве, Латвии и Эстонии вряд ли возможно. К примеру, чтобы показать, что неэстонское население культурно не связано с территорией Эстонии в новой интеграционной программе страны [Loimuv Eesti 2020], разработанной Министерством культуры, прежние формулы «жители Эстонии других национальностей или с иным родным языком» и «представители национальных меньшинств, люди родным языком которых является не эстонский» заменена на политически и культурно некорректное понятие «жители иммиграционного происхождения».

Попытки вытеснить из культурного пространства балтийских стран историческую память меньшинств, оттеснить их ценности и интересы на периферию местного культурного ландшафта и этнополитики, создают почву для конфликтов, примером чего является протестная мобилизация русскоязычного населения Латвии. Одним из поводов такой мобилизации стала латышизация личных данных нелатышского населения. На основании законов «Об акте регистрации» и «О государственных языках» русские и другие нелатышские имена и фамилии стали записываться чиновниками ЗАГСов и иных официальных учреждений на латышский лад, что противоречило культурным и языковым традициям меньшинств. Так, фамилия Шишкин превратилась в Сискинс (Siskins), Райхман – в Райхманс (Raihmans), имя Мирон трансформировалось в Миронс и т.д. Нежелание считаться с культурными традициями нелатышей, вступавшее в прямое противоречие с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах, привело к созданию движения «Верните наши имена», а иные ущемления культурных интересов меньшинств в Латвии только усиливали их протестную мобилизацию [Тишков, Шабаев 2019].

Заметим, что протестная мобилизация произошла не тогда, когда это было наиболее политически выгодно и удобно для меньшинств (и, прежде всего русского), а тогда, когда крайне актуализировался конфликт культурных интересов между этническим меньшинством и этнократическим государством. А это означает, что есть очевидные пределы для дискриминации меньшинств, и лояльность русского/русскоязычного населения к государству как таковому (именно этим можно объяснить отсутствие массовых протестов при принятии законов о гражданстве) не есть лояльность в отношении методов этнополитики, практикуемых в балтийских странах, особенно в Эстонии и Латвии, поскольку Лит-

ва совершенно очевидно имеет свою специфику культурной политики и политики гражданства, хотя и там сохраняется напряженность в отношениях между русским и польских меньшинствами и государством. Кстати, проблема лояльности русских/русскоязычных к государству требует, вероятно, специального рассмотрения, чтобы показать состоятельность/несостоятельность балтийской политической мифологии и определить в какой мере гражданская интеграция затронула культурные меньшинства.

Наряду с политикой исторической памяти, значимую роль в балтийской этнополитике играет и языковое строительство. Язык здесь еще на закате советской эпохи стал рассматриваться не столько как носитель культуры, сколько как часть идеологии. Во всяком случае, в идейных конструкциях прибалтийских народных фронтов языку уделялось достаточно много внимания уже с конца 1989 г., и требование придать языку этнического большинства статус государственного было общим. С обретением государственной независимости языковая политика (как и отношение к этническим меньшинствам со стороны государства и доминирующих культурных групп) резко ужесточилась. Старания местных националистов подкреплялись реваншизмом активистов прибалтийской эмиграции на Западе, считавшейся «неподсоветским эталоном» для «возрождения» досоветских этнократий. Стало очевидным стремление сформировать на территории Литвы, Латвии и Эстонии этнократические государства и этнонации, ограничить права меньшинств и создать зримые и незримые препятствия для социальной мобильности нетитульных групп (по образному выражению эстонского ученого Е. Хелемяэ, создать «стеклянный потолок») [Хелемяэ 2017: 224-233]. Названный подход требовал того, чтобы любой публичный акт использования языка трактовался с позиций лингвистического национализма, покоящегося на лозунге «язык – это власть». Язык большинства был объявлен единственным государственным языком во всех трех странах. Получение гражданства для неграждан в Эстонии и Латвии тесно увязывалось с языковыми компетенциями, а система школьного образования радикально стала трансформироваться из двуязычной в моноязычную, хотя при этом власти балтийских стран на некоторое время вынуждены были ограничивать свой радикализм под давлением европейских экспертов. Программы интеграции, которые реализовывались в Латвии и Эстонии, имели своей целью не формирование общей идентичности, гражданской солидарности, утверждение общих культурных идеалов, а лишь языковую унификацию латышского и эстонского обществ. Это означает, что целью властей стран Балтии стала языковая ассимиляция этнических меньшинств (в Литве эта политика имеет свою специфику, но столь же очевидна, в том числе и применительно к польскому меньшинству).

Языковой радикализм, в последние годы нередко трансформирующийся в культурный расизм, характерен и для властей Украины, а также и ряда других бывших советских республик, особенно среднеазиатских.

Вместе с тем в Европе есть и другие примеры, когда в целях гражданской интеграции и укрепления основ государства-нации формируется не только рациональная мультикультурность (а не ее искаженные версии), но и языковой плюрализм. Так, в Финляндии, провозгласившей независимость в декабре 1917 г. и получившей признание от Советской России в январе 1918 г., с 1919 г. финский и шведский языки получили статус государственных и в обязательном порядке изучаются в школах (хотя сегодня эта практика нередко подвергается сомнению), а финляндская нация изначально преподносилась как двуединый союз шведского и финского этнических сообществ.

В чем-то схожая ситуация имеет место в современной Каталонии, являющейся самой развитой в экономическом отношении провинцией Испании. Языковая политика в Каталонии так же, как и в Швейцарии, рядом этнических активистов и экспертов в российских регионах, особенно национальных республиках, в прежние годы часто приводилась как пример для подражания, что связано как с недостаточным знанием реальной ситуации в Испании и Швейцарии, так и явной недооценкой правовой основы языковой политики и ее тесной связи с культурно-историческим и социальным контекстом.

Современная Испания разделена на 17 автономных областей, а каталанский язык, 30 лет находившийся под запретом, все равно сохранился в годы диктатуры Франко как язык домашнего общения, но при этом играл заметную роль в разделении жителей на кастильцев/испанцев и каталонцев.

«Конституция Каталонии … определила каталанский не только как «официальный», но и как «коренной язык»»... Особое значение имеет пункт 3.3: «Каталонские органы самоуправления будут гарантировать нормальное и официальное использование обоих языков, принимать необходимые меры для обеспечения владения ими и создавать условия, позволяющие достичь их полного равенства в правах и обязанностях граждан Каталонии». Цель трудна, поскольку конституция Испании определяет специальный статус испанского языка, а также определенные обязанности по отношению к нему. Вопрос в том, насколько юридически возможно в автономной области полное равенство в языковых правах и обязательствах граждан. В Каталонии такое полное равенство считалось фундаментальной целью. Для достижения этой цели предлагалось «нормальное» использование обоих государственных языков.

Проблема в том, что само понятие «нормальность» спорно. Каталонские социолингвисты Э. Бош и Ф.Ш. Вила предлагают три возможных

уровня «нормализации». Минимальная социолингвистическая цель – занятие всех сфер коммуникации бывшим регрессивным языком внутри языкового сообщества. Средняя социолингвистическая цель: минимальная цель, а также билингвизация иноязычных. То есть те, для кого подчиненный язык не является родным, изучают и используют его. Максимальная социолингвистическая цель: средняя цель, а также языковая интеграция (или реинтеграция) иноязычных, то есть их превращение в активных членов принимающего языкового сообщества посредством создания условий, чтобы они позаимствовали язык принимающего сообщества как свой собственный и передавали его своим потомкам... Каталонская языковая политика стремилась к «средней социолингвистической цели» в условиях, когда 1) каталонское «принимающее языковое сообщество» составляло примерно половину населения области и, как правило, владело родным языком лишь на бытовом уровне; 2) «иноязычной группой» были не иностранные гастарбайтеры, а сограждане с бесспорными языковыми правами, носители языка, которым все жители области владеют. Кроме того, *ключевым принципом было избегание деления граждан по языку или происхождению (выделено нами – авт.*)» [Алос-и-Фонт 2017: 173-174].

В отличие от Финляндии согласие в сфере языковой политики между двумя основными этническими группами населения Каталонии было достигнуто не сразу и далеко не в полной мере. В результате активной языковой политики автономной провинции каталанский язык стал доминировать в государственном управлении, образовании и культуре, а испанский сохранил заметное преимущество в сфере бизнеса, информации, на улице, работе и в занятиях на досуге. Но только небольшая часть общества с испанским первым языком социализации перешла на каталанский как основной язык коммуникации, язык идентификации и язык общения с детьми. И при всем этом языковой сдвиг в пользу каталанского даже в каталаноязычной среде не приобрел глобального характера, поскольку, по данным массовых опросов, говорили на каталанском (или преимущественно на нем) с матерью чуть менее трети молодых каталонцев, а с детьми – чуть более трети каталонцев старшего поколения. Более того, местные эксперты полагают, что языковая ситуация в Каталонии сегодня хуже, чем в 1975 г., когда он был родным языком половины населения … [Алос-и-Фонт 2017: 180]. Изменениям, конечно, способствуют процессы унификации и глобализации. В испанских общенациональных средствах массовой информации и в среде многих экспертов языковая политика в Каталонии оценивается весьма критично, а в некоторых работах эта политика вообще расценивается как политика Франко. Острые споры вокруг использования каталанского и других миноритарных языков в стране не утихают.

В Швейцарии четыре государственных языка, но официальное многоязычие не предполагает индивидуального [Нагапетова 2009], а каждый кантон сам решает, какие языки должны изучаться в школе помимо доминирующего в местном территориальном сообществе. Такой подход опирается на права человека и, в частности, его культурные права, где право свободного культурного выбора, включая и выбор языка общения, образования, изучения есть доминантная правовая норма, определяющая языковую и образовательную политику.

Проблематика изучения языковой политики крайне широка: она касается нормирования языка, развития его лексики (особенно отраслевой и научно-технической), языковых заимствований и уровня языковых компетенций у носителей миноритарных языков в разных языковых сферах, соотношения литературной нормы и диалектных форм языка, методов языкового образования, статуса языков и характера их функционирования, языковой конкуренции и методов повышения престижа языков меньшинств, а равно и стратегий их развития и сохранения, норм языкового поведения и пропаганды культуры этого поведения, борьбы за чистоту языка и других аспектов. Все указанные направления языковой политики в рамках одного исследования охватить невозможно, но мы сосредоточили внимание не столько на собственно языковых проблемах, сколько на социальной *роли языковой политики и ее значении как инструмента гражданской интеграции.*

Цель данного исследования – обобщить результаты предыдущих исследовательских проектов, соотнести их с анализом динамики этнокультурных трансформаций в периферийных регионах, но в первую очередь – с результатами опроса, проведенного в декабре 2022 г., выявить наиболее значимые явления, характеризующие языковую ситуацию и языковые ориентации молодежи. В основу работы положены итоги опроса молодежи и экспертов, проведенного в ноябре-декабре 2022 г. в Республике Карелии, Архангельской области, республиках Коми, Марий Эл и Мордовии, а также серия предшествующих исследований, осуществленных так же, как и в 2022 г., в рамках программ Центра социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ. Использованы и результаты исследований, осуществленных ранее в сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии РАН, а также материалы, полученные в рамках других локальных и межрегиональных исследовательских проектов. Кроме того, анализировались результаты переписей населения, статистические данные и другие необходимые для реализации исследования сведения.

Основное внимание в работе уделено ситуации, которая складывается в так называемых «финно-угорских регионах», т.е. республиках, где финно-угорские народы составляют титульное население этих нацио-

нально-государственных образований. Это связано с тем, что на протяжении ряда лет мы проводили систематические исследования в указанных регионах , но в большей мере подобный акцент обусловлен источниковой основой, в которой превалируют результаты базового опроса, проведенного в Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии и Архангельской области (в административном подчинении ее властей находится Ненецкий автономный округ, где титульным населением являются представители уральской языковой семьи, а ненцы вместе с коми составляют треть населения данного субъекта). В предыдущие годы опросы проводились и в Удмуртии, но в 2022 г. возникли ограничения, не позволившие осуществить опрос в данной республике. Вторым важным обстоятельством, диктующим необходимость сосредоточить основное внимание на анализе этноязыковой, этнокультурной и этнодемографической ситуации в названных республиках, является то, что итоги последней переписи населения (как и предыдущих) показывают, что этноязыковые и этнодемографические процессы в республиках с финно-угорским населением стали поводом для наиболее радикальных этнических активистов и некоторых местных специалистов обсуждать тему о «вымирании» финно-угров, ибо темпы сокращения их численности, действительно, весьма высоки.

Для демонстрации существенных различий в языковых ситуациях и характере этноязыковых и этнодемографических процессов, имеющих место в разных «национальных» регионах страны, мы позднее привлекли ученых из Республик Алтай и Саха, которые осуществили свою часть работы *в форме отдельных кейсов* с ориентировкой на общие задачи всего исследования. Выбор Республики Алтай не случаен, поскольку языковая ситуация в республике и среди алтайцев во многом сходна с той, что имеет место в Калмыкии, Бурятии, Хакасии и отчасти с языковыми процессами, зафиксированными в Татарстане и Башкортостане, т.е. среди народов, принадлежащих к алтайской языковой семье (как к тюркской, так и монгольской ветвям). Кроме того, республика является глубокой «культурной периферией», где формально имеется больше условий для сохранения этнических традиций и традиционного образа жизни (не случайно среди алтайцев сформировалось довольно мощное родовое движение). Ряд других особенностей региона также способствовал его выбору в качестве объекта изучения.

Что касается Республики Саха (Якутия), то ее опыт во многом созвучен с другими республиками, где высока доля титульных этнических групп населения и сильны позиции их языков, особенно в бытовой сфере.

Базовый опрос проводился в вузах Петрозаводска, Архангельска, Сыктывкара, Йошкар-Олы, а в Саранске по техническим причинам мы

ограничились экспертным опросом, унифицированным по содержанию с основной анкетой. Программа и инструментарий опроса основывались на методике, разработанной Институтом этнологии и антропологии РАН, под руководством которого в целом ряде регионов РФ в 2017 г. проводился опрос студентов и школьников, а также их родителей с целью выявления мнений по поводу необходимости преподавания этнических языков и их изучения всеми школьниками, осваивающими программу средней школы в российских республиках [Этнокультурное содержание 2017]. По той же методике в регионах в 2018 г. ИЭА провел опрос студентов (по 300 респондентов в региональных центрах), связанный с изучением отношения молодежи к трудовым мигрантам.

В нашем случае мы тоже опрашивали студентов вузов Петрозаводска, Архангельска, Сыктывкара, Йошкар-Олы (экспертов в Саранске). Предполагалось, что в каждом регионе будет опрошено по 300 студентов как минимум из двух вузов, с разных курсов и с разных факультетов (институтов), причем доли юношей и девушек в выборочной совокупности должны быть примерно равными, а количество студентов из числа титульных этнических групп достаточно для статистического анализа. Из соображений, касающихся необходимости предоставить результаты исследований для управленческих структур регионов, в ряде случаев выборочная совокупность была увеличена, и в итоге ее общий объем составил свыше 1400 респондентов.

Проблемы языкового образования и языкового развития традиционно рассматриваются специалистами в контексте так называемых национальных языков, т.е. этнических или региональных, и особенно остро стоит проблема сохранения языков малых этнических сообществ, хотя в последние три десятилетия лозунг сохранения и развития языков титульных этнических групп в республиках и автономиях звучит очень громко не только из уст этнических активистов, но и местных языковедов, причем многие из названных экспертов придерживаются алармистского сценария развития языков, заявляя о «вымирании» языков меньшинств и недостаточном внимании к ним со стороны государства. Упование на административный ресурс и административные методы сохранения и развития миноритарных языков в РФ является базовой основой практически всех языковых дискуссий в регионах, хотя очевидно, что языки с помощью одних лишь административных подпорок и жесткого административного регулирования как языковой политики в целом, так и языкового образования, в частности, ни сохранить, ни развивать не получится, о чем свидетельствует динамика языковой ситуации во многих регионах страны, включая целый ряд национальных республик.

Но для россиян как жителей единой страны, представителей формирующейся российской гражданской нации (хотя многие выражают со-

мнение по поводу успешности этого процесса) русский язык выполняет не только функцию межкультурной коммуникации, но он же является языком культуры, образования, науки и при этом не может рассматриваться в качестве «культурной собственности» одного лишь русского народа как культурно-языкового сообщества – он есть общий язык граждан России, причем данный статус русский язык обрел в процессе исторического развития страны, и лишь в последние годы он был закреплен законодательно. В этом смысле вполне логично обратить внимание и на проблемы развития самого этого языка, особенно в сугубо «русских» регионах, для чего мы включили Архангельскую область в перечень регионов, где проводился опрос.

Собственный опыт исследователей, объединенных в рамках авторского коллектива данной монографии, показывает, что студенты, поступившие в вузы, плохо владеют литературным русским языком (а равно и этническими языками) и грамотно изложить свои мысли как в устной речи, так и в письменной формах не могут, независимо от того являются ли они русскими или представителями других этнических сообществ. Хотя те же претензии можно предъявить и к блогерам, телерепортерам, чиновникам, политикам, чья речь нередко далека от изящной словесности и общепринятых литературных норм, а главное – не ясен смысл их высказываний из-за неумения грамотно и убедительно излагать свои мысли. Здесь очевидно сказывается не только недостаточный уровень образованности отдельных лиц, но и общие недостатки системы образования, связанные с тем, что в гуманитарных дисциплинах такая форма изложения знаний, как сочинения на заданные темы, перестала широко практиковаться, а современная молодежь мало читает, редко участвует в публичных диспутах, а больше потребляет плохо оформленный в языковом отношении контент интернет-ресурсов, где используются специфические речевые обороты, интернетлор, молодежный сленг и многочисленные англицизмы.

Еще одной проблемой всех языков является то, что местные диалекты и говоры рассматриваются как отклонения от языковой нормы, и учителя, и лингвисты, и чиновники от образования много десятилетий борются с ними, пытаясь изгнать из речи учеников «неправильный язык» [Шабаев, Истомин 2017]. Тем самым разрушается местный культурный колорит, утрачивается часть локального культурного ландшафта, сохраняемого в диалектных формах языка и топонимах.

А главное, что практики языковой политики, которые укоренились на российской периферии, плохо согласуются как с необходимостью укрепления региональной идентичности, так и общероссийской гражданской идентичности, формированием прочной гражданской солидарности на региональном и общенациональном уровнях.

Глава 1

Основные принципы языковой политики Российской Федерации и ее правовая основа

Современная языковая политика основывается на признанных на международном уровне**,** согласованных в ходе длительных межгосударственных консультаций принципах, связанных с культурной политикой, правами человека, положением меньшинств. Применительно к языку эти принципы изложены в документе, который носит название «Всеобщая декларация языковых прав». Рабочий документ был разработан международной группой экспертов, одобрен ими (1991 г. – Венгрия) и предложен ООН для дальнейшего апробирования и принятия. Всего таких принципов десять:

1. Каждый человек имеет право изучать любой один или более языков.

2. Каждый человек имеет право отождествлять себя с любым языком и на то, чтобы этот выбор уважался всеми общественными, частными и государственными учреждениями.

3. Каждый человек имеет право слушать, говорить, читать и писать на любом языке.

4. Каждый человек имеет право выражать себя на любом языке.

5. Каждый человек имеет право на специальное образование в случае недостаточного владения языком.

6. Не может быть запрещено преподавание любого языка.

7. Каждый человек имеет право на преподавание, где это осуществимо, в рамках государственного образования или же в общине и семье того языка, с которым она/он и ее/его семья наиболее просто отождествляют себя.

8. Каждый человек имеет право на преподавание в рамках государственного образования того официального языка или языка того государства, нации или региона, в которых она/он постоянно проживает.

9. Каждый человек имеет право на преподавание в рамках государственного образования, по меньшей мере, еще одного языка для того, чтобы расширить свой социальный, культурный, образовательный и умственный горизонт и увеличить международное понимание.

10. Эти права касаются всех лиц. Их обеспечение для тех лиц, которым они до этого не были предоставлены, должно осуществляться через общинное обучение, образование взрослых и высшее образование [Володарская 2009: 25-26].

Принятие декларации, т.е. ее утверждение международными институтами и ратификация национальными правительствами, так и не

состоялось, но это в принципе и не могло состояться, ибо языковая ситуация в различных странах может радикально различаться и динамично меняться, что зависит как от этнического и языкового состава населения, так и сложившихся практик языковой политики, которые в свою очередь определяются избранными в том или ином государстве моделями этнополитики, а равно серьезно корректируется изменениями в этническом составе населения, меняющимся характером политических и культурных процессов, имеющих место в сложносоставных сообществах. И даже более локальный документ, который в результате длительных консультаций экспертов и политиков был согласован и признан вполне рациональным, т.е. Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств (ECRML) в итоге постигла неудача.

Европейская хартия**,** принятая в 1992 г. под эгидой Совета Европы для защиты и поощрения региональных языков и языков меньшинств в Европе, с самого начала не была воспринята единодушно членами такого интеграционного объединения, как Европейский союз, а также европейскими странами в целом. Эстония и Латвия не только не ратифицировали этот документ, но даже не подписывали его, хотя языковые отношения в этих странах являются проблемными. Франция подписала хартию, но затем отозвала свою подпись, и столь же неоднозначно отнеслись к ней и многие другие страны, которые так и не ратифицировали данный документ. При этом хартия не дает никакого критерия или определения того, какие группы следует считать меньшинством и что понимать под региональным языком, а классификация данных понятий остается в руках национального государства, что, казалось бы, упрощало принятие этого важного документа. Но многие страны, в том числе и те, в составе населения которых языковые меньшинства либо отсутствовали, либо не были серьезной проблемой, не захотели связывать себя обязательствами, касающимися поддержки языков меньшинств. И здесь есть своя логика, ибо государство определяет базовые принципы языковой политики, но не государство решает, как и какие языки будут функционировать в сфере межличностной коммуникации, какие формы языкового потребления станут предпочтительными для тех или иных социальных, культурных и возрастных групп. В Исландии, где государство с самого начала обретения независимости прилагало огромные усилия для сохранения исландского языка, придавая ему значение важнейшего национального символа и оберегая от иностранных заимствований, молодежь, вовлеченная в глобальную экономику и глобальные информационные сети, с начала 2000-х гг. отвернулась от этого языка, считая его слишком сложным и архаичным. Примерно то же самое имеет место и в Объединенных Арабских Эмиратах, где арабский язык у местной молодежи активно утрачивает популярность и не является средством общения. Все это го-

ворит о сложности языковой политики и практики ее реализации как на общенациональном, так и на региональном и локальном уровнях.

«В отношении языков меньшинств государства применяют разнообразные политики. Зарубежные исследователи… классифицируют их следующим образом: 1) политика, ориентированная на продвижение (поддержка языковых сообществ государством, местными органами власти или ведомствами); 2) прагматически ориентированная политика (двуязычные образовательные программы, предназначенные для содействия в овладении государственным языком); 3) политика терпимости (государство не вмешивается в процесс обучения языкам меньшинств, которое отдано на откуп частным или религиозным школам); 4) ограничительная политика (законодательный запрет или ограничение на использование языков меньшинств, в том числе в школах); 5) «нулевая» политика, т.е. отсутствие официального признания языков меньшинств; 6) репрессивная политика (активные усилия государства по искоренению языков меньшинств). Применив с некоторыми допущениями предложенную классификацию к России и постсоветскому пространству, можно констатировать, что выбор того или иного типа языковой политики зависит от соотношения сил и «этнолингвистической витальности» … языковых сообществ. Так, для России, где государственный русский язык является одновременно родным и «этническим» для подавляющего большинства населения, характерен первый тип с элементами второго, третьего и пятого (в стране отсутствует законодательно закрепленный статус национального меньшинства, не ратифицирована Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, периоды «спонсирования этнических идентичностей», развития «этнокультурного образования» и роста количества национальных школ сменяются периодами укрепления национального единства» [Соколовский, Филиппова 2017: 10-11]. Названная классификация, конечно, является неполной и относительной, ибо все многообразие языковых ситуаций и языковых проблем, а равно и способов их решения однозначно оценить достаточно сложно.

Языковая политика в России, начиная с XIX в., претерпевала различные изменения, что было обусловлено в первую очередь политическими соображениями и преобразованиями, но также и сменой приоритетов в образовательной и культурной политике.

Хотя СССР был построен как этническая федерация, и большевики сознательно взяли на вооружение доктрину этнического национализма, а все сферы жизнедеятельности людей жестко регулировались, языковое законодательство отсутствовало. Этот парадоксальный факт является труднообъяснимым, но, вероятно, предполагалось, что «ленинская национальная политика» решает все этнокультурные проблемы и нет необходимости в отдельном языковом законодательстве.

Впрочем, обострение межнациональных отношений в 1980-е гг. показало как несовершенство самой модели этнополитики, сформировавшейся в СССР, так и потребность в регулировании сферы собственно языковых отношений. В апреле 1990 г., т.е. за год до распада СССР, в стране был принят закон «О языках народов СССР», в котором впервые за русским языком был закреплен статус как официального языка страны, так и средства межнационального общения, т.е. данным законом фактически узаконили уже сформировавшуюся языковую ситуацию и языковые практики. Незадолго до распада СССР был принят и закон «О языках народов РСФСР» (октябрь 1991 г.). В ст. 3 данного закона признавались равные права всех языков народов России, а ст. 4 и 5 обеспечивали гарантии защиты языков народов Российской Федерации. *Русский язык объявлялся государственным языком на всей территории РСФСР.* В законе за субъектами федерации закреплялось право «самостоятельно принимать решения о правовом положении языков народов, проживающих на их территории». Данная норма, уточненная впоследствии, включала право повышать статус языков и объявлять их государственными языками республик. И начиная с 1991 г. республики стали принимать собственные законы о языках, объявлявшие языки титульных этнических групп государственными. Некоторые нормы этих языков были предложены не правоведами или социолингвистами, а активистами этнических организаций, и имели сомнительный правовой характер, но включались в тексты законодательных актов, причем ряд из положений республиканских Основных законов явно противоречил Конституции Российской Федерации.

В Конституции РФ, принятой в декабре 1993 г., ст. 68 напрямую касалась языковой политики. В ней закреплялся государственный статус русского языка, право республик устанавливать свои государственные языки, которые могут функционировать в местных органах власти и управления наряду с государственным языком Российской Федерации, подтверждалось право граждан на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Эти положения сохранены и после принятия дополнений к Основному закону, приятых после референдума 2020 г.

Полезно сравнить конституционные принципы языковой политики в современной России и во Франции, которая нередко рассматривается историками, политологами и другими специалистами в области социальных и гуманитарных наук как классический архетип государства-нации (état-nation), являющийся примером для практики нациестроительства в странах, декларирующих свое твердое намерение способствовать формированию государств-наций, строящихся на принципах демократического гражданства.

Вот что по этому поводу пишет известный этнолог Е. Филиппова: «Сравним ныне действующие редакции конституций Российской Федерации (1993) и французской Пятой Республики (1958). В них много общего: оба государства заявляют о себе как о демократических, социальных, светских республиках … (Конституция РФ, ст. 1-1, 7-1, 14-1; Конституция Французской Республики, ст. 1); оба гарантируют своим гражданам равенство независимо от происхождения, расы и религии (соответственно, ст. 19-2 и 1). Но есть и существенные различия, прежде всего – вытекающие из определения носителя государственного суверенитета: в одном случае это – "французский народ" (ст. 3), в другом – "многонациональный народ Российской Федерации" (ст. 3-1). Соответственно, в состав «французского народа» входит "население заморских территорий" (ст. 72-3), а федеративное устройство России основано, в том числе, на "праве народов на самоопределение" (ст. 5-3); Россия гарантирует «права коренных малочисленных народов» (ст. 69), а Франция наделяет особым статусом "заморские административно-территориальные образования" (ст. 74). Кроме того, в российской Конституции закреплено право каждого «определять и указывать свою национальную принадлежность» или не делать этого (ст. 26-1). Обе конституции устанавливают единый государственный язык (соответственно русский и французский), но сама формулировка статей и их место в тексте Основного закона дают представление о различии в подходе двух государств к этому вопросу. Во французской Конституции лаконичная формула "Язык Республики – французский" включена во вторую статью, вместе с национальным флагом, гимном и девизом, что превращает язык в один из символов государственности. Что касается "региональных языков", несколько лет назад все же признанных "частью национального достояния Франции", то упоминание о них отнесено в ст. 75-1. Все предложения о включении этой новой нормы в текст ст. 2, освещающей статус французского языка, были категорически отвергнуты. В Конституции РФ одна и та же статья устанавливает государственный язык (ст. 68-1), предоставляет республикам право устанавливать "собственные государственные языки", употребляемые "в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации" (ст. 68-2), а также "гарантирует всем народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития" (ст. 68-3) … В то же время Конституционный совет отклонил как противоречащее Основному закону требование о признании корсиканского народа частью французского народа... Интересно сопоставить также преамбулы двух конституций. Французская декларирует "приверженность правам человека и принципам национального суверенитета", а также преемственность с "Декларацией 1789 года,

подтвержденной и дополненной преамбулой Конституции 1946 года". Российская, отменяя последнюю Конституцию РСФСР 1978 г., содержит отсылки не только к "суверенной государственности, правам и свободам человека", "гражданскому миру и согласию" и "незыблемым демократическим основам", но и к "общей судьбе на своей земле", а также "памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость". Таким образом, российская Конституция, в отличие от французской, содержит референции не только юридического, но и морального порядка…» [Филиппова 2019: 72-74]. Обновленная версия Конституции, утвержденная по итогам референдума 2020 г., во многом сохранила прежние формулировки, касающиеся языков народов страны и общности исторических судеб народов России, определивших характер межкультурного взаимодействия в стране.

В 2005 г. принят федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Он был призван узаконить характер функционирования русского языка как государственного, юридически закрепить государственные гарантии при его использовании в разных сферах общественных отношений. Если закон «О языках народов России» по своей сути был нацелен на защиту и государственные гарантии культурно-языкового многообразия страны (включая сохранение и развитие также и тех языков, которые не имели закрепленного правового статуса), то закон о русском языке, по мнению исследователей, был призван законодательно обеспечить функционирование русского языка именно в статусе государственного, а равно закрепить за ним роль средства межнационального общения как инструмента интеграции российского общества [Мухарямов, Мухарямова, Януш 2019).

Сегодня в практике языковой политики, реализуемой в российских регионах, сталкиваются два подхода. Первый подход опирается на идеи лингвистической экологии. Согласно ему, каждый язык должен сохраняться любыми способами, несмотря на экономические издержки и его востребованность в конкретной культурной среде. Сторонники этого подхода рассматривают этнические сообщества с позиций социобиологического подхода как своего рода коллективные тела. А потому и язык они оценивают соответствующим образом. Впрочем, с ними солидарны и некоторые исследователи из центральных вузов и исследовательских организаций. Так, во введении к Красной книге языков России говорится, что «язык каждого народа является не только культурным, но и природным наследием...» [Языки народов 2002: 14]. Натурфилософское понимание культурных явлений позволяет относиться к языкам, как к животным и растениям, составлять не только красные книги вымирающих видов, но и красные книги языков, хотя культура не есть некий застывший канон.

Второй подход опирается только на принципы права и базируется на двух ключевых культурных правах – праве на отличие и праве на культурную свободу. Первое право означает, что культурная отличительность (в том числе и в языковой сфере) есть неотъемлемое право каждого человека, а второе – *что только сам человек должен и вправе выбирать себе культурные ценности и навязать их ему нельзя, т.е. насильно сохранять язык невозможно, если он перестает быть востребованным, и подобные акции надо рассматривать как противоправные деяния, как насилие над личностью.*

Среди российских законодательных актов, регулирующих языковую политику, в первую очередь необходимо назвать закон «О языках народов РСФСР», принятый 25 октября 1991 г. В ст. 3 данного закона признавались равные права всех языков народов России, а ст. 4 и 5 обеспечивали гарантии защиты языков народов Российской Федерации. Русский язык получил статус государственного как язык, который является «основным средством межнационального общения народов» России. В пункте 3 ст. 2 однозначно провозглашается, что каждому гарантируется право на использование родного языка и «свободный выбор языка общения, воспитания, обучения...» [Закон 1993]. Важное значение имеют изменения и дополнения в этот закон, принятые в 1998 г. в виде Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О языках народов РСФСР».

Исходя из положений Конституции Российской Федерации, наряду с республиками, закон наделил функцией гаранта сохранения родных языков народов России и остальные субъекты Российской Федерации. В законе акцентируется проблема равноправия языков России. Одним из последних законодательных актов в области этноязыковой политики стало принятие 15 ноября 2002 г. Федерального закона «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации «О языках Российской Федерации». Содержание этого дополнения направлено против попыток изменения графики языков, т.е. оно преследует цель сохранения единого культурного поля в языковой сфере, что принципиально важно для формирования гражданской нации россиян, ибо гражданская солидарность укрепляется не только политическими способами, но и с помощью культурных механизмов.

Как уже сказано, среди российских законодательных актов, регулирующих языковую политику, основное значение имеет закон «О языках народов РСФСР», принятый 25 октября 1991 г. В закон неоднократно вносились изменения (в 1998 и 2002 гг.). Но наибольшие споры вызвали дополнения не в этот закон, а в закон «Об образовании», сделанные в 2018 г. и касавшиеся принципов языкового образования.

Каковы же эти изменения? Ст. 11 была дополнена следующим замечанием: «Федеральные государственные образовательные стандар-

ты дошкольного, начального общего и основного общего образования обеспечивают возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка».

Статья 14 уточнена таким дополнением: «Свободный выбор языка образования, изучаемого родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования» [Шабаев 2019: 147].

Именно эти изменения и дополнения стали предметом острых дискуссий и, прежде всего, в национальных республиках, где активисты этнических организаций и многие представители национальной интеллигенции протестовали против указанных изменений, собирали петиции в адрес республиканских и федеральных властей, устраивали пикеты и пр., полагая, что данные изменения есть покушение на региональные языки и региональный компонент образования, который был отменен еще ранее.

Но, во-первых, никто не пытался вести дискуссии в контексте прав личности, а во-вторых, не предлагалось никаких альтернатив административному давлению на личность в сложном процессе усвоения языковых компетенций как представителями титульных этнических групп, так и представителями иноэтничного населения республик, которое в большинстве случаев является численно доминирующим. Специалисты уже давно подчеркивают, что административное давление не есть лучший способ политики в сфере культуры. В частности, французский эксперт Ронан Ле Коадик (сам являющийся выходцем из французских меньшинств) замечает: «На наш взгляд, базовым принципом, на котором могла бы основываться государственная политика, является принцип культурной свободы, в том его понимании, которое предлагает Амартия Сен в последней главе Всемирного доклада по человеческому развитию за 2004 г. ««Культурная свобода, – объясняет он, – это предоставление индивидам права жить и существовать в соответствии с собственным выбором, имея ренальную возможность оценить другие варианты”… Нам кажется, что в социологическом плане этот компонент отражает специфику общества новейшего времени: рефлексивность и стремление к личной автономии» [Ле Коадик 2008: 140-141].

Но эти протесты были обусловлены тем, что местные интеллектуалы и этнические активисты полагают, что в языковой сфере можно пренебречь *нормами прав человека* (и в этом их поддерживают некоторые западные культуртрегеры [Раннут 2004], а также можно игнорировать федеральное законодательство и навязывать меньшинству или даже большинству населения республик язык титульной этнической группы силой государственного принуждения, сделав его обязательным для изучения всеми школьниками республик и активно внедряя его в другие сферы жизни. Именно такая практика доминировала в Татарстане, Чувашии, Якутии, Коми, Мордовии и ряде других республик, что вызывало многочисленные протесты местного русскоязычного населения (включая и русскоязычных представителей титульных групп), не учитывавшиеся местными властями, но на которые в 2018 г. обратили внимание федеральные власти.

Если же право вообще рассматривается местными интеллектуалами и этническими активистами, то они настаивают на необходимости принятия *специальных языковых прав* и *особого статуса для языка меньшинств*. Как трактовать подобные предложения? Названные идеи основаны на концепте групповых прав и их приоритете над правами личности. Суть их состоит в том, что групповая отличительность должна быть защищена «сверху», т.е. путем давления государства и его институтов на культурные права личности, ее свободу культурного выбора. Личность директивно «привязывается» к этнической группе как административными методами (как это было во времена СССР, когда в паспортах и других официальных документах по специальной инструкции без согласия граждан указывалась их этническая принадлежность/национальность), так и путем символической апелляции групп влияния (в числе которых в регионах заметное место занимали лидеры национальных движений и различных НКА) к «крови и почве», которая тоже могла выражаться в культурном давлении группы или ее элиты на личность. Тем самым отдельный человек становится «культурным заложником» группы.

Но практически почти все специалисты в области юридической антропологии, наоборот, признают приоритет прав личности по отношению к правам каких бы то ни было социальных групп, говорят о том, что идея коллективных прав есть ситуативный политический лозунг, не имеющий никакого отношения к праву как таковому.

Действительно, серьезный анализ показывает, что групповые права – это не юридическая норма, а политический миф, ибо нет приемлемых для всех механизмов реализации таких прав и все политические и культурные права (включая мифические «специальные языковые права») – это, прежде всего, права личности. В том случае, когда речь идет о правах меньшинств или этнических сообществ, мы имеем в виду не

некие абстрактные социальные сообщества или статистические группы, а подразумеваем лиц, *принадлежащих* к данным меньшинствам, и их ясно выраженную *индивидуальную* волю принадлежать к группам меньшинств и реализовать свои *личные* культурные или экономические интересы в рамках данных групп.

Но главным основанием для построения сомнительных региональных моделей языковой политики является специфическое понимание природы этничности (культурной отличительности) и его связи с этническим языком.

Это понимание строится на идее «Нет языка – нет народа». Язык в этом случае рассматривается как главная форма культурной отличительности, а его обязательная связь с этничностью рассматривается как аксиома.

Значение языка в жизни этнических сообществ, действительно, велико, ибо он является не только средством коммуникации, но и хранилищем накопленных предшествующими поколениями знаний, смыслов, мироощущений. В массовом сознании россиян и сознании многих экспертов с советских времен закрепилось представление о том, что у каждого народа есть не только «своя территория» (у крупных – «свое» национально-государственное образование), но и свой язык, и если ты отождествляешь себя с какой-либо этнической группой, то и ее язык ты *должен называть родным*, даже если ты им совершенно не владеешь или уровень твоих языковых компетенций достаточно низок. Многие люди, не владеющие языком своих предков, продолжающие причислять себя к народу, который именуют «своим», называют родным языком тот язык, который они не знают или владеют им плохо из чувства солидарности со своими культурными сородичами. Сам этот факт есть очевидное свидетельство того, что не язык, а идентичность, т.е. отождествление отдельных личностей с культурно-языковыми сообществами (этническими группами), их символическая солидарность с группой, чувство единства с ее членами играют роль «цемента», скрепляющего культурное сообщество.

Приведем пример из практики проведения последней переписи населения. В Коми председатель союза писателей республики Елена Козлова, известная как активный сторонник национального движения, после общения с переписчиками сделала вывод (на основании отдельного примера, который можно рассматривать только как частный случай), что данные переписи по Коми будут искажены. Ей вторила и журналистка Полина Романова: «Я тоже была удивлена. Семь вопросов! Более того, не спросили про национальность. Они в ответ: “Вы же сказали “русский”. Я: “Вы спросили какой язык родной?” Они, оказывается, не задавая вопроса, вписали это и в национальность. Заставила

достать планшет и переписать меня и дочь на коми. Вот вам и статистика» [Ольшанская 2021].

Качество подготовки переписчиков вызывало нарекания при проведении всех последних переписей. Несмотря на то, что их начинают готовить загодя, курс подготовки невелик, а основное внимание при подготовке обращают на техническую сторону переписи, но не на точность собираемой информации и умение общаться с информантами. Последняя перепись в техническом отношении существенно отличалась от предыдущих, поскольку во время переписи 2020 г. переписчики должны были работать не с бумажными анкетами, а с планшетами, ибо эта перепись получила название «первой электронной». Нагрузка на каждого переписчика была большой, требования к безусловному выполнению нормы строги, а оплата, на наш взгляд, не адекватна нагрузке. Поэтому студенты, которые во время прежних кампаний составляли значительную часть переписчиков, и при этом наиболее подготовленную и мобильную, в этот раз в ряде регионов не участвовали в ней в качестве переписчиков, ибо, работая курьерами или разносчиками пиццы, они могли заработать гораздо больше, нежели занимаясь хлопотной процедурой переписи населения. Насколько серьезно сказались недочеты в подготовке переписчиков на общих итогах переписи сказать сложно, но, скорее всего, общие тенденции в демографических и культурных изменениях указаны верно и ошибки отдельных переписчиков, которые имели место, нивелировались масштабами переписной кампании, хотя сомнения по поводу точных итогов переписи в ряде регионов (особенно республик) нередко обоснованы и их надо учитывать при анализе материалов переписи 2020 г.

Важно заметить, что в приведенном выше примере есть два показательных момента. Во-первых, это твердая убежденность переписчиков в том, что этнический язык и этническая принадлежность человека тесно сопряжены, и подобное восприятие есть широко распространенное заблуждение, которое характерно как для простых переписчиков, т.е. простых граждан, так и для многих этнических активистов, а также многих региональных экспертов. Заметим, что при подготовке переписчиков к работе они не получают даже минимума этнологических знаний от квалифицированных специалистов и руководствуются некими устоявшимися штампами ее восприятия.

Второй момент связан с тем, что журналистка без тени сомнения определила за свою дочь ее этническую принадлежность, которую можно точно зафиксировать только по самоощущениям и самовосприятию респондента. Журналистка, нисколько не сомневаясь, причислила свою дочь к той же этнической группе, с которой сама себя отождествляет. Но не факт, что, общаясь с переписчиками с глазу на глаз, дочь указала

бы ту же самую национальность. Многие молодые люди еще во время предыдущих переписей, когда ИЭА РАН осуществлял мониторинг их проведения (ряд авторов принимал участие в данном мониторинге), говорили следующее: мы называем родным языком язык родителей и их национальность не потому, что считаем этот язык родным и причисляем себя к той же этнической группе, а лишь для того, чтобы не обидеть отца с матерью и своих родственников, т.е. характер этнической идентификации молодежи стал значительно сложнее, и многие молодые люди не склонны делить людей на «своих» и «чужих», что отчасти находит отражение и в росте от переписи к переписи числа тех, кто не указывает свою этническую принадлежность (хотя и здесь сказываются, видимо, недостатки переписной работы на местах).

Связь между языком и этничностью, конечно, существует, но даже приведенный выше пример указывает, что она достаточно относительна. Этнографам хорошо известно, что далеко не все народы обладают собственным этническим языком. К примеру, как заметил директор Института социальной антропологии африканист Гюнтер Шлее (Галле, ФРГ), если у одних африканских народов язык служит важным определителем их культурной отличительности, то для других культурная самобытность никак не связана с языком, и такие народы, сохраняя свои отличия от соседних этнических групп, пользуются во всех сферах коммуникации языками соседей, ибо своего языка у них нет [Шлее 2004: 109]. Известен и факт, что сербы и хорваты являются двумя разными народами и принадлежат к разным конфессиям (одни православные, другие – католики), но говорят они на одном языке – сербскохорватском, почти все шотландцы говорят на английском, хотя относительно недавно гэльский язык, на котором когда-то говорили их предки (и говорят еще люди в нескольких отдаленных горных деревнях), объявлен государственным языком Шотландии.

То же самое можно сказать об ирландцах, хотя государственным языком Ирландии объявлен ирландский и его изучают в школах. В Объединенных Арабских Эмиратах, как уже замечено выше, сегодня в школе в основном изучается английский язык, а на арабском дети не говорят с родителями даже дома, ибо арабский в понимании нового информационного поколения (поколения Z) – «это не круто». Почти все из 4 млн бретонцев во Франции давно перешли на французский язык (хотя есть энтузиасты, которые изучают его на специальных курсах), а в испанской Каталонии, наоборот, – испанский (кастильский) пытаются активно вытеснять из сферы образования, государственного управления и культуры каталанским. И подобных примеров по всему миру множество, но, заметим, что этническая отличительность сохраняется и тогда, когда у народа нет своего языка, или, когда он перестает пользоваться языком предков.

Это значит, что язык не является ни главным, ни обязательным условием существования этнических групп.

Распад СССР и Восточного блока в целом принято изображать как относительно бескровные процессы. Но в реальности на всем постсоветском пространстве и в странах бывшего социалистического лагеря шли и продолжают идти постоянные гуманитарные войны: войны памяти и языковые войны, являющиеся эхом потрясений конца XX столетия. Современные постсоветские элиты руководствуются идеей «язык – это власть». Поэтому и в странах Центральной Азии (бывших советских республиках), и на Украине, и в странах Балтии власти ополчились на русский язык, и он активно вытесняется из сферы образования. Более того, даже программы гражданской интеграции, принятые в некоторых странах, предполагают не рост взаимного доверия между этническими группами населения и не формирование единых поликультурных наций, построенных на основе баланса их культурных интересов, а только лишь углубленное изучение языка титульного этнического сообщества представителями этнических меньшинств. На этой базе строится, например, программа интеграции в Эстонии, где, кроме изучения русскоязычным населением эстонского языка, других методов интеграции эстоноземельцев не предлагается.

В России пока нельзя говорить о гуманитарных войнах, но о языковых конфликтах и политизации языкового образования говорить приходиться постоянно. При этом эксперты справедливо указывают на избыточную политизацию языковых отношений во всех постсоветских государствах, а равно и в самой России [Соколовский, Филиппова 2019: 6]. А некоторые современные лингвисты, особенно на местах, рассматривают изучение языка как сугубо идеологическое занятие – независимо от того, является ли он доминирующим или миноритарным. Впрочем, и в официальной политике федеральных властей идеологическое значение языка не отрицается.

В идеологическом плане вся этнополитика в российских республиках, включая и языковое образование, является полем противостояния этничности и гражданства. Республиканские идеалы свободы, равенства и справедливости, т.е. основополагающие идеалы гражданского общества, где государство и гражданин являются равными партнерами, обладают равными правами и несут равную ответственность друг перед другом за отстаивание общественного интереса. Эти идеалы до сих пор не поняты и не приняты в качестве базового принципа политики гражданской интеграции региональными политическими и интеллектуальными элитами. Республики нередко рассматриваются как символическая собственность только одних лишь титульных этнических сообществ, культурные ценности которых должны быть приоритетными, а потому

могут навязываться всем остальным гражданам с помощью жесткого администрирования.

Следует согласиться с тем, что сегодня назрела необходимость ревизии содержания понятия «национальный язык», а точнее, его трактовки, используемой российскими специалистами. Это позволит не только улучшить смысловую составляющую языковой политики, но и привести наши политические и культурные практики в соответствие с языком мировой науки и политики. Хотя в общепризнанных справочных изданиях, даже в англоязычной «Википедии», в статье «National language» (национальный язык), действительно отмечается многозначность данной категории, в целом речь идет о понятии, синонимичном категориям «официальный язык» или «государственный язык».

В России русский язык является единственным официальным языком на общенациональном уровне. Вместе с русским есть еще 35 различных языков, которые считаются официальными (*не путать с государственными языками*) в разных регионах России. То, что сегодня многие специалисты именуют национальными языками, в общепринятом смысле называется миноритарными, или этническими. Кстати, этими категориями российские социолингвисты также начали пользоваться, но почему-то только применительно к языкам «коренных малочисленных народов» (этнические группы численностью меньше 50 тыс. чел.).

До сих пор в российском научном и политическом дискурсе такие категории, как «родной язык» и «национальный язык» толкуются неоднозначно, но обязательно в тесной связке с определенными культурными группами, которые могут называться по-разному: нации, народы, народности, национальности, этносы, этнические группы, хотя почти всегда под ними понимается народ не в статистическом (население) или политическом смысле (нация), а народ как культурно-языковое сообщество (этническое сообщество).

Этнизации языков способствует трактовка феномена этничности с натурфилософских позиций, согласно которым язык есть такое же природное явление, как редкие виды животных и растений, а потому его надо заносить в красную книгу как реликты флоры и фауны, и российские лингвисты уже издали свою «Красную книгу языков», ориентируясь на сомнительный «Атлас языков, подверженных вымиранию», изданный ООН, где вымирающими языками названы многие вполне нормально функционирующие языки, включая языки проживающих на территории России этнических сообществ [Moseley 2010], жизненность которых серьезные социолингвисты не подвергают сомнению. «Смерть языка» в дискуссиях последнего времени тем не менее нередко приравнивается к «смерти» народа.

Но факты истории говорят об обратном. Евреи жили 2 тыс. лет без иврита, и только в 1948 г., когда было воссоздано государство Израиль, этот язык стали возрождать. Корнуэльцы отказались от своего языка несколько сотен лет назад. Теперь они признаны в Англии этническим меньшинством и предпринимают усилия для того, чтобы вдохнуть второе дыхание в корнуольский язык. Последний носитель ливского языка в Латвии (ливы относятся к финно-угорской ветви уральской языковой семьи) умер в 2009 г., но ливы, как немногочисленная этническая группа, продолжают существовать.

Приведенные примеры, число которых можно существенно расширить, не убеждают ни этнических антрепренеров, ни тех, кто абсолютизирует роль этнических языков в процессе культурного строительства и сохранения культурной отличительности групп. Свидетельством тому стала полемика на страницах солидной монографии «Смерть языка – смерть народа», опубликованной совсем недавно (см. ниже).

Но снова обратимся к мировому опыту. Каталанский язык в Испании – это не просто язык этнической общности каталонцев, ибо в Испании сама категория этнических групп неприменима к характеристике местных регионально-исторических сообществ. «Здесь каталонцы – это не этническая группа, а основное население провинции Каталония, а каталанский язык – это далеко не только язык каталонцев, но и других регионально-исторических сообществ этой страны (автономные сообщества Валенсия, Балеарские острова и др.). Каталаноязычные сообщества есть также во Франции и Италии.

Похожая ситуация с канадскими франкофонами, которых невозможно назвать этносом или народностью, ибо, помимо части квебекцев, франкоязычные сообщества есть в Приморских провинциях Канады и в провинции Онтарио. Именно о языковых сообществах, а не об этносах идет речь и в таких странах, как Бельгия, Швейцария, Франция и другие. *Этот подход к языку как к самостоятельной субстанции, а к его носителям – совсем необязательно как к этнической группе, является ныне доминирующим,* по крайней мере, в макрорегионе Евразии, за исключением некоторых стран бывшего СССР. Совсем неслучайно Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств (которую Россия подписала, но не ратифицировала, как и ряд других стран Европы) *основывается именно на философии приоритета и самоценности самого языка, его статуса и перспектив,* жестко *не привязывая* эту категорию социальной реальности к определенным группам, а тем более – к этнонациям и к “этнокультурному развитию народов России”» [Тишков 2021: 30].

Такой подход оправдывает себя, ибо не вызывает необходимости этнической мобилизации и не ведет к этнополитической напряженности

вокруг языка. А языковые проблемы, которых в Европе много, при этом решаются, хотя не легко и не быстро. Заметим также, что, определяя субъект анализа и политической практики не как «этнос» или «народность», а как языковые сообщества, страны Европы уходят от проблемы «национальных меньшинств» в случаях, когда речь идет о языковой ситуации. *Таким образом, очевидно, что языковые проблемы надо рассматривать отдельно от проблем национально-культурного развития, ибо это самостоятельная и сложная проблема, решать которую надо не на эмоционально-оценочном уровне, а на основании глубокого анализа культурных проблем и построения эффективных моделей языкового образования.*

При этом языковое образование должно, безусловно, базироваться на строгой правовой основе, включая права человека. Во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН еще в 1948 г., в 26-й статье говориться: «Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми, религиозными группами...». Пока подобный принцип в региональной языковой политике еще прочно не утвердился, о чем свидетельствуют дискуссии вокруг проблемы языкового образования, имевшие место в России.

В школах не хватает ни хороших учебных пособий для обучения языку, ни новых методик, ни просто квалифицированных учителей.

Язык, как уже замечено, есть важнейшее средство коммуникации между людьми и носитель культуры, и в этом качестве он является не только инструментом сохранения и трансляции знаний, но и формой сохранения и отражения культурной специфичности того или иного этнического сообщества. В этой связи не случайно, что в странах, где политика основывается на конституционном национализме и культурной концепции нации (нации-этносе) язык *приобретает значение политического инструмента и перестает быть только носителем культуры*.

При этом сама культурная отличительность и этническая культура (культура отдельного народа) являются весьма сложными явлениями. Не бывает абсолютно уникальных культур, ибо вся история человечества – это история взаимодействий и взаимовлияний, а культурное развитие немыслимо сегодня без заимствования достижений других народов. Но главное не в том, каковы эти заимствования, а в том, как они воспринимаются людьми, насколько органично они вошли в культурную практику конкретного народа, и какую символическую роль они играют, в какой мере способствуют формированию национального самосознания. Так, известно, к примеру, что такие атрибуты русской народной культуры, как частушка и гармошка, заимствованы у татар, самовар как непременный атрибут русского застолья – на Востоке, как и сам чай и культура его потребления. Матрешка вообще является поздним заим-

ствованием из японской культуры, которая испытала мощнейшее влияние китайской. Если говорить о народном костюме и способах его орнаментации, типах традиционного жилища, пище и утвари, столовом этикете у карел, вепсов, коми, северных русских, то оказывается, что все эти атрибуты народной культуры у названных народов имеют больше сходства, чем различий. То же самое касается языка и устного народного творчества, зафиксированного позднее на местных языках, *но не только на них*. Так, многие сказочные сюжеты и жанры фольклора у названных выше народов практически идентичны. В мордовском национальном эпосе «Масторава» содержатся как мордовские фольклорные тексты, так и русские былины и сказки. В якутском героическом эпосе-олонхо, провозглашенном ЮНЕСКО в качестве шедевра устного и нематериального культурного наследия человечества, содержится множество русизмов, т.е. языковых и смысловых заимствований из русского языка.

Для становления финского национального самосознания огромную роль сыграл карельский эпос «Калевала», и не случайно «День Калевалы» является национальным праздником Финляндии, а идейное течение так называемого карелианизма в XIX столетии стало основой для формирования финской национальной идеи.

Национальными символами те или иные явления и памятники (включая письменные) становятся тогда, когда им придается символический смысл и значение, и они принимаются обществом как таковые.

Конечно, этнический язык во многих случаях служит мощным инструментом для поддержания культурного своеобразия этнического сообщества (народа). Но абсолютизация его значения превращает язык в политическую проблему.

Почему роль языка пытаются абсолютизировать, и почему этнические активисты и солидарные с ними представители национальной интеллигенции полагают, что «национализированный» человек ни в коем случае не должен переступать границу культурных отличий, фиксируемых языком?

Дело в том, что процессы стандартизации и унификации (особенно в городах) вкупе с глобализацией стирают почти все прежние этнические отличия, а потому язык видится этническим антрепренерам как единственное средство сохранения культурной отличительности. Помимо всего прочего, этот упрощенный взгляд на сохранение самобытности связан еще с тем, что апологеты исключительной роли этнических языков не связывают языковые процессы с историческим наследием того или иного народа, с социальными изменениями, происходящими в структуре этнического сообщества, в культурных ориентациях и предпочтениях, обусловленных каждым конкретным этапом исторического развития этого сообщества.

Глава 2

Эволюция языковой политики в России и языковые дискуссии последних лет, их роль в формировании современной языковой политики и политики гражданской интеграции

В современной России дискуссии вокруг региональных/этнических языков, а особенно вокруг форм их использования в системе образования и в практиках, связанных с сохранением этнокультурного многообразия страны и отдельных регионов, до сих пор очень остры, а активисты этнических организаций пытаются превратить проблему сохранения региональных/этнических языков в некую форму своей идеологии.

В представлениях наиболее радикально настроенных поборников культурной отличительности, если человек не знает языка своих предков, то он «предатель», ибо он якобы не хочет отождествлять себя с сообществом, к которому принадлежали его предки, с их культурой. Категория «родной язык» ими трактуется не как материнский язык или язык, на котором человек общается с домочадцами, думает, получает образование, а только лишь как язык той этнической группы, с которой этот человек себя отождествляет. Этнический язык считается «естественным» культурным феноменом, возникшим как природное явление, в силу чего от него нельзя отказаться. Популярным является у этнических активистов и некоторых экспертов тезис о «вымирании языков» и необходимости их срочного «спасения», при этом учет мнения самих носителей языков оказывается малозначимым обстоятельством.

Языковое многообразие России и его исторические корни

Основателями древнеславянской письменности были просветители Кирилл и Мефодий – византийские монахи, осуществлявшие миссионерскую деятельность среди болгар, моравов (чехов) и поляков. Годом рождения славянской письменности считают 863-й, когда были написаны первые слова на славянском языке, т.е. славянский алфавит (кириллица) появился практически одновременно с образованием Древнерусского государства. Кирилл и Мефодий не только создали славянскую азбуку, но были первыми переводчиками богослужебных книг с греческого на славянский язык. Братья Кирилл (до монашества Константин) и Мефодий родились в македонском городе Фессалоники (Солунь), в семье крупного военачальника. Они крестили болгар, создали азбуку для болгар, моравов и отчасти поляков, переводили церковные книги на их языки, хотя впоследствии католическое духовенство добилось запрета славян-

ского богослужения в Моравии. Из Болгарии славянская азбука проникла и в Киевскую Русь. И можно говорить, что именно с этого времени славянская письменность и книжность приобрели общегосударственное значение, ибо они осуществляли просветительскую миссию как для славян, так и для многих других народов, а роль главного культурного института (наряду с духовным предназначением) стала выполнять православная церковь и ее служители.

Но на территории современной России книжность и просвещение проникали как из Византии вместе с православием, так и с Арабского Востока (через Хазарский каганат) вместе с исламом и арабским письмом. При этом православие и ислам стали проникать в разные регионы современной российской территории почти одновременно, но обрели статус официальной религии в разное время. В Волжской Булгарии ислам стал официальной религией в 922 г., в Древнерусском государстве православие в этом качестве утвердилось в 988 г., в Золотой Орде, в XIII в. покорившей и Волжскую Булгарию, и Древнерусские княжества (не составлявшие тогда уже единого государства), ислам стал единственной государственной религией в 1313 г., когда хан Узбек совершил исламский переворот и отверг веротерпимость, которая была закреплена еще в «Великой Ясе» – своде законов монголов, принятом при Чингисхане, в том числе была отвергнута и древняя религия всех монголов – тенгрианство.

Коран и другие религиозные исламские тексты были написаны на арабском и на нем же велось преподавание в исламских школах – мектебе (школах первой ступени образования) и медресе. В мусульманских школах (татарских, башкирских и др.) учащиеся обучались по архаичным букварям и старым книгам, написанных на непонятном для детей арабском языке, а не на родном языке учащихся («шакирдов»). Поэтому полноценное исламское образование получали немногие. Для образования кавказских народов существенное значение имели так называемые аманатские школы и уездные училища, создававшиеся с начала XIX в., где обучение шло на русском языке.

Радикальный переворот в исламской модели образования в России связан с именем крымскотатарского просветителя и общественного деятеля Исмаила Гаспринского. Он основал просветительское движение народов исламского Востока – джадидизм (новый, более светский метод обучения), реализованные идеи которого во многих мусульманских странах изменили суть и структуру начального образования, придав ему более светский характер. Гаспринским были разработаны основы преобразования мусульманской этноконфессиональной системы народного образования. Его новые методы обучения с успехом применялись не только в Крыму, но и в Татарстане, Казахстане, Башкортоста-

не, Таджикистане, Узбекистане, Киргизстане, Азербайджане, Турции. Им была написана и издана серия учебных пособий для национальных новометодных школ. Светский характер образования позволил усилить роль русского языка и значение знаний точных и естественных наук в процессе обучения.

Первые попытки обучения детей меньшинств на их родных языках и использования языков малых народов в официальных документах имели место еще в XVII в., но наиболее активными они стали в XIX столетии. Эти попытки были связаны с начальным звеном обучения – церковно-приходскими школами, а в российских гимназиях повсеместно обучение велось на русском языке. Особую роль в развитии образования на языках меньшинств сыграла школьная реформа 1864 г., позволившая создавать как государственные, так и частные школы для меньшинств. Важным государственным документом, на основании которого предписывалось перевести преподавание на языки меньшинств, стал «Устав об управлении инородцев», подписанный императором в 1822 г. Этот важный документ предписано было перевести на языки инородцев, ибо именно этот законодательный акт фактически предоставлял многим этническим группам (прежде всего кочевым) права территориальной, культурной и кроме того – правовой автономии, легализуя обычное право инородческих народов.

С присоединением Прибалтики в ходе Северной войны немецкий язык и латинская графика стали играть важную роль в системе образования, ибо в Эстляндской и Лифляндской губерниях немецкое (остзейское) дворянство сохраняло свои привилегии, в числе которых был и контроль над школами (но не над университетами, где обучение шло на русском). Тогда же, в XVIII в. немецкий язык приобретает в России статус языка науки, поскольку многие видные российские ученые были немцами. Со второй четверти столетия языком элиты (и языком дипломатии) становится французский.

В «раввинских школах», открытых после издания «Положения об устройстве евреев» (1804), часть предметов преподавалась на русском, часть на идише, а часть – на немецком языках. После победы в Русско-шведской войне и присоединения к империи в 1809 г. Финляндии шведский язык сохранил роль языка делопроизводства и образования, и лишь к концу столетия в системе образования Великого княжества Финляндского финский язык стал использоваться наравне со шведским. В польских школах после восстания 1830 г. все образование было переведено с польского на русский язык.

Таким образом, многоязычие было характерно для России на всех этапах ее исторического развития, но при этом русский язык как язык образования и просвещения доминировал во всех сферах публичных

коммуникаций (хотя почти два века языком элиты являлся еще и французский язык). Русский язык фактически выполнял роль общегосударственного языка, который играл решающую роль в функционировании государственных институтов страны, что во многом объяснялось тем, что число носителей этого языка многократно превышало число носителей всех других языков страны, а также тем, что русский язык был одним из наиболее развитых, поскольку алфавит (кириллица) был принят в IX веке, а его литературная форма сложилась в XVIII (в основу которой был положен московский говор), что собственно и предопределило пути его развития как языка общенационального. Поэтому уровень нормирования русского языка, богатство лексики и языковых стилей, широта сфер применения обеспечивали ему сильные позиции в языковой конкуренции с другими языками. Качество обучения в российских гимназиях, в том числе и их языковая подготовка, включавшая усвоение иностранных языков, была высокой, что позволяло каждому седьмому выпускнику поступать в европейские университеты, в первую очередь германские и французские [Перцев 2013].

После 1917 г., когда Россия превратилась в этническую федерацию, и на ее территории были созданы союзные и автономные республики, национальные округа, сотни национальных районов, в повестку дня новых властей встал вопрос о развитии системы образования у многих малых народов/этнических групп, основу которой должна была составлять национальная школа. Но для ее развития необходимо было создать несколько десятков новых литературных языков, осуществить их нормирование, обогатить лексику в соответствии с задачами всеобщего и массового образования. Это была задача колоссальной сложности, которую надо было решить в крайне сжатые сроки, что, конечно, наложило свой отпечаток на степень развития литературных языков этнических меньшинств и их конкурентные возможности.

По данным всеобщей переписи 1897 г., в европейской части Российской империи (без Финляндии) 78,9% населения было неграмотным, причём неграмотных женщин было в 2,2 раза больше, чем мужчин. На Кавказе доля неграмотных обоего пола в населении, не считая детей до 9 лет, равнялась 83%, в Средней Азии – 94% [Сапрыкин 2009].

26 декабря 1919 г. Совнарком издал декрет «О ликвидации безграмотности в РСФСР». Согласно этому правовому акту, всё население Советской России в возрасте от 8 до 50 лет, которое не умело читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или русском языке (по желанию). Народному комиссариату просвещения РСФСР предоставлялось право привлекать всех грамотных лиц к обучению неграмотных на основе трудовой повинности. Национально-языковое строительство требовало огромных материальных вложений. Но самое главное, нуж-

ны были авторы учебников, кадры педагогов, причем не только для языков, обладавших литературной традицией, пусть и непродолжительной, но и для тех, которые еще вчера были бесписьменными. Поэтому масштаб работ, проделанных лингвистами в 1920 – начале 1930-х гг., был огромен. За десятилетие были разработаны десятки письменностей, многие языки стали впервые использоваться в научной сфере, а также в общественно-политической области и делопроизводстве, что требовало кропотливой работы по созданию терминологии, разработке стилистики, хотя, конечно, построить всю необходимую лексику, необходимую для нужд управления, образования и науки в короткие сроки, было невозможно. Уже в 1917 г. на основе латинской графики была разработана письменность для якутов. К 1930 г. завершается латинизация и унификация письма народов, ранее использовавших арабский алфавит; а приоритетным направлением в это время становится создание письма для бесписьменных народов и перевод на латиницу литературного языка народов с сирийской, монгольской, китайской письменностями. Еще в 1928–1929 гг. впервые получают письменность на родном языке дунгане, ногайцы, талыши, хакасы, а в 1931 г. – табасаранцы, южные карелы, шорцы, шугнанцы и многие народы Севера [Исаев 1979; Алпатов 2000; Борисова 2023].

Деятельность по «коренизации» образования у народов Севера начала разворачиваться с конца 1920-х гг. В феврале 1931 г. утвержден единый северный алфавит (латинский), на базе которого разрабатывались конкретные письменности. Эта деятельность сосредоточивалась в Ленинграде, где в 1930 г. учреждается Институт народов Севера (ИНС) и открывается северное отделение при пединституте им. А. И. Герцена. I Всероссийская конференция по развитию языков и письменностей народов Севера в январе 1932 г. утвердила предложенный ИНС проект развития 14 «национально-литературных языков»: саамского, ненецкого, мансийского, хантыйского, селькупского, кетского, эвенкийского, эвенского, нанайского, удэгейского, чукотского, корякского, нивхского, эскимосского. Было признано необходимым создать ительменский и алеутский литературные языки, а также изучить вопрос о создании «национально-литературных языков» для нганасан и юкагиров и рассмотреть возможность обслуживания энцев ненецким языком, а карагасов –тувинским. Ульчей было решено обслуживать нанайским языком, орочей – удэгейским, негидальцев – эвенкийским [Исаев 1979]. И этот факт, кстати, в очередной раз показывает, что язык и этничность не имеют жесткой связи.

В начале 1930-х г. начался перевод на латиницу тех языков, которые были созданы после революции и использовали кириллицу (например, язык коми), так как лингвисты того времени полагали, что латинский

алфавит больше соответствует целям языкового строительства. Но простые потребители языка встретили перевод на латиницу негативно, и в центральные органы власти посыпались жалобы. Поэтому уже разработанные планы перевода на латиницу ряда других языков (например, чувашского) были отложены, а затем начался обратный перевод на кириллицу. Первым алфавитом, переведённым на кириллическую основу, стал кабардино-черкесский алфавит (1936). Вслед за ним (1937) на кириллицу были переведены алфавиты народов Севера, в 1938 г. – алфавиты народов Дагестана, алтайцев и т.д. Однако названные «метания» в области графики языков не способствовали росту их авторитета, с одной стороны, и усложняли языковое развитие, с другой.

Кроме экспериментов с графикой, негативно сказывалась на языковых процессах и укоренившаяся практика языкового строительства, когда в качестве основы для формирования литературного языка использовался лишь один из его диалектов, а, как правило, у каждого народа их было несколько. Часто диалектные различия были настолько велики, что заставляли создавать не один, а два или более литературных языков для одного этнического сообщества. По этому поводу известная финская исследовательница Сиркка Сааринен в свое время высказалась так: «Создатели новых литературных языков торопились, они хотели быстро создать нормативный язык, инструмент для национальной культуры и общественной жизни. Литературные языки были созданы не в течение нескольких столетий, как например, финский язык, а в течение нескольких десятилетий. Такая спешка, а также неопытность тогдашних лингвистов и работников культуры привели к сегодняшней плачевной ситуации, где почти все финно-угорские народы в России имеют больше, чем один литературный язык. Эти литературные языки обычно основаны на одном диалекте, в силу этого они не были приняты людьми, говорящими на других диалектах» [Сааринен 1995: 75].

Сааринен подчеркивала (хотя с ней не согласны некоторые ее западные коллеги), что практика создания литературной нормы на основе одного диалекта не демократична. Это, конечно, вопрос спорный, но очевидно, что подобная практика носила конфликтный характер, и ее последствия сказывались многие десятилетия спустя, после утверждения норм литературного языка того или иного народа. Так, для коми литературный язык был создан на основе присыктывкарского диалекта, хотя в коми языке насчитывается 10 диалектов. Все учебники и учебные материалы готовили на основе этого диалекта, а большинство деятелей культуры и образования принадлежало к южным коми, для которых литературная норма была хорошо понятна. Многие школьные учителя тоже являлись носителями южных диалектов, и свой учительский долг они рассматривали как миссионерскую деятельность, когда приезжали учить

детей в отдаленные северные районы республики, особенно на средней и нижней Печоре [Шабаев, Истомин 2017].

Приезжая интеллигенция считала своим долгом помочь местным сородичам, научив их разговаривать по коми «правильно». Более того, поскольку приезжавшие на Печору с юга «местные кадры», особенно начиная с 1930-х гг., получали образование в духе марксистской традиции, они не могли не увидеть, что не только язык, но и культура их печорских сородичей была ужасно отсталой: многие из них были кочевниками-оленеводами и значит, как учила марксистская теория, находились на более низкой ступени развития производительных сил по сравнению с земледельцами юга области. Приезжим было очевидно, что во всем регионе нет ни одного рабочего-пролетария, который может достойно представлять интересы местного населения в уездном комитете партии, что идеологически местные кадры слабо подготовлены в силу своей «отсталости». Разумеется, подобное отношение совсем не нравилось печорским коми и вызывало у них зачастую очень резкую реакцию. Так, в 1920-х гг. они сопротивлялись введению школьного обучения на языке коми и даже сжигали учебники, написанные на «официальном» его варианте. Вместо этого они требовали ввести школьное образование на русском.

Но, помимо конфликтов на языковой почве, которые имели место внутри этнических сообществ, возникали и конфликты с иноязычными членами местных сообществ, которым пытались навязать язык коренного народа насильно, обосновывая это идеями «коренизации». Политика коренизации имела два аспекта – культурный и политический. Культурный прогресс был связан с формированием национальной школы, книгоиздания, созданием алфавита и литературной традиции, национального театра и т.д. Политический аспект состоял в политизации этничности и закреплении политических позиций титульной этнической группы, ее доминировании во всех сферах жизни. Но фактически эта политика приводила к культурным деформациям и конфликтам.

В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации (ибо руководили республикой “красные финны”, которые считали вредным изучение карельского и вепского языков) появилась мода менять на финские свои старинные “русские” фамилии (Петров, Родионов и т.п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. Финноязычные карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов – 5 финноязычные. До 1935 г. в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг,

ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [Сурво 2009: 126]. В Удмуртии, Татарии и ряде других республик в процессе коренизации русских специалистов пытались вытеснять с должностей, используя в качестве квалификационного признака не профессиональные знания, а владение языком титульного народа. Язык «коренного народа» становился не только носителем культуры, но и инструментом культурной сепарации, что вызывало многочисленные протесты [Шабаев, Омаров 2022].

В первой половине 1930-х гг. политика «коренизации» была свернута, хотя те или иные формы этнического фаворитизма сохранялись в республиках и в последующие десятилетия, а в сознании местных культурных элит прочно укоренились идеи культурного и политического приоритета «коренных народов», символической принадлежности территории национально-государственных образований «коренным народам» и практика разделения территориальных сообществ на «коренной народ» и «некоренное население», обладающие разными культурными и политическими статусами. Указанные идеи и этнополитические практики не подвергли критике, хотя по своему содержанию были близки к культурному расизму. Более того, с начала 1990-х гг. политические элиты республик и автономных округов активно использовали названные идеи и в политической риторике, а также в практике реализации государственной национальной политики. Даже принятие «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» в 2012 г., которая определяла в качестве основной задачи этнополитики формирование и укрепление гражданской российской нации, последовательное формирование общероссийской идентичности и гражданскую интеграцию, мало изменило риторику и практику региональных властей и позиции этнических антрепренеров, что нашло свое отражение и в восприятии языковых проблем.

Вместе с тем, объективные условия развития страны диктовали представителям нерусских народов необходимость уделять существенное внимание усвоению русского языка, а властям – создания условий для этого.

«В 1927 году, согласно школьной переписи, преподавание в начальных школах РСФСР осуществлялось на 48 родных языках. В 30-е годы модернизация различных сфер общества стимулировала миграцию многонационального населения в русскоязычные индустриальные центры. Это создало мощную социальную потребность в расширении знания русского языка, в том числе и в его изучении через школу, где обучение осуществлялось на языках народов России. Одновременно в середине 30-х годов начинается глобальная реформа армии – пере-

ход к системе всеобщей воинской обязанности, что острейшим образом ставит вопрос о значении русского языка как единого языка командования. Таким образом, постепенный переход обучения в школах для нерусского населения с родного на русский язык имел под собой объективные основания, ответом на новые общественные потребности, вызванные переходом общества в новое качество. В интересах индустриальной экономики в стране начался процесс перехода от всеобщего 4-летнего начального образования ко всеобщему основному 7-летнему образованию, который завершился в 1949-1951 гг. Для многих этносов такой переход был принципиальной вехой. Далеко не все народы располагали теми компонентами современной культуры, которые необходимы для выработки адекватного содержания неполного и полного среднего образования, нового вида деятельности и образа жизни. В результате преподавание части или всех предметов стало осуществляться на русском языке. Эту проблему тоталитарное государство, как всегда, решало фронтально, для всех сразу, силовыми методами при низкой степени урбанизации многих этносов РСФСР (от 15-20% от среднего уровня). У русских же она составляла около 55% по РСФСР. В этих условиях стала сокращаться сфера функционирования родных языков» [Артеменко 2020: 14-15].

Масштабные перемещения представителей разных народов в годы советской власти (добровольные и вынужденные), участие в реализации грандиозных советских строек, служба в рядах советской армии, процессы урбанизации (городской образ жизни и русский язык были тесно связаны) сделали русский язык не только реальным языком межнационального общения, но и существенно повышали его престиж. Тому же способствовал рост уровня образованности населения, развитие культурных и образовательных институтов и самих культурных потребностей людей, возросший в связи с этим престиж высшего образования, получить которое можно было в основном на русском языке, ибо во многих языках (даже старописьменных) отсутствовала развитая научно-техническая и общественно-политическая лексика.

Русский язык превратился в инструмент для социальной мобильности людей, а также являлся способом представления творчества деятелей культуры и искусств из числа меньшинств общероссийской и мировой аудитории. Известно, например, высказывание замечательного дагестанского поэта Расула Гамзатова: «Если бы не русский язык, я так бы и оставался поэтом одного ущелья» [Ризванова 2023].

Поэтому, когда в 1958 г. в СССР началась реформа школы, и родители получили право самим выбирать язык обучения в школе, начался массовый отказ от национальных школ, ибо повсеместно в адрес местных властей направлялись коллективные письма родителей учеников

с требованиями перевести школы на русский язык обучения. Особенно активно этот процесс шел в автономных республиках, и последствия этих масштабных изменений сказываются до сих пор. Однако сознательный и добровольный выбор родителей некоторые современные исследователи пытаются представить в ином свете, равно как и языковую политику в России в целом. Но факт остается фактом: именно общественное мнение «убило» национальную школу во многих автономных республиках РСФСР (ныне имеющих иной статус) и привело к резкому ослаблению престижа этнических языков. Многие представители меньшинств, в том числе из числа национальной интеллигенции, стали скрывать свое знание этнического (материнского) языка и свое происхождение.

Важно заметить, что реформа школы закрепила уже четко определившуюся тенденцию к возрастанию роли и значения русского языка в условиях нарастающих темпов урбанизации и превращения прежних преимущественно аграрных этнических сообществ в городские, усиливающие процессы унификации и стандартизации, приводившие к стиранию культурных границ между этническими сообществами.

Современная Россия сохранила языковое многообразие, о чем свидетельствуют результаты постсоветских переписей населения.

«В 90-е годы начинается этап строительства в России гражданского общества и демократического государства. Система образования и школа с родным языком изучения становится не только объектом, но и субъектом, получая заказ от государства, от родителей законных представителей учащихся, представителей общественности. Для удовлетворения полисубъектного социального заказа в 1992 году закон “Об образовании” вводит компонентный принцип структурирования содержания образования. Во все школы был введен региональный (национально-региональный) компонент содержания образования. В этих условиях стала развиваться школа с изучением родного языка и предметами гуманитарного цикла с расширением в содержании образования места национальной культуры. Эти предметы гуманитарного цикла в основном преподавались на русском языке, и учебники на родном языке для них практически не издавались. Можно говорить о принципиально новом этапе развития этой модели школы и собственно исчезновения школы на родном языке обучения. Его главная черта – динамично растущее расширение роли родного языка и национальной культуры в содержании образования. На национально-региональный компонент отводилось до 30% учебной нагрузки. Общим результатом введения этого компонента стало увеличение количества языков изучения: в целом число изучаемых языков как предмета с 44 в 1989 г. возросло до 68 в 1993 г. К 2007 г. число изучаемых языков увеличилось до 89, а из них на 29 языках велось обучение. Пово-

рот в школьной системе образования к культурным потребностям этносов напоминает ситуация 30-х годов, с той лишь существенной разницей, что за истекший семидесятилетний период модернизация глубоко изменила облик самих этносов, характер их образовательных потребностей и культурнотворческих возможностей» [Артеменко 2020: 16-17].

Но затем региональный компонент был упразднен, и упор стали делать на изучении местной истории и культурных традиций в рамках общих учебных программ. В республиках многие учителя и представители национальной интеллигенции в настоящй момент убеждены, что отказ от регионального компонента в образовательном процессе был ошибкой, хотя во многих случаях этот компонент служил не для показа *всего культурного многообразия региона*, а только лишь для знакомства учащихся с историей и культурными традициями титульных этнических групп. *На наш взгляд, вместо формирования и укрепления общей региональной и актуализации общероссийской идентичности такой подход вел к усиленному маркированию культурных границ внутри региональных сообществ (особенно республиканских), препятствовал гражданской интеграции как на региональном, так и общефедеральном уровнях.*

Современное положение языков народов Российской Федерации

На рубеже 1980-1990-х гг. и в первой половине последнего десятилетия XX в. основные дискуссии в сфере языковой политики разворачивались вокруг статуса языков титульных этнических групп и расширения сфер их применения.

В большинстве случаев решение о повышении статуса региональных языков не вызывало сопротивления и острых дискуссий, и в большинстве республик русский язык и язык титульной этнической группы (групп) стали государственными, что было закреплено в соответствующих региональных законодательных актах. Но в ряде случаев этого сделать не удалось. Наиболее показательным примером здесь является Республика Карелия. Создание в 1920 г. Карельской трудовой коммуны и в 1923 г. Карельской автономной республики (с включением в ее состав регионов со старожильческим русским населением) и приход к власти в этой республике так называемых «красных финнов» во главе с бывшим доцентом Гельсингфоргского (Хельсингского) университета Эдвардом Гюллингом и восприятие Карелии как плацдарма для будущей экспансии большевизма в Скандинавию создали здесь специфическую этнополитическую ситуацию. Создание письменности и изучение карельского и вепского языков в школе «красные финны считали вредным», а государственным языком стал финский. Кроме того, карельский язык так и не получил единой литературной нормы, которая не разрабатывалась даже тогда, ко-

гда после «краха красных финнов» в 1937-1940 гг. он получил статус государственного. Но создание Карело-Финской ССР, существовавшей в 1940–1956 гг., никак не способствовало языковому строительству в Карелии. А после того, как статус союзной республики был понижен вновь до автономной и карельский вновь обрел символический статус «языка коренного народа республики», этнический состав населения республики настолько изменился, что активная работа над литературным карельским казалась уже неактуальной. Этнический ренессанс 1990-х гг. вновь актуализировал дискуссию о создании единого карельского языка и придании ему статуса государственного (хотя были сторонники сохранения подобного статуса за финским), так и не приведшую к изменению ситуации, хотя сопротивления повышению статуса карельского языка в республике практически не отмечалось.

Более сложной оказалась проблема, связанная с тем, как трактовать статус государственного языка. При этом по вопросу повышения статуса языков титульных этнических групп каких-то острых дискуссий почти не возникало, но по поводу того, что языки, обретающие статус государственных, должны становиться обязательными для изучения в школах представителями всех других этнических сообществ, сомнения и споры были с самого начала. В одних случаях от этой идеи отказались изначально, в других вводили какой-то переходный период для подготовки учебных программ и учителей, и, наконец, имели место попытки форсировали процесс расширения функций, языков титульных групп, начиная с перехода на их обязательное изучение в школах всеми учащимися. Именно эта практика породила дискуссию, которая длилась три десятилетия и первоначально носила низовой характер, т.е. как попытки одних групп родителей школьников путем апелляции к правовым и политическим институтам добиться реализации права своих детей на культурную отличительность, а других – на культурную свободу.

Дискуссии о том, что необходимо расширять сферу применения языков малочисленных народов, были быстро завершены, ибо ситуация языкового сдвига [Бурыкин 1997], характерная для языкового поведения представителей этих этнических групп, делала ее неактуальной, но в более крупных этнических сообществах языковая проблема сохраняет свою актуальность.

Согласно переписи 2021 г., в России зафиксировано около 200 языков народов страны, а граждане говорят почти на 380 языках (включая языки народов зарубежных стран), но 99,4% заявивших о своем владении языками имеют в виду именно русский язык, 12 млн чел. не ответили на вопрос о языках. Каждый шестой заявил, что владеет вторым языком, кроме русского. В стране сегодня только 4 языка, носителями которых являются более 1 млн чел. (причем на втором месте английский, на что

указали 3,75% ответивших, на третьем татарский – 2,41%, далее чеченский – 1,09%, башкирский – 0,70%), и есть еще 30 языков, на которых общаются более 100 тыс. человек.

В реальной языковой практике используется порядка 150 языков, из которых около 100 – письменные, 25 языков наделены статусом республиканских государственных, а 35 имеют статус официальных. В системе образования РФ используется 58 языков, федеральные образовательные программы утверждены по 13 национальным языкам.

Степень владения этническими языками у представителей разных этнических групп разная, что зависит как от числа носителей языка, так и от того, является ли он младописьменным или старописьменным, преподается ли он в школе и в каком качестве, насколько широко используется в быту и т.д.

При этом в РФ создана основательная правовая база, касающаяся языковой и образовательной политики (языкового планирования), которая последовательно развивается в зависимости от меняющихся общественных запросов.

Но вполне закономерно встает вопрос о путях и методах сохранения и развития поликультурности, а точнее, одной из его важных составляющих – многоязычия в российском обществе.

«Две взаимосвязанные языковые идеологемы особенно тесно связаны со сферой образования: это представления о «нормальности» языковой стандартизации и моноязычия. Как та, так и другая оформились в Европе в период становления национальных государств с их принципом «одна страна – один народ – один язык» и привели, с одной стороны, к миноризации языков, с другой – к языковому сдвигу, заключающемуся в массовом переходе населения на государственный язык и отказе от региональных (или этнических, в зависимости от принятой в том или ином обществе категоризации) языков, низведенных в ранг диалектов или говоров. В современном контексте глобализации, роста миграционной активности и кризиса национальных государств моноязычие перестает быть достаточным, а развитие информационных технологий наносит сокрушительный удар по государственной монополии на письменное слово и, как следствие, по языковой стандартизации. Тем не менее, европейские государства упорно сопротивляются, более или менее успешно охраняя и отстаивая заповедное пространство своих языков уже не только от языков меньшинств и мигрантов, но и от нового монояза – всемогущего и вездесущего английского, с финансовыми и инфраструктурными ресурсами которого конкурировать сложно. Языкам с небольшим числом носителей все труднее поддерживать национальное культурное и научное производство, а, следовательно, и обеспечивать качественное конкурентоспособное образование. Поэтому небольшие страны вынуж-

дены «допускать» английский в свое образовательное пространство… Таким образом формируется «элитный билингвизм и космополитизм, при котором английский не заменяет национальные языки и идентичность, но сосуществует с ними – наблюдение, которое было сделано применительно к семьям азиатских транснациональных мигрантов…, справедливо и для балтийских государств, чье население активно вовлечено в европейские миграционные процессы» [Соколовский, Филиппова 2019: 8-9]. Как далее пишут известные этнологи С. Соколовский и Е. Филиппова, в США в противовес объективно сформировавшемуся языковому плюрализму общества в политических кругах сохраняется вера в то, что каждый должен учить и использовать "стандартный английский", причем эта вера присуща и либералам, и консерваторам. «То же можно сказать и о России, где ответом на усложнение культурного и языкового ландшафта (в частности, благодаря притоку мигрантов) становится сворачивание этнокультурного компонента образования» [Соколовский, Филиппова 2019: 10].

Значение языка в жизни этнических сообществ велико, ибо он является не только средством коммуникации, но и хранилищем накопленных предшествующими поколениями знаний, смыслов, мироощущений. Вместе с тем, хорошо известно, далеко не все народы обладают собственным этническим языком. К примеру, по замечанию директора Института социальной антропологии в Галле Гюнтера Шлее: «В то время как в некоторых случаях наименования этнических и языковых групп совпадают, на другом полюсе обнаруживаются хорошо определяемые с помощью иных критериев этнические единицы, которые не имеют ничего общего с языком» [Шлее 2014: 109]. На положении языков отражаются политические и социальные изменения, происходящие в разных странах.

Распад СССР и Восточного блока в целом принято изображать как относительно бескровные процессы. Но в реальности на всем постсоветском пространстве и в странах бывшего социалистического лагеря идут постоянные гуманитарные войны: войны памяти и языковые войны, являющиеся эхом потрясений конца XX столетия. Современные постсоветские элиты руководствуются идеей «язык – это власть».

В России пока нельзя говорить о гуманитарных войнах, но о языковых конфликтах и политизации языкового образования говорить приходится постоянно. При этом во вводной статье к монографии, написанной С. Соколовским, справедливо замечается об избыточной политизации языковых отношений во всех постсоветских государствах, а равно и в самой России [Смерть языка 2019: 6]. Далее он характеризует общий подход к языковому образованию, который, как вынуждены констатировать исследователи, приобретает идеологическую окраску: «Некоторые современные лингвисты рассматривают обучение языку, независимо от

того, является ли он доминирующим или миноритарным, как «сугубо идеологическое занятие…»» [Смерть языка 2019:8].

В идеологическом плане вся этнополитика в республиках, включая и языковое образование, является полем противостояния этничности и гражданства, а ответственные за ее реализацию ведомства не заняты поиском баланса между необходимостью гражданской интеграции и поддержкой культурного многообразия. Республиканские идеалы свободы, равенства и справедливости, т.е. основополагающие идеалы гражданского общества, где государство и гражданин являются равными партнерами, обладают равными правами и несут равную ответственность друг перед другом за отстаивание общественного интереса, плохо воспринимаются и усваиваются как политическими менеджерами, так и населением. Названные идеи пока не стали нормой для местных политических элит, не находят они одобрения и у этнических активистов, многих местных интеллектуалов.

Республики рассматриваются ими как символическая собственность только одних лишь титульных этнических сообществ, чьи культурные ценности должны быть приоритетными, а потому они могут навязываться всем остальным гражданам с помощью жесткого администрирования, включая и язык меньшинства населения, который объективно не может конкурировать с русским языком и не имеет ресурсов для того, чтобы он был добровольно принят доминантными группами как язык повседневного общения.

Простые носители миноритарных (этнических) языков это прекрасно понимают, а потому большинство из них в своих культурных ориентациях, включая языковое поведение и образование, как показывают многочисленные исследования, исходят из прагматических соображений, на что обращает внимание и С. Соколовский [Смерть языка 2019: 13]. Соображения рационального порядка определяют выбор языка изучения и семейного воспитания, хотя при этом лояльность к культурной группе может сохранять свое значение для поколения носителей языка, но явно ослабевает у следующих поколений, хотя не везде и не всегда.

На наш взгляд, центральное место в дискуссии о роли языка как этнообразующего инструмента занимают не проблемы совершенствования методов и форм преподавания языков меньшинств, повышения качества языкового образования или способы формирования языкового плюрализма в республиканских сообществах и в России в целом, а идейные и методологические основы языковой и образовательной политики и попытки на этой основе обосновывать различные подходы к ее формированию. При этом единства в позициях экспертов нет. В дискуссиях, касающихся основ языковой политики, сталкиваются два основных подхода к ее основам: 1) анализ языка в контексте политики гражданской

интеграции в России, 2) анализ языка как основного инструмента в деле сохранения и культивирования культурной отличительности этнических сообществ.

В этом смысле монография «Смерть языка – смерть народа» весьма показательна, поскольку здесь сторонники названных подходов прямо дискутируют друг с другом, и целая глава монографии отведена этой дискуссии.

В качестве дискуссантов выступили академик В.А. Тишков и известный языковед из Карачаево-Черкесии Х.М. Акбаев. Само название главы (которая является первой в монографии) показательно: «Народ не умирает с языком или язык не живет без народа»? Сразу оговоримся, что мы склонны поддержать доводы академика В.А. Тишкова, поскольку обширный этнографический материал доказывает, что язык не есть единственный и главный инструмент формирования этнической идентичности. Эта идентичность формируется под влиянием многих обстоятельств и вполне успешно сохраняется в условиях полного отсутствия собственного языка у этнической группы. Мы согласны с тем, что определение родного языка – это прерогатива самого гражданина и только его. При этом для этнических активистов и местных языковедов весьма характерны две прочно укоренившиеся этнокультурные позиции. Во-первых, это абсолютизация роли языка в жизни этнических сообществ. Во-вторых, вольное или невольное позиционирование национальной интеллигенции как моральных цензоров местных сообществ.

Многие языковеды привыкли воспринимать языки с натурфилософских позиций. Судя по всему, Х.М. Акбаев склонен придерживаться примерно такой же точки зрения, ибо со ссылкой на Ноама Хомского он указывает: «...коммуникативная функция языка – не главная, и причиной появления языковой способности у человека является биологически порожденный компонент...» [Смерть языка 2019: 21]. При этом Акбаев признает правовое признание равноправия языков «юридической абракадаброй». Здесь, конечно, надо оговориться, что равенство и равноправие не есть синонимы, ибо равенство языков обеспечить сложно, поскольку реального равенства между языками нет и быть не может, а может быть только закрепленное в правовых нормах равенство прав, которые не всегда реализуемы. Объясняется это тем, что в РФ громадная разница в числе носителей разных языков, их уровне нормирования, степени развития лексики, функциональных возможностях и т.д. С позицией Х.М. Акбаева по поводу того, что нельзя отождествлять этнический язык и государственный, следует согласиться, ибо очевидно, что у этнического и государственного языков разные функции и разное символическое значение. Равно как вполне убедительны и не требуют верификации доводы В.А. Тишкова, что термин «русский национальный язык» некорректен,

поскольку это и государственный язык РФ, и язык межнационального общения. Равно мы убеждены, что научному сообществу пора окончательно признать, что несовпадение родного языка и национальности есть устоявшаяся культурная норма в России, и нет смысла спорить по этому поводу.

Оба дискуссанта согласились в одном важном для образовательного процесса вопросе, а именно: необходим более гибкий и вариативный подход к преподаванию литературы и истории.

В той же монографии имеется принципиально значимая глава «Язык и школьное образование», принадлежащая перу М.Ю. Мартыновой, и в ней обсуждаются конкретные этапы и методы внедрения мультикультурного образования в программы российской школы.

Автор сосредоточила внимание на анализе языкового образования, сформировавшегося в последние годы. Что касается сущности этого образования, то М.Ю. Мартынова замечает: «Поклонники регионализации основной целью образовательного процесса считают формирование человека – носителя традиций и обычаев своего народа, владеющего в совершенстве «родным» языком» [Смерть языка 2019: 48]. Но, как отмечает автор, предложенная схема образовательного процесса все очевиднее стала приводить «к противоречию между локальным, в том числе этническим и надэтническим», а в наших исследованиях мы говорим об очевидном противопоставлении этничности и гражданства, присутствующем как в идеологии этнонациональных движений, так и в практике реализации региональной этнополитики, а равно и в этнокультурном образовании [Шабаев, Садохин 2014; Шабаев 2020].

Этнизация образовательного процесса диктует стремление сделать языки титульных этнических групп в республиках обязательными для изучения всеми школьниками, что провоцирует постоянные требования об увеличении часов в школьных программах, предназначенных на изучение языков титульных групп. Однако подобные требования плохо согласуются с культурными реалиями, которые имеют место в регионах, ибо не только в сфере публичных коммуникаций, но во внутрисемейном общении (в первую очередь в городах) доминирует русский язык. Усугубляет положение тот факт, что местные языковеды, которым уже давно отдано на откуп право формировать практику языкового образования, готовить справочники, учебные пособия и т.д., помимо упования на обязательность изучения этнических языков, в последние десятилетия занимались безудержным пуризмом, который, казалось бы, как распространенная лингвистическая практика, остался в XIX в., но языковеды в республиках с финно-угорским населением почему-то считали, что пуризм, торжествовавший в Венгрии и Финляндии в эпоху их национального пробуждения, можно эффективно использовать

и в эпоху формирования информационной цивилизации и глобальных культурных процессов.

В результате такого архаичного понимания этноязыковых процессов усилиями местных лингвистов в языки финно-угорских меньшинств были внедрены многие тысячи новых слов, хотя эти новации не имели под собой ни исторической, ни языковой логики, а потому искусственно придуманный новояз серьезно осложнял овладение литературными языками детьми и его восприятие взрослыми.

Многие видные социолингвисты давно указывали на то, что пуризм как способ борьбы с вариативностью языка себя не оправдал и, более того, он мешал развитию языков [Labov 1973: 6]. Практика языкового развития показала, что языковые заимствования неизбежны, поскольку они необходимы для удовлетворения потребностей речевого общения, которое не может строиться без фиксации с помощью языковых средств как элементов культуры, так и политических и правовых институтов, научных понятий и практик, отсутствовавших в историческом опыте данного народа и заимствованных им у соседей. Неологизмы, которыми языковеды пытаются заменить заимствованные термины, нередко сразу же умирают, ибо в речевой обиход уже прочно вошли ранее заимствованные термины, а сами неологизмы не имеют тесной смысловой корреляции с обозначаемыми ими предметами, явлениями, институтами или правовыми нормами.

Тем не менее, упование на пуризм имеет свою логику, и самыми стойкими и последовательными приверженцами пуризма очень долгое время были исландские лингвисты и культурная элита страны в целом.

Кроме того, конечно, нельзя не принимать во внимание озабоченность языковедов на местах, включая упомянутого Х.М. Акбаева, которые полагают, что сегодня существует угроза языковой ассимиляции меньшинств, а потому для сохранения их языков нужно активно совершенствовать *методы обучения и способы презентации языка.*

К сожалению, к этой проблеме специалисты обращаются нечасто, хотя ее решение, на наш взгляд, в значительной степени лежит именно в плоскости методов языкового образования. Так, у нас очень мало пишется и говорится (в том числе и апологетами этнизации школьного образования в республиках) о семейной языковой политике. При этом всем очевидно, что не школа, а семья есть и должна быть главным транслятором культурных традиций, включая язык. Поэтому успех языкового образования может быть обеспечен только за счет тесного взаимодействия между официальной образовательной политикой и семейной языковой политикой, между школой и семьей (хотя есть и обоснованные сомнения по этому поводу применительно к российским реалиям). Именно таким путем в Шотландии возрождают гэльский язык, на котором теперь мож-

но получить полноценное среднее образование, поскольку он получил официальный статус, и на этом языке можно успешно изучать все предметы школьного курса, именно так удавалось долгое время сохранять первозданность и культурную значимость исландского языка.

Безусловно, заслуживает внимания и более широкого обсуждения вариативность методов школьного и языкового образования в школах и образовательных учреждениях, где получают знания представители меньшинств. Так, на Ямале и в некоторых других северных регионах страны ныне предпринимаются попытки возродить почти забытую практику кочевых школ, но пока, скорее, эти попытки можно расценить как образовательный эксперимент, хотя и вселяющий осторожный оптимизм. Для оленеводов становится сегодня все более приемлемым и метод удаленного обучения, который стал широко практиковаться в условиях пандемии. Ныне у оленеводов в чумах есть спутниковые телефоны, ноутбуки с интернетом, а потому организовать обучение детей оленеводов дистанционно не представляет сложности, хотя здесь есть своя специфика, ибо в последнее время в связи с блокировкой интернет-ресурсов и интернет-сервисов организация удаленного обучения в тундре становится очень сложной. Однако эта проблема также пока не стала предметом широких дискуссий экспертов и в том числе языковедов в республиках и округах.

Крупным недостатком языкового строительства в республиках является и то, что ни в одной из них нет детально разработанных программ по формированию имиджа языков титульных этнических групп, но эта проблема не стала предметом широких дискуссий экспертов, хотя, на наш взгляд, сегодня именно она выходит на первый план языковой политики и языкового образования (особенно образования на языках меньшинств).

В указанной выше монографии данная проблема затронута в главе, написанной И.Л. Бабич, где говорится о серьезных сложностях, связанных с изучением и сохранением языков причерноморских адыгов и шапсугов [Смерть языка 2019]. Говоря об угасании интереса со стороны молодежи и населения в целом к языку шапсугов и адыгов, автор указывает, что в Лазаревском и Туапсинском районах Краснодарского края активно развивается этнографический туризм, который весьма успешно способствует сохранению культурного наследия названных этнических групп, но язык в практику этнографического туризма никак не интегрирован. Это, с одной стороны, свидетельствует о том, что язык и языковое развитие есть отдельная проблема, а с другой, что культурное своеобразие и актуализация исторического и культурного наследия могут вполне успешно сосуществовать и без привлечения языка, особенно если интерес к нему очевидно угасает. О том же можно гово-

рить и на примере води, численность которой неожиданно возросла по сравнению с переписью 2010 г., чему, видимо, способствовало использование водского культурного наследия в попытках актуализировать местную культурную специфику в бурно развивающемся регионе, примыкающем к порту Усть-Луга, а равно деятельность «Общества ижоры и води» в Санкт-Петербурге.

Известные специалисты (О.Н. Подлесных, С.В. Соколовский, Б.А. Синанов) представили анализ языковой политики, которая на протяжении трех десятилетий реализуется в Татарстане и Северной Осетии-Алании. В них дан подробный анализ того, как формировалась эта политика. По своему содержанию эти главы схожи, ибо посвящены рассмотрению языковых конфликтов в Татарстане и Северной Осетии-Алании. Об идейной сущности таких конфликтов мы сказали выше. Но в Татарстане он наиболее политизирован и «сутью конфликта является не угроза татарскому языку и его вытеснение из школьной программы, но закрепленное в Конституции право любого ученика на выбор языка образования, а также право родителей влиять на формирование программ обучения...» [Смерть языка 2019: 77], которое явно не в полной мере учитывалось в использовавшихся образовательных практиках. Указанными авторами отмечается, что свобода выбора языка образования и изучения трактуется в республиках как стремление федерального центра, направленное на ущемление правосубъектности национальных республик.

На наш взгляд, сегодня главная задача тех, кто озабочен положением языков меньшинств, должна состоять *в поиске новых ресурсов (далеко не только и не столько финансовых)*, которые помогут их сохранению и развитию, но активные дискуссии по этому поводу, видимо, только назревают, судя по содержанию глав в указанной выше коллективной монографии.

Об этих ресурсах отчасти сказано в другой фундаментальной работе, вышедшей совсем недавно «Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России». Данная работа представляет собой комплексное исследование взаимосвязи языков и идентичностей как важных символических маркеров, по поводу чего не утихают острые общественные дискуссии. В основу монографии положены исследования Института этнологии и антропологии, проведенные во многих российских регионах. Речь идет о проекте «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики». Руководителем проекта выступила известный российский этнолог, доктор исторических наук М. Ю. Мартынова, определившая цель руководимого ею проекта и, соответственно, цель коллективной монографии следующим образом: «Исследование… направлено на поиск факторов и механизмов, способ-

ствующих ценностной и институциональной консолидации сложного российского общества» [Язык и идентичность 2021: 8].

Язык, как мы отмечали выше, есть носитель культуры, важнейшее средство коммуникации, значимый культурный маркер, и по поводу данных позиций сомнений нет, более того, достигнут определенный консенсус среди исследователей. Но в том, что касается значимости языка, его социальной природы, связи между языком и этничностью, методов языкового образования и принципов языковой политики, разброс мнений велик. При этом в описаниях языковых ситуаций и приводимых доводах по поводу мер поддержки языков у региональных филологов присутствуют не столько глубоко обоснованные выводы и заключения, но сколько эмоционально-оценочные характеристики языка, практик языковой политики, норм и методов языкового просвещения и образования.

Заметим, что алармистское маркирование положения языков и состояния языковой политики в РФ – очень распространенный прием, которым пользуются западные эксперты при оценке языковой ситуации в России, хотя языковые процессы в РФ отнюдь не уникальны, и проблемы языкового развития, образования и языковой политики стоят весьма остро во многих странах мира, включая и Европу, где многие языки меньшинств находятся в крайне сложной ситуации.

Абсолютизация роли языка чаще всего связана с укоренившимися представлениями о неразрывной связи языка и этничности, а точнее – с характером этнической идентификации, поскольку язык рассматривается как главный этнодифференцирующий признак и в первую очередь самими языковедами, но также и широким кругом этнических активистов и других лиц, вовлеченных в практику сохранения культурного многообразия страны. При этом обширный этнографический и собственно лингвистический материал из разных регионов мира опровергает тесную корреляцию между языком и этнической принадлежностью, и мы согласны с мнением В.А. Тишкова относительно того, что язык надо рассматривать как самостоятельное культурное явление, ибо «подход к языку как к самостоятельной субстанции, а к его носителям – совсем необязательно как к этнической группе, является ныне доминирующим, по крайней мере, в макрорегионе Евразии, за исключением некоторых стран бывшего СССР. Совсем неслучайно Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств основывается именно на философии приоритета и самоценности самого языка, его статуса и перспектив, жестко не привязывая эту категорию социальной реальности к определенным группам, а тем более – к этнонациям и к «этнокультурному развитию народов России» [Язык и идентичность 2021: 30].

Принципиальное значение имеют и замечания академика Тишкова по поводу категории «родной язык», в содержании которой, как в офи-

циальных документах, так и в научных публикациях, нет единства. Отсутствие этого единства как раз и обусловлено именно тем, что язык и этничность рассматриваются как специалистами, так и официальным лицами, ответственными за реализацию образовательной и национальной политики, в неразрывном единстве, хотя языковые компетенции и языковое поведение, с одной стороны, и этническая идентичность – с другой, часто являются совершенно не совпадающими реалиями. Язык, с которым человек вырос, на котором он получил/получает образование, который является для него основным средством общения во всех сферах коммуникаций, может отличаться как от языка той этнической общности, к которой он себя причисляет, так и от языка его предков. В России это массовое явление, однако «в российском научном и политическом дискурсе такие распространенные в мире категории, как «родной язык» и «национальный язык» отданы в эксклюзивное владение этнических общностей, которые могут называться по-разному: нации, народы, народности, этносы, этнические группы. Эта *этнизация* языков на основе трактовки этничности с примордиальных позиций *группизма* рано или поздно должна быть подвергнута сомнению, ибо она расходится с мировым трендом в понимании современных языковых процессов и заключает в себе также конфликтогенные моменты» [Язык и идентичность 2021: 29].

Тем не менее, этнические элиты и находящиеся под их влиянием должностные лица настаивают на том, что лица, принадлежащие к той или иной этнической общности и идентифицирующие себя с ней, должны знать «родной язык», а некоторые радикально настроенные этнические активисты маркируют представителей этнических групп, не владеющих «родным языком, как «предателей». В представлениях этнических активистов и многих исследователей, выступающих в роли своеобразных культуртрегеров и моральных цензоров «собственных» культурных групп, отдельная личность должна быть полностью подчинена интересам группы, абсолютно солидарна с ней, а потому права человека (и, в частности, культурные права) не принимаются ими во внимание. Дискуссии вокруг поправок к Закону о языках, принятых в 2018 г., о которых упоминается многими авторами отдельных глав, а также отдельные акции протеста, которые имели место в национальных республиках, связаны именно с тем, что местные этнические элиты и языковеды напрочь игнорируют идею культурной свободы и нормы прав человека, выступая с позиций жесткого администрирования и диктата группы над личностью. Категория права апологетами этнизации языка используется лишь для того, чтобы вычленить этнические группы и их языки из общего правового пространства. Поэтому этнические антрепренеры нередко пишут и обосновывают идею «особых языковых прав» или «специаль-

ных языковых прав» этнических сообществ, что противоречит логике права как такового, ибо оно должно быть универсальным и всеобщим. Впрочем, сторонники идеи лингвистической экологии (коей стихийно придерживаются многие этнические активисты и языковеды) полагают, что языки должны сохраняться любыми способами, несмотря на социальные и политические издержки и даже его невостребованность самими потребителями языка.

Но и правовые российские нормы в области языковой политики, о которых говорят специалисты, основаны на идее, что у каждого народа (и каждого представителя данного народа) есть свой этнический язык, по поводу чего авторы задаются вопросом: «Как следует читать эти основополагающие тексты? Однозначно только как у каждого народа и тех, кто его составляет, есть свой родной язык, в том числе и у русского народа, есть свой родной русский язык. Другие варианты как бы законом и не предусматриваются. А тем не менее, такие варианты есть, и они даже очень существенные. Настолько существенные, что они диктуют некоторые срочные коррективы, хотя бы в рутинных процедурах фиксации языковой ситуации для выработки более адекватной и более нюансированной языковой политики» [Язык и идентичность 2021: 53].

Этнический состав населения в разных регионах и доля представителей «титульных групп» существенно различаются, как и многие другие социальные и культурные характеристики региональных сообществ, но тем значимее опыт сравнительного анализа языковых ситуаций, к которому приходится прибегать специалистам.

В целом отношение к языкам меньшинств везде позитивное, но вот к их изучению школьниками республик (и особенно к изучению с применением методов административного принуждения) оно отрицательное, особенно в среде городского населения, включая и значительную часть представителей меньшинств. Билингвизм же носит преимущественно национально-русский характер. Русские как представители доминантного культурного сообщества не видят для себя необходимости изучать языки меньшинств, что, впрочем, характерно для доминантных групп во многих странах мира. Меры поддержки языков везде стандартны и, как правило, не вполне эффективны, что и порождает стремление решить проблему сохранения языка этнической группы за счет принуждения ее членов изучать язык предков в обязательном порядке, за счет требований механически увеличивать в школьной программе количество часов, отводимых на изучение языков, т.е. мер не способных качественно изменить языковую ситуацию. Понимание того, что призывы или даже языческие моленья в поддержку языка меньшинств не дают результата (опыт последних десятилетий это доказал), порождают у некоторых представителей элит фрустрации (свидетельством чему и стало самосожжение А. Ра-

зина в Удмуртии) или неоправданные обвинения в адрес доминантных групп и властей, хотя напрашивается очевидный вывод о том, что необходимо качественно менять не только систему языкового образования, интегрируя в школьные программы систему семейной языковой политики, но и общественные настроения, создавая благоприятный климат для языкового плюрализма и повседневной толерантности (которая до сих пор в дефиците). К сожалению, указанным аспектам языковой политики исследователи из республик уделяют мало внимания, что вполне объяснимо, ибо ни у региональных властей, ни у местных этнических элит, ни у организаторов образовательного процесса нет глубоко продуманных и реалистичных идей, связанных с практиками языкового образования, и писать о новаторстве в этой сфере сложно.

В монографии «Язык и идентичность» описаны разные ситуации и показано, что в ряде случаев язык групп меньшинств обладает высокой степенью «витальности» (например, абазинский) и успешно функционирует [Язык и идентичность 2021: 280], а в других существует реальная угроза вытеснения языков из сферы публичного применения. В этом смысле весьма показателен пример коми-пермяцкого языка, а точнее его положение на территории Коми округа в Пермском крае. Специалисты нередко отмечают, что статус этнической автономии является тем фактором, который оказывает решающее влияние на сохранение и развитие языка этнического сообщества, особенно в России, построенной по принципу этнической федерации. Но пример с коми-пермяцким языком, на наш взгляд, ставит под сомнение эти утверждения. Доля коми-пермяков в составе населения Коми округа почти такая же, как доля чувашей в составе населения Чувашии, т.е. очень высокая, а положение языка титульной этнической группы в данных регионах различается существенно. Причем процессы языковой эрозии среди коми-пермяков шли особенно интенсивно именно тогда, когда округ имел статус национально-государственного образования и самостоятельного субъекта федерации [Котов, Рогачев, Шабаев 1996; Шабаев, 1998], а сегодня они обрели, вероятно, уже необратимый характер, поскольку коми-пермяки активно мигрируют за пределы коми округа в благополучные города Пермского края или Западной Сибири, а ориентации на сохранение языка и коми-пермяцкой этничности чрезвычайно слабы. При этом, после утраты прежнего статуса на поддержку коми-пермяцкого языка и культуры были направлены значительные ресурсы, и ежегодно проводится обширный перечень мероприятий, призванных способствовать поддержанию и пропаганде культурных традиций коми-пермяков. Но тенденции языкового развития, выявленные исследованиями 1990-х гг., сегодня остаются теми же самыми. Проблемы, затронутые авторами, а именно: «отсутствие единых подходов к раз-

работке учебной, методической и дидактической литературы, нехватка современных вузовских учебников по коми-пермяцкому языку, недостаточное количество высококвалифицированных кадров …» [Язык и идентичность 2021: 304], являются, конечно, значимыми и имеют место как в Коми округе, так и в целом ряде других регионов. Но мы полагаем, что в данном и во многих других случаях более существенно влияют на ситуацию экстралингвистические факторы, на что мы указывали уже давно [Воронцов и др. 2005].

Опыт работы по сохранению языков многоаспектен и в каждом конкретном случае имеет свои особенности. Здесь обращает на себя внимание пример сибирских татар. Их этнокультурное своеобразие пытаются сохранить за счет языка, причем в качестве культуртрегеров выступают специалисты из Татарстана, под патронажем которых находится этнокультурное образование в регионах компактного проживания сибирских татар, которых в Казани считают частью единого татарского этноса, а часть интеллигенции из числа сибирских татар активно отстаивает идею, что сибирских татар надо считать самостоятельным и отдельным от казанских татар этническим сообществом. Тем не менее, языковое образование построено здесь на основе норм литературного татарского языка, которые сформировались благодаря усилиям казанских интеллектуалов.

Оценивая уроки татарского языка в школах Западной Сибири, специалисты обращают внимание на качество языковых уроков, их содержание, квалификацию и специфику подготовки учителей, осуществляющих преподавание языковых предметов, т.е. на повсеместные проблемы, редко попадающие в поле зрения исследователей. Здесь же обращено внимание на одну из важнейших проблем, связанных с мерами по сохранению языков меньшинств, имидж языка.

Очевидно, что сфера языковой политики и языкового образования еще долго будет оставаться полем для острых дискуссий специалистов, но столь же очевидно, что дискуссии пора переводить в плоскость практических задач, ибо основные проблемы связаны именно с практикой: качеством образования, формированием повседневной толерантности в местных сообществах и позитивного восприятия полиэтничности и многоязычия, практикой реализации этнополитики, формами и методами образования в целом и языкового – в частности, формирования условий для востребованности языков меньшинств, повышением их престижа, расширением сфер функционирования и при этом строгого соблюдения прав личности. Необходимо также исключать из региональных моделей языковой политики любые практики, которые прямо или косвенно могут создавать условия для языковых и межнациональных конфликтов.

Глава 3

Динамика этнодемографических и этнокультурных изменений, ее социальная, политическая и культурная обусловленность. Языковые преобразования в республиках с финно-угорским населением

С начала 1990-х гг. в РФ был предпринят целый комплекс различных мер, направленных по поддержку миноритарных языков: приняты республиканские законы о государственных языках и повышен их статус, разработаны государственные программы развития языков, продолжается работа по нормированию языков, существенно расширено представительство этнических языков в электронных СМИ и т.д. Все эти меры получают официальную поддержку, а литература на этнических языках издается в национальных республиках как социально значимая, т.е. за счет государственных средств. Тем не менее, заметных изменений в этноязыковой ситуации не происходит. И это объяснимо – финно-угры были и остаются этническими меньшинствами, и при этом они воспринимают русских как референтную группу, поскольку, несмотря на стабильное повышение образовательного уровня, финно-угры все еще отстают в образовательном плане от русских, а доминантная культура (или ее элементы), очевидно, воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная [Финно-угорский мир 2005].

Изменить культурную ситуацию и культурные ориентации можно, только изменив демографические пропорции между этническими группами населения, но подобное развитие событий в обозримой перспективе не представляется возможным. Поэтому культурная интеграция меньшинств в доминантное большинство является устойчивой и долговременной тенденцией. Более того, рассматривать эту тенденцию как имеющую сугубо негативный характер неверно, ибо речь идет о свободном выборе культурных ценностей, который *самостоятельно и осознанно* делают представители меньшинств.

При этом нельзя говорить и о том, что языки российских финно-угров находятся под угрозой исчезновения, хотя подобные утверждения нередко можно слышать из уст языковедов и особенно этнических антрепренеров.

Коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва еще остаются аграрными этническими сообществами, поскольку доля сельского населения в структуре этих этнических сообществ остается высокой, и во многих районах и селах в «своих» регионах они численно доминируют, а потому здесь позиции финно-угорских языков прочны. Иная ситуация в городах, где финно-угры находятся в меньшинстве, межэтнические контакты очень интенсивны, а русский язык доминирует во всех сфе-

рах коммуникации, в том числе и в семейном общении представителей этнических меньшинств. Полиэтничная городская культурная среда не может функционировать, опираясь на язык меньшинств даже в случае локального доминирования этого меньшинства.

Примером может служить дореволюционный Усть-Сысольск (Сыктывкар) и Олонец, которые были единственными городами на европейском севере России, где преобладало нерусское население: коми и карелы. Ныне же финно-угры в составе городского населения своих республик и округов составляют не просто меньшинство, но меньшинство, сформировавшееся преимущественно из сельских мигрантов, представители которого стремятся интегрироваться в доминирующую культурную среду. Культурная интеграция, в том числе языковая ассимиляция (и аккультурация), есть важный этап социализации мигрантов и их детей.

Переписи населения 2002 и 2010 гг. подтвердили тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной, что она тесно связана с ростом доли городского населения среди финно-угров. Так, данные переписи 2002 г. показали, что только 48,4% карел в Карелии владеют карельским языком. Среди мордвы, проживающей в Мордовии, 15,6% вообще не владеют мордовским языком, в Республике Коми языком коми владеют 78,1% проживающих здесь представителей титульного этнического сообщества, в Марий Эл – 84,2% проживающих здесь марийцев владеют марийским языком.

Данные переписи 2010 г. свидетельствуют, что тенденция на ослабление языковых компетенций среди российских финно-угров в части освоения ими языков своих предков является вполне устойчивой. И столь же очевидно последняя перепись показала, что русский язык является не только основным языком общения, но и признается родным значительной долей российских финно-угров: русский язык назвали родным 37,1% коми (без коми-пермяков), проживающих на территории Республики Коми; 72,7 % – карел в Карелии; 43,9 % – удмуртов в Удмуртии; 20,2% – марийцев в Республике Марий Эл; 18,0 % тех, кто называет себя мордвой в Мордовии.

Важно отметить, что многие коми, марийцы, удмурты нередко называют язык своей этнической группы родным и при этом либо совершенно им не владеют, либо владеют достаточно слабо. Все это является свидетельством того простого факта, что сегодня между этнической идентичностью и языком нет прямой связи, а идентификация с собственной этнической группой сохраняется даже тогда, когда представители различных финно-угорских сообществ полностью переходят на другой язык. И эта ситуация, как сказано выше, отнюдь не уникальна, ибо сходные культурные процессы наблюдаются в такой централизованной стране, как Франция, где региональные языки на протяжении всего XX в. теряли свое влияние [Эран, Филон, Депре 2008], а также и в других странах.

Что же касается языковых ориентаций, то они продолжают смещаться в пользу русского языка. Еще в 1990-е гг., согласно данным микропереписи населения 1994 г., в семье общаются на русском языке 987 из каждой 1000 вепсов, 825 карел, 568 коми, 381 коми-пермяков, 363 марийца, 350 удмуртов [Финно-угорские регионы 1996]. В дальнейшем языковые предпочтения не изменялись, но и еще более смещались в пользу использования русского языка. Так, например, по данным опроса 2004 г., всего 3% городских коми семей говорят с детьми на коми языке, в КПАО – 11,5%. В городах РК полностью не владеют коми языком уже 42% детей из коми семей. Свободно говорят на нем только четверть детей [Денисенко 2007: 37].

По материалам опроса 2011 г., проведенного в Марий Эл, лишь 1,2% городских жителей разговаривают со своими детьми дошкольного возраста на марийском языке, и такая же доля общается на родном языке с детьми школьного возраста. На русском и марийском языках соответственно говорят дома 1,8% и 2,2% [Социологические исследования, 2013: 303]. А по материалам опроса 2015 г. только 0,4% городских жителей общались на марийском языке со своими детьми дошкольного возраста и 1,1% с детьми школьного возраста. На русском и марийском языках – соответственно 3,1% и 3,3% [Межконфессиональные и межнациональные отношения 2016: 88-90]. Сходная ситуация имеет место и в других «финно-угорских регионах».

Уже в 70-80-е гг. XX в. социологи Марий Эл отмечали ослабление позиций марийского языка и связывали это явление, в первую очередь, с процессами урбанизации в республике, ростом смешанных браков, констатируя потерю родного языка уже у третьего поколения сельских мигрантов. На языковую ситуацию, по мнению специалистов, оказывала влияние и огромная масса заимствований, входящих в марийский через русский язык. Русские заимствования в марийском языке носили объективный характер, по мнению В.С. Соловьева, так как марийский язык не имел своей общественно-политической, научной, технической терминологии. Далее он отмечал: «Большое число заимствований в марийском языке, которые принимают в нем новые окончания и иной порядок слов в предложении, делают его трудным для восприятия. Очевидно, главным образом, поэтому марийцы в разговоре между собой нередко переходят на русский язык. Именно поэтому многие из них предпочитают читать и писать по-русски». Соловьев отмечал, что в первую очередь переход на русский язык характерен для национальной интеллигенции [Соловьев 1987: 104-106].

Является ли подобная ситуация поводом для громких заявлений о «вымирании народов» [Шабаев 2013] и презентации других алармистских сценариев, которые особенно часто озвучивались после пуб-

ликации итогов переписей населения? Конечно же, нет, ибо сторонники подобных оценок рассматривают отдельных представителей уральских народов как людей, которые не имеют права на свободный выбор культурных ценностей (включая язык). Более того, многие этнические активисты, а также филологи и специалисты других гуманитарных дисциплин нередко в отношении тех, кто свободно и сознательно отказывался от языка предков как основного средства повседневной коммуникации используют негативный маркер, называя их «нигилистами» или даже «предателями». Термин «языковой/этнический нигилизм» присутствует в трудах многих местных языковедов и этнологов и рожден ими, что свидетельствует о самом отношении с их стороны к идее культурной свободы. Но более активно он используется этническими антрепренерами.

Чтобы закрепить личность за группой, этнические антрепренеры не только пытаются воздействовать на нее путем призыва к коллективной солидарности, но и требуют коллективных санкций против «этнических отступников», причем полагают, что государство должно занять позицию гаранта нерушимости границ между этническими группами, выступая тем самым за внедрение в практику региональной этнополитики советской модели фиксации этнической принадлежности личности или модели, которую можно охарактеризовать как стремление сделать личность заложником группы или как доведенную до абсолюта политику огосударствления этничности [Губогло 1995: 113]. В качестве примера подобного рода позиции можно сослаться на одну из реплик, размещенных в свое время в рунете, на ныне уже не существующем сайте www.kominarod.ru: «Люди, предающие свои корни и своих предков – предатели во всем. Пусть это будет предупреждение для тех, кто работает и общается с такими людьми» [Уляшов 2023]. Подобные идеи имеют место и сегодня, но особенно активно они стали публиковаться в Сети после публикации итогов переписи населения 2020 г., хотя часто администраторы сайтов их быстро удаляют.

Сторонники вышеназванных взглядов, по существу, отрицают идею субсидиарности (на основе которой строятся современные демократии), провозглашающую, что права человека являются первичными по отношению ко всем другим правам (включая право на культурную свободу как неотъемлемое культурное право личности).

Этнодемографическая ситуация и практика языковых преобразований в регионах проживания финно-угров (торжество пуризма)

В республиках с финно-угорским населением существенно различается как общая этническая ситуация, так и практика языковой политики. Так, в смысле этнических пропорций этническая ситуация наиболее бла-

гоприятна в Мордовии и Марий Эл (табл. 1), где динамика этнической ситуации такова, что доля титульных этнических групп не сокращается. Впрочем, в Удмуртии и Коми ситуация радикально не меняется, но в Карелии доля карел падает весьма значительно. При этом стоит заметить, что феномен Мордовии трудно объяснить, ибо еще во время переписи 2010 г. 50 тыс. русских почему-то неожиданно записались мордвой, а перепись 2021 г. зафиксировала резкое (почти на 10%) увеличение доли мордвы в Мордовии, при том, что численность населения республики между двумя последними переписями почти не изменилась (табл. 2), и этнические пропорции тоже не могли измениться столь радикально. Но мониторинг переписи не проводился (в прежние годы это осуществлялось Институтом этнологии и антропологии РАН и привлеченными им местными исследователями, которые являлись экспертами Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, созданной в 1993 г. при Институте этнологии и антропологии РАН).

Таблица 1

Доля титульного населения в составе республик с финно-угорским населением, по данным переписей населения, %

Регион	**1939**	**1979**	**1989**	**2002**	**2010**	**2021**
Карелия	23,2	11,1	10,0	9,2	7,1	5,5
Коми	72,5	25,3	23,3	25,2	22,5	22,2
Марий Эл	47,2	43,5	43,3	42,9	41,8	40,1
Мордовия	34,1	34,3	32,5	31,9	29,3	38,7
Удмуртия	39,4	32,2	30,9	29,3	27,0	24,1

Таблица 2

Численность населения республик с финно-угорским населением, по результатам переписей, тыс. чел.

Регион	**1939**	**1979**	**1989**	**2002**	**2010**	**2021**
Карелия	468.9	736,0	791,3	716,2	643,5	533,1
Коми	319,0	1118,4	1261,0	1018,6	901,1	737,3
Марий Эл	580,6	702,7	749,4	728,0	696,5	697,1
Мордовия	1188,6	990,6	964,1	888,7	834,7	783,5
Удмуртия	1219,3	1493,7	1609,0	1570,3	1521,4	1452,9

Тем не менее, сведения о численности финно-угорских народов (табл. 3) и изменении их доли в составе городского населения (табл. 4) дают основания поставить под сомнение реальность данных переписи по некоторым регионам и не только по Мордовии. Скорее всего, в ряде случаев имели место приписки, ибо значительное общее сокращение численности мордвы доказывает, что процессы аккультурации и ассимиляции продолжаются и являются доминирующими. Переписчиков и ранее в республиках инструктировали таким образом, что если человек затрудняется четко назвать свою этническую принадлежность, то следует записывать его как представителя титульной этнической группы, объясняя это тем, что такая практика будет во благо республике. Сей факт зафиксирован нами во время мониторинга предыдущих переписей и не случайно, что и ныне эксперты говорят о возможных приписках. Однако все недочеты переписных кампаний вряд ли радикально искажают итоговые данные и сложившиеся этнодемографические тенденции, хотя и влияют на реальные демографические показатели, касающиеся численности, половозрастной структуры, языковой идентификации, характерной для разных этнических сообществ.

Таблица 3

Изменение численности финно-угорских народов РФ, по данным переписей населения, тыс. чел.

Народ/год	**1926**	**1989**	**2010**	**2021**
бесермяне	10	-	2,2	2,0
вепсы	32	12,5	5,9	4,5
водь	-	-	64 чел.	99 чел.
ижора	17	0,4	266 чел.	210 чел.
карелы	248	125	60	33
коми	226 (вместе с коми-пермяками)	336	228	143
коми-пермяки	-	147	94	56
марийцы	428	644	547	434
мордва	1335	843	744	484
удмурты	514	715	552	386

Сокращение численности у финно-угорских народов наметилось довольно давно, что было связано со сложной социально-экономической ситуацией в регионах их проживания, социальными потря-

сениями, политическими процессами, урбанизацией и изменением культурных ориентаций, которые ускорили процессы аккультурации и ассимиляции.

Таблица 4

Доля горожан среди крупнейших финно-угорских народов по результатам переписей, %

народ	**1970**	**2002**	**2010**	**2021**
марийцы	19,3	49,4	42,6	44,0
мордва	33,4	49,4	51.0	51,3
карелы	43,7	55,9	57,9	59,3
коми	35,7	47,5	48,1	39,4
коми-пермяки	22,2	38,9	36,8	30,8
удмурты	31,4	46,6	44,6	34,7

Раньше других финно-угров началось сокращение численности финнов-ингерманландцев, ижоры, вепсов, коми-пермяков. Численность мордвы тоже стала стремительно сокращаться еще в советские годы, что связано с тем, что данное этническое сообщество расселено дисперсно по территории страны и большая его часть проживает за пределами Мордовии.

Численность остальных финно-угров все советские годы росла. Однако после последней советской переписи населения 1989 г. результаты всех остальных переписных кампаний фиксируют последовательное снижение численности всех финно-угорских народов. После публикации итогов переписи 2010 г. в республиках, где финно-угры являются титульным населением, местные лингвисты и этнические активисты заговорили о «вымирании народов», об «этнической катастрофе» [Шабаев, 2013]. Опубликованные сведения о национальном составе Российской Федерации, по данным переписи населения 2020 г., вызвали похожую реакцию, хотя спектр мнений стал шире. Стоит заметить, что преподносить данные переписей как культурную катастрофу можно лишь с позиций логики этнического национализма, но не с позиций серьезного анализа социальных и культурных процессов, реализации представителями меньшинств своих культурных прав, которые предполагают свободу выбора личностью образа жизни, религии, этнической принадлежности и культурных ценностей.

Впрочем, если оценивать сугубо арифметические показатели, то они, действительно, удивляют: между переписями 2010 и 2020 гг., т.е. за одно

десятилетие, численность карел сократилась на 46,7%, коми-пермяков – на 41,0%, мордвы – 34,9%, удмуртов – 30,0%, вепсов – 23,6%, коми – 37,1%, марийцев – на 22,3%.

С чем связано столь существенное сокращение численности финно-угров? Безусловно, важнейшую роль здесь играют изменения в социальном облике этнических сообществ и меняющиеся этнокультурные ориентации молодежи. С середины 1950-х гг. начался процесс превращения финно-угров из аграрных сообществ в городские. Он еще не завершен, но говорить о финно-уграх как об аграрных сообществах можно сегодня лишь с оговорками. Массовый отток представителей финно-угорских народов в города, где они выступали в качестве мигрантов, а русскоязычное большинство – в качестве принимающего сообщества, ибо большинство городов в России формировались преимущественно как поселения, где русские и русский язык абсолютно доминировали, хотя население городов, особенно на западе страны, в большинстве случаев не было моноэтничным. Согласно классической теории ассимиляции, которую обосновали в 1960-е гг. представители Чикагской социологической школы, «ассимиляция» мигрантов в принимающее сообщество рассматривалась как естественный процесс односторонней индивидуальной интеграции [Park 1928]. В ходе этого процесса сельские мигранты воспринимали городской образ жизни, который они ассоциировали с русским населением и русским языком. И этот процесс имел много общего во многих регионах страны. Почти все города Удмуртии выросли из горнозаводских поселков, где изначально доминировало русское население, а удмурты не жили, и превращение удмуртов в городской этнос сопровождалось и сопровождается активными процессами аккультурации и ассимиляции. Переименование Царевококшайска в город Йошкар-Олу и превращение его в столицу Марийской республики, равно как и превращение русского города Верхнеудинска в столицу Бурятии Улан-Уде и размещение здесь культурных институтов, призванных формировать и поддерживать «национальное» образование и профессиональную культуру, совсем не означало, что символическое присвоение территории республик и их административных центров титульными этническими группами приведет к изменению уже сформировавшегося культурного ландшафта.

Доминирующая культурная группа городского населения указанных центров воспринималась сельскими мигрантами как референтная, и ее образ жизни, и язык становились стандартом для восприятия новоприбывшими горожанами. То же самое можно сказать и о городах, которые выросли из сельских поселений, основанных русскими переселенцами, к примеру, о селе Улала, которое превратилось сначала в город с тем же названием, а в 1932 г. поменяло его на Ойрот-Тура (город ойротов) и ста-

ла столицей Ойротской автономной области, а после переименования этнического сообщества *ойротов* в *алтайцев* обрело нынешнее название Горно-Алтайск. Аналогичным образом протекали культурные процессы и в других центрах этнических автономий, хотя по поводу современной этноязыковой ситуации в некоторых столицах северокавказских автономий нужно сделать оговорки.

Именно в городе происходит активная смена этнической идентичности представителями этнических меньшинств, и данные последней переписи это подтверждают, поскольку заметное сокращение доли городских коми, коми-пермяков, удмуртов (табл. 4) есть прямое следствие названных процессов, и, видимо, следующая перепись покажет, что аналогичный процесс (сокращение доли городского населения в общем составе этнической группы) коснулся и ряда других уральских народов, а также и представителей народов, принадлежащих к иным языковым семьям.

Особого внимания заслуживает ситуация в Удмуртии, поскольку здесь, с одной стороны, имеют место инициативы, идущие снизу, явно работающие на повышение престижа удмуртских народных традиций, примером чему служит народный коллектив «Бурановские бабушки», который смог выступить даже на конкурсе Евровидения. С другой стороны, лидеры этнонациональной организации «Удмурт кенеш» выдвигают притязания, требуя приоритета для удмуртов как «коренного этноса» [Кардинская 2006: 55] и настаивая на введении практики изучения удмуртского языка всеми школьниками республики. Квинтэссенцией этих требований стал акт самосожжения удмуртского исследователя и этнического активиста 79-летнего Альберта Разина 19 сентября 2019 г. перед зданием республиканского парламента, требовавшего в своем предсмертном послании к парламенту, чтобы удмуртский язык в обязательном порядке изучали все дети республики, начиная с детского сада [Шабаев, Миронова 2020]. Но при этом все города республики выросли из горнозаводских поселков, в которых всегда доминировал русский язык и русская народная культура, поскольку только в середине XX в. начался массовый исход удмуртов из села. И даже сам Разин почти за четверть века до своего самосожжения писал в сборнике, составленном Институтом Яана Тыниссона (Эстония), что «многие удмурты поражены этническим нигилизмом» [Разин 1994: 98]. Под этим явлением он, как и другие представители национальной интеллигенции из числа финно-угров, понимал право на свободный выбор культурных ценностей, являющееся одним из фундаментальных прав человека. Стоит заметить, что исследователь, не придававший значения правам человека, возглавил в 1990-е гг. Институт человека, созданный в Удмуртском университете. Идея этнического нигилизма активно муссировалась языко-

ведами и представителями национальной интеллигенции в республиках в 1990-е гг., но строилась не на строгой научной основе, а на безудержном и бездоказательном морализаторстве. Вот что писал далее в указанной статье А. Разин: «На сегодняшний день более трети удмуртов, а среди 7-16-летних половина не владеют удмуртским языком. В 1926 г. им владели почти все…. Этнический нигилизм – это очень серьезное явление. Он наносит огромный вред делу сохранения и развития самобытной национальной культуры и всей нации, препятствует развитию личности, формированию чувства собственного достоинства. Отсутствие этнической гордости порождает комплекс неполноценности, ущербности» [Разин 1994: 99]. Исследователь, не имевший представления о том, что есть нация и путавший ее с этническим сообществом, оперировавший не научными категориями, а надуманными понятиями типа «этнической гордости», видимо, с трудом мог объяснить суть социальных изменений, происходивших в удмуртском этносе, и потому после выхода на пенсию, сохранив приверженность этническому национализму, пытался влиять на ситуацию, устраивая языческие моленья в поддержку удмуртского языка.

Согласно данным Росстата, в Удмуртской республике ныне осталось менее 300 тыс. удмуртов, тогда как в 2010 г. их насчитывалось 410,5 тыс. чел. [Федеральная служба 2023]. Таким образом, количество представителей титульной нации в Удмуртской республике сократилось на четверть. «Не хочу быть удмуртом»: больше 100 тыс. жителей республики сменили национальность – гласит заголовок новостной статьи сетевого издания «Udm-info» [Не хочу быть удмуртом 2023].

Аналогичная тенденция наблюдается и на территории РФ в целом. Согласно официально опубликованным итогам переписи 2020 г., только 386,5 тыс. россиян считают себя удмуртами, либо указали в сведениях о себе другие названия этой национальности: вотяк, закамский удмурт, можгинец, одмурт или удморт. По данным предыдущей переписи 2010 г., в России проживало 552 тыс. удмуртов. Сокращение в масштабах страны составило 30%. По мнению социологов, такие показатели объясняются тем, что в ходе переписи населения национальность учитывается по принципу самоопределения с доверием к ответам людей, т.е. здесь речь идет о тех, кто смог четко определить свою этническую принадлежность, хотя есть достаточно большие группы людей, которые могут иметь двойную и тройную этническую идентичность.

Повлиял на отрицательную динамику численности удмуртов как в стране, так и в Удмуртской республике также тот факт, что довольно большое количество опрошенных вообще отказались отвечать на вопрос о своей национальности. Заявляется, что в масштабах России численность людей, не указавших свою этническую принадлежность, составила

более 16,5 млн чел., или 11,3% опрошенных. Но реально эта цифра меньше, поскольку, во-первых, 1 млн 150 тыс. чел. использовали гражданский определитель «россиянин» как этноним, во-вторых, полмиллиона граждан использовали «альтернативные» этнонимы, такие, как давно получивший распространение региональный маркер «сибиряк» (некоторые исследователи все же признают его этнонимом) или созданные ими лично (вариантов очень много); в-третьих, реально отказались указывать этническую принадлежность только 7 млн чел. Данные об остальных лицах, не указавших свою этническую принадлежность, переписчики заимствовали из других официальных источников (поскольку не смогли лично встретиться с ними), в которых этническая принадлежность сегодня не указывается. В Удмуртии процентное соотношение отказников еще выше – 14%, или 210 тыс. чел. – оставили графу «национальность» в опросных листах пустой.

Тем не менее нельзя отрицать и того, что многие из тех, кто раньше считал себя удмуртами, сменили этническую идентичность. Причем это касается и других коренных народов Приволжского федерального округа. По данным Росстата, больше всего уменьшилось число татар и чувашей – на 600 и 400 тыс. чел. соответственно, хотя здесь тоже не все однозначно, и нужен более глубокий анализ этнической ситуации в Чувашии и Татарстане.

Согласно официальной статистике, по состоянию на 1 декабря 2022 г. население Республики Удмуртия насчитывало 1 млн 479 тыс. чел. Две трети из них живут в городах, остальные – в сельской местности. В 2022 г. смертность в регионе по-прежнему превышала рождаемость, а уезжало из «родникового края» больше людей, чем переселялось сюда на постоянное жительство. Отрицательная динамика объясняется долгосрочным трендом на сокращение населения республики. Миграционные потоки также демонстрируют отрицательную динамику. Если в Удмуртию с начала года приехало 12 583 чел., то покинули регион 13059 чел. По данным текущей статистики, коэффициент убыли населения Удмуртии является одним из самых низких в Приволжском федеральном округе (ПФО). Этот показатель в регионе оказался ниже общероссийского. Коэффициент рождаемости здесь стал одним из самых высоких в ПФО, но более низким, чем в общем по стране.

При этом заместитель главы Сергей Окладников обратил внимание на изменение процентного соотношения долей этнических категорий как в сторону увеличения, так и уменьшения. По его словам, кроме объективных факторов, вроде миграционного оттока граждан из сопредельных государств во время пандемии, сокращения населения в депрессивных регионах, повышенной или пониженной рождаемости у разных народов, роста числа смешанных браков, сыграла свою роль и «агитация

национально-культурных общественных лидеров накануне и во время переписи для создания перевеса одних групп народов над другими» [Колебакина-Усманова 2023].

Еще одна особенность, которую выявили по итогам переписи, – резкое увеличение надэтнических общностей. «Это ответы, которые, можно сказать, по гражданственности – россияне, кавказцы, славяне», – добавил Сергей Окладников. По его словам, увеличение неэтнических ответов или вообще отказ отвечать на этот вопрос объясняются тем, что идет снижение ценности этнической идентичности, особенно среди молодежи. «С молодым населением за рамками переписи мы локальные опросы уже проводили, – пояснил спикер. – Им проще соотнести себя с какими-то гражданскими критериями, территориальными, соотнести себя с каким-то движением, даже неформальным сообществом. Национальная принадлежность, действительно, вызвала затруднения». Таким образом, представители удмуртского народа могут скрываться в этих категориях. Как пояснил замглавы Росстата, они спрятались в «неответах и внеэтнических группах». «Возможно, представители идентифицировали себя как россияне». Бывший директор Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН Дмитрий Функ обратил внимание на то, что 1 млн 150 тыс. чел., которые назвались «россиянами», – это отражение тенденций, которых «не надо бояться, но нужно понять» [Колебакина-Усманова 2023]. Заметим, что гражданский определитель «россиянин» использовали для фиксации своей «этнической принадлежности» во много раз больше респондентов, нежели во время переписи населения 2010 г.

Проблема дрейфа идентичностей (от одной этнической идентичности к другой, от идентификации себя как члена этнической группы к замене этнической идентичности гражданской или региональной) характерна для представителей многих народов России, в том числе для удмуртов, проживающих в Удмуртской республике.

Анализируя реакцию жителей Удмуртской республики на итоги переписи населения, а именно комментарии к статье с броским, но некорректным названием, обобщающим итоги переписи 2020 г. [Не хочу быть удмуртом 2023], можно сделать некоторые предварительные заключения. Представители удмуртского народа обеспокоены сокращением численности, отказом многих удмуртов отождествлять себя с культурно-языковым сообществом, к которому принадлежали их предки. Очевидно, что этническая идентификация в современных условиях становится все менее актуальной, особенно для молодежи, а некоторые комментаторы вовсе высказывались в том духе, что надо отвергнуть национальное/этническое деление населения территориального социума, считая, что оно является инструментом разобщения

республиканского сообщества и методом провоцирования межнациональных конфликтов.

Многие сомневаются в правдивости результатов переписи, подкрепляя эти мнения ссылками на некорректные (с их точки зрения) формулировки вопросов и тем, что перепись проводилась в разгар пандемии, а также указывая, что электронная процедура сбора данных больше ориентирована на молодежь, хорошо владеющую информационными технологиями. Другие высказались в том духе, что многие представители удмуртского народа стыдятся своей национальности, поэтому скрывают свою этническую принадлежность, что, по сути, и является формой смены идентичности.

Перепись в целом зафиксировала существенное сокращение численности многих народов России (не только финно-угров, но и русских, ряда тюркских народов). Указанное сокращение особо коснулось численности народов, являвшихся титульными этносами в бывших советских республиках, а ныне составляют основную часть населения независимых стран: белорусов, украинцев. Возможными причинами такой динамики численности этносов, в том числе удмуртов, помимо миграционного оттока и естественного сокращения населения, являются: отказ от национальной самоидентификации, ее сознательное умолчание, активное смешение народов, смена идентичности из политических соображений, в том числе на русскую, как суперэтническую, под которой стоит понимать не только гражданский определитель «россиянин», все более используемый в качестве этнонима, но и попытки самих граждан предлагать некие интегрированные образцы этнических определителей, которые предлагались самими людьми. Таких было около полумиллиона, и часть из них являлись попытками переписываемых пародировать идею этнического маркирования, а часть – отражала сложный этнический характер родственного окружения респондентов, в рамках которого осуществить однозначный выбор человеку оказывается невозможно.

Существенную роль играют и сугубо демографические факторы, половозрастные диспропорции, естественная убыль и особенно быстрое старение населения. Еще во время предыдущих переписей финно-угров назвали «седеющими народами», поскольку средний возраст представителей этих народов был весьма высок [Шабаев, Садохин 2014: 51-77].

По итогам переписи 2020 г. значительный уровень демографической старости отмечен у удмуртов, коми, коми-пермяков, мордвы, а высокий – у карел, финнов, вепсов.

Результаты переписи в республиках с финно-угорским населением подвергаются сомнению рядом этнических активистов, деятелей культуры и некоторых исследователей. И действительно, ошибки в ходе

проведения переписи были, а потому реальные цифры демографических потерь тех или иных народов могут быть несколько иными. Но отнюдь не на порядок, как об этом пишут в комментариях по обобщенным таблицам, которые представил для сайта MariUver (дирекция находится в Эстонии) известный финский исследователь демографических процессов у уральских народов Сеппо Лаллукка [Росстат опубликовал 2023]. Причем в комментариях, с одной стороны, подвергается сомнению итоги переписи, с другой – раздаются громкие обвинения в адрес центральной власти, которая якобы с царских времен ведет последовательную политику русификации меньшинств, что явно не соответствует историческим реалиям. А данные о доле лиц, у которых этническая принадлежность совпадает с языком, вообще свидетельствуют, что по сравнению с предыдущими постсоветскими и даже последними советскими переписями ситуация радикально не изменилась (табл. 5).

Но обвиняют не только переписчиков и организаторов переписи. Одновременно, к примеру, раздаются упреки и в адрес современных лидеров марийского движения, деятельность которых рассматривается в некоторых комментариях как предательство интересов марийского народа.

Таблица 5

Доля населения, чья этническая принадлежность совпадает с этническим языком по итогам переписи населения 2020 г.

народ	**Численность в тыс. чел.**	**Этнический язык, названный как родной, %**
мордва	479,0	55,3
марийцы	417,3	74,8
удмурты	383,9	69,2
коми	142,4	66,4
карелы	32,2	26,1

Но в последние два десятилетия в языковой политике, проводимой властями регионов, где традиционно проживают финно-угорские народы, наметились три очевидных подхода, которые по замыслу их идеологов и вдохновителей должны были обеспечить более успешное функционирование языков титульных этнических групп в названных регионах.

Первый подход связан с повышением официального статуса и престижа языков титульных этнических групп. В Коми, Удмуртии, Марий

Эл и Мордовии приняты республиканские законы о государственных языках, которые придали статус государственного как русскому языку, так и языкам титульных этнических групп.

Однако в Карелии этого сделано не было, причиной тому стали особенности этнополитического развития этой республики, которая одной их первых в большевистской России получила статус автономии (1920), а с 1940 по 1956 г. являлась не автономной, а союзной республикой – Карело-Финской ССР. Возглавлявшие ее в 1920 – 1930-ее гг. «красные финны» во главе с бывшим доцентом Гельсингфорского (Хельсинского) университета Эдвардом Гюллингом, намеревавшиеся сделать Карелию плацдармом для коммунистической экспансии в Скандинавию, отвергали все попытки создания карельской и вепсской письменности и признавали их «шовинистическими, политически неверными и служившими для «одурачивания темных масс»» [Сурво 2009: 179]. Официальным языком республики должен был быть только финский язык. После устранения «красных финнов» с политической арены и понижения статуса республики до обычной автономии, где титульным этническим сообществом однозначно становились карелы (об этом говорило само название республики – Карельская АССР), казалось бы, можно было заняться созданием общекарельского литературного языка и языковым строительством, но тогда эта задача не рассматривалась как актуальная.

На рубеже 1980-1990-х гг. возникло современное карельское движение, которое выступало за придание карельскому языку статуса государственного и за формирование единой карельской литературной нормы. Дискуссии о принципах построения единого литературного языка приобрели особо острый характер после 2000 г. [Фарутин, 2005]. Но единый карельский литературный язык до сих пор не создан, и теперь проблема его внедрения в практику культурной жизни Карелии многократно усложняется. Тем не менее в последние годы все громче звучат голоса тех, кто, с одной стороны, ратует за решение языковых проблем и обвиняет во всем государство, но в государстве же и видит единственного «спасителя» языка карел [Участники конференции 2023]. С другой стороны, резко активизировались сторонники придания карельскому языку статуса государственного, о чем свидетельствуют дискуссии на прошедшей в сентябре 2017 г. в Петрозаводске конференции «Статус карельского языка в системе языков народов Российской Федерации: правовые, лингвистические, культурные аспекты» [Нагурная, Родионова 2017]. Однако теперь радикалы, которые активно ратовали за официальный статус языка, выступают против такого шага.

Тем не менее в изменении статуса есть очевидная логика, поскольку придание языку официального статуса есть символическая акция, при-

званная продемонстрировать его значение для местного сообщества, хотя простое повышение статуса никак не способствует росту престижа языка и не решает проблему повышения языковых компетенций населения. Так, в Ирландской республике ирландский язык был объявлен государственным, хотя им владели только 3% населения (и ныне почти все ирландцы и дома, и в публичной сфере пользуются английским), в Пакистане урду также получил аналогичный статус, несмотря на то, что родным его признавало только 7% населения страны. Аналогичная ситуация имела место в Индонезии с языком бахаса индонеси [Шабаев 2015: 526].

Конечно, придание официального статуса в определенной мере может способствовать более активному использованию этнических языков в различных сферах коммуникации, что и имеет место во многих республиках, но не менее важное значение имеет как разработка единой литературной нормы, так и продуманное словотворчество.

Второй подход как раз и связан с активным словотворчеством. Он пропагандируется и реализуется многими местными филологами, и суть его состоит в *форсированном обновлении словарного состава* финно-угорских языков и вытеснении из них иноэтничных заимствований, прежде всего «русских», т.е. практике «очищения» языков, обозначаемой в лингвистических исследованиях термином «пуризм».

Пуризм стал очень популярен в Восточной и Центральной Европе с первой половины XIX в., когда в Германии, Чехии, Венгрии, Финляндии начались процессы национального пробуждения, и резко возрос интерес к собственной этнической культуре немцев, чехов, венгров, финнов и т.д.

Так, в середине XIX в. в Румынии стали активно искоренять славянизмы в румынском языке, для чего отказались от кириллицы и перешли на латинский алфавит. В Германии в последней трети XIX столетия «немецкий пуризм ополчался прежде всего против галлицизмов, а вкупе с ними и против элементов греко-латинского происхождения; чешский пуризм, напротив, считал своей целью «очищение» родного языка главным образом от германизмов. Общим врагом чешских пуристов и их коллег из Германии и Австрии были интернационализмы» [Jelinek 2006]. Однако по мере повышения научного уровня языкознания лингвисты пришли к пониманию того, что заимствования необходимы, и они только обогащают выразительные возможности литературных языков, по поводу чего мы уже говорили выше.

Но современные филологи почему-то не хотят учитывать опыт своих предшественников и полагают, что традиции венгерского и финского пуризма XIX в. могут успешно использоваться и в XXI столетии.

При этом в последние годы языковеды в «финно-угорских регионах» РФ свою главную задачу видели в том, чтобы очистить языки от

заимствований, расширить словарный фонд языков за счет активного словотворчества. Вот что по этому поводу заметил коми языковед Е. Цыпанов: «За последние 12-15 лет в коми, удмуртском, марийском, а также в мордовском и карельском литературных языках имеют место схожие процессы активного расширения лексических ресурсов за счет создания и активизации собственно-языковых слов-неологизмов, которые употребляются взамен заимствованных лексем или же чаще всего параллельно им в качестве синонимов. Появились десятки и сотни новых слов, например, коми *оланпас* «закон», *енби* «талант», удм. *кункрезь* «гимн», *лулчеберет* «культура», марийский *шанче* «наука», *тоштер* «музей» и т.д. Одним словом за более чем десятилетний период в родственных языках возникла новая лингвистическая реальность в виде большого корпуса неологизмов…» [Цыпанов 2005: 25].

В финно-угорских языках за короткий промежуток времени появилось по несколько тысяч новых слов, и такое масштабное словотворчество воспринимается неоднозначно специалистами, о чем свидетельствует имевшая место дискуссия между коми филологами, которая приобрела широкое общественное звучание. Видный коми драматург и ученый О. Уляшев в статье «Лексика, оторванная от корней» [Уляшев 2005], опубликованной в комиязычном журнале «Войвыв кодзув», дал крайне негативную оценку процессам языкового строительства в Республике Коми и охарактеризовал современный литературный коми язык как «китайскую грамоту» (а творят эту грамоту носители языка – коми языковеды). Обвинения в адрес региональных языковедов еще чаще звучат из уст простых носителей языков, пишущих о том, что не понимают языка, на котором говорят дикторы на телевидении (в программах на национальных языках), что пишут журналисты, а порой обвиняют лингвистов в социальных сетях в том, что они «убивают» языки.

Но словотворчество поддерживается многими этническими активистами, причем их вмешательство в формирование региональных моделей этнополитики в целом и языковой, в частности, весьма значительно, поскольку многие из них входят в консультативные и экспертные советы по государственной национальной политике или оптимизации межнациональных отношений, созданные при губернаторах или региональных органах власти. Но их уровень образования, правовых и иных специальных знаний явно недостаточен для того, чтобы выступать в качестве экспертов, а тем более оказывать влияние на формирование принципов этнополитики, языковой и образовательной политики.

Многочисленные неологизмы усложняют восприятие финно-угорских языков, а поскольку под рукой у носителей этих языков есть рус-

ский язык, которым почти все они владеют свободно, постольку массированное и никак не обоснованное с языковой или социологической точки зрения «вталкивание» в язык и публичную практику его использования значительного корпуса искусственно созданных неологизмов дает эффект обратный тому, на который рассчитывали «языкотворцы», – население массово перестает пользоваться этническими языками и переходит на русский, а следующим шагом становится полная смена этнического самосознания.

В Республике Коми своеобразный «приговор пуризму» был оглашен в одном из сельских районов, где доля коми населения одной из самых высоких в республике (более 79%), а коми язык на бытовом уровне полностью доминирует. Здесь 13 января 2017 г. в районном доме культуры был проведен круглый стол. Дискуссия, имевшая место, «касалась нежелания родителей усть-куломских школьников получать знания по предмету «Коми язык» в рамках программы родного языка» [Власти и общественность 2023].

После проведения круглого стола в адрес информационного агентства «Комиинформ» поступило коллективное письмо родителей и представителей администрации района, в котором говорилось, что мероприятие оказалось неподготовленным, а представители исполкома этнонационального движения «Коми войтыр», приехавшие для участия в нем, пытались навязать свое мнение его участникам и не слышали оппонентов. А оппоненты этнических активистов справедливо считают, что «заставить родителей в условиях незаинтересованности с их стороны выбрать в качестве языка обучения коми язык невозможно».

Отклики на публикацию, размещенные на сайте «Комиинформ», были весьма показательны. Их было много, но содержание всех можно разделить на несколько позиций, каждая из которых связана с той или иной проблемой, касающейся языковой политики. Первая позиция – это отстаивание идеи культурной свободы и культурных прав личности, что в данном конкретном случае означало, что нельзя насильно заставлять изучать язык. Сторонников этой позиции было очень мало. Вторая позиция, которой придерживались тоже многие, состояла в том, что детей в школе заставляют изучать какой-то непонятный язык, не используемый в обычной жизни.

Последние две позиции связаны с той моделью республиканского сообщества, которую пропагандируют лидеры коми движения, глубоко укоренившейся в сознании значительной доли коми и представителей других финно-угорских народов. Эта модель по сути своей иерархична и делит республиканский социум на две разностатусные группы жителей: «коренной народ» и «некоренное население». При этом «коренной

народ» явно, а чаще неявно, рассматривается как «главный» на данной территории. Этот народ якобы всегда жил на данной территории и всегда здесь преобладал. Другие группы рассматриваются как «пришлые», что не соответствует исторической правде. Но раз коми есть «главный» народ, то его культурные ценности, включая язык, должны навязываться всем остальным культурным группам (а также и своей), независимо от желания или нежелания принимать эти ценности как свои собственные.

Возвращаясь к разговору о пуризме, конечно, необходимо сослаться на пример Исландии, где практика пуризма существовала вплоть до конца XX в. и обосновывалась сохранением чистоты исландского языка, необходимостью изгнания из него норвежских и датских заимствований и очень осторожным внесением в него необходимых неологизмов.

Но дело в том, что культурная ситуация в Исландии и регионах, которые принято считать «исконной территорией» российских финно-угров, принципиально различается. Еще в XIII в. многие исландцы владели грамотой, и в это время зарождается важнейший элемент их национальных традиций – исландские саги. Все финно-угорские языки являются младописьменными, ибо их алфавит был создан после 1917 г., и тогда же началось нормирование языков и формирование литературных традиций. Письменность для коми была создана епископом Стефаном Пермским, которых крестил коми-зырян в конце XIV в., и на этом основании коми язык нередко считают старописьменным. Некоторые представители национального движения и местной национальной интеллигенции убеждены, что письменная традиция у коми глубока, и еще до Стефана у них существовала какая-то форма письменности. Попытки удревнить письменную традицию в эпоху этнического ренессанса 1990-х гг. имели место и в других республиках, к примеру, в Башкирии [Кучумов 2003: 71-74], что, как и в других случаях, не подтверждается историческими фактами и документами, а самое главное – никак не отражается на литературной форме языка, уровне ее нормирования, развитии лексики и т.д. Между тем, стефановское письмо не получило сколько-нибудь широкого распространения и не привело к формированию национальной литературной традиции. Сохранилось около 200 памятников этой письменности, которые по большей части являются надписями на иконах, а каких-либо связанных текстов не обнаружено. Поэтому после 1917 г. пришлось создавать для коми новый алфавит, равно как и формировать традиции литературного творчества, создавать национальную школу, как и в других регионах, где проживали российские финно-угры.

Усиление роли финно-угорских языков путем их «очищения» через внедрение чрезвычайно большого корпуса неологизмов опирается на

финский и венгерский опыт, который мог давать результат в XIX в., но абсолютно бесполезен в эпоху формирования глобальных информационных пространств, доминирования процессов глобализации, унификации и стандартизации. Да и сам опыт пуризма региональные языковеды не рассматривают в широком контексте, забывая о современных языковых процессах, имеющих место в странах, где проживают родственные российским финно-угорским народам этнические сообщества, и не принимая во внимание рафинированный образец пуризма – исландскую языковую политику.

В XVII-XVIII вв., когда Исландия была колониальным владением Дании, датский язык был введен в официальную сферу и сферу коммерции, а исландский стал восприниматься как непрестижный. В начале XIX в. возник литературный исландский, но тогда же датские исследователи заговорили о скором исчезновении исландского языка. Но этого не случилось, ибо возникло мощное движение в поддержку исландского языка, причем это было массовое народное движение, в котором чуть ли не главную роль играли так называемые «босоногие историки», т.е. простые жители исландской глубинки, которые вели дневники (с XVIII в. почти все население острова владело грамотой), переписывали древние саги, записывали образцы исландского фольклора. При этом саги и средневековая поэзия воспринимались как опора исландской самости, т.е. идентичности, и быть исландцем значило знать язык саг, который в общественном мнении стал восприниматься как образец чистейшего литературного исландского языка. Сохранение чистоты этого языка и избавление его от инородных заимствований поэтому превратилось в борьбу за историческое наследие исландцев, стремление к сохранению основ исландской культурной идентичности. В 1918 г., когда Исландия впервые заявила о своем суверенитете над территорией острова, исландский стал вторым официальным языком, а в 1944 г. (окончательное провозглашение независимости острова) – национальным языком исландцев. В 1964 г. был создан Комитет по исландскому языку, но только в 2011 г. альтинг провозгласил исландский национальным языком исландцев. На протяжении всего XX столетия на острове последовательно отстаивалась идея неразрывной связи нации и языка [Кучерова 2017: 121-161].

Однако с середины 1990-х г., с появлением интернета, спутникового телевидения и началом массового туризма английский язык становится незаменимым практически во всех сферах жизни. В середине 2000-х г., в период экономического бума, некоторые финансовые компании Исландии пытались полностью перейти на английский язык. Сегодня английским владеет почти все население страны, а в университетах, офисах международных кампаний он является основным. Среди молодежи

распространено мнение, что исландский слишком сложен для изучения и проще пользоваться английским, а местные специалисты полагают, что через несколько десятилетий исландский полностью выйдет из повседневного употребления.

Таким образом, ни мощная поддержка государства, которое десятилетиями боролось за чистоту и процветание исландского языка, ни глубокие исторические традиции, ни массовая поддержка идеи нерушимой связи культурной самобытности исландцев и их языка сегодня не являются стимулами для его сохранения, и культурной элите страны, видимо, предстоит конструировать новую модель языковой политики, способную обеспечить сохранение исландского языка.

Язык и культурную самобытность финно-угров, а равно и многих других народов РФ, помимо пуризма пытаются сохранить путем символического давления на рядовых представителей этнических сообществ со стороны этнических элит и путем выстраивания культурных иерархий, изображая титульные группы как «главные» в республиканских социумах, как символических собственников территории, и, разумеется, «главные» должны выделяться в региональных культурных ландшафтах, в первую очередь в языковом плане. Поэтому нередко именно язык становится культурным манифестом региональных этноэлит, требующих направлять все больше ресурсов на поддержку региональных языков и их носителей. При этом рядовые члены культурно-языковых групп должны сохранять язык предков во что бы то ни стало, проявлять полную лояльность культурным стандартам группы, рассматривая их как высшую ценность.

Попытки возражать против культурного диктата группы трактуются многими этническими активистами и представителями национальной интеллигенции как «неуважение к народу» и предательство. Как уже отмечалось выше, очевидно, что в таком восприятии местного социума виноваты не только этнические активисты, но и система образования, которая не дает ученикам адекватного представления об истории и культуре республик, а также СМИ, которые активно не противостоят сложившимся культурным стереотипам, и, конечно, власти, которые до сих пор используют в качестве основных экспертов по государственной национальной политике не крупных специалистов в разных отраслях знаний, а этнических антрепренеров и ангажированных ими ученых.

Именно восприятие республиканских социумов как иерархически организованных территориальных сообществ, в которых на вершине «культурной пирамиды» находится «коренной народ» (титульная этническая группа), стало идеологическим основанием для формирования третьего подхода в практике языковой политики. Народ, который находится на вершине пирамиды, символически маркируется

как «главный», а потому его культурные ценности (включая язык) становятся обязательными для усвоения и всеми другими членами территориального сообщества, независимо от их желания, культурного выбора и их доли в составе населения. Поэтому, ориентируясь на подобные идеи в Коми, Мордовии, а позднее и в Марий Эл (закон «Об образовании в Республике Марий Эл», обеспечивающий преподавание государственных языков в школах республики, принят только в августе 2013 г.) было введено обязательное изучение языков титульных групп этих республик для всех учащихся средних образовательных заведений.

Безусловно, существовала и определенная рациональная основа в том, что подобные решения принимались. Изначально было понятно, что в сложившейся языковой ситуации относительно быстро поднять престиж финно-угорских языков и изменить этнокультурную ситуацию не получится. Поэтому выход виделся в том, чтобы заставить изучать эти языки всех учащихся средних школ, независимо от их этнической принадлежности. Но подготовку общественного мнения к введению такого рода образовательных практик не осуществили, правовую сторону вопроса игнорировали, а сам переход на языковой всеобуч осуществлялся со многими недочетами, что лишь усугубляло ситуацию. Последствия подобной языковой политики, а равно и непродуманных практик языкового строительства уже сказались, о чем свидетельствуют итоги переписи населения 2020 г. и комментарии к ним.

Вот что по этому поводу было написано в карельском онлайн-журнале «Черника»: «Совет уполномоченных IX съезда карелов еще до проведения переписи призвал всех представителей карельского народа обязательно указывать свою национальность. В том духе, что давайте все, кто может, даже если вы не владеете карельским языком, записывайтесь карелами. Но оказалось, что или карелов осталось совсем мало, то ли этот орган, Совет уполномоченных, не обладает никаким авторитетом среди местного населения. И приходится напомнить в очередной раз, что уже 33 года в нашей республике весьма популярна тема сохранения карелов, карельских традиций и карельского языка. Сколько правильных слов сказано с высоких трибун! И ведь финансируется издание газет, книг, проведение различных мероприятий. Три муниципальных района официально названы национальными. Дорожные указатели там на карельском языке…

А еще есть целое министерство по национальной политике. Есть Совет представителей карелов, вепсов и финнов при главе Республики Карелия. Есть Совет уполномоченных съезда карелов. Есть целый ряд карельских общественных организаций. Все они вроде бы заботятся о карелах, многие за это получают из бюджета деньги, получают раз-

личные гранты… А толку никакого... Возникает и вопрос о том, нужно ли тратить деньги на регулярное проведение съездов карелов, если никакой пользы от них нет? Ведь статусные деятели национального карельского движения, заседавшие в его президиумах и «светившиеся» на телевидении, полностью обанкротились. Народ они сохранить не смогли.

Хотя уже приходилось писать, что механизм вымирания нашего маленького народа, запущенный либеральными реформами, понятен. Первый удар в 90-е годы пришелся по жителям села и прежде всего мужчинам работоспособного возраста. Что поделаешь, такой у нас народ – один обанкроченный «эффективными собственниками» совхоз – это не один десяток преждевременных могил на деревенском кладбище. В лес, основу жизнедеятельности коренного населения, тоже пришел частный бизнес, для которого главное – прибыль. Что опять же привело к безработице и вымиранию целых поселков…

Следом за закрытием производства закономерно последовала оптимизация социальной сферы... Сколько в карельских селах и деревнях закрыто участковых больниц, ФАПов, почтовых отделений, малокомплектных школ? Сколько отменено регулярных в советское время автобусных рейсов?

Об этом деятели карельского движения молчали, осваивая деньги, выделяемые на «сохранение карельской культуры». Насколько это было результативно, можно проиллюстрировать одной картинкой. Закрытая, «оптимизированная» школа в маленькой, полувымершей карельской деревне. В покинутом и уже разгромленном здании, в одном из классов, где уже никогда не будут учиться дети, лежит забытая коробка с новыми учебниками карельского языка. Изданными на бюджетные деньги, но никому не нужными…» [Степанов 2023].

В чем-то сходные комментарии итогов переписи можно найти на многих сайтах, что свидетельствует о необходимости срочно менять приоритеты в региональных моделях этнополитики и, в частности, в языковой и образовательной политике, о чем уже сказано выше. Действительно, программ развития языков и культур титульных групп в республиках достаточно, учителей этнических языков и учебников тоже в большинстве случаев хватает, деньги для реализации указанных программ выделяются регулярно, но эффекта нет, а значит надо вносить существенные коррективы в методы и практику языковой политики и языкового образования в регионах проживания финно-угров, искать новые ресурсы для повышения их эффективности, пересматривать модели, а точнее – формы реализации региональной этнополитики, обращать серьезное внимание на качество подготовки специалистов, занятых в названных сферах деятельности.

Глава 4

Языковое образование и практика языковой политики в республиках с финно-угорским населением

Национальная школа и система языкового образования, тесно сопряженная с этническими языками для большинства этнических групп, исторически сформировавшихся на территории России, была создана в 1920 – 1930-е гг., и первоначально ее задача была ограниченной – ликвидация неграмотности населения и получение представителями меньшинств минимальных образовательных компетенций. Поэтому в начальном звене образования обучение вполне успешно могло осуществляться на этнических языках.

Но по мере роста образованности населения, формирования национальных литературных традиций, становления широкой прослойки национальной интеллигенции и становления разнообразных форм профессиональной культурной деятельности (журналистики, литературного творчества, сценического искусства и пр.) естественным образом происходил рост престижа образования в целом и особенно высшего, для получения которого необходимо было иметь хорошее знание русского языка, поскольку преимущественно с его помощью можно было добиться получения необходимых профессиональных компетенций в той или иной сфере деятельности и обеспечить себе успешную карьеру.

Усиление роли русского языка во всех сферах жизни началось с 1950-х гг., когда началась массовая миграция сельского населения в города (поскольку селяне получили паспорта и обрели реальную свободу передвижения), многие народы из аграрных сообществ стали стремительно превращаться в городские, происходило приобщение бывших сельских жителей к стандартам городской жизни.

Поэтому начался прогрессирующий упадок как культурной значимости, так и сферы функционирования миноритарных языков, а реформа школы 1958 г. создала юридическую базу для того, чтобы родители смоги свободно выбирать язык обучения для своих детей. Именно под давлением родительской общественности в 1960–1970-е гг. началось стремительное сокращение школ, где преподавание велось на языках меньшинств, т.е. это был сознательный выбор самих представителей меньшинств, хотя в 1990-е гг. некоторые этнические активисты пытались представить названное явление как принудительную русификацию.

А поскольку это был сознательный выбор, обусловленный к тому же глубокими изменениями в социальном и культурном облике многих этнических групп и в их этнокультурных ориентациях, постольку раз-

вернуть этнокультурные ориентации на 180 градусов было невозможно. Тем не менее опасения этнически ориентированных граждан по поводу того, что языки национальных меньшинств «вымирают», имели под собой основания. И не случайно на рубеже 1980–1990-х гг., когда в России происходили глубокие политические и экономические трансформации, возникли этнические и этнополитические движения, идейной основой которых была «возрожденческая риторика», т.е. «декларируемая борьба за возрождение» языка и культуры самых разных этнических групп. Многие из этих групп насчитывали сотни тысяч человек и были очень далеки от вымирания, но идея их «возрождения» нашла отражение в самом названии многих этнических организаций – «Комитет возрождения коми народа», общество «Вельмема» («Возрождение» в пер. с эрзянского) и т.д.

В центре дискуссий с начала 1990-х гг. находилось положение этнических языков и методов их изучения. Понимая, что общественные настроения изменить им вряд ли удастся, этнические активисты в регионах стали лоббировать идею привлечения административного ресурса с тем, чтобы насильно заставить детей, родители которых принадлежали к тем этническим сообществам, чьи интересы они якобы отстаивали, изучать языки, на которых говорили их предки. Для усиления позиции языков решено было заодно заставить изучать языки «коренных народов» и детей из семей представителей всех других народов, проживающих в республиках. Подобная практика противоречила идее конституционного равенства прав граждан (как и деление территориальных сообществ на разностатусные группы – «коренной народ» и «некоренное население»), а также и правам человека, в частности, праву на культурную свободу. Но нарушение Основного Закона РФ и прав человека было поддержано в целом ряде республик, и было внедрено языковое образование, вызвав многочисленные протесты «некоренного населения». Все эти протесты на протяжении ряда лет никак не влияли на позиции политических институтов, а местные законотворцы и конституционные суды (как это ни странно) не усматривали в нарушениях конституционных прав граждан РФ посягательств на Конституцию страны.

В числе ярых приверженцев названных практик были и региональные филологи, некоторые из них утверждали, что «обязательность изучения есть лишь охранная норма» [Кудряшова 2005]. Но встает вопрос, кого и от чего эта «норма» должна охранять? Получается, что обязательность изучения направлена против культурного влияния этнических соседей! И дело даже не в том, что директивное внедрение языков титульных групп в программы школьного обучения на деле оборачивается против этих же языков и их носителей. Насильно навязанный язык становился одним из самых нелюбимых школьных пред-

метов (что и показала практика), и нелюбовь к языку как предмету дети вольно или невольно начинают переносить на его носителей. Тем самым формируется почва для будущих конфликтов или межэтнической напряженности.

Директивное внедрение в практику обучения языков титульных групп почти сразу породило конфликты интересов, которые дали о себе знать во многих регионах страны, включая республики с финно-угорским населением.

В Коми родители учеников, особенно в северных городах республики, где доля коми очень низка, собирали подписи под петициями против изучения коми языка в школах республики, были направлены заявления в Государственный Совет республики, к Главе Коми, в Верховный и Конституционный суды, имели место острые дискуссии в интернет-изданиях. Однако все эти обращения были отвергнуты, а судебные инстанции заявили, что никаких нарушений российского законодательства в сложившейся практике они не усматривают. Между тем, стоит заметить, что в это же самое время принималась новая редакция федерального закона «Об образовании» и, обосновывая изменения, тогдашний министр образования РФ А. Фурсенко заявлял, что они необходимы, поскольку в республиках нарушается и российская Конституция, и законы РФ [Воронцов 2010].

Тем не менее власти республик оказывали давление на систему образования и откровенно игнорировали не только российские законы, но и основополагающую идею конституционного равенства граждан. Так, к примеру, бывший Глава Коми В. Гайзер, который, к слову, ныне находится под следствием, на конференции «Единой России» 15 января 2011 г. заявил: «Наш главный приоритет – развитие культуры коренного народа» [БНКоми представляет 2011]. Такие заявления противоречили конституционному равенству прав граждан, но они основывались на убеждении многих политических лидеров в том, что в национальных республиках РФ власти в первую очередь должны всячески демонстрировать лояльность к титульной этнической группе [Шабаев, Чарина 2010]. Но подобная избирательность как раз и создает основу для конфликтов (потенциальных или реальных) и превращает республиканские социумы в разделенные сообщества.

В чем причина устойчивости названного восприятия республиканских собществ? Здесь уместно сослаться на мнение известного философа В. Малахова: «Российское общественное сознание определено националистическими представлениями об этничности. Это представление, во-первых, об этнической принадлежности как естественном свойстве индивида, во-вторых, об этносах как автономных субъектах социального и политического действия, в-третьих, о том, что определенный народ на

«своей» территории должен обладать большими правами, чем остальные» [Малахов 2005: 239].

Но не вызывает сомнений, что многочисленные претензии на официальное навязывание преподавания языков титульных групп нетитульному населению со стороны родителей учеников есть свидетельство того, что проблема обучения языка меньшинств была довольно остра и сложна, а имевшие место практики не способствовали укреплению межэтнического согласия. Между тем во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН еще в 1948 г., в 26-й статье говорится: «Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми, религиозными группами...» [Всеобщая декларация 1948].

Не добившись ожидаемой реакции на свои обращения, общественность и педагогические коллективы школ в северной части Республики Коми приступили к тихому саботажу навязанной республиканским Минобром школьной программы, и преподавание коми языка в северных городах и районах республики быстро превратилось в очевидную формальность [Подвинцев 2017].

В Мордовии, как показала практика, приказ Министерства образования от 2004 г. о введении обязательного изучения мокшанского или эрзянского языков в школах также практически игнорировалось, поскольку он был труднореализуем. В этой связи активист мордовского движения М.В. Мосин заявил: «Из-за бюрократических подходов и *нигилизма со стороны руководства некоторых школ* (курсив – наш) большой работы по пропаганде родных языков не видно. Не скрою, что в отдельных школах республики ситуация с мордовскими языками неплохая – они ведутся там как полноценные предметы. Но в ряде школ эти предметы заменены факультативами. Это нас не удовлетворяет. Это говорит о том, что приказы Министерства образования попросту игнорируются. Поэтому совместно с министром мы решили создать комиссию для проведения мониторинга. В ходе него будут выявлены школы, в которых преподавание родных языков не ведется или ведется в недостаточном объеме» [Инсарова 2008].

Таким образом, получилось, что *для внедрения мордовских языков и коми языка в практику школьного образования было необходимо давление на образовательные институты со стороны республиканских властей.* Такая языковая политика не вызывает одобрения у многих специалистов, но важно то, что в российских условиях она не могла быть эффективной и нанесла удар по престижу языков этнических меньшинств.

Общественное недовольство вышеназванной практикой было столь сильно, что дело дошло до обращений к Президенту РФ, который активно поддержал идею культурной свободы, высказавшись за добровольное изучение языков летом 2017 г.

Важно, однако, учитывать не только позицию властей, но и анализировать отношение самого населения национальных республик к проблеме преподавания языков титульных групп.

Проведенный в 2001 г. массовый опрос населения Марий Эл показал: за то, чтобы все дети в школах изучали марийский язык, высказалось 38,9% респондентов [Межнациональные 2002: 110]. Опрос населения Удмуртии, проведенный в 2002 г., показал, что в этой республике 31,7% удмуртов безусловно согласны с тем, чтобы удмуртский язык преподавался во всех школах республики в качестве обязательного предмета (еще 35,8% «скорее согласны» с этим, среди русских респондентов «безусловно согласных» лишь 3,0% («скорее согласных» – 14,1%) [Смирнова 2002]. Сходные данные были получены и в Мордовии. Самая большая доля респондентов во всех случаях ратует за то, чтобы язык титульных групп изучался учащимися только по желанию (от половины до двух третей). Но картина существенно меняется, если мы станем анализировать позиции разных этнических и социальных групп населения.

Показательно, что среди коми в РК доля тех, кто в начале 2000-х гг. считал необходимым, чтобы все дети в школах изучали коми язык, составляла *35,8%, а среди русских респондентов – только 13,3*%. Соответственно за свободный выбор высказались 48,4% и 59,8% опрошенных среди названных этнических групп. Примерно аналогичная ситуация и в Коми округе, где, однако, доля выступающих за свободу выбора была выше. Такова же ситуация отмечена и в Марий Эл: здесь 19,4% русских выступали за необходимость обучения марийскому языку всех школьников республики и 62,1% марийцев, а против этого соответственно 65,7% и 23,7% [Межконфессиональные и межнациональные отношения 2016: 16].

Самым показательным свидетельством усиливающегося культурного конфликта явились результаты опроса, который был проведен коми этнографами совместно с пермскими коллегами в 2012 г. в Коми и Коми-Пермяцком округе (опрошено 800 чел.). За обязательное изучение коми языка в школах республики и округа всеми школьниками в целом в обоих регионах высказалось только 34% всех респондентов. Но при этом среди русских респондентов подобную практику поддержали 17,9%, а среди коми – 47,7% (среди коми-пермяков – 41,8%). Расхождения в позициях представителей различных этнических общин по этому вопросу были и ранее (что фиксировалось данными опросов), но никогда прежде они не были столь радикальными.

Приведенные нами выше данные со всей очевидностью свидетельствовали, что в первой половине 2010-х гг. в регионах проживания российских финно-угров стал очевиден конфликт интересов, а точнее ска-

зать, – конфликт этнокультурных (этноязыковых) позиций в отношениях между крупнейшими этническими общинами населения в «финно-угорских республиках» РФ. Но, впрочем, этот конфликт имел более широкие географические рамки, поскольку недовольство практикой языкового образования имело место и в Татарстане, и Чувашии, и Северной Осетии, и в Якутии, и ряде других регионов, что выражалось не только в общественных настроениях, имевших место в указанных регионах, но и в многочисленных обращениях от имени родителей школьников в различные государственные инстанции.

Данные исследований, проведенных в апреле и мае 2017 г. в ряде регионов РФ (программа разработана Институтом этнологии и антропологии РАН), в том числе и в Республиках Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии (в каждом регионе опрошено по 30 экспертов, 150 учеников 8 – 11 классов в городских и сельских школах, 150 родителей учеников 1 – 11 классов в городах и селах республики и 150 студентов вузов) также весьма показательны. Итоги опроса показали, во-первых, что подавляющее большинство экспертов, родителей школьников, самих школьников и студентов признают значимость этнокультурного образования и выступают за то, чтобы такое образование получало дальнейшее развитие.

Что касается изучения языков титульных этнических групп (опрос был проведен до известного заявления Президента РФ, прозвучавшего в Йошкар-Оле), то здесь, как и ожидалось, за обязательное изучение языков титульных групп высказалось меньшинство опрошенных, а идея полного перевода образования на языки меньшинств вообще не получила поддержки, в том числе и со стороны респондентов и экспертов из числа титульного населения республик (табл. 6-9).

Таблица 6

Отношение к преподаванию коми языка в школах
Республики Коми, % (опрос, проведенный в апреле-мае 2017 г.)

Группа/ вариант ответа	**Национальный язык не нужен**	**Только общее знакомство**	**Стандартное изучение национального языка**	**Углубленное изучение**	**Обучение на национальном языке**
школьники	44,7	28,0	21,3	4,7	0,7
родители	23,3	34,7	36,0	4,0	1,3
студенты	32,0	35,3	28,0	2,7	0,7

Таблица 7

Отношение к преподаванию удмуртского языка в школах Республики Удмуртия, % (опрос, проведенный в апреле-мае 2017 г.)

Группа/ вариант ответа	Национальный язык не нужен	Только общее знакомство	Стандартное изучение национального языка	Углубленное изучение	Обучение на национальном языке
школьники	49,0	25,5	22,2	2,0	1,3
родители	40,7	38,7	18,6	2,0	0,0
студенты	40,5	23,0	25,7	10,1	0,7

Таблица 8

Отношение к преподаванию марийского языка в школах Республики Марий Эл, % (опрос, проведенный в апреле-мае 2017 г.)

Группа/ вариант ответа	Национальный язык не нужен	Только общее знакомство	Стандартное изучение национального языка	Углубленное изучение	Обучение на национальном языке
школьники	42,0	33,4	19,4	4,0	0,6
родители	28,7	41,3	26,7	2,0	0,0
студенты	46,6	25,4	20,6	7,4	0,0

Таблица 9

Отношение к преподаванию мордовских языков в школах Республики Мордовия, % (опрос, проведенный в апреле-мае 2017 г.)

Группа/ вариант ответа	Национальный язык не нужен	Только общее знакомство	Стандартное изучение национального языка	Углубленное изучение	Обучение на национальном языке
школьники	54,0	30,0	12,0	4,0	0,0
родители	33,0	39,0	26,0	1,0	0,0
студенты	61,0	22,0	15,0	2,0	0,0

Но при этом важно заметить, что результаты опроса показали высокий уровень толерантности, продемонстрированный респондентами в отношении культурных ценностей титульных групп и, в первую очередь, их языка. Сама идея преподавания языков финно-угров не вызывает неприятия у опрашиваемых, а большая часть из них поддерживает различные формы знакомства учеников с языками титульных групп. Фактически респонденты проявили большую степень толерантности по отношению к межкультурному взаимодействию, нежели власти их регионов, которые склонны к прямолинейным решениям в сфере организации межкультурного диалога, хотя вдумчивая этнополитика не может строиться на грубом администрировании.

Анализ различных социолингвистических параметров башкирского, осетинского, ингушского, чувашского, коми, татарского, марийских, мордовских, удмуртского, якутского, тувинского и многих других языков позволяет специалистам дать достаточно высокую оценку их жизненности (витальности). Однако было отмечено, что перспективы их дальнейшего функционирования связаны с тем, будут ли экстралингвистические факторы способствовать или препятствовать функциональному развитию этих языков. А таких факторов очень много, и главный из них – это позиция самих потребителей языка.

Но многие лингвисты на местах не склонны принимать во внимание мнения простых потребителей языка и занимают позицию неких культуртрегеров, берущих на себя роль культурных цензоров, определяющих, какие культурные ценности и в какой форме необходимы той или иной этнической группе. Они громко заявляют о том, что языки малых народов находятся под угрозой исчезновения и их необходимо срочно «спасать». Какие методы предлагаются для «спасения», и насколько они могут быть эффективны? Первое, что предлагается, – увеличение количества часов, отводимых для изучения национальных языков в школах. Второе предложение, которое уже попытались реализовать на практике, – ввести обязательное изучение языков титульных этнических групп в республиках не только представителями самих этих групп, но и всеми учащимися. Третье – масштабное обновление словарного состава языков («очищение» языков) и изгнание из них русских заимствований и интернационализмов.

Количество часов, отводимых в разных национальных республиках для изучения этнических языков разное, но даже в национальных школах, где все обучение переведено на языки отдельных народов, учителя нередко *вынуждены пользоваться русским языком на уроках по предметам, связанным с изучением основ таких наук как физика, математика, химия, ибо в миноритарных языках научно-техническая лексика остается неразвитой*, причем это касается и тех язы-

ков, число носителей которых исчисляется миллионами (например, татарского).

В большинстве школ, где ведется преподавание языков народов России, этнические языки изучаются сегодня как предмет по выбору, и количество часов, отводимых для их изучения, как правило, относительно невелико. Поэтому самым распространенным требованием у этнических активистов и поддерживающих их местных языковедов является увеличение количества часов, отводимых в рамках школьной программы на изучение этнических языков. Но сразу же возникает ряд сложных вопросов, на которые сторонники данной идеи должны дать глубоко обоснованные ответы: *сколько часов в неделю необходимо для изучения этнических языков, за счет каких предметов школьной программы можно увеличить эти часы, насколько готовы к увеличению часов ученики, и как примут это их родители*? Однако ответы на данные вопросы никто из специалистов не дает, включая и ярых сторонников указанных методов решения проблемы языкового образования.

К тому же очень мало обсуждается вопрос о необходимости разработки новых эффективных методик изучения языков, ибо старые часто не дают должного эффекта и механическое увеличение часов, отводимых для изучения этнических языков, вряд ли способно изменить к лучшему качество языкового образования.

Одно время в некоторых республиках очень популярной была идея внедрения так называемых *языковых гнезд*, с помощью которых якобы можно сохранять и развивать язык меньшинства. Этот подход к обучению языкам основан на идее погружения в язык (впервые опробованной на практике среди саамов Финляндии) и направлен в первую очередь на детей дошкольного возраста. Заключается данный метод в том, что в образовательных учреждениях всё общение воспитателей и обслуживающего персонала с детьми ведется только на родном языке; таким образом, взрослые носители языка принимают участие в образовании детей с самого раннего их возраста, тем самым осуществляя передачу языка между поколениями.

Методика языковых гнезд применяется в первую очередь для возрождения (ревитализации) языков. Как показала практика, данная методика наиболее эффективна в тех случаях, когда требуется принимать срочные меры по спасению языков малых народов, особенно если общение внутри семей происходит уже не на родном языке. Одна из проблем, связанная с этой методикой, заключается в том, что для её использования требуются высококвалифицированные специалисты – как педагоги, так и методисты, а также и большие организационные усилия, широкая поддержка общественности. Если на селе ее еще как-то можно реализовать, то в условиях поликультурной среды городов она чаще всего оказыва-

ется неэффективной, а все попытки ее внедрения на деле оказывались фикциями.

Массовый и осознанный отказ представителей меньшинств от использования своих этнических языков («родных» в трактовке этнических активистов) привел к тому, что многие этнические активисты и эксперты увидели единственную возможность сохранять и развивать этнические языки в том, чтобы насильно заставлять представителей «своего» народа/этнических меньшинств изучать этнические языки в школе. Поскольку, как уже отмечалось выше, невзирая на принципы конституционного равенства прав граждан, республики рассматривались в качестве коллективной собственности «коренного народа», а сами эти народы символически маркировались как «главные», постольку для успеха языкового всеобуча необходимо было заставить и школьников, которые считают себя представителями других этнических групп, изучать язык «главных народов». Подобное решение очевидно таило в себе серьезный конфликтный потенциал, но тем не менее практику языкового всеобуча стали реализовывать в Татарстане, Чувашии, Коми, Марий Эл, Мордовии и ряде других республик, что вызвало в одних многочисленные и длительные протесты среди русскоязычного населения, в других – тихое саботирование учителями и учащимися языковых уроков.

Отмена же «обязаловки» в 2018 г. в свою очередь спровоцировала протесты среди национальной интеллигенции, а апофеозом протестных действий стал акт самосожжения Альберта Разина.

Но если язык можно сохранить только за счет административных подпорок, а его изучение надо вводить «под палками», то он никак не может быть уважаемым, а между тем опросы последних лет показывали, что отношение населения к языкам титульных этнических групп в республиках положительное среди всех этнических групп их населения, а сама идея его изучения тоже не вызывает возражений, но большинство респондентов выступало только за добровольный принцип его изучения. *Меры же административного насаждения принудительной практики изучения языков титульных этнических групп в республиках по сути своей оказывались направлены на то, чтобы разрушить позитивное отношение к языкам названных групп со стороны иноэтничного окружения. Такая политика явно противоречила нормам, декларируемым в доктринальных документах, на основе которых строится как региональная, так и федеральная государственная национальная политика.*

При этом признание полезности изучения языка предков отнюдь не означает на практике, что те, кто говорит об этом, сами будут его изучать или захотят, чтобы его изучали их дети (как показывает практика). Языковой радикализм, нередко питаемый личными амбициями отдель-

ных представителей элит, может только подорвать в целом позитивное отношение всех групп населения в республиках и регионах РФ к языкам титульных групп.

Как уже сказано выше, удовлетворению личных амбиций языковедов в национальных республиках служит и их увлечение словотворчеством, призванным «очистить языки» от заимствований, без которых, кстати, языки теряют свою жизненную силу, но для практики языкового образования и языковой политики в целом, судя по мнениям самих потребителей языковых знаний, это увлечение губительно, и надо не решительно обновлять словарный состав, а более решительно совершенствовать практику изучения миноритарных языков.

Неотложными проблемами являются как раз те, на которые в республиках почему-то обращают мало внимания. Во-первых, это проблема повышения качества языкового образования, внедрения новых инновационных методик, позволяющих успешнее осваивать языковые компетенции. Во-вторых, это реализация комплекса мер, направленных на повышение престижа миноритарных языков, для чего необходимо ориентировать всю языковую политику, включая изучение языков в школах, на интересы потребителей языка. Во-третьих, это проблема мотивации учащихся (и не только их), для решения которой удачной формой является воспитание наследием, т.е. повышение интереса учащихся к прошлому края, своей малой родины и своей семьи, представление языка предков как личного культурного достояния. В-четвертых, это проблема кооперации школы и семьи, ибо если язык не используется в семье, то школа не сможет научить языку. Для многих специалистов очевидно, что проблема сохранения и развития языков с помощью образовательных программ не может быть решена, если к образовательному процессу не будет подключаться семья. Поэтому в ряде стран языковое образование обязательно включает и семейную языковую политику. *Семейная языковая политика должна стать важным предметом обсуждения в республиках и обязательным элементом общереспубликанских моделей языкового образования*.

Исходя из всего вышесказанного очевидно, что нужны новая стратегия и практика языковой политики, которых пока нет.

Крупным недостатком языкового строительства в республиках с финно-угорским населением является то, что ни в одной из них нет детально разработанных программ по формированию имиджа языков титульных этнических групп (этот упрек можно адресовать и образовательным институтам в других республиках).

Формирование имиджа – это сложная проблема, и ее обсуждение российскими специалистами лишь начинается (см. выше), хотя в других странах она уже давно стала предметом серьезного анали-

за [Haarmann 1991]. Задачей создания имиджа языка является развитие навыков владения языком, формирование позиции по отношению к языку и широкая популяризация языка в обществе, за счет которой его реноме среди пользователей становится позитивным и привлекательным.

В современной мировой практике языковой политики, особенно в сложносоставных сообществах, именно этому направлению уделяется особое внимание. В программах повышения привлекательности языка на первом месте стоит задача формирования общественного мнения о престижности языка, но тесно увязана с ней и задача так называемого «языкового маркетинга», решение которой призвано изменить языковое поведение носителей недоминантных языков, а сам язык представить как своеобразный продукт в сфере общественного потребления, рекламируя преимущества и достоинства этого продукта [Baker 1998].

В результате последовательных маркетинговых усилий язык должен становиться привлекательным и востребованным продуктом в первую очередь на информационном рынке. Здесь стоит заметить, что отдельные энтузиасты пытаются создавать новые информационные ресурсы (продукты), связанные со сферой функционирования этнических языков, но эта работа до сих пор не приобрела системного характера. Разработчикам региональной языковой политики следует иметь в виду, что современные информационные продукты, нацеленные на пропаганду финно-угорских языков (и языков других народов), не могут и не должны создаваться под патронажем региональных языковедов, а тем более этнических активистов. Такие продукты должны готовить специалисты IT-индустрии и молодежные активисты (в кооперации с социолингвистами, социологами, психологами), поскольку молодежь лучше понимает, что сегодня интересно их сверстникам. Примером такого рода деятельности служит разработка приложения к смартфонам «Мой тувинский язык», которая создана студентами Тувинского университета.

Можно и нужно активнее использовать зарубежный опыт, особенно прагматичные практики. Здесь интересен пример скандинавских саамов, который показывает, что язык можно успешно сохранять и развивать за счет его визуализации и коммодификации. Визуализация в первую очередь должна использоваться в интернет-ресурсах, на которые, как сказано выше, сегодня ориентирована молодежь. Данные исследований показывают, что обучающиеся в средних образовательных учреждениях по всему миру легче усваивают информацию на примере графиков, схем, таблиц, ярких графических изображений и образов.

Коммодификация – это процесс, в ходе которого все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стои-

мость и фактически становится товарами, покупаемыми и продаваемыми на рынке. Наиболее успешный пример использования этого метода для сохранения этнических культур и превращения их в привлекательный рыночный продукт – этнографический туризм. Так, к примеру, вовлекаемые в процесс коммодификации саамские языки превращаются в ресурс оригинальности и аутентичности. Язык получает дополнительные ресурсы для развития, поскольку выступает в качестве «визитной карточки» региона.

Поэтому сегодня главная задача тех, кто озабочен положением языков этнических меньшинств, состоит в поиске новых ресурсов, которые помогут их сохранению и развитию.

Культурно-языковое многообразие России сохраняется много столетий. Россия как была, так и остается многоязычной.

При этом миноритарные языки в условиях прогрессирующей урбанизации и глобализации последовательно теряли свое значение, и многие представители меньшинств переходили на использование русского языка, поскольку этот язык имеет больше всего носителей, наиболее развит в лексическом плане и является единственным государственным языком России как государства.

Языковая политика – это самостоятельная проблема, которая не имеет жесткой связи с сохранением культурной самобытности, ибо главную роль в культурной преемственности играет этническое самосознание – идентичность, т.е. отождествление человека себя с культурным сообществом.

Для успеха языковой политики необходимо решать целый ряд проблем, среди которых, конечно, заметное место занимает проблема нормирования языков и обогащение их лексики, т.е. сугубо лингвистическая проблема.

Что касается языкового образования, то здесь необходимо решать как методические проблемы, так и проблему объединения усилий школы и семьи. Но общей проблемой для сохранения языков меньшинств является на сегодня проблема повышения их престижа и поиска новых ресурсов для языкового развития.

Обобщая все вышесказанное, можно утверждать, что статус языков мало влияет на их престиж, функциональные возможности и востребованность языка среди его потенциальных носителей.

Финно-угры, особенно молодежь, продолжают активно переходить на использование русского языка. Трактовать этот процесс как «катастрофу» или некое негативное явление вряд ли корректно, так как этот переход осуществляется сознательно как личный рациональный выбор отдельных представителей титульных этнических групп, которые тем самым реализуют свое право на культурную свободу. При этом то же са-

мое происходит во многих других странах, ибо процессы урбанизации, глобализации и унификации неизбежно усиливают значение глобальных языков или языков доминантных культурных групп и ведут к унификации образа жизни и культурного потребления, что в свою очередь усиливает стремление к культурной свободе, отказу от лояльности к своим культурным корням – к идее «крови и почвы».

Однако, безусловно признавая право на культурную свободу, необходимо отметить, что проблема сохранения языков и повышения их востребованности остается актуальной задачей региональной языковой политики. Для этого следует решить несколько практических задач, имеющих не столько лингвистический характер, сколько социальный. В частности, речь идет о разработке региональных программ по формированию общественного мнения, которое бы воспринимало языки народов РФ как специфическую культурную ценность, как престижное и полезное для его носителей знание и одновременно содержали меры, направленные на внедрение в практику языковой политики качественного языкового маркетинга.

Что касается решения задачи расширения функций языков финно-угорских народов, то ее решение чрезвычайно сложно, поскольку в свою очередь требует активных усилий для реализации масштабных гуманитарных проблем: завершения нормирования языков, определения допустимых пределов лексических заимствований и словотворчества, разрешения проблемы оптимального соотношения литературных языков и диалектных форм, а также многих других, которые до сих пор не решены финно-угорскими языковедами и специалистами во многих других республиках.

Как уже отмечалось, анализ социолингвистических параметров коми, удмуртского, марийского, мордовских языков, а равно и многих других языков народов РФ позволяет дать достаточно высокую оценку их жизненности [Письменные языки 2000]. Если же говорить об их дальнейшем развитии и функционировании, то оно зависит от того, какие экстралингвистические факторы будут способствовать или препятствовать этому процессу.

В социологическом плане кажется очевидным, что для контактов внутри группы и укрепления ее самости необходимо, чтобы связи внутри группы превалировали над внешними контактами, а значит в этом контексте важно, чтобы этнические языки строились и пропагандировались как инструмент интеграции. Но это же диктует необходимость ориентировать языковое строительство именно и, прежде всего, на *конечного потребителя культурных ценностей.* Иными словами, схоластические упражнения филологов, связанные с форсированным словотворчеством, и другие эксперименты с языками нельзя признать

продуктивным подходом к проблемам языкового строительства, поскольку *они не учитывают интересы простых пользователей языка и интегративную функцию языка*, а только способствуют утрате языковых компетенций представителями титульных групп. У носителей финно-угорских языков всегда есть под рукой мощный языковой ресурс – русский язык, а потому, если «родной язык» становится непонятен, они естественным образом и очень быстро переходят на использование русского языка.

Имевшие место попытки сделать язык титульных этнических групп обязательным предметом для изучения в средних школах национальных республик вряд ли можно считать конструктивными, поскольку они порождали конфликт интересов между разными этническими группами населения и нужна более гибкая языковая стратегия для пропаганды ценности языков меньшинств. Тем не менее от самой идеи языкового всеобуча местные специалисты отказываются с трудом и явно не стремятся искать альтернативные формы языкового образования. Так, в Коми после выступления Президента в октябре 2017 года был издан приказ Министерства образования, который отменял обязательное изучение коми языка в школах республики. Реакция на этот приказ была бурной, и на конференции коми народа в столице республики даже раздавались требования уволить министра образования, подписавшего этот приказ [Участники конференции 2017].

Поддавшись давлению со стороны этнических активистов и этнически ориентированных местных политиков и экспертов, Глава Республики Коми приостановил действие названного приказа.

В Удмуртии в октябре 2017 г. (т.е. после известного выступления В. Путина в Йошкар-Оле) Совет старейшин Удмуртской республики обратился к Главе Удмуртии с наказами, в которых, в частности, говорилось о том, что «удмуртский этнос занесен ЮНЕСКО в список исчезающих народов» (*имеется в виду, видимо, сомнительная карта исчезающих языков, подготовленная в свое время этой организацией – авт.*). А поскольку удмурты «исчезают», постольку надо ввести обязательное изучение удмуртского языка во всех школах Удмуртии [Обязательное изучение 2018].

Попытки же навязывания языков меньшинств большинству нарушают права личности и не могут решить проблемы повышения престижа миноритарных языков, а только усложняют межэтнические отношения. Очевидно также, что абсолютизация роли языка и политизация языкового строительства не решают проблемы сохранения языков финно-угров и не дают ответа на вопрос, как сохранять язык. Уповать на политические методы решения этой проблемы можно, но ни государственный патернализм над меньшинствами, ни навязывание с помощью государства

культурных стандартов меньшинства большинству не смогут решить языковые проблемы.

Языковое образование не есть узколокальная проблема, поскольку изучение языков необходимо рассматривать в более широком культурном контексте, а именно: в контексте постижения учащимися культурного наследия своего народа или своих предков, укоренения представлений о культурной сложности местного территориального сообщества и страны в целом, в контексте пробуждения у школьников и молодежи в целом интереса к историческому наследию. Языковое образование, конечно, является отдельной проблемой, но отнюдь не изолированной, а потому оно должно быть тесно интегрировано в систему гуманитарного образования в целом. Сегодня, на наш взгляд, достаточного уровня сопряженности языкового образования с общегуманитарной подготовкой еще нет.

В языковую политику необходимо включать не только меры по совершенствованию ее правовой базы и методов языкового образования, но и сферу социальной инженерии, которая должна заключаться в том, чтобы в обществе последовательно формировалась не только терпимость к многоязычию, но и позитивное отношение к ней у всех групп населения. *Граждане должны понимать и признавать, что все языки и культуры равны, и их носители являются равными членами единых гражданских сообществ – как региональных, так и российской гражданской нации в целом.*

А с другой стороны, *необходимо организовать и постоянно поддерживать усилия по культурно-языковому просвещению населения, целью которого должно стать доминирование в российском обществе не только безусловного понимания изначальной поликультурности и многоязычия российского общества (т.е. начиная со времени возникновения российской государственности), но и формирование в нем негласных культурных стандартов, свойственных сложносоставным обществам.* Речь идет о том, что в ситуации межкультурных контактов, в полиэтничной и многоязыковой культурной среде каждому отдельному ее представителю надо пользоваться тем языком, который понимают все члены полиэтничного коллектива.

Глава 5

Этнокультурное образование как механизм реализации государственной национальной политики: социальный запрос и культурные практики

В последние годы в России часто можно было слышать различные рассуждения об этнопедагогике, которая превратилась в полноценный учебный курс [Волков 2000], а доклады на данную тему присутствуют не только на профессиональных учительских конференциях, но и на специализированных форумах обществоведов. Во многих местах создаются этнопедагогические центры, проводятся семинары по этнопедагогике, и при этом сама этнопедагогика как целостная и глубоко продуманная часть образовательного процесса в России практически отсутствует, равно как и понимание того, как необходимо включать этнические проблемы в практику преподавания гуманитарных и социальных дисциплин.

Что собой представляют попытки внедрить этнопедагогику в школе сегодня? Чаще всего речь идет о том, чтобы реанимировать некоторые элементы традиционного воспитания, характерные для той или иной местности и того или иного народа и включить их в воспитательный процесс современной школы. Поскольку не очень понятно, что из прошлого педагогического опыта, *который имел сугубо семейный характер*, можно и нужно применять в общественном воспитании, постольку в представлениях современных апологетов этнопедагогики нередко царит совершеннейшая эклектика. Довольно часто этнопедагогические эксперименты ограничиваются лишь попытками привить учащимся навыки традиционных ремесел: плетение корзин, изготовление туесов, гончарных изделий и т.д. Но порой педагоги пытаются сопровождать эти сугубо практические занятия некой культурно-просветительской работой на тему «Как хороши были традиции наших предков до того, как их стала вытеснять чуждая нашему народу космополитичная городская (американская, европейская, общероссийская) культура». Такая «этнопедагогика» превращается в своеобразный *факультатив по этноцентризму*, противоречит интересам общественного развития полиэтничных и поликультурных сообществ, каковыми на сегодня являются большинство государств и практически все российские республики, области и края.

В этой связи уместно задать вопрос о том, насколько вообще необходима этнопедагогика в современных образовательных системах и, в частности, в российских образовательных программах? Конечно, дать ответ на данный вопрос должны педагогические коллективы

каждой школы самостоятельно, поскольку с января 2011 г. вступил в силу новый федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), согласно которому каждое образовательное учреждение самостоятельно разрабатывает Основную образовательную программу (ООП).

Стоит заметить, что этнопедагогика находится все же на периферии учебных программ и воспитательного процесса в современных школах. А этнопедагогическими экспериментами заняты лишь отдельные неравнодушные педагоги, хотя, как сказано выше, их благие побуждения не всегда подкреплены пониманием сущности идей повседневной толерантности и имеют не столько гражданскую направленность, сколько опираются на своеобразно понимаемый местный патриотизм.

Полноправной частью учебных программ и учебного процесса становится этнокультурное образование (прежде говорили о региональном компоненте учебных программ), включающее как преподавание этнических (региональных) языков, так и уроки краеведения, истории родного края.

Здесь следует особо остановиться на понятии «этнокультурное образование». Принятый в 2012 г. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» *содержит исчерпывающий перечень понятий, касающихся отечественной системы образования. В числе базовых понятий термин «этнокультурное образование» отсутствует.* Однако статья 6 указанного закона, касающаяся полномочий органов власти субъектов РФ в сфере организации образовательных процессов, подтверждает право республиканских институтов учитывать этнокультурные особенности при формировании учебных программ. На этом основании в Коми [Концепция развития 2015] и Карелии [Концепция развития 2017] были утверждены республиканские Концепции развития этнокультурного образования. В других республиках с финно-угорским населением в многочисленных публикациях местных специалистов также постоянно муссируется идея этнокультурного образования, а конкретные школьные программы ориентируют педагогов на распространение среди учащихся этнокультурных знаний, причем основное внимание уделяется познанию этнических культур финно-угров, и именно эти темы наиболее разработаны и широко используются в практике преподавания, в то же время об этнических традициях других старожильческих групп населения говорится, как правило, лишь вскользь. Примером может служить хотя бы разработанная Марийским институтом образования программа для 1 – 11 классов «Культура народов Республики Марий Эл».

В этой связи мы принимаем термин «этнокультурное образование» не как легитимный, а как условный. При этом он, конечно же,

является отражением уже сформировавшиеся образовательных практик и идей.

Но первое, что необходимо сказать в связи с обсуждением идеи этнокультурного образования, – это не только некорректность самого термина «этнокультурное образование», а его смысловое содержание, которое как бы априори нацеливает педагогов на узкоэтнический подход, в то время как в интересах государства необходимо отходить от подобной трактовки. Следует не только избегать узкоэтнического образовательного подхода, но необходимо создавать учебную базу для широкого знакомства учащихся с культурным многообразием республик или областей в целом.

Постижение культурного наследия республики или области должно быть избавлено от какой-либо тематической избирательности, и оно должно строиться на широком описании общего культурного ландшафта региона и описании сложного этнического и религиозного состава населения и истории формирования сложных территориальных сообществ. Именно это, по сути, и есть *мультикультурное образование.* Названные программы и конкретные педагогические практики должны знакомить учащихся не только с культурным многообразием республики, области, края и страны в целом, но и формировать у них гражданское самосознание и гражданские идеалы, т.е. речь должна идти не только об этнокультурном просвещении и воспитании наследием, но и о формировании гражданского самосознания – граждановедении.

В этой связи полезно обратиться к анализу содержания некоторых концепций этнокультурного образования и программ по истории родного края, принятых в республиках.

Здесь весьма показательна упомянутая выше Концепция этнокультурного образования Республики Коми, утвержденная приказом № 255 Министерства образования Республики Коми от 23 ноября 2015 г., т. е. три года спустя после принятия «Стратегии государственной национальной политики», где ясно было указано на необходимость гражданской консолидации и формирование национального единства. Однако содержание названной концепции явно диссонирует с положениями, записанными в федеральных доктринальных документах, поскольку проповедует этноцентричную модель этнокультурного образования. В частности, в ее проекте говорилось следующее: «Основой этнокультурного образования является освоение *этнической культуры коми народа* (курсив авт.) в диалоге с культурами русского и иных этносов, проживающих в Республике» Коми…» [Концепция развития 2017]. Из окончательного текста документа эта одиозная фраза была исключена, но этноцентричный характер документа не поменялся.

Однако, как сказано выше, основой этнокультурного образования является воспитание у учащихся адекватных представлений о многонациональной природе Российского государства (многонациональном российском народе – российской нации) и исторически сформировавшейся поликультурности республиканских и местных сообществ, воспитание культуры толерантности среди учащихся. *А главной целью системы этнокультурного образования (вместе с другими образовательными и информационными системами) является формирование представлений о национальном единстве россиян.*

Сходным образом чиновниками (которым и принадлежит авторство концепций) понимается сущность этнокультурного образования и в Карелии, ибо в республиканской концепции этнокультурного образования сказано, что этнокультурное образование понимается «как целенаправленный педагогический процесс приобщения обучающихся к этническим культурам карелов, вепсов и финнов», а культурные традиции русского старожильческого населения и других этнических групп выпали из поля внимания разработчиков. Содержание названной концепции, как в Коми, не ориентировано на то, чтобы прививать учащимся адекватные представления о поликультурной природе российского общества в целом и сообщества, исторически сформировавшегося на территории Карелии.

В ряде республик (а тем более областей) нет концептуальных документов, касающихся этнокультурного образования, но те или иные практики этнокультурного образования есть везде, и они активно обсуждаются.

В 2017 г. в целом ряде республик и регионов РФ Институтом этнологии и антропологии РАН был проведен опрос (школьников, их родителей, студентов и экспертов), посвященный проблемам этнокультурного образования.

Большинство экспертов (в числе которых были преподаватели школ и вузов, государственные служащие, отвечающие за образовательную и национально-культурную политику) признали, что образовательные учреждения призваны по своей природе осуществлять помимо образовательного процесса и гражданскую миссию – формировать гражданское сознание у школьников. Никакой новации в этой позиции нет, поскольку *школа есть институт воспитания гражданства,* и, к примеру, во французской школе предмет граждановедение является одной из основных дисциплин. Эксперты были практически единодушны в том, что чувство гордости за Россию формируют как гуманитарные науки, так и история, и краеведение. Примерно то же самое было сказано о роли названных предметов в формировании чувства патриотизма, но и здесь очевидный «лидер» – история.

Необходимо особо подчеркнуть, что все группы опрошенных очевидно выделяют значимость истории в системе этнокультурного и гражданского (патриотического) воспитания. И это не случайно, ибо воспитание историей – давний и важный инструмент в арсенале социальной инженерии, и сегодня очень важно не допустить фрагментацию национальных версий истории под напором региональных исторических концепций. Между тем именно так порой и происходит в странах, где сформировались сложносоставные сообщества, *а отчасти попытки противопоставить исторические судьбы разных российских народов друг другу просматриваются в трактовке различных исторических сюжетов, присутствующих в школьных учебниках истории*, издаваемых в национальных республиках. В этом случае миссия воспитания историей становится вторичной или отсутствует вовсе, ибо авторы акцентируют внимание на узкогрупповых интересах и упускают из виду тот факт, что *формирование российского государства было совместным предприятием всех народов страны.*

В этой связи стоит вспомнить, что великий российский педагог и теоретик педагогики К.Д. Ушинский ввел в свое время термин «отечествоведение», под которым он понимал курс, дающий комплексные знания о конкретном крае, и этот термин не предполагал разделение этих знаний по этническому признаку и какой-то их этнической маркировки [Ушинский 1898]. Но именно это и происходит в современных практиках этнокультурного образования.

Так, к примеру, учебник краеведения для школ бывшего Коми-Пермяцкого округа носит название «Маленький пермяк» [Князева, Превильская, 2017], что изначально говорит о его однобокой направленности, и в ней, действительно, все внимание уделено коми-пермяцкому фольклору. При этом на территории округа, где коми-пермяки составляют большинство населения, расположен большой анклав русского старожильческого населения – юрлинцев, культурные особенности которых просто игнорируются, и они не рассматриваются как органичная часть местного территориального сообщества.

Коми республиканский институт развития образования разработал учебную программу по краеведению для 1-4 классов. В содержании раздела «Культурное богатство Коми края» [Культурное богатство 2019] подробно описан календарь коми охотника, промыслы и традиционные занятия коми, правила поведения промысловиков (охотников, рыбаков, грибников) в лесу (тайге, тундре) и на воде (реке, озере, болоте), средства передвижения коми народа, их жилище и надворные постройки, одежда и пища, многие другие элементы культуры коми, которые должны изучать школьники в рамках курса краеведения, причем аналогичным образом организовано изучение с 1 по 4 клас-

сы, т. е. на разных этапах освоения предметного курса. А о культуре русского населения сказано вскользь в одной строчке, где упомянута группа старожильческого русского населения. То же самое касается и других этнических групп населения, всего культурного многообразия региона.

Поскольку «Концепция этнокультурного образования Республики Коми» ориентирует школу на то, чтобы она изучала, прежде всего, культурные традиции коми, постольку с первых классов школы именно этому и только этому в курсе краеведения уделяется основное внимание, что *формирует у учащихся искаженное представление о культурном ландшафте республики*, где издавна проживают не только коми, но и русские, ненцы, обские угры, а с XIX столетия этнический состав начал постоянно и достаточно быстро усложняться и изменяться. На территории республики сформировались специфические группы русского и ненецкого населения (усть-цилемы и верхнепечорцы, колвинские ненцы). При этом заметим, что культурные особенности усть-цилемов стали неким общероссийским достоянием и символом, но этот факт никак не учтен составителями учебной программы по краеведению, которые не пытались в нем отразить всю сложную этническую и культурную мозаику региона, что необходимо для воспитания культуры толерантности и качественного освоения курса краеведения. В марийской модели краеведения несколько больше внимания уделено другим этническим группам, но тем не менее к ней можно предъявить те же претензии, что и к образовательной практике в Коми – краеведение здесь носит сугубо этноцентричный характер.

В принятой в Республике Марий Эл государственной программе «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013 – 2020» составной частью являлась подпрограмма «Этнокультурное развитие, межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл в 2014 – 2020 годы» [Постановление 2012], в которой говорилось о том, что она должна способствовать сохранению межнационального мира и согласия, воспитанию толерантности и «содействовать интеграционным процессам». Однако, если пункты, касающиеся популяризации марийских этнических традиций, обычаев, праздников, в названном документе прописаны достаточно конкретно, то как программа будет способствовать интеграционным процессам и воспитанию культуры толерантности –непонятно, ибо кроме общих слов никакой конкретики в этом отношении нет. Не намечен ни перечень мероприятий, ни ответственные структуры за интеграционную политику, ни информационное обеспечение этого направления деятельности, и очевидно, что оно является не более чем декларацией. И это именно так, поскольку в деятельности лаборатории развития этнокуль-

турного образования, созданной в Марийском институте образования, нет никаких наработок, касающихся проведения уроков толерантности, уроков граждановедения в контексте понимания культурной сложности как республиканского сообщества, так и российского в целом (*впрочем, этот упрек можно адресовать и другим аналогичным образовательным структурам в регионах РФ*).

Из анализа содержания концепций этнокультурного образования, региональных курсов истории, программ и курсов краеведения очевидно, что работники образования не понимают, что есть этничность, какова социальная природа этнических сообществ, не разбиваются в понятиях «нация», «гражданин», «этническая идентичность», «национальность» и «этническая принадлежность» и т.д. Так, в марийской программе для 1 – 11 классов «Культура народов Республики Марий Эл» в предварительных замечаниях ставится знак равенства между *ксенофобией* и так называемым «этническим нигилизмом» [История и культура народов 2009]. В республиках с финно-угорским населением филологи и этнические активисты под этим термином понимают такое явление, как смена этнического самосознания, признание представителями титульных этнических групп русского языка своим родным языком, т.е. *они маркируют право на свободный культурный выбор (право на культурную свободу), которое является одним из ключевых прав в системе прав человека, как некую аномалию, как девиацию и даже как преступное поведение*. Но сам факт подобного маркирования означает попытку сделать из представителей этнических сообществ не свободных граждан, а «пленников» этнических групп.

Опрос директоров марийских школ, проведенный в 2019 г., показал, что цели воспитания гражданина не являются приоритетными, и этнокультурное образование понимается как узконаправленный процесс знакомства с марийской культурой и отчасти с некоторыми традициями соседних народов. Все культурное многообразие региона, опыт исторического взаимодействия финно-угров с российским государством, идея общероссийской гражданской нации (многонационального российского народа) не стали еще актуальными темами в системе этнокультурного образования.

То же самое имеет место и в других национальных республиках. Так, в *пояснительной записке* к предметному курсу «Культура народов Республики Саха (Якутия)» [Программа предмета 2023] в русскоязычных школах этой республики указаны цели, по поводу которых мало что можно возразить. В числе таких целей названо «приобщение обучающихся к элементам устного народного творчества, национальной культуры и искусства якутов, эвенов, эвенков и других коренных народов Якутии», «формирование у школьников интереса и уважения к корен-

ным народам, к их труду, языку и жизни вообще», «укрепление открытых, доброжелательных, дружеских отношений между детьми разных национальностей, преодоление чувство скованности, недопонимания и отчужденности между ними» и, наконец, «воспитание подлинного чувства интернационализма, основанного на знании, понимании и уважении к труду и таланту народа, независимо от его численности».

Но при достаточно хорошо разработанной методике самого этого курса, его идеология вызывает серьезные возражения, поскольку население республики уже со школьной скамьи начинают делить на «коренное» и «некоренное», и при этом авторы предполагают, что это разделение республиканского сообщества на две разностатусные группы будет способствовать воспитанию уважения к другим народам и укоренению толерантности.

Уже в школе, в том числе в национальной, на уровне предметов происходит разделение местного сообщества на этнические сегменты, ибо в школах преподаются отдельные предметы «Якутская культура» и «Русская национальная культура» [Шабаев 2020: 297], но даже в 11 классе в методических разработках указанного курса нет никаких упоминаний про гражданскую культуру, про концепт российской нации и межкультурную интеграцию, которая является важной чертой развития Якутии с XVII в., а потому не случайно некоторые западные исследователи называют и якутов, и русских «имперскими народами», совместно покорявшими Сибирь.

А если говорить о традиционной культуре и ее значении в современной жизни Якутии, то надо обязательно подчеркивать, что она есть элемент культурного наследия, о котором надо помнить, но за счет которого не следует стремиться к архаизации современной жизни. Современные городские якуты, за исключением фенотипа, мало чем отличаются от представителей всех других народов, проживающих в республике. Они привыкли жить в условиях информационного общества, где межкультурное взаимодействие является нормой. Но о том, что здесь сформировалась некая гражданская территориальная общность, ничего не говорится в предлагаемых разработках по этнокультурному образованию, равно как и о российской гражданской нации, укрепление которой является одной из главных целей в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Примеров того, что в школьных курсах, ориентированных на этнокультурное образование, есть очевидные перекосы, не ведущие к формированию у учащихся реальной этнокультурной компетентности, а также представляющие неполную картину регионального и общероссийского культурного ландшафта, достаточно много.

В этой связи следует еще раз отметить, что школа есть один из важнейших институтов социализации, и она должна воспитывать гражданина своей страны, прививать ему гражданское самосознание.

Конечно, в сложных обществах школа должна решать двуединую задачу: с одной стороны, она должна давать знания о всем культурном многообразии страны и составляющих ее регионов и воспитывать среди школьников культуру повседневной толерантности, а с другой, – школа должна воспитывать гражданина, опираясь на арсенал гуманитарного и социального знания. И здесь трудно найти необходимый баланс, о чем свидетельствует опыт и других европейских стран. К примеру, во Франции «многие сегодня обеспокоены тем, что школа перестала соответствовать задачам воспитания гражданина и социально-культурной интеграции. История Франции больше не преподается как таковая, и многие попросту ее не знают. Более того, она подвергается все более требовательному пересмотру, как если бы мы имели право помнить об одних ее страницах и забывать о других. Объединяющий нацию миф перестал быть частью общественного сознания, поскольку школа больше не понимает, должна ли она проповедовать единство или культурную отличительность» [Филиппова 2010: 95].

Поэтому программы и курсы этнокультурного образования целесообразно и назвать по-иному, и скорректировать их содержание таким образом, чтобы они давали представление не только о культурном многообразии, но и о *культурном единстве*, чтобы знания о народах были сбалансированы, и чтобы в данном курсе очевидно присутствовала *ориентация на общегражданскую идеологию*.

Поэтому курсы так называемого этнокультурного образования логично именовать *«Мультикультурное образование и граждановедение», хотя и эта формулировка не является идеальной и можно найти другое название, более соответствующее федеральному закону «Об образовании».*

Многие отечественные и зарубежные специалисты видят в подобной дисциплине или в ее аналогах очевидную необходимость и объясняют эту необходимость особенностями социализации личности и, в частности, спецификой освоения культурных ролей ребенком, спецификой формирования идентичностей, культурных стереотипов и предубеждений.

Наиболее часто в этой связи ссылаются на труды известнейшего швейцарского психолога Ж. Пиаже, но их трактовка российскими «этнопсихологами» искажается под углом этничности. Пиаже на примере школьников Женевы исследовал национальную (общешвейцарскую) идентичность, а не немецкую, французскую, итальянскую или ретороманскую (основные языковые группы страны) [Пиаже, Инхильдер 2003].

Пиаже выделял три этапа в формировании национальной идентичности у ребенка. На первом из них, в 6 – 7 лет ребенок приобретает элементарные и несистематизированные сведения о своей национальной принадлежности. На втором этапе, в 8 – 9 лет, он уже может однозначно идентифицировать себя с группой, к которой принадлежит, а в 10 – 11 лет национальная идентичность формируется в полном объеме и к этому времени ребенок способен осознавать уникальность истории собственного народа, понимает, в чем заключается специфика традиционной бытовой культуры его соплеменников, у него появляется чувство патриотизма, групповой солидарности, он усваивает разницу между своим народом и другими.

Наряду с усвоением этой информации, осознанием себя как члена национальной общности, ребенок усваивает и предубеждения, имеющие место в сознании взрослых членов группы, причем усвоение предубеждений начинается очень рано. При этом, как отмечают исследователи, уровень предубеждений у детей может быть даже выше, чем у взрослых, от которых эти предубеждения приходят в детскую среду. Но далеко не всегда родители виноваты в наличии подобных предубеждений у своих детей и, нередко сталкиваясь с проявлением такого рода предубеждений у своего ребенка, они бывают удивлены этим.

Наиболее яркая характеристика предубеждений – это негативизм, неприятие, ненависть, возникающие при восприятии членов других групп. Поскольку на детей после 7 лет влияют многие социальные факторы, постольку их предубеждения далеко не всегда являются следствием семейного воспитания. В этой связи возникает необходимость воздействовать на формирование культуры толерантности у ребенка не только в семье, но и в школе.

С начала 1980-х гг. во многих странах Западной Европы, в США и Канаде все большее практическое применение находит *концепция мультикультурного образования.* В основе этой концепции лежит идея, что в истории человечества все культуры являются равноценными, и в Европе, и в Северной Америке нет человека, которого можно было бы рассматривать как «культурного самозванца». Это объясняется меняющимся этническим и расовым составом учащихся школ, необходимостью адаптировать к доминирующим культурным стандартам многочисленных иммигрантов, потребностью снижения рисков возникновения межэтнических, межрасовых и межконфессиональных конфликтов [Тишков, Шабаев 2019].

Программы мультикультурного образования нацелены на подготовку учащихся к успешному существованию в поликультурных сообществах. Большинство западных специалистов в сфере культурного образования выделяют три основных цели названного образования.

Во-первых, формирование этнокультурной грамотности как учащихся, так и учителей, которая заключается в получении общей информации об особенностях культуры этнических групп региона и страны проживания. Во-вторых, воспитание умения взаимодействовать и понимать людей, принадлежащих к другим культурам. В-третьих, необходимость индивидуального подхода к каждому ребенку как носителю определенной культуры.

Вместе с тем, важно не столько прививать школьникам некоторые знания о других культурах и навыки общения с их носителями, а добиваться от учащихся усвоения позитивного отношения к отличным от собственной культурам, привить понимание необходимости диалога со всеми этническими группами и в конечном итоге сформировать у учащихся ясное понимание поликультурности современного мира как его естественного состояния.

Эффективные программы мультикультурного воспитания, по мнению специалистов, оказывают положительное влияние на взгляды и поведение молодежи, поскольку позволяют преодолевать этнокультурные стереотипы, усиливать взаимное доверие между учащимися, повышают значение гуманистических ценностей и т.д.

При этом специалисты отмечают важность того, чтобы в процессе обучения и воспитания учителя стремились формировать у учащихся ясную культурную идентичность, но не допускали отторжения других групп, чтобы межкультурные различия подавались в позитивном ключе, а сами педагоги служили моделями того поведения, которое прививают учащимся.

Указанные выше примеры, на наш взгляд, свидетельствуют о необходимости более сбалансированного подхода к этнокультурному (и историческому) образованию, при котором познание учащимися многообразной палитры этнических культур сочеталось бы с воспитанием гражданина России.

Стоит заметить, что демонстрация культурной отличительности групп населения того или иного региона стала в последние годы наиболее распространенной формой презентации региональной этнополитики и этнокультурного просвещения населения, конкретными формами проявления которой служит организация различных этнических фестивалей, конкурсов, этнических съездов, специальных экспозиций в местных музеях и т. д. Многочисленность подобных мероприятий становилась индикатором активности тех управленцев, которые призваны отвечать за работу в области реализации государственной национальной политики. Очевидно, что тиражирование мероприятий, демонстрирующих не общность интересов российских народов, а их культурную отличительность и *превращение культурных дистанций*

в региональный этнокультурный канон не вполне отвечает целям политики гражданской интеграции. А насколько подобную практику одобряют эксперты?

Показательно, что большая часть экспертов, опрошенных в Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии в 2017 г., т.е. еще до введения поправок в федеральный закон о языках, заявили, что предметы этнокультурной направленности в школьных программах этих регионов имеются. При этом под предметами этнокультурной направленности в большинстве случаев понимается преподавание коми и удмуртского, марийских и мордовских языков. Согласно закону о языках от 1992 г., коми язык должен был постепенно введен в качестве предмета в образовательные программы всех школ республики. В Мордовии это было сделано позже. В Республике Марий Эл в 1995 г. был принят Закон «О языках в Республике Марий Эл», где в статье 11 сказано: «Марийский и русский языки как государственные языки Республики Марий Эл изучаются во всех образовательных учебных заведениях Республики Марий Эл». В Удмуртии нет практики обязательного изучения удмуртского языка в школах, а в Карелии не только не создано единого литературного языка, но нет достаточной методической базы для преподавания диалектных форм, что является следствием начального этапа нациестроительства, когда у власти в республике оказались так называемые «красные финны», отрицавшие необходимость создания карельской и вепсской письменности. Современные споры по поводу необходимости обязательного изучения языков финно-угров в школах национальных республик весьма остры и, как правило, инициаторами дискуссий выступают этнонациональные общественные организации. Наиболее радикальная часть национальных активистов (например, представители Фонда спасения эрзянского языка) обрушивались с суровой критикой на федеральный закон об образовании, называя его, ни много, ни мало, «законом против родных языков». Радикально настроенные этнические активисты фактически выступают за то, чтобы личность находилась под диктатом группы, а точнее – ее формальных лидеров и этнических антрепренеров, присвоивших себе право решать, какие культурные ценности человек вправе себе выбрать. Если обратиться к данным указанных выше социологических опросов, то весьма показательными представляются ответы на вопрос о наличии или отсутствии препятствий в учебных заведениях для преподавания национальных языков. Большинство (54% экспертов в Коми, 65% – в Удмуртии, 75% – в Марий Эл, 88% – в Мордовии) указали, что таких препятствий нет. На наличие препятствий указали 15% экспертов в Коми (8% – в Удмуртии, 4% – в Марий Эл, 4% – в Мордовии). Кроме того, на принципиальное отсутствие такого преподавания указали 12% в Коми, 16% – в Удмуртии, 11% – в Марий

Эл, и никто из экспертов в Мордовии. Подобный результат обусловлен тем, что, помимо федерального закона «О языках народов Российской Федерации» (1991), существует также поддержка этнокультурного образования как со стороны региональных властей, так и со стороны этнонациональных движений и части этнически ориентированных граждан. Большинство экспертов признают, что в учебных заведениях осуществляется важная гражданская миссия – формирование гражданского сознания у школьников. При этом чувство гордости за Россию, по мнению экспертов, формируют как естественные науки (балл 2,8 зафиксирован в Коми, 3,5 – в Удмуртии, 4,2 – в Марий Эл, 4,3 – в Мордовии), так и история, краеведение, естествознание (балл 3,9 отмечен в Коми, 4,2 – в Удмуртии, 4,5 – в Марий, 5,0 – в Мордовии), языки и литература (балл 3,3 – в Коми, 4,1 – в Удмуртии, 4,6 – в Марий Эл, 4,6 – в Мордовии). Примерно то же самое было сказано о роли названных предметов в формировании чувства патриотизма (и здесь очевидный «лидер» история – 3,9 балла в Коми, 4,2 – в Удмуртии, 4,6 – в Марий Эл, 5,0 – в Мордовии). Но, пожалуй, наиболее показательны ответы на вопрос, в какой мере практика преподавания тех или иных предметов в конкретном учебном заведении способствует формированию общероссийской идентичности. Большинство экспертов в республиках заявили о том, что такую задачу в учебных заведениях решают (а точнее – призваны решать) история, география, краеведение, а также языки и литература, т.е. школа, по их мнению, объективно ориентирована, прежде всего, на пропаганду общероссийских ценностей. Крайне важно заметить, что *представители учащейся молодежи, участвующие в опросе, продемонстрировали приоритет не региональной, а гражданско-государственной идентичности*: подавляющее большинство предпочитают, чтобы в повседневной жизни окружающие воспринимали их в первую очередь как граждан России: до 87% – в Марий Эл, более 89% – в Коми, 81% – в Удмуртии и 80% – в Мордовии (примерно такие же данные были получены и при опросе в областях).

Важно заметить, что подавляющее большинство экспертов указали на очень высокую роль названных предметов этнокультурной направленности в формировании представлений о культурном многообразии России (что не вполне согласуется с ключевыми положениями местных концепций этнокультурного образования). Так, 89% экспертов в Коми указали, что эту функцию исполняет история, география, а 92% – языки и литература (соответственно в Удмуртии – 89% и 81%, Марий Эл – 83% и 81%, в Мордовии – 83% и 77%). Почти такую же роль, по мнению экспертов, имеют названные предметы и в формировании представлений о своем регионе, как о части России, так и о формировании уважительного отношения к своему региону, а равно и уважительного

отношения к другим российским культурам и языкам. *Необходимо особо подчеркнуть, что все группы опрошенных очевидно выделяют значимость истории в системе этнокультурного и гражданского (патриотического) воспитания.* И это не случайно, ибо воспитание историей – давний и значимый инструмент в «багаже» социальной инженерии, но при этом ради укрепления устоев гражданской солидарности, понимания общей исторической судьбы народов России очень важно не допустить фрагментацию национальной версии истории под напором региональных исторических концепций. Между тем именно так порой и происходит в странах, где сформировались сложносоставные сообщества. То же самое мы можем наблюдать, анализируя тексты региональных школьных учебников истории, где встречаются попытки противопоставить исторические судьбы разных российских народов друг другу, которые просматриваются в трактовке различных исторических сюжетов местной истории. В этом случае миссия воспитания историей становится вторичной или отсутствует вовсе, ибо авторы акцентируют внимание на узкогрупповых интересах и упускают из виду тот факт, что *формирование российского государства было совместным предприятием всех народов страны.* Реакцией на фрагментацию национальных версий истории стало возобновление дебатов о «культурном каноне» или о единых стандартах в обучении истории и даже о едином учебнике по истории в масштабах Европейского Союза. Лидирующая роль предметного комплекса язык и литература выявилась при ответе на вопрос о том, какие предметы в данном конкретном учебном заведении (или в учебных заведениях) играют весомую роль в формировании культуры общения, взаимоуважения и политкорректности. На роль языка и литературы здесь указали 73% от опрошенных экспертов в Коми (67% – в Мордовии, 77% – в Удмуртии и 79% – в Марий Эл), на роль истории и географии – 69% экспертов в Коми (73% – в Мордовии, 77% – в Марий Эл и 82% – в Удмуртии). Показательно, что и в такой специфической сфере, как формирование знаний и практических навыков на основе традиционных видов трудовой деятельности опять же эксперты абсолютный приоритет отдали языку и литературе (например, в Коми – 81%, при том, что у истории и географии только 69%, а в Удмуртии, наоборот, 53% и 63%), что, казалось бы, выглядит нелогично, если не принимать во внимание, что этнокультурная направленность образования, к примеру, в Республике Коми, воспринимается в первую очередь и главным образом как внедрение в учебный процесс всех средних учебных заведений коми языка. Поэтому язык и литература воспринимались до недавних пор многими потребителями знаний и чиновниками как универсальные инструменты в понимании культурного многообразия как отдельной республики, так и страны в целом.

Кстати, даже в таком деле, как занятия по физической культуре с использованием знаний о народных (национальных) видах спорта, язык и литература оказались «весомее» других учебных дисциплин (42% в Коми, 51% – в Марий Эл, 40% – в Мордовии, 30% – в Удмуртии). На вопрос «Считаете ли Вы, что учебные администрации в вашем регионе хорошо осведомлены об этнокультурных интересах населения в сфере образования, в том числе о потребностях в национальных языках (помимо русского и иностранных языков)?», были получены, на наш взгляд, достаточно интересные ответы: 40% экспертов в Коми ответили «да» (34% – в Удмуртии, 68% – в Марий Эл, 97% – в Мордовии), 30% сказали «нет» в Коми (3% – в Мордовии, 11% – в Марий Эл, 31% – в Удмуртии) и еще 30% (35% – в Удмуртии, 21% – в Марий Эл) затруднились с ответом. Иными словами, за исключением Мордовии (где, возможно, сыграло свою роль недоверие экспертов к анонимности опроса), с пониманием проблем этнокультурного образования в руководстве учебных заведений, очевидно, существуют определенные проблемы, что неудивительно, если учесть содержание концептуальных документов, о которых говорилось выше. В этом смысле наиболее показательны ответы учеников средних школ и их родителей по поводу преподавания региональных/национальных языков. Заметим, что указанный опрос проводился до выступления В. Путина в Йошкар-Оле, где он однозначно высказался за то, чтобы изучение региональных языков носило добровольный характер. Идею добровольности изучения названных языков поддерживает и большинство опрошенных.

Наконец, особенно показательны ответы экспертов на самые болезненные вопросы, связанные с преподаванием национального языка и преподаванием предметов на национальном языке. По поводу вопроса о том, наберется ли достаточное количество родителей учащихся, которые заинтересованы в том, чтобы их детям преподавали национальный язык, большинство экспертов в Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии ответили отрицательно. Еще более показательна картина по поводу преподавания предметов на национальном языке: доля тех, кто поддерживает такое обучение, оказалась крайне низкой. Во многом это обусловлено этнодемографической ситуацией, имеющей место в республиках с финно-угорским населением, где этнические пропорции таковы, что титульные этнические группы в «своих» республиках являются меньшинствами. А у преобладающего численно русского населения заинтересованность в изучении их детьми национальных языков невелика.

Менее категорична позиция по поводу других предметов этнокультурной направленности, здесь большинство экспертов поддерживают подобные предметы в школьной программе. Наоборот, включение

в школьные программы предметов религиозной направленности большинством экспертов не поддержаны. Что касается форм работы школ в сфере этнокультурного образования и просвещения, то обращает внимание то, что мероприятия, связанные с профилактикой ксенофобии и экстремизма в школах Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, судя по мнениям экспертов, практически не проводятся, а основной формой просвещения является посещение исторических и культурных объектов. Наибольшее число учащихся хотели бы получать знания по истории родного края: 56,7% – в Коми, 59,3% – в Удмуртии, 57,3% – в Марий Эл, 57,3% – в Мордовии. Большинство в Коми (51,3%), Удмуртии (45,3%), Марий Эл (46,7%), Мордовии (32%) заявили о познавательном интересе к темам, которые связаны с этнокультурным образованием. На втором месте оказались ответы, которые свидетельствуют, что значительная часть учащихся ориентирована на «сохранение традиций» (36,7% – в Коми, 43,3% – в Удмуртии, 39,3% – в Марий Эл, 51% – в Мордовии), т. е. они стремятся поддерживать культурную преемственность поколений. И далее по степени важности для учеников оказалась демонстрация тождества с этнической группой, к которой принадлежат их предки. Об идентификационном значении этнокультурных знаний заявили 22,7% опрошенных нами учеников в Коми, 26% – в Удмуртии, 25% – в Марий Эл, 29% – в Мордовии. Достаточно важен для учеников и местный патриотизм, ибо пятая часть (20% – в Коми, 21% – в Мордовии, 21,3% – в Удмуртии, 24,3% – в Марий Эл) опрошенных заявили, что этнокультурные знания «нужны всем, кто любит родной край». Наконец, очень важно отметить, что значительная доля учащихся понимает гражданское значение этнокультурных знаний, ибо 17,3% опрошенных нами учеников школ и колледжей в Коми, 19% – в Удмуртии, 19,3% – в Марий Эл, 23% – в Мордовии заявили, что такие знания «нужны всем гражданам России». Это означает, что они осознают культурную сложность формирующейся российской нации и придают большое значение пониманию россиянами того, что собой представляет это гражданское сообщество.

Таким образом очевидно, что главные цели этнокультурного образования должны состоять не только и не столько в развитии языковых компетенций, но в значительной мере в разработке и внедрении качественных и эффективных образовательных программ, которые бы формировали у учащихся восприятие исторической обусловленной поликультурности местных сообществ и страны в целом, формировали представления о поликультурной природе российского общества и отдельных регионов, толерантное отношение к представителям всех народов, населяющих страну и твердое понимание необходимости гражданской интеграции, значимости гражданского единства россиян.

Глава 6

Отношение к языку и этничности в молодежной среде (по итогам опроса в ноябре-декабре 2022 года)

Сложные социально-экономические и этнокультурные процессы, которые имеют место в российских регионах, безусловно, находят отражение в настроениях как студенческой молодежи, так и молодежи в целом, и свидетельством тому стали итоги опроса, проведенного в ноябре-декабре 2022 г. в ряде периферийных регионов РФ.

В числе первых вопросов анкеты, с помощью которой осуществлялся опрос в декабре 2022 года, был вопрос «Какие проблемы волнуют Вас сегодня в большей мере?» Респондентам предлагалось выбрать три наиболее значимых с их точки зрения варианта ответов, в числе которых был и вариант, касающийся ситуации с родным языком.

Как и следовало ожидать, этот вариант в числе приоритетных проблем отмечен не был, несмотря на то, что опрос проводился преимущественно в национальных республиках (табл. 10). И это вполне логично, поскольку будущее благополучие молодых людей в большей мере определяют не языковые ориентации и компетенции, а их умение обеспечить себе достойный уровень жизни и комфортные условия для профессиональной карьеры, что в первую очередь связано с положением на рынке труда и ситуацией в стране в целом, а также с завершением образования. Именно эти три проблемы и были названы приоритетными молодежью периферийных регионов, в которых проводилось исследование.

Таблица 10

Проблемы, больше всего волнующие сегодня молодежь, %

Вариант ответа	**%**
Будущее трудоустройство	63,6
Положение дел в стране	16,3
Получение/завершение образования	9,5
Взаимоотношения с членами семьи	1,5
Сохранение здоровья	1,8
Отношения с друзьями	0,2
Положение родного языка	1,0
Состояние межнациональных отношений	0,4

Вариант ответа	%
Проблемы с безопасностью/ростом преступности	0,2
Никакие	2,9
Затрудняюсь ответить	2,3

Но значение языка в социальной жизни огромно, поскольку язык – это носитель культуры, важнейшее средство коммуникации и форма самовыражения. В языке аккумулируется народный опыт и культурные традиции. Поэтому характер восприятия языковых проблем и отношение к ним молодежи, находящейся в процессе первичной социализации весьма значимо, в связи с чем ответы на вопросы анкеты, касающиеся языка, являются достаточно показательными.

Большинство опрошенных указали в качестве родного языка русский (81,2%), но 10,6% опрошенных в качестве такового назвали «язык своего народа», а 7,5% (!) – два языка или более. *Последний показатель весьма важен, ибо свидетельствует о тесном межкультурном взаимодействии в российских регионах, осуществляющемся на межличностном уровне и обычно в семьях, где брачные партнеры принадлежат к разным этническим группам, а дети в таких семьях готовы признать родными не один, а два и даже более языков.*

Крайне показательна и мотивировка выбора родного языка (табл. 11). Только для половины опрошенных она связана с восприятием родного языка как первого языка, а для 16,1% – языка, на котором человек думает. Традиционно значимым является маркирование родного языка как формы тождества с этнической группой, поскольку 8,1% выбрали вариант «это язык, на котором говорили мои предки», 17,1 % – «это часть культурного наследия моего народа», а 5,8% – «это язык, на котором говорят все вокруг». При этом стоит заметить, что три последних варианта не означают, что язык предков освоен потомками. О тесном межкультурном взаимодействии свидетельствуют и ответы на вопрос «Знаете ли вы языки народов России?». Показательно, что в стране, где 80% населения составляют русские, только 41% молодых людей заявили, что не знают других языков. Правда 47% указали, что знают только отдельные слова и выражения из других языков народов страны, но 11,6% указали на владение такими языками, хотя надо учитывать, что часть респондентов из числа этнических меньшинств подразумевали под другим языком русский.

Таблица 11

Причины, по которым респонденты называют тот или иной язык родным, %

Вариант ответа	**%**
Это язык, на котором я научился говорить	49,5
Это язык, на котором говорили мои предки	8,1
Это язык, на котором говорят все вокруг	5,8
Это часть культурного наследия моего народа	17,1
Это язык, на котором я думаю	16,1
Затрудняюсь ответить	2,1

Показательно, что респонденты оценили в большинстве своем причину выбора родного языка тем, что он является материнским (49,5%), т.е. первым языком или языком, на котором человек думает, т.е. воспринимает окружающую действительность (16,1%) (табл. 11). Это означает, что тесное сопряжение между языком и этничностью в молодежной среде явно не является доминирующей формой символического маркирования, поскольку только 8,1% выбрали вариант ответа «это язык, на котором говорили мои предки», а 17,1% – «это часть культурного наследия моего народа». Но тем не менее тот факт, что четверть молодых людей видят непосредственную связь между языком и этничностью, показывает, что названная форма маркирования имеет довольно распространенный характер.

Принципиально важное значение имели ответы на пятый вопрос анкеты «Как Вы оцениваете свое знание языка, названного родным (имеется в виду литературный язык)». Здесь допускался только один вариант ответа (табл. 12).

Таблица 12

Оценка респондентами своего знание языка, названного родным (имеется в виду литературный язык), %

Вариант ответа	**%**
Считаю, что владею языком очень хорошо	51,8
Обычный уровень знания языка	37,6
Пишу и говорю с ошибками, но в целом проблем нет	5,3
Оцениваю свой уровень знания родного языка как недостаточный	3,0

Вариант ответа	%
Плохо знаю	1,1
Совсем не владею	0,3
Затрудняюсь ответить	0,9

Чуть более половины опрошенных заявили, что знают свой родной язык хорошо. В национальных республиках представители этнических меньшинств достаточно часто определяли знание языка, который они называли родным, как недостаточное. *Впрочем, и мнение тех, кто выбрал вариант «владею хорошо», следует считать завышенным*, поскольку многие студенты-первокурсники, включая тех, кто выбрал гуманитарные специальности, демонстрируют недостаточный уровень знания не только этнических, но и русского языка, даже если они называют его родным. Умение логично и правильно излагать свои мысли на русском языке, т.е. правильно говорить в соответствии с нормами литературного русского языка, а также самостоятельно логично и последовательно излагать свои мысли на бумаге, демонстрируют очень немногие студенты и не только первокурсники, что говорит о недостаточном уровне базового образования. Наш вывод подтверждается не только собственными наблюдениями авторов исследования, большинство из которых ведет преподавательскую деятельность в вузах, но и мнениями самих респондентов. Так, на вопрос «Как вы оцениваете качество языковых уроков в вашей школе», только 26,3% всех опрошенных студентов-первокурсников оценили качество языковых уроков в школах, которые они недавно закончили, как высокое, 55,9% заявили, что оно «среднее», а 10,6% оценили его как низкое (7,3% затруднились с ответом). Хотя первокурсники уже избавились от влияния педагогических коллективов школ и могут оценивать качество языковых уроков достаточно критично, они еще не в полной мере смогли оценить уровень свих языковых компетенций, ибо еще не пишут самостоятельно рефераты, не начали готовить курсовые работы, которые будут проверяться на антиплагиат. Именно на этом этапе выявляются обычно существенные изъяны в языковой подготовке бывших школьников, особенно степень владения литературным языком и способность логично и правильно излагать свои мысли на бумаге и озвучивать их в аудитории. В первую очередь это касается русского языка, причем в большинстве случаев независимо от того, какую школу заканчивали студенты (исключением являются элитные учебные заведения).

Между тем проблема изучения русского языка в школе дискутируется давно и активно, и существует даже профессиональный журнал, который носит соответствующее название («Русский язык в школе»).

В учительском сообществе, конечно, уже давно сформировалось адекватное восприятие роли и значения изучения русского языка как школьного предмета. Вот, что пишет об этом учитель русского языка МБОУ СОШ № 7 с. Чкаловское Приморского края Виктория Геннадьевна Калина: «Сейчас много говорят о том, какие предметы и в каком объеме нужно изучать, чем можно “пожертвовать” взамен модных предметов или спецкурсов, но набор тех предметов, которые в обязательном порядке изучаются в общеобразовательной школе, представляет собой фундаментальное ядро образования. И именно русскому языку отводится здесь главная роль, так как это не только предмет изучения, но и средство изучения других предметов» [Калина 2018].

Между тем русский не только имеет важное значение в плане усвоения школьных предметных дисциплин (не случайно даже в татарских национальных школах физика, химия, математика преподаются в основном на русском языке, ибо татарской научно-технической лексики оказалось недостаточно для полноценного обучения детей данным предметам). Русский язык – язык межнационального общения и один из наиболее развитых литературных языков народов России. А самое главное – это язык российской нации, государственный язык страны.

Таблица 13

Уровень знания иностранных языков респондентами, %

Вариант ответа	**%**
Да, знаю один язык: могу говорить, читать и писать	35,8
Да, знаю несколько языков: могу говорить, читать и писать	15,6
Знаю некоторые слова и выражения, используемые в других языках, но глубоких знаний нет	43,0
Нет, не знаю	4,4

Россия – это важный член международного сообщества, страна, которая вместе с несколькими другими ведущими державами мира является основателем ООН, играет важную роль в международных делах, в разнообразном сотрудничестве стран мира, и поэтому не случайно в системе образования РФ важное значение придается изучению иностранных языков. Но важно учитывать, как воспринимают изучение иностранных языков современные студенты.

35,8% опрошенных студентов знают один иностранный язык, 15,6% – несколько иностранных языков, на которых могут говорить, читать и писать. 43% знают только «некоторые слова и выражения, ис-

пользуемые в других языках, но глубоких знаний нет». 4,4% заявили, что не знают иностранных языков (табл. 13). В целом, более половины студентов-первокурсников знают иностранные языки, хотя по регионам имеется весьма заметная разница, что говорит о том, что не только в разных школах качество преподавания предметов школьной программы может существенно отличаться, но эти различия имеют место и между регионами в целом. К примеру, в Карелии уровень знания иностранных языков на четверть выше, чем средний показатель по всем регионам, где проводился опрос. Среди наиболее популярных языков остается английский язык: 80% респондентов, владеющих иностранными языками, указали именно его.

Необходимо подчеркнуть, что большинство опрошенных хотели бы повысить свое знание иностранных языков и освоить другие языки (табл. 17), и только 8% заявили, что не желают осваивать другие языки, а 7,2% уже изучают дополнительно иностранные языки. При этом в приоритете, конечно, оказался английский язык (28,4%), поскольку многие цифровые технологии и иные сферы международного взаимодействия связаны именно со знанием данного языка. На втором месте по популярности у студентов оказался французский, вероятно, в силу его культурного значения в истории России (два века он был языком элиты) и Европы. На третьем – китайский, влияние которого быстро растет и в РФ, в том числе и в регионах, открывается все больше курсов китайского языка, на которые ходят по личной инициативе и школьники, и студенты.

В России как стране многокультурной, многоэтничной, где проживают около 200 народов, исторически сформировавшихся на территории страны, многоязычие не только должно быть нормой, но и отношение ко всем языкам должно быть равным, точнее, все языки не только должны иметь право на существование, но и должны иметь равные права. Большинство респондентов (50,8% ответивших) придерживается именно такой позиции, заявляя о необходимости наделить равными правами все языки народов России. Тем не менее, 14,6% заявили, что «некоторые языки должны быть главными в стране», а 25,4% считают, что «только один язык должен быть главным в стране» (табл. 14). Такая позиция в принципе не отрицает свободного функционирования языков народов России, но ее сторонники исходят из необходимости культурной и гражданской интеграции народов страны, ибо сама идея нации строилась на основании формулы «одна страна – один народ – один язык». Тем не менее наделение каких-либо языков исключительными правами граничит с языковым национализмом, а потому признание государственного статуса того или иного языка (включая русский) не означает и не должно трактоваться и пониматься как исключение из публичной сферы

других языков и рассматриваться как покушение на языковое многообразие в целом, на культурный плюрализм и культурную свободу. Однако такая ситуация пока не является нормой для общественных настроений, что очевидно вытекает из анализа ответов на некоторые другие вопросы анкеты.

Таблица 14

Выбор приоритетов в языковой политике, %

Вариант ответа	**%**
Все языки без исключения должны иметь равные права	50,8
Некоторые языки должны быть главными в стране	14,6
Только один язык должен быть главным в стране	25,4
Затрудняюсь ответить	9,3

При этом все респонденты согласны с тем, что первостепенное значение в системе образования надо уделять изучению русского языка, треть опрошенных при этом замечают, что это должен быть русский язык и языки титульных этнических групп в республиках (табл.15).

Таблица 15

Приоритеты в языковом образовании, по мнению респондентов, %
(на какие языки в школьных программах, на Ваш взгляд,
надо обращать первостепенное внимание), %

Вариант ответа	**%**
Русский язык	19,4
Русский и язык коренного народа республики или автономного округа, основного населения области	15,4
Русский и иностранный языки	37,4
Язык коренного народа республики, округа, области	1,3
Иностранные языки	2,6
Русский, язык коренного народа республики/округа и иностранный	21,4
Затрудняюсь ответить	2,3

Важно отметить, что помимо желания изучать иностранные языки, что почти половина (45,9%) респондентов хотела бы изучать языки народов России, правда, это желание сопровождается теми или иными оговорками, которые носят сугубо прагматический характер (табл. 16).

Это очень высокая доля и, хотя желание не есть реализованная культурная позиция, оно свидетельствует о понимании молодыми людьми, что Россия – это поликультурное сообщество, где межкультурный диалог является нормой жизни и это доказывается в том числе и исследованиями, касающимися проблем этнокультурного образования [Межэтнические и межнациональные отношения 2016; Этнокультурное образование 2010]. Очевидно, что языковой плюрализм в культурных позициях современной студенческой молодежи выражен вполне однозначно, но он носит скорее символический характер, ибо на практике углубленно изучают языки чуть более 7% респондентов.

Таблица 16

Желание респондентов изучать более основательно какие-либо из языков народов России, %

Вариант ответа	**%**
Да, хотел(хотела) бы изучать языки народов, которые живут в моем регионе/республике	18,3
Да, хотел (хотела) бы, если для этого будут созданы хорошие условия	15,6
Да, хотел (хотела) бы, если в это будет способствовать моей будущей карьере	12,0
Нет не хотел (хотела) бы, так как мне хватает русского	12,9
Нет, не хотел (хотела) бы, поскольку у меня нет времени для этого	8,7
Нет, не хотел (хотела) бы, поскольку в этом нет необходимости	24,5
Затрудняюсь ответить	8,0

Таблица 17

Желание знать или изучать более основательно какие-либо из языков народов других стран, %

Вариант ответа	**%**
Да, хотел(хотела) бы изучать языки народов других стран	25,0
Да, но пока не решил (решила) какой/какие	10,4
Да, английский	28,4
Да, немецкий	3,2
Да, французский	4,4

Вариант ответа	%
Да, испанский	3,4
Да, китайский	3,6
Я уже изучаю иностранные языки углубленно	7,2
Нет, не хочу	8,0
Затрудняюсь ответить	4,9

Важным культурным индикатором являются ответы на вопрос: «На каких языках следует изучать школьные предметы в старших классах?». Подавляющее число голосов собрал ответ «на русском языке» – 53,6%. Второе место занял ответ «на иностранных языках» – 16,4%. Третье место было отдано суждению, что изучать предметы следует «на языке, народа, представители которого составляют большинство населения в регионе», – 9,8%.

Среди титульных народов России, включая их культурные элиты, этнических активистов и часть местной научной общественности, уже почти 30 лет бытует мнение, что языки титульных народов республик, имеющих статус вторых государственных, должны преподаваться в школах в обязательном порядке. По этому поводу неоднократно проходили острые публичные дебаты, в ряде республик практика обязательного изучения была реализована: в Мордовии, к примеру, в 2004, г. в Коми – в 2011, в Марий Эл – в 2013 г. Языковой всеобуч вызвал широкое недовольство русскоязычной части населения и после выступления Президента РФ В. Путина в 2017 г. в Йошкар-Оле постепенно был отменен, а изучение этнических языков перестало быть обязательным и решение об их изучении отдано на откуп родителям учеников и самим ученикам.

Мнения студентов об обязательном преподавании языков народов России всем школьникам, проживающим в тех или иных республиках, разделились на три примерно равные части между согласными, не согласными и воздержавшимися от ответа. За введение практики изучения языков титульных этнических групп в республиках в обязательном порядке высказалось 35,9% респондентов, против – 35,3%, затруднились с ответом – 28,7%. При этом стоит заметить, что студенты транслировали уже устоявшиеся в региональных сообществах мнения, ибо экспертный опрос, проведенный в Мордовии, показал, что и среди экспертов, в состав которых входили школьные и вузовские преподаватели, государственные служащие, нет единства по этому вопросу и довольно значительная часть экспертов поддержала «обязаловку». При этом заметим, что действовавшая в свое время школа молодых финно-угорских лиде-

ров строила модели будущего культурного развития «финно-угорских регионов», исходя из утопичных этнофутуристических позиций, согласно которым, все их население станет двуязычным, а эти языки (нормирование которых еще не завершено, а единых литературных языков у ряда народов до сих пор нет) станут языками делопроизводства, рекламы, школьного образования и высшей школы [Пивнева 2011: 88]. Подобные позиции свидетельствуют об устойчивом восприятии республиканских сообществ как иерархически организованных социумов, в которых символическое «лидерство» должно принадлежать так называемому «коренному народу», который является исключительным «правообладателем» культурного пространства республик. Это свидетельствует о том, что конституционное равенство прав граждан не воспринимается как безусловная норма даже людьми, которые должны это понимать, исходя из занимаемой должности и уровня образования, что права граждан, включая право на культурную свободу (в том числе на свободный выбор языка образования и изучения), не стали фактом массового сознания, что политика гражданской интеграции в республиках осуществляется формально, и это ставит под угрозу процесс формирования и укрепления основ российской гражданской нации, т.е. той цели, которая является ключевой в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Таким образом, в культурных позициях и взглядах периферийной молодежи очевидно просматривается мировоззренческое противоречие, поскольку, с одной стороны, молодежь выступает в большинстве своем за межкультурный диалог и равенство прав всех граждан России, с другой – значительная ее часть поддерживает идею культурных иерархий, избранных народов, допускает возможность административного навязывания культурных ценностей и стандартов одних этнических групп другим.

Этот дуализм восприятия культурных реалий страны проявился и в ответах на ряд других вопросов анкеты. Так, с одной стороны, большинство опрошенных (58,1%) считают вполне нормальным языковое многообразие, которое можно наблюдать в публичном пространстве (табл. 18), а, с другой, не все верно воспринимают неписаные нормы культурного поведения в многонациональном коллективе. К примеру, 36,6% считают, что в таких коллективах люди могут говорить на том языке, который им ближе и понятнее (табл.19), хотя нормой является использование того языка, который понимают все члены многонационального коллектива, – это элементарный акт уважения к своим коллегам.

Однако поразительно, что с этой нормой не знакомы или не хотят ее признавать даже многие эксперты, что показал опрос экспертов в Мордовии. Подобное положение дел связано, во-первых, с культивировани-

ем тех этнических иерархий, о которых сказано выше, и формальным характером процессов гражданской интеграции, имеющем место во многих регионах страны. Во-вторых, это есть следствие низкой культуры межнационального общения и отсутствие грамотной ее пропаганды в регионах.

Таблица 18

Отношение к языковому многообразию в публичном пространстве, %

Вариант ответа	**%**
Это нормальное явление, так и должно быть	58,1
Я отношусь к этому нейтрально	35,3
В нашей стране русский язык является государственным и на улице, и в публичных местах все должны говорить на нем	3,3
Затрудняюсь ответить	2,8

Таблица 19

Понимание негласной нормы языкового поведения в многонациональном коллективе, %

Вариант ответа	**%**
Люди в многонациональном коллективе могут пользоваться для общения с соседом или коллегой тем языком, который им ближе и понятнее	36,6
Люди в многонациональном коллективе должны говорить на том языке, который понятен всем его членам	48,7
Люди в многонациональном коллективе должны выбирать для общения язык большинства	5,4
Люди в многонациональном коллективе могут говорить на разных языках, не обращая внимания на других	2,4
Затрудняюсь ответить	6,8

При этом важно отметить, что отношения между представителями разных этнических групп, проживающих в регионе, 56% респондентов охарактеризовали как «очень хорошие» или «нормальные» 56% респондентов (табл. 20). Подобное маркирование является вполне традиционным, и много лет подряд межкультурное взаимодействие в большинстве регионов страны оценивается опрашиваемыми россиянами позитивно. *Но за общей позитивной оценкой состояния межнациональных отношений в российских регионах, как правило, кроются серьезные частные проблемы, которые при определенных обстоятельствах могут приобре-*

сти значение серьезных социальных рисков. Это касается устойчивых стереотипов массового сознания, которые препятствуют гражданской интеграции на региональном уровне. Да и сами межнациональные отношения нельзя оценивать исключительно в позитивном смысле, поскольку больше четверти студентов на вопрос о характере отношений между представителями разных национальностей указали вариант: «бывает по-разному» (27,6%), а 7,3% выбрали вариант ответа «Могли бы быть и лучше», что явно свидетельствует о наличии проблем в сфере межкультурной и гражданской интеграции.

Таблица 20

Общая оценка состояния отношений между людьми разных национальностей, которые складываются в регионах, %

Вариант ответа	**%**
Отношения очень хорошие	22,9
Нормальные	35,1
Бывает по-разному	27,6
Могли бы быть лучше	7,3
Считаю, что отношения очень напряженные	1,7
Затрудняюсь ответить	5,4

В понимании Родины у студентов преобладает локально-исторический подход, т.е. восприятие Родины как места рождения или проживания или земли предков (табл. 21). При этом 60% респондентов заявили, что считают себя патриотом своего региона. Но, тем не менее, только 6% респондентов хотели бы, чтобы окружающие воспринимали их как жителей региона, а 51,6% предпочитают, чтобы в них в первую очередь видели граждан страны. При этом категорию национальность студенты-первокурсники понимают не как гражданство (таковых только 4,8%), а в первую очередь как принадлежность к этнической группе, культурно-языковому сообществу (табл. 22).

Важно также заметить, что очевидно выраженный местный патриотизм не является препятствием для желания покинуть регион проживания: только 27,7% респондентов заявили, что у них нет желания уехать их своего региона, а почти 40% уже на первом курсе заявляют о намерении уехать в другой регион или даже страну. В качестве причины потенциального переезда указывается желание получить хорошее образование (23,8%), найти хорошую и высокооплачиваемую работу (17,2%), стремление делать карьеру (17,2%), желание жить в большом городе (9,2%).

А 3,9% заявили, что не видят будущего у своего региона. Преимущественными регионами выезда являются Санкт-Петербург и Ленинградская область (12,7%), Казань и Республика Татарстан (6,3%), Москва и Московская область (5,3%), а из зарубежных стран – Германия и Финляндия.

Таблица 21

Что для Вас Родина, %

Вариант ответа	**%**
Моя страна - Россия	35,8
Место моего рождения	31,1
Место, где жили мои предки	6,5
Место, где я прожил большую часть моей жизни	18,5
Там, где я сейчас живу	5,7

Таблица 22

Как Вы понимаете слово национальность, %

Вариант ответа	**%**
То, что в советские времена значилось в паспорте	2,5
Гражданство	4,8
Происхождение по родителям и предкам	45,5
Язык, культура	38,4
Место рождения	2,8
Затрудняюсь ответить	5,3

Таким образом, очевидно, что культурно-языковое позиционирование играет важную роль в системе представлений современной школьной молодежи, а общегражданские идеалы и понимание местных сообществ как социумов, покоящихся на идеях гражданской солидарности, развиты слабо, и это является следствием как внутрирегиональной политики, так и характера воспитательной работы в школах. Очевидно, что в нынешних сложных внешнеполитических условиях необходимость форсирования процессов гражданской интеграции становится более чем очевидной и «гражданский поворот» в сфере образования, молодежной и государственной национальной политики необходимо осуществлять последовательно и решительно.

Глава 7

Язык как маркер гражданской интеграции молодежи в Карелии

Языковое образование в Карелии

Язык – основной признак принадлежности индивида к человеческому сообществу. Родной язык чаще всего выступает одним из основных факторов принадлежности человека к определенному этносу. Тот язык, на котором ребенок начинает говорить, как правило, становится его родным языком. Иногда его называют материнским. Взрослея, ребенок узнает другие языки и постепенно овладевает ими. Язык, на котором говорит большинство населения страны, в которой он проживает, становится его разговорным языком, языком повседневного общения. При этом не всегда родной язык и язык повседневного общения совпадают. Если на родном языке не с кем становится говорить, то он постепенно забывается и утрачивается. Чаще всего мы наблюдаем распространение двуязычия в быту, в первую очередь среди национальных меньшинств.

В Российской Федерации государственным языком и языком межнационального общения является русский. Им владеет практически все население многонациональной страны. Языки народов России в соответствие с Конституцией и действующим законодательством являются национальным общественным достоянием. Их сохранение и развитие обеспечивается государством и обществом.

В общеобразовательных учреждениях (школах) страны традиционно изучаются иностранные языки и языки народов России. При этом отношение к ним заметно разнится. Иностранные языки входят в школьные программы как обязательный предмет со всеми вытекающими отсюда последствиями. Изучение родного языка заметно варьирует в субъектах Российской Федерации от преподавания ряда предметов на этом языке до изучения его на факультативных занятиях.

Республика Карелия является единственной, кто не реализовал своего права на второй государственный язык [Бирин 2022: 450 – 452]. В то же время в постсоветский период была создана письменность на карельском и воссоздана письменность на вепсском языках. Эти языки в качестве предмета стали изучаться в школах в районах компактного проживания карелов и вепсов. Выйдя из семейно-бытовой сферы, данные языки стали функционировать в общественно-политической жизни Карелии: на них выходит пресса, издается литература, ведутся радио- и телепередачи, ставятся спектакли в национальном театре, изучаются в Институте филологии ПетрГУ на кафедре прибалтийско-финской филологии [Карелы 2005: 9 – 231].

Финский язык занимает особое место в Карелии. Он традиционно использовался в общественной жизни республики, оказал и оказывает благотворное воздействие на процесс развития младописьменных карельского и вепсского языков, востребован как язык соседнего государства, является родным для финнов и части карелов (особенно северных). Изменившиеся условия и новые языковые потребности, увеличив численность носителей финского языка, вывели его из сферы преимущественно внутриэтнического общения в сферу внешних, постоянно расширяющихся связей, вызванных развитием приграничного экономического, культурного, информационного сотрудничества, туризма и т.д. Он плавно переведен из сферы политической в сферу этнокультурную и в этом плане чувствует себя вполне уверенно.

Развитие финского языка обеспечивается федеральными законами «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. (с внесенными изменениями и дополнениями от 24 июля 1998 г.) и «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. (в ред. 21 марта 2002 г.), Законом РК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» от 19 марта 2004 г., а также договором об основах отношений между Республикой Финляндия и Российской Федерацией 1992 г.

В республике при поддержке правительства в полном объеме сохраняется финноязычная культура, в том числе изучение финского языка в школах и вузе (ПетрГУ) республики. Из всех владеющих финским языком финны составляют 25%. Сегодня финский язык, сочетая в себе признаки родного и второго иностранного языков, для многих его изучающих фактически является скорее иностранным, чем родным [Бирин 2007-2014: 214; Клементьев 2007: 52-58].

В настоящее время изучение карельского, вепсского и финского языков в общеобразовательных организациях Карелии осуществляется на основе ФГОС среднего общего образования, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413, и с учетом Примерной основной образовательной программы среднего общего образования (одобрена решением Федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол 2/16-з от 28 июня 2016 г.).

В соответствии с письмами Министерства образования и науки Российской Федерации от 26 июля 2013 г. № ВК-32/08 и от 2 мая 2017 г. № ВП-126/08, при наличии соответствующих условий общеобразовательная организация может включать в основную образовательную программу изучение учебного предмета «Второй иностранный (финский) язык» со 2 класса при условии изучения со 2 класса двух иностранных языков: одного из языков, определенных перечнем иностранных языков

для изучения в рамках освоения образовательных программ среднего общего образования как первого иностранного (английского, немецкого, французского, испанского, китайского), и финского языка как второго иностранного.

Таким образом, финский язык может преподаваться как второй иностранный со второго класса в общеобразовательных организациях Республики Карелия, работающих в 2022-2023 учебном году по ФГОС НОО, утверждённому приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования», и с учетом Примерной основной образовательной программы начального общего образовании (одобрена решением Федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 08.04.2015 N 1/15, в ред. протокола N 3/15 от 28.10..2015) [Методические рекомендации 2022].

В Карелии в 2022-2023 учебном году обучение карельскому, вепсскому и финскому языкам ведется в 37 общеобразовательных организациях (школах) Республики Карелия. Из них в 11 общеобразовательных организациях изучаются одновременно два языка (карельский и финский) и в одной общеобразовательной организации изучается одновременно три языка (карельский, вепсский и финский). Эти языки изучают 6155 обучающихся. Их преподают 73 учителя, из них 10 учителей обучают двум языкам – карельскому и финскому.

Карельский язык изучается в 25 школах девяти муниципальных образований (два городских округа и семь муниципальных районов) республики, его изучают 1927 обучающихся, обучение проводят 33 учителя. Обучение ведется:

- в урочной форме (453 обучающихся, или 24%),
- во внеурочной деятельности (1443 обучающихся, или 75%),
- в совмещенной урочно-внеурочной форме (31 обучающийся, или 1%).

Вепсский язык изучается в четырех школах двух муниципальных образований (один городской округ и один муниципальный район) республики, его изучают 267 обучающихся, обучение проводят четыре учителя. Обучение ведется:

- в урочной форме (225 обучающихся или 84%),
- в совмещенной урочно-внеурочной форме (42 обучающихся, или 16%).

Финский язык изучается в 21 школе семи муниципальных образований (двух городских округа и пять муниципальных районов) республики, его изучают 3961 обучающийся, обучение проводят 46 учителей. Обучение ведется:

- в урочной форме (2649 обучающихся или 67%),

- во внеурочной деятельности (1026 обучающихся или 26%),

- в совмещенной урочно-внеурочной форме (286 обучающихся, или 7%).

Финский язык изучают:

- как родной - 2350 обучающихся, или 59%,

- как иностранный - 1611 обучающихся, или 41% [Информационная справка].

В начале 2020-х годов в Карелии в сфере владения языками и использования языков населением сложилась следующая ситуация (табл. 23).

Таблица 23

Владение языками и использование языков населением Карелии

Наименование языка	**Численность лиц, владеющих соответствующим языком**	**Из них используют его в повседневной жизни**	**% Использующих данный язык**
Русский	481328	480657	99,9
Английский	33654	10436	31,0
Карельский	11081	7136	64,4
Финский	6163	2145	34,8
Немецкий	4055	735	18,1
Украинский	3369	1039	30,8
Белорусский	1264	407	32,2
Французский	971	181	18,6
Армянский	865	635	73,4
Азербайджанский	809	590	72,9
Вепсский	754	454	60,2
Таджикский	462	331	71,6
Узбекский	448	277	61,8
Татарский	317	154	48,6
Испанский	264	88	33,3
Польский	232	49	21,1
Грузинский	207	123	59,4
Китайский	87	53	60,9

Материалы последней переписи населения [Итоги 2020 года] показывают, что все население Карелии знает русский язык и постоянно использует его в повседневной жизни. Остальные языки можно разделить на три группы: 1) языки прибалтийско-финских народов, издавна проживающих на территории Карелии (карельский, вепсский и финский); 2) языки национальных меньшинств, приехавших в Карелию в основном в последние 70 лет (белорусы, украинцы, татары, поляки, армяне, грузины, азербайджанцы, таджики и узбеки, а также отчасти российские немцы); 3) иностранные языки, изучаемые в основном в рамках образовательных программ средних и высших учебных заведений (английский, немецкий, французский, испанский, китайский, а также большей частью финский).

Степень использования данных языков в повседневной жизни различна. Представители народов Закавказья и Средней Азии, приехавшие в Карелию в постсоветский период и сохранившие тесные связи внутри своей диаспоры, свои языки используют достаточно активно в основном в ходе межличностного общения и семейно-бытовой сфере. Национальные меньшинства, проживающие в республике с 1950-х г., дети и внуки которых практически полностью перешли на русский язык, язык своей национальности используют уже достаточно редко, от случая к случаю.

Представители прибалтийско-финских народов, несмотря на ярко выраженные процессы языковой и этнокультурной ассимиляции, свои языки продолжают сохранять и использовать в процессе жизнедеятельности. Карельская и вепсская речь еще звучит на улицах сел и деревень в местах компактного расселения карелов и вепсов, их языки изучаются в школах и детских дошкольных учреждениях, хотя количество последних неуклонно сокращается.

Карельский язык занимает третье место по распространению в Карелии. Среди отметивших знание карельского языка карелы составляют 87%, русские – 11%, финны - 0,5%, прочие – 1,5%. Доля знающих карельский язык среди сельских жителей заметно выше, чем среди городских – 54% против 46%. Почти две трети сельских жителей используют карельский язык в процессе жизнедеятельности, в то время как среди горожан – только каждый третий (61% и 39% соответственно).

Среди отметивших знание вепсского языка вепсы составляют 78%, русские – 19%, прочие – 3%. Доля знающих вепсский язык среди сельских и городских жителей практически одинакова 51% – 49%, однако в сельской местности он используется заметно чаще, чем в городах – соответственно 61% против 39%.

Финский язык находится на четвертом месте по числу его носителей в республике. Среди отметивших знание финского языка финны составляют только 14%, русские – 51%, карелы – 31%, вепсы – 1%, прочие – 3%.

Доля знающих финский язык среди городских жителей в разы выше, чем среди сельских – 82% против 18%. Соответственно в городах он звучит втрое чаще, чем на селе – 74% против 26%.

Несмотря на то, что большая часть карелов и вепсов проживает в городах, носителей языка больше сохранилось в сельской местности, где эти языки используются заметно чаще, чем в городской среде. Финский язык востребован в основном городскими жителями.

Карелы, вепсы и финны Карелии, владеющие своими «национальными» языками, далеко не всегда называли их родными. Так, среди карелов знание карельского языка показали 37%, назвали его родным – 26,4%, среди вепсов знание вепсского языка признали 23,5%, назвали его родным – 12,5%, среди финнов знание финского языка обозначили 24,4%, назвали его родным – 8,8%. Соответственно, русский язык назвали родным 73% карелов, 86,4% вепсов и 90,3% финнов.

Данные последней переписи населения убедительно свидетельствуют, что тенденция на ослабление языковых компетенций среди карелов, вепсов и финнов в части освоения ими языков своих предков является вполне устойчивой. При этом русский язык признается родным подавляющим большинством карелов, вепсов и финнов Карелии.

На фоне приведенной выше сложившейся этноязыковой ситуации молодежи, представленной студентами вузов г. Петрозаводска, было предложено высказаться о том, как в школах республики ведется изучение различных современных языков. В частности, как организовано изучение русского языка, родных языков народов Карелии и России, а также иностранных языков? Каким ей видится место родных языков в современной языковой палитре? Каково отношение к стране и своей малой родине, к своему будущему? Какие проблемы в большей мере волнуют студенческую молодежь сегодня?

Полученная информация должна помочь правильно выстроить стратегию взаимодействия с молодежной аудиторией, наладить с ней конструктивный диалог, чтобы, с одной стороны, активнее влиять на процесс формирования жизненных ориентиров молодежи, сохранения традиционных ценностей, а с другой – полнее передать ей накопленный поколениями позитивный опыт, способствующий дальнейшему прогрессу общества.

Характеристика объекта исследования и выборочной совокупности

В Карелии молодежь в возрасте до 30 лет на сегодняшний день составляет около пятой части населения. Основная ее часть, как и всего населения республики (46%), сосредоточена в г. Петрозаводске [Население 2022]. Здесь расположены все три вуза и большая часть средних

профессиональных учебных заведений, в которых продолжает учебу значительная часть молодых людей, закончивших среднюю школу.

Цель исследования – изучение мнений о своих жизненных планах и о языковом образовании (в школе и вузах) современной периферийной студенческой молодежи, проживающей в г. Петрозаводске Республики Карелия.

Изучение настроений в молодежной среде, их взглядов на изучение родных и иностранных языков, сохранение многообразной языковой палитры страны, совершенствование процесса преподавания языков в общеобразовательных учебных заведениях, а также к волнующим их проблемам и своему будущему наиболее полно можно оценить посредством анализа тех позиций, которые сформировались и проявляются у студенческой молодежи основных карельских вузов.

В период с 5 по 13 декабря 2022 г. были опрошены студенты 1 курса трех вузов Карелии в количестве 309 чел. Среди учебных заведений: Карельский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Карельский филиал РАНХиГС) (программы подготовки – «Государственное и муниципальное управление» и «Юриспруденция») –59 чел.; Институт филологии ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (ПетрГУ) – 135 чел.; Институт истории, политических и социальных наук ФГБОУ ВО «Петрозаво́дский госуда́рственный университе́т» (ПетрГУ) – 95 чел.; Северный институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Петрозаводске (юридический факультет) – 20 чел.

Основную массу опрошенных (три четверти) составляют русские юноши и девушки. Представители прибалтийско-финских народов (карелы, вепсы и финны) насчитывают 10%. Остальные отнесли себя к другим национальностям либо не ответили на вопрос о своей национальной принадлежности. Мужчины составляют 30%, женщины – 70%. Выборочная совокупность представлена гуманитариями. Три четверти опрошенных проживали в республике всю или почти всю жизнь, каждый десятый – всего несколько лет.

Опрос был организован при поддержке руководителей данных вузов Р.Р. Пивненко, О.Г. Абрамовой и С.Г. Веригина. Региональный руководитель лично встречался с ними. В беседе он изложил цель исследования, сроки и методику проведения опроса, направил по электронной почте адреса в интернете, куда следует заходить студентам для заполнения анкет. Ответственные за организацию проведения опроса в Институте филологии и Институте истории, политических и социальных наук ПетрГУ объяснили студентам цель проводимого социологического исследования и довели до них соответствующий адрес в интернете, сообщили регио-

нальному руководителю данные о прошедших опрос в отобранных группах. В Карельском филиале РАНХиГС вся организация опроса проводилась региональным руководителем лично, поскольку он там работает в должности доцента. Студенты отвечали исключительно с индивидуальных (личных) компьютеров (ноутбуки, айфоны и т.п.).

Родной язык и языковая ситуация

Родной язык – важнейшая социокультурная характеристика человека, часто указывающая на его принадлежность к определенному этносу. Для подавляющего большинства студентов родным языком является русский язык. Язык своего народа остается родным для некоторых представителей национальных меньшинств. Они же называют в качестве родных два языка – русский и язык своего народа. Чаще всего в ответах звучал карельский, вепсский, финский, а также белорусский, украинский, татарский, армянский и даже французский языки (табл. 24).

Таблица 24

Родной язык респондентов, %

Вариант ответа	**%**
Русский	92,6
Язык своего народа	3,0
Два языка или более	4,0
Затрудняюсь ответить	0,4

Почти половина опрошенных (46%) считает родным тот язык, на котором научилась говорить. Каждый четвертый связывает свой родной язык с этнокультурной традицией: 10% – с языком своих предков, 16% – с культурным наследием своего народа. Для каждого пятого родным является тот язык, на котором он думает. Только для 7% респондентов язык является родным, поскольку на нем «говорят все вокруг» (табл. 25).

Таблица 25

Обоснование выбора языка родным, *%*

Вариант ответа	**%**
Это язык, на котором я научился говорить	46,3
Это язык, на котором говорили мои предки	9,7

Вариант ответа	%
Это язык, на котором говорят все вокруг	6,7
Это часть культурного наследия моего народа	15,9
Это язык, на котором я думаю	20,4
Затрудняюсь ответить	1,0

Подавляющее большинство свой родной язык знает хорошо. Практически это относится к русскому языку. Знание своего родного языка, принадлежащего национальным меньшинствам, студенты определяют как недостаточное: от «Пишу и говорю с ошибками» до «Плохо знаю» (табл. 26).

Таблица 26

Уровень знания респондентами языка, названного родным, по самооценке (имеется в виду литературный язык), %

Вариант ответа	%
Считаю, что владею языком очень хорошо	56,0
Обычный уровень знания языка	35,3
Пишу и говорю с ошибками, но в целом проблем нет	4,5
Оцениваю свой уровень знания родного языка как недостаточный	3,5
Плохо знаю	0,7

Другие языки народов России (карельский, вепсский, финский, а также белорусский, украинский, татарский, армянский, якутский, чувашский, эвенкийский, коми, марийский, мордовский, кабардинский, башкирский, чеченский) знает только каждый десятый респондент. Остальные либо не знают совсем (45%), либо знают только «некоторые слова и выражения, используемые в других языках, но глубоких знаний нет» (44%) (табл. 27).

Таблица 27

Знают ли респонденты другие языки народов России, %

Вариант ответа	%
Да знаю	12,0
Знаю некоторые слова и выражения, используемые в других языках, но глубоких знаний нет	43,4
Нет, не знаю	44,6

43% опрошенных студентов знают один иностранный язык, 26% – несколько иностранных языков, на которых могут говорить, читать и писать. 28% знают только «некоторые слова и выражения, используемые в других языках, но глубоких знаний нет». 4% отрицают знание иностранных языков. В целом, две трети студентов-первокурсников знают иностранные языки. Среди них наиболее популярен английский язык – 48% и финский язык – 23%. Менее популярны немецкий – 8%, китайский – 5%, французский – 4%, японский и испанский – по 3%. Также упоминались шведский, иврит, сербский, турецкий, польский языки. Наиболее популярная связка – английский и финский языки (табл. 28).

Таблица 28

Уровень знание респондентами иностранных языков по самооценке, %

Вариант ответа	**%**
Да знаю один язык: могу говорить, читать и писать	42,7
Да знаю несколько языков: могу говорить, читать и писать	25,9
Знаю некоторые слова и выражения, используемые в других языках, но глубоких знаний нет	28,5
Нет, не знаю	3,0
Другой ответ	0,9

Почти половина студентов считает, что в многонациональной России «все языки без исключения должны иметь равные права». Около трети полагает, что все же «один язык должен быть главным в стране», каковым и является государственный русский язык. В то же время каждый пятый придерживается мнения, что главными в стране могут быть и другие, помимо русского, языки. К ним можно отнести вторые государственные языки республик в составе России, на которых говорит значительная часть их населения (табл. 29).

Таблица 29

В России, помимо русского языка, говорят на разных языках.
С каким утверждением Вы согласны, %

Вариант ответа	**%**
Все языки без исключения должны иметь равные права	47,6
Некоторые языки должны быть главными в стране	17,2
Только один язык должен быть главным в стране	29,4
Затрудняюсь ответить	5,8

Изучение языков – важный образовательный процесс и от того, как он в школах поставлен, во многом зависит успех в их изучении. Студентам был задан вопрос «На какие языки в школьных программах надо обращать первостепенное внимание?».

Большая часть опрошенных (35%) считает, что первостепенное внимание в школьных программах нужно обратить на изучение русского и иностранного языков, еще четверть (26%) добавляет к ним и изучение языка коренного (титульного) народа административно-территориального образования. В Карелии это язык именно титульного народа, поскольку к коренным относятся не только карелы, но и русские с вепсами [Стратегия*,* 2020]. Русский язык в связке с языком титульного народа менее популярен у студентов, за эту позицию высказалось всего 15% опрошенных. Остальные ответы набрали всего 2-3%.

Таким образом, студенты Карелии отдали явное предпочтение связке русский – иностранный – язык титульного народа (табл. 30).

Таблица 30

На какие языки в школьных программах, на Ваш взгляд, надо обращать первостепенное внимание, %

Вариант ответа	**%**
Русский язык	17,8
Русский и язык коренного народа республики или автономного округа, основного населения области	15,2
Русский и иностранный	35,3
Язык коренного народа республики, округа, области	2,5
Иностранные языки	2,5
Русский, язык коренного народа республики/округа и иностранный	26,5
Затрудняюсь ответить	0.2

По вопросу «Хотели бы Вы изучать более основательно какие-либо из языков народов России» мнения разделились почти поровну. Большая половина респондентов (54%) «хотела бы изучать языки народов, которые живут в моей республике» (24%), при условии, что «для этого будут созданы хорошие условия» (18%) и «если в это будет способствовать моей будущей карьере» (12%). Меньшая половина (44%) изучать языки народов России отказалась, мотивируя это тем, что «в этом нет необхо-

димости» (22%), «так как мне хватает русского» (10%) либо «у меня нет времени для этого» (10%).

В целом, явное желание изучать более основательно какие-либо из языков народов России продемонстрировала только четверть студентов (табл. 31).

Таблица 31

Хотели бы Вы изучать более основательно какие-либо из языков народов России, %

Вариант ответа	**%**
Да, хотел бы изучать языки народов, которые живут в моем регионе/республике	24,3
Да, хотел, если для этого будут созданы хорошие условия	18,4
Да, хотел, если в это будет способствовать моей будущей карьере	11,7
Нет не хотел бы, так как мне хватает русского	10,0
Нет, не хотел бы, поскольку у меня нет времени для этого	9,7
Нет, не хотел бы, поскольку в этом нет необходимости	21,7
Затрудняюсь ответить	4,2

А как обстоит дело в отношении изучения языков народов других стран, т.е. иностранных языков? Практически все студенты изъявили желание изучать иностранные языки. При этом треть респондентов высказала просто желание изучать языки народов других стран, в то время как 43% опрошенных указали конкретные иностранные языки, среди которых явный приоритет занимает английский язык (19%, почти каждый пятый), а остальные приведенные в перечне распределились примерно в равных пропорциях. Одновременно 15% студентов подчеркнули, что их желание реализуется – «я уже изучаю иностранные языки углубленно».

Итак, явное предпочтение изучать иностранные языки по сравнению с языками народов России, даже если это их родной язык, у студентов налицо (табл. 32).

Таблица 32

Хотели бы Вы изучать более основательно какие-либо из языков народов других стран, %

Вариант ответа	**%**
Да, хотел (хотела) бы изучать языки народов других стран	30,4
Да, но пока не решил (решила) какой/какие	9,7
Да, английский	18,8
Да, немецкий	6,0
Да, французский	6,0
Да, испанский	6,0
Да, китайский	6,0
Я уже изучаю иностранные языки углубленно	14,9
Затрудняюсь ответить	2,2

Качество преподавания языков имеет решающее значение в процессе овладения ими. Более половины студентов оценили качество языковых уроков в школе, которую недавно окончили (имеются в виду все предметы: русский, иностранный, местные языки), как среднее. Почти треть дали высокую оценку, а каждый десятый – низкую. В целом, преподавание языков в школах Карелии, по мнению студентов, приемлемое (табл. 33).

Таблица 33

Как Вы оцениваете качество языковых уроков в школе, которую вы недавно закончили (имеются в виду все предметы: русский, иностранный, местные языки), в %

Вариант ответа	**%**
Высокое	31,7
Средне	54,0
Низкое	9,1
Затрудняюсь ответить	5,2

Студентам был задан вопрос «На каких языках следует изучать школьные предметы в старших классах?». Подавляющее число голосов собрал ответ «на русском языке» – 87%. Второе место занял ответ «на иностранных языках» – 25%. Третье место было отдано суждению, что изучать предметы следует «на языке народа, представители которого составляют большинство населения в регионе» – 18% (табл. 34).

Таблица 34

На каких языках следует изучать школьные предметы в старших классах (по рейтингу), %

Вариант ответа	**%**
На русском языке	86,7
На иностранных языках	24,6
На языке народа, представители которого составляют большинство населения в регионе	18,4
Затрудняюсь ответить	6,5

Среди титульных народов России уже почти тридцать лет бытует мнение, что языки титульных народов республик, имеющих статус вторых государственных, должны преподаваться в школах в обязательном порядке. Как к этому относится студенческая молодежь Карелии?

Мнения студентов об обязательном преподавании языков народов России всем школьникам, проживающим в тех или иных республиках, разделились на три примерно равные части между согласными, не согласными и воздержавшимися от ответа. Готовы изучать данные языки в обязательном порядке только треть респондентов (табл. 35).

Таблица 35

Согласны ли Вы с тем, чтобы языки народов России в тех или иных регионах/республиках преподавались всем школьникам в обязательном порядке, *%*

Вариант ответа	**%**
Да, согласен (согласна)	35,6
Нет, не согласен (согласна)	39,2
Затрудняюсь ответить	35,2

Язык в общественной сфере

Согласно Конституции Российской Федерации, каждый гражданин страны имеет право использовать язык по своему усмотрению: говорить на нем, общаться с друзьями и знакомыми, писать и получать корреспонденцию. В многонациональной стране многоязычие в людных местах – обычное дело. Россия – страна многонациональная, поэтому на улицах многих городов нередко звучат языки других народов. Как к этому относится молодежь?

Две трети опрошенных считают многоязычие, звучащее на улицах многих городов многонациональной России, явлением вполне нормальным. Около трети относится к этому нейтрально, хотя некоторые из этой группы считают, что «всё же лучше, когда слышишь русскую речь». Противников, считающих, что «в нашей стране русский язык является государственным и на улице, и в публичных местах все должны говорить по-русски», всего 4%. Языковая толерантность студентов Карелии выражена вполне определенно (табл. 36).

Таблица 36

Отношение молодежи к многоязычию в людных местах, %

Вариант ответа	**%**
Это нормальное явление, так и должно быть	65,0
Я отношусь к этому нейтрально	30,1
В нашей стране русский язык является государственным и на улице, и в публичных местах все должны говорить по-русски.	4,0
Затрудняюсь ответить	0,9

Россия – страна многонациональная, и часто в дружеских компаниях, студенческих группах, школьных классах, рабочих коллективах собираются люди разных национальностей. В этом случае действует негласная норма языкового поведения. Каким, по мнению студенческой молодежи, должен быть выбор языка общения в многонациональном коллективе?

Половина опрошенных студентов полагает, что «люди в многонациональном коллективе должны говорить на том языке, который понятен всем его членам». Им оппонирует достаточно большая группа тех, кто считает, что «люди в многонациональном коллективе могут пользоваться для общения с соседом или коллегой тем языком, который им ближе и понятнее» – 37%. Почти каждый десятый высказал мнение, что «люди в многонациональном коллективе должны выбирать для общения язык большинства». Только 3% высказались за то, что «люди в многонациональном коллективе могут говорить на разных языках, не обращая внимания на других». В целом, студенты Карелии однозначно высказались за уважение к собеседнику при выборе языка общения с ним (табл. 37).

Таблица 37

Отношение молодежи к выбору языка общения
в многонациональном коллективе, %

Вариант ответа	**%**
Люди в многонациональном коллективе могут пользоваться для общения с соседом или коллегой тем языком, который им ближе и понятнее	36,9
Люди в многонациональном коллективе должны говорить на том языке, который понятен всем его членам	50,8
Люди в многонациональном коллективе должны выбирать для общения язык большинства	8,0
Люди в многонациональном коллективе могут говорить на разных языках, не обращая внимания на других	3,0
Затрудняюсь ответить	1,3

Карелия – моя Родина и мой дом

Родина – понятие достаточно емкое, и каждый его понимает по-своему, исходя из личных эмоциональных впечатлений детства, которые тесно переплетаются с этнокультурными традициями места рождения и проживания. Студентам был задан вопрос «Что для Вас является родиной?». Треть опрошенных назвала родиной свою страну Россию, 29% – место своего рождения (в основном, это – Карелия) и еще 9% – место, где жили их предки. Для каждого пятого родина – «место, где я прожил большую часть моей жизни». Каждый десятый дал свое определение родины, в котором присутствуют такие суждения: «Там, где я сейчас живу», «Там, где мне комфортно жить», «Где я чувствую себя свободно».

В целом, у студентов преобладает понятие малой родины, связанное с местом их рождения и проживания своих предков (табл. 38).

Таблица 38

Родина в преставлении молодежи, в %

Вариант ответа	**%**
Моя страна – Россия	33,7
Место моего рождения	29,1
Место, где жили мои предки	9,1
Место, где я прожил большую часть моей жизни	19,4
Другое	8,7

С понятием Родина часто коррелирует слово «национальность». Как его понимают студенты?

В основе понимания студентами понятия «национальность» лежат два фактора: «происхождение по родителям и предкам» – 52% и «язык и культура» – 35%. Почти каждый десятый связывает его с гражданством. Остальные варианты – единичны. В целом, студенты демонстрируют правильное понимание национальности (табл. 39).

Таблица 39

Национальность в представлении молодежи, %

Вариант ответа	**%**
То, что в советские времена значилось в паспорте	1,0
Гражданство	8,0
Происхождение по родителям и предкам	52,1
Язык, культура	34,6
Место рождения	2,0
Затрудняюсь ответить	2,3

Оценка состояния отношений между людьми разных национальностей в месте проживания респондента – важный показатель состояния межнациональных отношений в целом. Половина опрошенных студентов положительно оценивает состояние отношений между людьми разных национальностей, которые сложились в республике: 30% назвала их нормальными, 20% – очень хорошими. В то же время 44% межнациональные отношения оценивают сдержанно: «Бывает по-разному» – 31% и «Могли бы быть лучше» – 13%. В данных ответах не предполагается негативной оценки состояния рассматриваемого действия, поэтому их можно отнести в категорию нейтральных. Напряженными межнациональные отношения не назвал практически никто, только единицы. В целом, оценка студентов межнациональных отношений, сложившихся в республике, позитивная (табл. 40).

Таблица 40

Оценка состояния межнациональных отношений в Карелии, %

Вариант ответа	**%**
Отношения очень хорошие	19,7
Нормальные	30,1

Вариант ответа	%
Бывает по-разному	31,1
Могли бы быть лучше	12,6
Считаю, что отношения очень напряженные	0,5
Затрудняюсь ответить	6,0
Всего	100

Знание этнической ситуации, сложившейся в Карелии, этнокультурного многообразия проживающих здесь народов очень важно для сохранения межнационального мира и согласия в республике. Достаточно ли внимания школа и региональные СМИ уделяют распространению знаний о культурном многообразии региона, традициям представителей народов в ней проживающих?

Более половины опрошенных студентов ответили на данный вопрос положительно, при этом четверть из них отметила, что «качество информации надо улучшать». Треть респондентов дала негативный ответ, обратив внимание на то, что «чаще всего речь идет о традициях только нескольких народов, а не о культурном многообразии в целом».

Информация о культурном многообразии республики, даваемая в школах и публикующаяся в региональных СМИ, устраивает далеко не всех как количественно, так и качественно (табл. 41).

Таблица 41

Достаточно ли внимания школа и региональные СМИ уделяют распространению знаний о культурном многообразии Карелии, традициям представителей народов, в ней проживающих, %

Вариант ответа	%
Да, вполне достаточно	28,5
Да, этому уделяется много внимания, но качество информации надо улучшать	27,8
Нет недостаточно, ибо чаше всего речь идет о традициях только нескольких народов, а не о культурном многообразии в целом	20,4
Нет, совсем не достаточно	10,7
Затрудняюсь ответить	12,6
Всего	100

На необъятных просторах России складываются местные региональные сообщества, объединенные длительностью проживания, хозяйственно-экономической деятельностью и общими этнокультурными традициями. Сформировалось ли такое сообщество в Карелии?

Почти половина опрошенных студентов полагает, что жители Карелии – это единое и сплоченное сообщество, у которого есть общие интересы и традиции. Четверть это отрицает. Почти треть не смогла определиться и дать ответ. В целом, мнения студентов разделились на две примерно равные половины: первые считают, что региональное сообщество в Карелии сложилось, вторые – отрицают данный факт (табл. 42).

Таблица 42

Можно ли говорить о том, что жители Карелии – это единое и сплоченное сообщество, у которого есть общие интересы и традиции, %

Вариант ответа	**%**
Да	47,9
Нет	23,6
Затрудняюсь ответить	28,5

Независимо от положительного или отрицательного ответов о сложившемся региональном сообществе в Карелии, студентам был задан вопрос «Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни?». Подавляющее большинство ответов было отдано позиции «как гражданина страны» – 71%. Второе место, вдвое уступив первому, занял ответ «как жителя моего региона» – 31%. Последнее место было отдано национальной принадлежности человека – 15%.

Таким образом, большая часть студентов идентифицирует себя с гражданами России, с формирующейся гражданской российской нацией (табл. 43).

Таблица 43

Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни, %

Вариант ответа	**%**
Как гражданина страны	71,2
Как жителя моего региона	31,4
Как представителя отдельной национальности	14,9
Затрудняюсь ответить	11,7

В связи с вышеизложенным студентов попросили высказать свое отношение к Карелии – месту, где подавляющее большинство из них родилось и выросло. Более половины студентов, ответивших на данный вопрос, считают себя патриотами Карелии. Почти треть не смогла определиться. Не считают себя патриотами Карелии 13%, в основном не местные, приехавшие учиться в вузах Карелии из других субъектов Российской Федерации. Среди давших «другой» ответ представлены сентенции такого типа: «Я интернационалист, поэтому не имею патриотических чувств к региону» и «Я патриот России. А Карелия — это часть России, так что я люблю Карелию» (табл. 44).

Таблица 44

Считаете ли Вы себя патриотом Карелии, *%*

Вариант ответа	**%**
Да, конечно, считаю	57,9
Нет, не считаю	12,6
Другое	1,7
Затрудняюсь ответить	27,8

Для выявления миграционных настроений студентам был задан вопрос «Планируете ли вы уехать в другой регион России или другую страну на длительный срок или на постоянное жительство?». Отвечая на него, студенты разделились на три примерно равные группы. Треть решила покинуть республику, выбрав варианты переезда в другой регион России либо в другую страну (равные доли респондентов). Треть собирается остаться в Карелии. Оставшаяся треть еще не определилась (табл. 45).

Таблица 45

Планируете ли вы уехать в другой регион России или другую страну на длительный срок или на постоянное жительство, %

Вариант ответа	**%**
Да, в другой регион России	16,8
Да, в другую страну	18,8
Нет	31,4
Затрудняюсь ответить	33,0

Среди собирающихся уехать в другой регион России из 35 наименований чаще всего назывались Санкт-Петербург (11) и Ленинградская область (4), Москва (5), Нижний Новгород и Казань (по 3). Также упоминались Дагестан, Татарстан, Крым, Краснодарский край, Ярославль, Воронеж, Волгоград и Калининград.

Среди собирающихся уехать в другую страну из 73 наименований чаще всего назывались Финляндия (9), США (7), Швеция (6), Испания, Германия и Великобритания – (по 5), Франция, Чехия, Южная Корея – (4), Канада и Нидерланды – (по 3). Также упоминались Сербия, Эстония, Китай, Япония, Грузия, Ирландия, Исландия, Италия, Турция, Норвегия, ОАЭ, Швейцария, страны ЕС и Запада в целом. Встречались также ответы типа: «Пока не знаю, хотелось бы в целом попутешествовать, узнать, каково жить в другой стране, а после понять, где мне будет лучше», или – «пока не знаю, но точно из этого цирка надо ехать».

Миграционные настроения достаточно активны, что для молодежи характерно и свойственно. В перечне стран фигурируют практически все европейские страны, США. Канада, Япония и Китай. Легче сказать, каких стран нет – африканских, хотя там тепло.

Основные причины эмиграции три: «Хочу жить в большом городе, где много возможностей для работы и досуга» – 38% ответов; «Хочу делать карьеру, а в нашем регионе нет перспектив карьерного роста» – 38%; «Хочу после школы найти хорошую работу и хорошо зарабатывать» – 31%. Причины чисто экономические по большей части.

Веской причиной для отъезда является желание «получить хорошее образование» – 26%. Определенную часть студентов не устраивает перспектива развития Карелии, они не видят ее будущего – 15% ответов, что в принципе немного. Отрадно, что причиной для отъезда меньше всего является сложившаяся в республике этнокультурная среда.

Среди других причин чаще всего называли климатические условия (не устраивает климат, в том числе по здоровью), желание путешествовать, а также неприятие Карелии (здесь для меня все чужое, так как я не из этого региона).

В целом, молодые люди симпатизируют своей республике, в которой родились или учатся, но не считают ее местом, где можно заработать на достойную жизнь и реализовать себя и проявить свои способности в полной мере (табл. 46).

Таблица 46

По какой причине Вы хотите уехать из Карелии (по рейтингу), %

Вариант ответа	**%**
Хочу получить хорошее образование	25,6
Хочу после школы найти хорошую работу и хорошо зарабатывать	30,7
Хочу делать карьеру, а в нашем регионе нет перспектив карьерного роста	38,1
Не вижу будущего у нашего региона	14,8
Меня не устраивает культурная среда нашего региона	6,8
Хочу жить в большом городе, где много возможностей для работы и досуга	38,1
Другое	8,0
Затрудняюсь ответить	21,0

Проблемы, волнующие студентов

Каждый человек планирует свою жизнь и старается намеченное реализовать. Планы существенно зависят от складывающихся обстоятельств, на которые заметно влияют накапливающиеся и неразрешенные проблемы. Студентам было предложено ответить на вопрос «Какие проблемы волнуют Вас сегодня в большей мере?» (табл. 25)

Таблица 47

Какие проблемы волнуют Вас сегодня в большей мере (по рейтингу), %

Вариант ответа	**%**
Будущее трудоустройство	68,3
Положение дел в стране	57,0
Получение/завершение образования	55,7
Взаимоотношения с членами семьи	21,0
Сохранение здоровья	36,6
Отношения с друзьями, приятелями	18,4
Положение родного языка, проблемы культурного развития	18,1
Состояние межнациональных отношений	37,5
Проблемы с безопасностью/ростом преступности	27,2
Никакие	1,3

Первое место с заметным отрывом занимает будущее трудоустройство – 68%, что для первокурсников выглядит несколько неожиданно. Далее идут проблемы, связанные с положением дел в стране – 57%, и получением образования – 56%.

Первые три позиции заняли ответы, направленные как на свое будущее, так и будущее своей страны. Это взаимосвязано, так как будущее прямо зависит от ситуации, складывающейся в стране, поскольку она, по мнению студентов, оказывает прямое влияние на жизнедеятельность человека.

На втором плане находятся «состояние межнациональных отношений» и «состояние здоровья» – по 37%, а также проблемы, связанные с безопасностью из-за преступности – 27%.

В конце предложенного перечня находятся «взаимоотношения с членами семьи» – 21%, и «отношения с друзьями, приятелями» – 18%. Проявление подросткового максимализма в отношениях с родителями и сверстниками, конечно, никуда не ушло, но вопросы психологии межличностных отношений решительно уступают вопросам социально-экономического бытия.

Меньше всего студентов волнует «положение родного языка и проблемы культурного развития» – 18%. Большая часть респондентов – русские, а русскому языку и культуре в Карелии ничего не угрожает.

В целом студентов волнует личное будущее, которое они рассматривают через призму складывающейся в стране ситуации: позволит ли она реализовать задуманное или планы придется скорректировать.

Изучение языков, особенно иностранных, волнует современную студенческую молодежь Карелии. Она уделяет данной теме определенное внимание.

Проблемы с родным языком у них не выявлены. Основную массу опрошенных представляли парни и девушки русской национальности, соответственно родным у них был назван русский язык, который они знают хорошо. Другие языки народов России знает только каждый десятый респондент. В то же время иностранные языки знает две трети опрошенных студентов. Чаще всего это английский и финский языки, идущие, как правило, в связке.

По мнению большей части респондентов, первостепенное внимание в школьных программах нужно обратить на изучение русского и иностранного языков и в меньшей мере – на языки титульных народов. Практически все студенты настроены изучать иностранные языки. Явное желание изучать какие-либо из языков народов России, даже если это их родной язык, продемонстрировала только четверть опрошенных. Качество преподавания языков в школах Карелии оценено как среднее, что можно считать приемлемым. Студенты однозначно

высказались за русский язык обучения в старших классах как единственно возможный.

Больше половины студентов высказали мнение, что в многонациональной России все языки без исключения должны иметь равные права. Две трети опрошенных считают многоязычие, звучащее на улицах многих городов многонациональной России, явлением вполне нормальным. Около трети относится к этому нейтрально. Студенты однозначно высказались за уважение к собеседнику при выборе языка общения с ним. Языковая толерантность студентов Карелии выражена вполне определенно.

Понятие Родины у студентов ассоциируется в основном с местом своего рождения и проживания их предков. Студенческая молодежь позитивно оценивает сложившиеся в республике межнациональные отношения. Информация о культурном многообразии республики, даваемая в школах и публикующаяся в региональных СМИ, хотя и оценивается положительно, устраивает далеко не всех и нуждается в улучшении. Половина опрошенных считает, что в Карелии сложилось региональное сообщество, вторая половина это отрицает. Большая часть студентов хочет, чтобы окружающие в повседневной жизни их воспринимали в первую очередь как граждан России, т.е. идентифицирует себя с формирующейся гражданской российской нацией.

Более половины студентов считают себя патриотами Карелии. Тем не менее треть решила покинуть республику, в равной мере переезжая в другой регион России либо в другую страну. Местом притяжения среди российских регионов является Санкт-Петербург, среди зарубежных стран – Финляндия. Основные причины миграции – чисто экономические: квалифицированная работа, хороший заработок и карьера. Молодые люди симпатизируют своей республике, в которой родились или учатся, но не считают ее местом, где можно заработать на достойную жизнь и реализовать себя в полной мере.

В наибольшей степени молодежь волнуют получение образования и будущее трудоустройство, которое видится им проблемным. Проблемы, связанные с положением дел в стране, также находятся в центре их внимания. В целом студентов беспокоит личное будущее, которое они рассматривают через призму складывающейся в стране ситуации, от которой это будущее во многом зависит.

В целом молодежь настроена оптимистично. Она довольна тем, как складывается их современная жизнь, в будущее смотрит вполне реалистично, без особых иллюзий, но с надеждой на то, что все трудности будут преодолены и все у них сложится хорошо.

Глава 8

Язык и интеграция в Республике Коми

Республика Коми является одним из крупнейших субъектов Российской Федерации по занимаемой территории – её общая площадь составляет 416 тыс. кв. км, а с юга на север эта территории растянулась более чем на 1 тыс. км. Северная граница республики – Полярный Урал и Большеземельская тундра. Основу экономики составляют добыча и переработка леса, добыча и переработка нефти, а также угледобыча. Регион является индустриальным и сильно урбанизированным, основная часть промышленного потенциала расположена в северных районах республики, где преобладает русское население, сформировавшееся из переселенцев из других регионов страны. Представители титульной национальности в основном проживают в центральных и южных районах РК и более половины коми республики – это сельские жители. Подобный характер размещения населения сложился исторически в процессе индустриального освоения территории Коми, которое имело место в XX столетии.

По данным Росстата, численность постоянного населения республики на 1 января 2023 г. составила 726 434 чел. [Росстат опубликовал 2021], что было существенно ниже пикового значения 1989 г., когда население составляло 1 млн 250 тыс. чел. Плотность населения – 1,7 чел./кв.км.

Русские, согласно данным переписи населения 2020 г., составляют 69,7% населения, коми – 22,2%. В республике 10 городов и 20 муниципальных районов (в состав которых входят и некоторые города). В ряде центральных и южных сельских районов коми численно либо преобладают, либо составляют значительную долю населения. В городах коми повсеместно являются меньшинством (11,6%), самая высокая доля коми – в составе сельского населения (49,3%) [Комистат 2020].

Согласно действующим Основам государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г., «молодёжь – группа, включающая лиц в возрасте от 14 до 30 лет». Новая редакция законопроекта о молодёжной политике в РФ предусматривает увеличение закреплённого в законодательстве предельного возраста молодёжи с нынешних 30 до 35 лет. По данным Комистата на начало 2021 г., численность молодёжи от 15 до 30 лет по региону – 135 346 чел., что составляет 17 % от общей численности населения. Численность молодых людей от 15 до 30 лет по МО ГО «Сыктывкар» – 50 289 чел., из них студентов вузов и колледжей – около 25 000 чел. [Комистат 2020].

Среди основных проблем социально-экономического развития региона с начала 2000-х гг. исследователи выделяют трудности переходящего характера – демографический кризис, старение основных фондов,

а также проблемы, связанные с реорганизацией систем управления собственностью и производством, дифференциацией доходов и расходов населения, бюджетной обеспеченностью муниципалитетов. Пути решения имеющих место проблем видятся специалистам в инновационном развитии производительных сил республики и укреплении межрегиональной экономической интеграции [Лаженцев 2013].

Наш анализ касается этнокультурных проблем региона и опирается на данные опросов 2020-2022 г., осуществлённых в рамках проекта «Социологическое исследование, посвящённое изучению этнополитических и этнокультурных процессов в регионах проживания финно-угорских народов РФ (на примерах национальных республик)» и данные других исследовательских проектов, включая в первую очередь языковой опрос декабря 2022 г.

Исследование по методу анкетного опроса проводилось в декабре 2022 г. совместно с Центром социально-политических исследований и информационных технологий Российского государственного гуманитарного университета по согласованию с Министерством науки и высшего образования РФ. В исследовании 2020 г. приняли участие 300 студентов Республики Коми, 45,3% женского пола и 54,7% мужского пола, а также 30 экспертов – представителей органов власти, профильных министерств, вузов и общественных организаций Республики Коми. Большая часть респондентов (82,7% студентов и 98% школьников) проживает в Республике Коми всю или почти всю жизнь. Исследование проводилось с целью установить источники информации, используемые школьниками и студентами для формирования представления о жизни современного общества, и определить, какие из этих источников пользуются среди молодёжи большим доверием, дать характеристику особенностей процесса сетевого взаимодействия.

В 2021 г. опрошено 200 студентов Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина и Сыктывкарского лесного института. Указанное исследование было дополнено изучением медиапредпочтений и особенностей межличностного взаимодействия студенческой молодёжи Республики Коми в условиях пандемии коронавирусной инфекции в 2021 г. Данные опросов были дополнены нарративами 12 полуструктурированных интервью, собранных в Сыктывкаре в марте-апреле 2022 г. Для анализа определена возрастная когорты – 18-23 года с учётом равного гендерного распределения. Интервью проводились в формате онлайн-опроса в социальной сети ВКонтакте. Для анализа использованы полные тексты нарративов с акцентом на блоке о пандемии. Методология анализа основывается на дискурсивном подходе Корстена и заключается в фиксации доминирующих дискурсов и семантики опыта информантов, проявляющихся в процессе описания своих представлений о жизни в период пандемии.

Естественная убыль населения за первое полугодие 2022 г. составила 3052 чел. За девять месяцев текущего года в республике родилось 4844 ребёнка, что на 590 младенцев меньше, чем за аналогичный период предыдущего года. Снижение уровня рождаемости было отмечено во всех муниципальных образованиях республики, кроме МО ГО «Усинск» и МО МР «Усть-Вымский». Общереспубликанский коэффициент рождаемости составил 8,1 ‰ [Комистат 2020].

Число умерших насчитывает 7896 чел., что меньше уровня девяти месяцев 2021 г. на 1454 чел. Общереспубликанское значение коэффициента смертности населения за январь-сентябрь 2022 г. составило 13,2 ‰ (в январе-сентябре 2021 г. – 15,4 ‰) [Комистат 2020]. Очевидно, что последние показатели не связаны с улучшением демографической ситуации, а обусловлены изменением эпидемической ситуации, поскольку пандемия коронавируса сошла на нет, а равно и уменьшилось количество смертей, связанных с ней.

А тот факт, что демографическая ситуация в республике за девять месяцев 2022 г. характеризовалась превышением смертности над рождаемостью, весьма показателен и свидетельствует не только о сложной социально-демографической ситуации, но и о состоянии здоровья населения, меняющихся социокультурных ориентациях. При существенном снижении уровня брачности и деторождений продолжается интенсивный отток из республики молодежи. В Республике Коми доля молодых людей в численности населения за период с 2011 по 2021 гг. сократилась с 30,7% до 22,7%, коэффициент демографической нагрузки вырос почти на 40%. К 2021 г. медианный возраст населения республики приблизился к 40 годам [Комистат 2020]. Следовательно, естественный прирост в ближайшие годы будет стремительно сокращаться и иметь все большее отрицательное значение.

По данным службы государственной статистики, на 2021 г. Республика Коми является лидером по миграционной убыли населения среди северных территорий. В результате миграционных перемещений за девять месяцев 2022 г. республика потеряла 2800 чел. – это на 5% больше по сравнению с девятью месяцами предыдущего года, когда миграционная убыль составляла 2662 человека. Коэффициент миграционных потерь по региону в расчёте на 1 тыс. чел. населения составил 4,7 ‰ (в январе-сентябре 2021 г. – 4,4 ‰). Отток населения за пределы региона в долгосрочной перспективе приведет к снижению демографического потенциала территории и дефициту квалифицированных специалистов. Наряду с возрастающей естественной убылью населения стабильно высок миграционный отток из РК, а сальдо миграции уже 30 лет является отрицательным.

Названные демографические процессы существенно изменили половозрастной состав населения региона и создали многочисленные социальные риски, главный из которых – опустынивание территории и снижение уровня ее культурной освоенности. Существующие негативные тенденции в большей степени проявляются в сельской местности. Если в отдельных регионах Европейского Севера мы можем наблюдать небольшой миграционный прирост, то село повсеместно теряет население и в первую очередь молодежь. Уровень социально-экономического развития сельских территорий Коми продолжает оставаться низким, а вкупе с прогрессирующим старением сельских жителей резко сокращаются возможности для реновации заброшенных сельскохозяйственных угодий и возвращение их в хозяйственный оборот. Согласно типологизации сельских территорий субъектов Российской Федерации, выполненной исследователями ВНИИЭСХ, Республика Коми относится к кластеру депрессивных сельских территорий, для которых характерно сильное и устойчивое отставание от среднероссийского показателя, стабильно низкий уровень развития или тенденция к его снижению с перспективой перехода в группу территорий с более низким уровнем. Безработица на селе является особенно острой проблемой: на 2019 г. разрыв между городом и селом достиг почти двукратного уровня [Комистат 2020].

Пандемия COVID-19 также оказала существенное воздействие на миграционные потоки, имеющие место на российском пространстве, привела к росту нетипичных миграционных процессов, прежде всего к массовому оттоку горожан во внегородские пространства [Шипилов 2020]. В период пандемии усугубился социально-экономический кризис, который возник в очередной раз ровно через 10 лет после окончания кризиса 2008–2010 гг.

Особенно тревожащим фактом является интенсивный отток из республики молодежи. Согласно данным социологических опросов студентов и экспертов по программе ИЭА РАН, проведенных в Сыктывкаре в 2018-2022 гг., выяснилось, что стремление к выезду за пределы Коми стало не просто устойчивой тенденцией, но и устойчивым стереотипом массовых настроений, который сформировался под влиянием негативных социально-экономических процессов, имеющих место в регионе и вызывающих общественное недовольство. Осенью 2018 г. только 49% жителей Сыктывкара (самого благополучного города республики) заявили, что не планируют переезд в другой город страны или за рубеж [Шабаев, 2019: 43].

Миграционные установки студенческой молодежи Республики Коми демонстрируют разнородный характер, поскольку тех, кто планирует уехать (30,7%) или не планирует этого делать (33%), а также ещё не определился (35,8%), с этим вопросом примерно равные доли. Трудовая ми-

грация для республики перестала иметь существенное значение, и серьезной конкуренции на рынке труда с мигрантами нет, а в общественных настроениях доминируют установки на выезд за пределы Коми, но отношение к мигрантам как к потенциальным конкурентам за рабочие места все равно сохраняется. Данные опроса осени 2018 г. свидетельствуют, что лишь 4% респондентов согласились с тем, что «приезжие из других государств отнимают работу у местных жителей», а 43% указали вариант ответа на вопрос, касающийся конкуренции за рабочие места, который звучал следующим образом: «Местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места». Но при этом 47% респондентов готовы признать правильными оба предложенных варианта, что вновь свидетельствует о стабильном воспроизводстве стереотипов восприятия трудовых мигрантов как потенциальной угрозы для местных рынков труда.

Наиболее привлекательными регионами РФ для молодежи Республики Коми, которая панирует отъезд, являются Калининград (9%), Санкт-Петербург и Ленинградская область (8,8%), Москва (4,4%), Казань и Республика Татарстан (4,4%). Среди наиболее важных причин, побуждающих молодёжь покидать регион, – это желание делать карьеру и отсутствие перспектив карьерного роста в регионе (39,2%), а также желание пожить в большом городе, где больше возможностей для работы и досуга (34%).

Высокооплачиваемые и современные рабочие места – первая проблема для северян, вторая – ясная и понятная перспектива развития регионов, в которых они живут. И то, и другое сегодня в дефиците. Поэтому во время опроса 2010 г. на вопрос «Имеете ли вы представление о том, каким образом будет развиваться ваша область или республика в ближайшие годы?» дали положительный ответ 11,3% респондентов в Сыктывкаре [Шабаев 2011: 44]. Но особенно значимым является прогрессирующая бедность северян, причём речь идет не только о доле семей с доходами ниже прожиточного минимума, но о реальном уровне жизни, который можно оценить по совокупности параметров, свидетельствующих как раз о том, что среднестатистический житель регионов европейского севера сегодня беднее среднестатистического россиянина, несмотря на выплачиваемые районные коэффициенты к заработной плате [Шабаев 2017]. «Консервация устаревшей модели регионального хозяйственного комплекса не только делает перспективы экономического развития региона неясными, но и превращает рынок труда республики в сообщество «мелких клерков, разнорабочих и продавцов», разбавленное учителями и врачами, получающими невысокую заработную плату, т. е. непривлекательное для молодежи. Сегодня названный сценарий переформатирования рынка труда республики стал очевиден, о чем свидетельствует опрос специалистов, проведенный в 2017 г. кадровым агентством «HeadHunter

Северо-Запад», который показал, что регион хотят покинуть 43% специалистов, т. е. практически каждый второй, а это означает, что рано или поздно выезжающие кадры придется заменять. За пределами Коми ищут работу строители, риэлторы, IT-специалисты, финансисты, бухгалтеры, поскольку на местном рынке их специальности не востребованы. А собственный опрос газеты «проГОРОД», опубликовавшей эти данные, показал, что из 532 чел., опрошенных редакцией только 21,7% заявили, что не уехали бы из столицы Коми, поскольку считают ее лучшим местом для жизни. Остальные готовы уехать. Опросы студентов и экспертов (по методике ИЭА РАН), проведённые в Сыктывкаре весной 2018 г., и жителей города, осуществлённые в октябре и ноябре того же года, показали, что стремление к выезду за пределы Коми стало не просто устойчивой тенденцией, но и состоянием регионального сознания, определяющегося явным неприятием имеющих место в республике экономических и социальных реалий.

Значимым показателем социального кризиса в регионе является уровень бедности и душевые доходы и расходы населения. Доля малоимущих в Коми в 2020 г. составляла 15,5% [Комистат 2020]. Уровень душевого потребления ниже, чем в среднем по России, хотя уровень средней заработной платы в республике заметно превышает среднероссийский показатель. Но поскольку цены на товары и услуги здесь существенно выше среднероссийских, а потребности в сбалансированном питании, одежде и необходимости выезда на отдых в летнее время требуют существенно больших денежных расходов, постольку в реальности получается, что жители республики живут беднее среднестатистического россиянина. И, согласно социологическим опросам прошлых лет, уровень субъективной бедности в Коми был вдвое выше официальных показателей, фиксирующих долю малоимущих. Это не случайно, поскольку, как сказано выше, реальный уровень доходов населения значительно ниже, чем официально фиксируемый.

В 2020 г., по предварительным данным, среднедушевые денежные доходы населения республики составили 36,3 тыс. руб. в месяц и превосходили величину прожиточного минимума в 2,5 раза. За последние пять лет номинальные среднедушевые денежные доходы выросли на 16 %, реальные (скорректированные на индекс потребительских цен) сократились на 8 % [Комистат 2020].

Многие кризисные явления в социально-экономическом развитии региона имеют исторические корни. На рубеже 1980-1990-х гг. в Коми начинается экономический и социальный кризис, который был связан с происходившими в стране социально-экономическими преобразованиями. Переход к рынку сделал многие предприятия на севере заведомо убыточными, ибо издержки производства здесь по многим причинам

выше, логистические схемы более сложны и дороги, а стоимость рабочей силы существенно дороже, чем в средней полосе Российской Федерации. Все это вместе взятое привело к массовому оттоку населения, особенно из северных городов республики: Воркуты, Инты, Печоры.

Минерально-сырьевой потенциал Республики Коми, представленный комплексом разнообразных горючих, металлических и неметаллических полезных ископаемых, а также подземных вод, имеет большое значение для экономики России. В разведанных на территории республики месторождениях сосредоточено общероссийских запасов: нефти – около 3 %, угля – 4,5 %, барита – 13 %, бокситов – 30 %, титана – около 50 %, кварцево-жильного сырья – около 80 %. Объёмы запасов и добычи горючих полезных ископаемых характеризуют Республику Коми как основную топливную базу Европейского Севера России.

Промышленность республики является ведущим сектором экономики. По итогам 2022 года в структуре суммарного объёма отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности промышленного производства наибольший удельный вес занимает добыча полезных ископаемых – 69,5 %, в том числе добыча сырой нефти и природного газа – 59,1 %.

Значительную долю в структуре производственной активности занимают такие виды деятельности, как производство бумаги и бумажных изделий (9,4 %), обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели (4,7 %). В целом на обрабатывающие производства приходилось 23,4 % объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в промышленном производстве; на обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха – 5,8 %; водоснабжение; водоотведение, организацию сбора и утилизацию отходов, деятельность по ликвидации загрязнений – 1,3 %.

Заготовка древесины сосредоточена в бассейнах рек Вычегды, Сысолы и Мезени. Основные районы лесозаготовок на территории Республики Коми – Усть-Куломский (23 %), Прилузский (22 %), Сысольский, Койгородский, Корткеросский – по 10 %, Удорский (9 %). Объем сортиментной заготовки древесины (с использованием высокопроизводительных многооперационных комплексов машин) составляет по крупным и средним предприятиям свыше 97 % общего объема заготовки древесины крупными и средними предприятиями. Большое количество лесных поселков, в которых прежде существовали активные леспромхозы, пребывают в состоянии упадка, поскольку лесные предприятия в подавляющем большинстве убыточны, и многие из них прекратили свое существование. Это обусловлено недоступностью лесных территорий из-за слаборазвитой сети дорог; удалённостью районов заготовки от центров

переработки; увеличением издержек производства в связи с ежегодным ростом тарифов на услуги естественных монополий, цен на запасные части и комплектующие.

Масштабного нового промышленного строительства, если не принимать в расчет прокладку транзитных трубопроводов из Сибири, в республике не ведётся (хотя планы различных масштабных проектов появляются регулярно, но также регулярно уходят в небытие), технологическое обновление старых производств имеет очень ограниченные масштабы. При этом продолжают сокращаться как мелкие и средние предприятия, так и крупные производственные объединения. К примеру, Печора некогда являлась крупнейшим транспортным узлом, где функционировала большая железнодорожная станция и депо, действовал речной порт, через который осуществлялось снабжение не только северных районов республики, но и соседнего Ненецкого автономного округа, работал аэропорт, на котором базировался крупный авиаотряд, осуществлявший перевозки пассажиров и грузов для нужд различных учреждений, сегодня находится в упадке, поскольку указанные предприятия резко сократили объемы хозяйственной деятельности. Проблемы другого северного города – Вуктыла – связаны с тем, что это город газодобытчиков, а газовые ресурсы вуктыльского месторождения практически полностью исчерпаны. Глубочайший кризис переживают шахтерские города Инта и Воркута: в первом совсем не осталось действующих шахт, во втором из некогда работавших 11 угольных шахт осталось всего четыре.

Серьезные проблемы существуют в развитии аграрного комплекса, причем они давно стали хроническими, что стимулирует миграцию из села в город, особенно молодежи. Тем не менее, возможности для развития аграрного производства в республике есть, но они не используются в должной мере, а потому сельская поселенческая сеть продолжает разрушаться.

В республике преобладает узловая форма размещения производительных сил: примерно 65% производства и инвестиций сосредоточено в хозяйственных узлах, расположенных вдоль железной дороги, 25% – в отдельных центрах – очагах и 10% – линейно – вдоль рек и автомобильных дорог. Поэтому более половины общей площади не охвачено хозяйством, и этот факт является печальной реальностью. Во-первых, в ряде мест нет достаточных экономических предпосылок для расселения населения, во-вторых, значительная часть территорий «оформлена» в виде национальных парков, заповедников и заказников [Лаженцев 2008]. Природно-ресурсные функции хозяйства Республики Коми дополняются транзитом. Из Западной Сибири по трубопроводам через республику прокачивается около 80 млрд $м^3$ газа [Лаженцев 2008]. Значение обеспечения его транзита многократно должно было возрасти в связи со

строительством новой системы газопроводов «Ямал – Запад» и в случае окончания строительства железнодорожной магистрали Архангельск – Сыктывкар – Соликамск («Белкомур»). Последний проект, как и многие другие, успешно и надолго заморожен. Доля валового регионального продукта (далее – ВРП) Республики Коми в совокупном ВРП Российской Федерации в 2022 г. составила 0,7%.

Для сбалансированного поступательного социально-экономического развития Республики Коми, согласно Проекту стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 г., необходимы развитие человеческого капитала, диверсификация структуры экономики, реализация инновационного и технологического потенциала, преодоление инфраструктурных ограничений, комплексное развитие территорий, входящих в состав региона. Все указанные верные направления развития являются лишь намерениями, но не реально реализуемой стратегией регионального развития.

Свидетельством социального неблагополучия региона является и тот факт, что по уровню преступности Коми находится в числе 10 самых криминогенных регионов, при этом уровень преступности (несмотря на незначительные колебания показателей) не снижается, что только отчасти можно объяснить гулаговским прошлым региона. Так, тот факт, что в 2019 г., по официальным данным, вновь существенно стала расти подростковая и молодёжная преступность – есть очевидное свидетельство острых социальных проблем региона. Другим социальным маркером последнего времени, который свидетельствует о социальном неблагополучии, стал существенный рост смертности от алкоголизма.

Как показали опросы, проводившиеся в последние годы на Европейском севере и в Урало-Поволжье, население не знает о программах развития республик и областей, не видит перспектив их развития. Поэтому экспертам был задан вопрос о том, есть ли, на их взгляд, у руководства Республики Коми ясная и реализуемая программа развития республики и ресурсы для успешного развития. Больше половины экспертов (55,6%) ответили, что такая программа есть, но она сугубо формальная и реального рывка ни экономика, ни социальная сфера региона сделать не смогут (нет ни ресурсов, ни достаточного количества квалифицированных управленцев). 29,6% ответили, что есть штатная программа, которая разработана во всех республиках, но прорыв может быть достигнут лишь на отдельных направлениях, где и необходимо концентрировать ресурсы и административные усилия. Определенное понимание стратегии развития у властей есть, надо лишь проявить политическую волю и инициативу.

Что касается двусторонней связи между властями и жителями республики, почти половина опрошенных экспертов (48,1%) полагает, что каналы связи между властью и жителями работают с перебоями и не все-

гда эффективно; треть опрошенных (33,3%) полагает, что каналы связи между властью и жителями работают неэффективно; и лишь 14,8% полагают, что каналы связи между властью и жителями работают эффективно.

На вопрос о том, соответствует ли, по мнению экспертов, уровень компетентности руководства республики, министров и ведущих специалистов сферы управления тем сложным задачам, которые необходимо решать в условиях кризиса экономики, пандемии коронавируса, роста социальных и политических рисков, больше половины экспертов (59,3%) ответили, что административная и политическая элита республики состоит из разных специалистов, часть из них вполне отвечает современным требованиям и сложности решаемых задач, часть – это балласт; а 22,2% опрошенных экспертов полагают, что уровень компетенции и инициативности не соответствует сложности задач, которые надо решать сегодня.

Интересна оценка экспертами мер поддержки населения и бизнеса, которые реализуются властями республики. Так, 44,4% респондентов считают, что эти меры дают определенный эффект, но их надо совершенствовать и усиливать; 40,7% полагают, что эти меры не очень продуманы и явно недостаточны; и лишь 11,1% считают меры поддержки достаточными и продуманными. Остальные эксперты затруднились ответить на этот вопрос.

Что касается эффективности проводимой в Республике Коми молодёжной политики, то 48,1% экспертов считают, что проводится целый комплекс мероприятий, есть ответственные за молодежную политику, но она все равно носит формальный характер; 37% полагают, что фактически такой политики в республике нет; 14,8% затруднились ответить.

Исходя из данных опроса 2020 г., 40% опрошенных студентов и 48,7% школьников не интересуется ситуацией в стране и республике. Сравнительно небольшое количество опрошенных (9,3% студентов и 10% школьников) постоянно интересуется блогами, сайтами, чатами и форумами в интернете, созданными разными молодыми активистами и группами неформалов, на которых обсуждается данная тема; меньше половины опрошенных (40,7% студентов и 30,7% школьников) проявляют интерес время от времени.

Блогеры и группы в социальных сетях, являющиеся сторонниками различных радикальных идей, интересны только 14% студентов и 7,3% школьников; 26% студентов и 30% школьников посещает их блоги ради любопытства, а половине респондентов (50,7% студентов и 47,3% школьников) они совсем неинтересны.

Также респондентам был задан вопрос о том, где они получают сведения о событиях, происходящих в стране и городе (можно было выбрать несколько вариантов ответа). Часть опрошенных (63,3% студентов

и 57,3% школьников) черпают сведения о событиях, которые происходят в стране и городе, с различных сайтов в интернете; ещё 57,3% студентов и 62,7% школьников получают такие сведения из СМИ (газеты, телевидение, радио), а 40% студентов и 56,7% школьников узнают от друзей и знакомых. В большей мере опрошенные доверяют таким источниками информации, как СМИ (29,3% студентов и 32,7% школьников), различные сайты в интернете (28,7% студентов и 26,7% школьников), друзья и знакомые (19,3% студентов и 25,3% школьников), блогеры (13,3% студентов и 28,7% школьников). Что интересно, у школьников, по сравнению со студентами, довольно большой процент доверия к блогерам.

Углубление кризисных явлений в Республике Коми отмечалось уже неоднократно, равно как и то, что они приобрели хронический характер. Сегодня оппозиционные политики и активисты различных организаций громко говорят об этом с различных трибун. Кризисные явления охватили как экономику, так и социальную сферу, политику, общественные настроения.

С начала проведения специальной военной операции (далее – СВО) в феврале 2022 г. одним из главных направлений работы стала разработка и реализация региональных мер поддержки военнослужащих и членов их семей. Предоставляются единовременные денежные выплаты гражданам, заключившим контракт, добровольцам, мобилизованным – всем, кто принимал и принимает участие в СВО. При заключении контракта военнослужащие единовременно получают 50 тыс. рублей. Те, кто уже служил по контракту и был направлен в зону СВО, – по 100 тысяч руб. Столько же, 100 тыс.руб., получают бойцы по возвращении из зоны боевых действий. Военнослужащим с тяжёлым увечьем выплачивается 500 тыс. руб., с лёгким увечьем – 250 тыс. руб. Все мобилизованные жители Республики Коми получили единовременно 150 тыс. руб. Членам семей погибших военнослужащих из Республики Коми предоставляется единовременная выплата в размере 2 млн руб.

Меры поддержки постоянно расширяются. Например, с января 2023 г. регион предоставляет единовременную материальную помощь в размере до 100 тыс. руб. семьям добровольцев и мобилизованных на газификацию жилья. Участники СВО освобождены от уплаты транспортного налога на один автомобиль мощностью до 150 лошадиных сил включительно за 2021 и 2022 г. Кроме того, по отдельным вопросам военнослужащие и их родственники получают бесплатную юридическую помощь.

Во всех центрах социальной защиты Республики Коми созданы Службы сопровождения участников СВО и членов их семей, за каждой семьёй закреплён куратор – специалист по социальному обслуживанию. Для оперативной связи выделены отдельные номера телефонов.

Вернувшимся со спецоперации бойцам предоставляют путёвки в Республиканский социально-реабилитационный центр «Максаковка». Помимо оздоровительных мероприятий была предусмотрена досуговая и спортивная программы. Кроме того, в октябре 2022 г. и в январе-феврале 2023 г. в «Максаковке» прошли оздоровление члены семей военнослужащих Республики Коми, погибших в ходе специальной военной операции.

Меры поддержки предусмотрены и в сфере образования. Государство компенсирует родительскую плату за присмотр и уход за детьми участников СВО в детских садах. Учащиеся 5 – 11 классов и студенты учреждений среднего специального образования получают во время учёбы бесплатное питание. Дети, которые ранее посещали платные кружки и секции в государственных и муниципальных учреждениях дополнительного образования, теперь занимаются там на бесплатной основе. Детям участников СВО предоставляются бесплатные путёвки в детские лагеря и полностью оплачивается проезд туда и обратно. Также дети участников СВО, которые обучаются в республиканских техникумах и колледжах на платной основе, получат компенсацию за оплату обучения. Поручение уже дано Правительству республики, соответствующее распоряжение будет подписано в ближайшее время. В пределах отдельной квоты дети участников СВО имеют возможность бесплатно поступить в высшие учебные заведения.

В 2022 г. были сформированы муниципальные штабы «МыВместе», организовано направление «Мы вместе. Дети», в рамках которых проводятся различные акции и мероприятия. Например, в ноябре-декабре 2022 г. 131 студент колледжей и техникумов республики приняли участие в донорских акциях. Организован сбор гуманитарной помощи для военнослужащих, в нем приняли участие 2019 студентов. Сыктывкарский политехнический техникум изготовил для мобилизованных из Республики Коми 136 толстовок и 25 мягких носилок.

Участники СВО и члены их семей по предварительной договоренности могут бесплатно посещать коммерческие мероприятия в библиотеках и музеях. Вернувшимся военнослужащим оказывается бесплатная психолого-педагогическая помощь. Предлагаются консультации психотерапевта или клинического психолога.

Союз женщин Республики Коми организовал обучение по программе «Младшая медицинская сестра по уходу за больными». В течение октября-ноября 2022 г. на базе Института непрерывного образования Сыктывкарского государственного университета 28 женщин из четырех районов республики получили навыки ухода за терапевтическими и хирургическими больными. Эти навыки пригодятся им при оказании помощи вернувшимся раненым участникам СВО. Также женсоветы активно участвуют в сборе гуманитарной помощи, шьют и вяжут предметы экипировки.

Этнический состав населения Республики Коми существенно изменился в течение последнего столетия. Если перепись 1926 г. зафиксировала в Коми Области около 207 тыс. жителей, среди которых доля коми составляла чуть более 92% (в первоначальных границах), то перепись 2020 г. показала, что в Республике Коми проживает около 738 тыс. чел., а доля коми составляет около 23%. Изменения в этническом составе населения повлекли за собой изменения и в употреблении языков. На сегодняшний день в регионе практически во всех сферах коммуникаций доминирует русский язык, при этом 17% населения республики владеет коми языком [Росстат опубликовал 2021]. На протяжении всего указанного периода менялся не только этнический, но и возрастной состав населения региона. Доля молодежи в Республике Коми, к числу которой относится население в возрасте от 14 до 35 лет, на 2020 г. составляла примерно 25%.

Несмотря на отрицательную динамику, наблюдаемую в этнодемографических процессах, вопрос сохранения коми языка и расширения его функций в Республике Коми с начала 1920-х г. стоит достаточно остро, а в последние годы приобрёл еще большую актуальность. Об этом говорит, в частности, появление за прошедшее десятилетие целого ряда научных исследований по данной тематике [Айбабина 2014: 246-251; Цыпанов 2017]. Проблема коми языка представляет научный интерес не только для региональных учёных, но также и для ведущих научных учреждений Российской Федерации [Кондрашкина 2016: 738-743]. Следует также отметить, что озабоченность по поводу складывающейся в республике языковой ситуации проявляется не только в наличии специальных научных исследований, но также имеет место и среди государственных служащих [Савтенко 2016].

Что касается нашего опроса, связанного с анализом восприятия языковой ситуации в Республики Коми, то в нем приняли участие студенты вузов города Сыктывкара. Общий объем выборки составил 301 чел., из которых 70,4% оказались девушки, а 29,6% – юноши. Несоответствие выборки принципу равной гендерной репрезентативности объясняется принципом случайного подбора респондентов, который имеет соответствующие недостатки. При этом 96,1% респондентов отметили, что проживают в городской местности и 88,3% ответили, что живут в регионе всю или почти всю жизнь.

Национальный портрет населения республики в целом мало изменился. По-прежнему наблюдается отрицательная демографическая динамика в изменении численности коми населения, особенно сельского. Кроме того, данную динамику необходимо рассматривать в неразрывной связи с отрицательной динамикой численности населения Республики Коми

в целом. Увеличение численности русских и падение численности коми народа происходит за счёт процессов естественного старения коренного населения региона. Любопытной является двойная коми-русская идентичность. Данная «маргинальная» прослойка людей, стремящихся отнести себя одновременно к двум национальностям, коррелирует с социологическими опросами ИЯЛИ 2022 г., которые показали, что в смешанных семьях, где один из родителей – русский, а другой – коми, дети в подавляющем большинстве случаев относят себя к русской национальности. Тем не менее, феномен «двойной идентичности» представляет исследовательский интерес и подлежит дальнейшему изучению, в том числе – в рамках исследования языковой принадлежности республиканской молодёжи.

Что касается родного языка, 72,6 % опрошенных таковым считают только один единственный русский язык, что подтверждает результаты недавней переписи населения, прошедшей в 2021 г. [Комистат 2020]. 14% ответили, что родными считают два и более языков, а 12,8% – язык своего народа (табл. 48).

Таблица 48

Родной язык респондентов, %

Вариант ответа	**%**
Русский язык	72,6
Язык своего народа	12,8
Два языка или более	14,0
Затрудняюсь ответить	0,6

Из тех, кто выбрал два последних варианта ответов, 78% родным считают коми язык, 7% украинский и по 3% респондентов отметили кабардинский, лезгинский, киргизский, татарский и крымско-татарский языки.

Далее респондентам было предложено указать причины, по которым опрошенные студенты считают тот или иной язык родным. Доли ответов респондентов распределились следующим образом: «Это язык, на котором я научился говорить» – 47,5%; «Это часть культурного наследия моего народа» – 21,2 %; «Это язык, на котором я думаю» – 15,6%; «Это язык, на котором говорили мои предки» – 7,3%; «Это язык, на котором говорят все вокруг» – 5,6%; «Это государственный язык» – 1,2%; «Затрудняюсь ответить» – 1,1% (табл. 2*).*

Из характера ответов видно, что уровень языковых компетенций хотя и является доминирующим в обосновании выбора родного языка, но аргументы символического характера также оказываются весьма значимыми в процессе символической языковой идентификации. И поэтому

не случайно многие из тех, кто плохо владеет или совсем не владеют этническим языком, но однозначно отождествляют себя с определенным культурно-языковым сообществом (этнической группой), называют язык этого сообщества родным. Для них это акт символического тождества с культурной группой.

Таблица 49

Обоснование выбора родного языка, %

Вариант ответа	**%**
Это язык, на котором я научился говорить	47,5
Это язык, на котором говорили мои предки	7,3
Это язык, на котором говорят все вокруг	5,6
Это часть культурного наследия моего народа	21,2
Это язык, на котором я думаю	15,6
Другое (что именно) «Это государственный язык»	1,2
Затрудняюсь ответить	1,1

Оценка знания родного языка почти у половины – 49,7% положительная, т. е. они полагают, что владеют родным языком очень хорошо; 40,2% считают свой уровень знания родного языка обычным; 5% сказали, что говорят и пишут с ошибками, но проблем не испытывают; 3,4% собственное знание родного языка оценивают как недостаточное; 1,1% – как плохое и 0,6% отметили, что совсем не знают родного языка (табл. 50).

Таблица 50

Уровень знания языка респондентами по самооценке, %

Вариант ответа	**%**
Считаю, что владею языком очень хорошо	49,7
Обычный уровень знания языка	40,2
Пишу и говорю с ошибками, но в целом проблем нет	5
Оцениваю свой уровень знания родного языка как недостаточный	3,4
Плохо знаю	1,1
Совсем не владею	0,6

На вопрос о знании других языков народов России 10,1% ответили, что таковые знают, 55,3%, что знают некоторые слова и выражения, ис-

пользуемые в других языках, но глубоких знаний не имеют, а 34,6% дали отрицательный ответ (табл. 51).

Таблица 51

Знание респондентами других языков народов России по самооценке, %

Вариант ответа	%
Да, знаю один язык: могу говорить, читать и писать	10,1
Да, знаю несколько языков: могу говорить, читать и писать	0
Знаю некоторые слова и выражения, используемые в других языках, но глубоких знаний нет	55,3
Нет, не знаю	34,6

Респондентам, которые считают, что знают другие языки народов России, было предложено указать, какие конкретно. Неудивительно, что 70% ответивших указали на коми язык, также по небольшой доле процентов (от 2 до 5%) получили такие языки, как грузинский, ненецкий, украинский, татарский, корейский, английский, финский, а также слова из языков различных народов финно-угорской ветви уральской языковой семьи.

Собственная оценка знания иностранных языков среди опрошенных оказалась таковой: 49,7 % знают лишь некоторые слова и выражения; 31,8% могут говорить, читать и писать на одном иностранном языке; 11,7% знают несколько иностранных языков; 5,6% ответили, что вообще не знают иностранные языки (табл. 52).

Таблица 52

Уровень знания респондентами иностранных языков по самооценке, %

Вариант ответа	%
Да, знаю один язык: могу говорить, читать и писать	31,8
Да, знаю несколько языков: могу говорить, читать и писать	11,7
Знаю некоторые слова и выражения, используемые в других языках, но глубоких знаний нет	49,7
Нет, не знаю	5,6

Из тех, кто знают иностранные языки на высоком уровне, 96,7% ответили, что это именно английский язык. Кроме английского опрошенные также указывали немецкий (7%), французский (5%), а также корейский, сербский, испанский, китайский, кыргызский, финский, турецкий, болгарский и японский языки.

Анализ ответов на два предыдущих вопроса свидетельствует о низкой популярности иных языков (иностранных, а также языков других народов России), за исключением русского и коми, что является вполне логичным, учитывая сложившийся в республике культурный ландшафт и культурные ориентации молодежи.

Оценка полилингвальности в стране и осмысление функционирования разных языков среди молодежи – ещё один важнейший аспект, изучение которого входило в задачи нашего исследования. По поводу того, насколько все языки в стране должны быть равноправными, мнения опрошенных респондентов распределилось таким образом: 55,9% считают, что все языки без исключения должны иметь равные права, 25,7% – что только один язык должен быть главным в стране, 12,3% выбрали ответ, что некоторые языки должны быть главными в стране, а 6,1% затруднились ответить (табл. 53).

Таблица 53

В России помимо русского языка, говорят на разных языках. С каким утверждением Вы согласны, %

Вариант ответа	**%**
Все языки без исключения должны иметь равные права	55,9
Некоторые языки должны быть главными в стране	12,3
Только один язык должен быть главным в стране	25,7
Затрудняюсь ответить	6,1

На вопрос об отношении к тому, что на улицах многих городов можно услышать разную речь, больше половины респондентов ответили, что это нормальное явления (57,5%), 38,5% относятся к этому нейтрально, 1,7 % считают, что поскольку русский язык государственный, то в публичных местах нужно говорить только на нем, такая же доля респондентов затруднилась с ответом (табл. 54).

Таблица 54

Россия – страна многонациональная, поэтому на улицах многих городов нередко звучат языки других народов, как Вы к этому относитесь, %

Вариант ответа	**%**
Это нормальное явление, так и должно быть	57,5
Я отношусь к этому нейтрально	38,5

Вариант ответа	%
В нашей стране русский язык является государственным, и на улице, и в публичных местах все должны говорить на не,м	1,7
Затрудняюсь ответить	1,7

Что касается нормы языкового поведения в межличностном общении в многонациональных коллективах, то мнения наших респондентов разделились: 45,3 % считают, что люди в многонациональном коллективе должны говорить на языке понятном для всех, а 40, 8 %, что люди должны использовать в таком общении тот язык, который им ближе (табл. 55).

Таблица 55

Россия – страна многонациональная, и часто в дружеских компаниях, студенческих группах, школьных классах, рабочих коллективах собираются люди разных национальностей. В этом случае действует негласная норма языкового поведения. Какова она, на Ваш взгляд, %

Вариант ответа	%
Люди в многонациональном коллективе могут пользоваться для общения с соседом или коллегой тем языком, который им ближе и понятнее	40,8
Люди в многонациональном коллективе должны говорить на том языке, который понятен всем его членам	45,3
Люди в многонациональном коллективе должны выбирать для общения язык большинства	6,7
Люди в многонациональном коллективе могут говорить на разных языках, не обращая внимания на других	2,8
Затрудняюсь ответить	4,5

В 1992 г. в регионе был принят региональный закон «О государственных языках Республики Коми», который закреплял статус коми языка как второго государственного и право преподавания коми языка как родного и как государственного во всех общеобразовательных учреждениях республики. Однако на практике реализовать равноправие коми и русских языков оказалось делом непростым, поскольку, например, система образования не была готова к этому в полной мере: отсутствовало достаточное количество профессиональных кадров, учебники, учебные программы, наглядные пособия. А внесение в федеральный закон «Об образовании» поправок о добровольности изучения национальных языков не изменило ситуацию к лучшему. В этой связи показательны мнения респондентов, касающиеся того, на изучение каких языков в школьной программе

надо обращать первостепенное внимание: 35,2% опрошенных студентов отметили, что это русский и иностранные языки; 23,5% – русский язык, язык коренного народа региона и иностранный; 19,6 % – только русский язык; 17,9% – русский язык и язык коренного народа субъекта; 1,7% – иностранные языки; 1,1% – язык коренного народа. На вопрос о желании изучать более основательно какой-либо из языков народов России, ответы опрошенных были следующими: 40,3 % хотели бы изучать какой-либо из языков народов РФ, а 54,7 % не изъявили такого желания (табл. 56).

Таблица 56

Хотели бы Вы изучать
более основательно какие-либо из языков народов России, %

Вариант ответа	**%**
Да, хотел бы изучать языки народов, которые живут в моем регионе/республике	13,4
Да, хотел бы, если для этого будут созданы хорошие условия	14,5
Да, хотел бы, если в это будет способствовать моей будущей карьере	13,4
Нет, не хотел бы, так как мне хватает русского	15,6
Нет, не хотел бы, поскольку у меня нет времени для этого	7,8
Нет, не хотел бы, поскольку в этом нет необходимости	31,3
Затрудняюсь ответить	3,9

А вот на вопрос о более основательном изучении языков народов других стран отрицательных ответов оказалось в разы меньше – всего 13,4 % (табл. 57).

Таблица 57

Хотели бы Вы знать, изучать более основательно какие-либо из языков народов других стран, %

Вариант ответа	**%**
Да, хотел бы изучать языки народов других стран	19,6
Да, но пока не решил (решила) какой/какие	10,1
Да, английский	35,8
Да, немецкий	1,7
Да, французский	2,8
Да, испанский	2,8

Вариант ответа	%
Да, китайский	6,7
Я уже изучаю иностранные языки углубленно	3,9
Нет, не хочу	13,4
Затрудняюсь ответить	2,2

Оценка качества преподавания языков в школе в целом у опрошенных респондентов умеренно позитивное: оценили качество как высокое 17,9%, как среднее 62%, низкую оценку дали 14,5%, затруднились дать ответ 5,6%. Вопрос об обязательном преподавании в школе языков народов России, пожалуй, вызвал наибольшие затруднения у респондентов, поскольку почти четверть (22%) не смогла определиться, 35,8% согласны с тем, чтобы языки народов России преподавались в обязательном порядке, а 41,3% не согласны. А вот относительно того, на каких языках должны преподаваться уроки в старших классах, ответы опрошенных отличаются единодушием: 91,1% отметили русский язык, наряду с русским отметили иностранный 23,5%, а язык народа, представители которого составляют большинство в регионе, – 13,4%.

Языковое образование и просвещение в Республике Коми

Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., в стране зафиксировано более 200 языков. При этом указали, что владеют русским языком, обладающим статусом государственного на всей территории России, 91,1% населения. Таким образом, наблюдается, с одной стороны, языковое единство и языковое доминирование русского языка, с другой – большое языковое и культурное разнообразие. Конституцией РФ закреплен статус языков, функционирующих на территории страны: государственный язык РФ, республиканские государственные языки, родные языки. Государственным языком России на всей ее территории является русский язык [Конституция 2022, ст. 68, п. 1]. Статусом республиканских государственных языков наделены 25 языков в 19 республиках. Их статус закреплен Конституцией РФ, конституциями республик и республиканскими законами о языках [Матюшева 2020].

Как уже было отмечено, на территории Республики Коми в соответствии с законом «О государственных языках Республики Коми» от 28 мая 1992 г. коми язык наряду с русским является государственным языком. При этом в регионе осуществляется комплексная поддержка мер, направленных на сохранение, пропаганду и развитие государственных языков, развитие этнокультурного образования в рамках реализации двух государственных программ Республики Коми: государственной

программы Республики Коми «Развитие образования» и региональной программы «Сохранение и развитие государственных языков Республики Коми (2019 – 2024 гг.)».

Имеющиеся методические пособия, электронные образовательные ресурсы, интерактивные пособия для воспитателей дошкольных образовательных организаций позволяют организовать изучение коми языка дифференцированно, с полным и частичным погружением воспитанников в языковую среду, воспитывать любовь к родному краю через возрождение национальных и культурных традиций коми народа.

Содержание региональных учебников и учебных пособий по коми языку, учебным предметам этнокультурной направленности позволяет организовать изучение коми языка по разноуровневым программам от 1 до 3 часов в неделю с учетом кадровых и материально-технических условий школы. Каждая образовательная организация самостоятельно утверждает образовательные программы с учетом потребностей участников образовательных отношений.

В рамках этнокультурного образования детей дошкольного возраста реализуется республиканский проект «Школа игропедагогики «Дзолюк-Малышок», который направлен на активизацию детско-родительского общения на коми и русском языках, формирование в сельской семье позитивного отношения к воспитанию двуязычного ребенка. На базе школы игропедагогики для воспитателей проходят различные тренинги, семинары, мастер-классы, досуговые мероприятия, фестивали детско-родительских театров. Школа работает в тесном сотрудничестве с республиканскими учреждениями культуры, муниципальными управлениями образования, детскими садами и районными представительствами движения «Коми войтыр». Предусмотрены материальные меры стимулирования: воспитателям, обучающим коми языку, и учителям коми языка и коми литературы установлены выплаты стимулирующего характера, размер которых составляет до 10% – 15%, пропорционально объему учебной нагрузки.

Что касается школьного уровня образования, то коми язык как учебный предмет включен в программу общеобразовательных учебных заведений, его изучение ведется по двум программам: «Коми язык как родной» и «Коми язык как государственный». По сведениям, полученным авторами от Министерства образования и науки республики Коми, в социальной сети «Вконтакте» в 100% (303) общеобразовательных организациях Республики Коми преподаются предметы «Родной язык и литературное чтение на родном языке», «Родной язык и родная литература на родном языке». В 2022/2023 учебном году в 66 общеобразовательных организациях республики 3585 (3,5%) обучающихся изучали учебные предметы «Родной язык (коми)», «Литературное чтение на родном языке (коми)», «Родная литература (коми)». Государственный (коми) язык изучают в 151

общеобразовательной организации Республики 28309 (27,7%) обучающихся. 82% (83971) обучающихся общеобразовательных организаций Республики Коми изучают коми язык (как родной и государственный), а также учебные предметы этнокультурной направленности («Литература Республики Коми», «История Республики Коми», «География Республики Коми», «Край, в котором я живу», «Экология Республики Коми», «Искусство Республики Коми»). В лидерах по изучению языка как родного ежегодно остаются Ижемский, Усть-Куломский и Корткеросский районы, с преимущественным проживаем коренного населения – коми народа.

Подготовку кадров для дошкольных и общеобразовательных организаций осуществляют Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина и Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж им. И.А. Куратова. На базе Коми республиканского института развития образования создана система профессионального развития учителей коми языка и литературы, которая позволяет ежегодно осуществлять стажировки и реализовывать программы повышения квалификации и переподготовки кадров для учителей коми языка и литературы, воспитателей, обучающих детей коми языку. Однако региональной общественностью неоднократно поднималась проблема нехватки педагогических кадров. Главным образом такая ситуация складывается из-за непопулярности направлений подготовки, связанных с коми языком, у абитуриентов.

Однако роль университета сводится не только к подготовке специалистов по коми филологии, но выражается также в разработке методики преподавания коми языка как неродного и обучении коми языку и культуре коми народа студентов нефилологических специальностей. В СГУ им. Питирима Сорокина на протяжении некоторого периода дисциплина «Коми язык (как неродной)» включалась в учебные планы таких направлений подготовки, как «Филология», «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Международные отношения». По данным направлениям дисциплина предусматривала обучение студентов теории языка, его истории; обучение говорению, чтению и письму; развитие устной речи, а также выполнение студентами определенных практических действий, что, в конечном итоге, должно было стать первичной базой для повседневного общения, а в дальнейшем – для возможности использования языка в профессиональной деятельности [Попова 2015].

Что касается просветительских проектов в данной сфере, то их огромное количество. Кроме того, в настоящее время телевещание на коми языке ведется на республиканском канале «Юрган», ВГТРК ГТРК «Коми гор», радиовещание на «Коми народном радио». Издаются газеты и журналы на национальном языке, присутствуют комиязычные вкладыши в районных газетах, издаваемых на русском языке. В 2016 г. создан сайт на коми языке на веб-ресурсе «Информационный центр финно-угорских

народов FINUGOR.RU». Однако, несмотря на все перечисленные меры, результаты нашего исследования демонстрируют, что в молодежной среде существует запрос на улучшение качества информации об историко-культурных национальных традициях Республики Коми и коми народа. Поскольку, по мнению 35,2% опрошенных, несмотря на то, что школа и региональные СМИ достаточно внимания уделяют распространению знаний о культурном многообразии республики, традициям представителей народов, в ней проживающих, качество этой информации надо улучшать. 17,9% опрошенных отметили, что чаше всего речь идет о традициях только нескольких народов, а не о культурном многообразии в целом.

Гражданская интеграция в регионе и роль языкового образования и просвещения для актуализации региональной и общероссийской идентичностей

Когда идет речь об идентичности населения, проживающего на территории какой-либо страны, региона или более локального образования, всегда встает вопрос об исторических, культурных, экономических факторах и других условиях развития самоопределения населения с этой территорией.

Как отмечают исследователи, «объективными» факторами, усиливающими или ослабляющими идентичность, являются культурно-исторические предпосылки, укорененность населения, географическая граница, стабильность административно-территориального деления, политический и экономический факторы [Туровский, 2002]. В связи с этим представляется необходимым анализ факторов формирования социальной идентичности населения в Республике Коми.

Под культурно-историческими предпосылками понимается многовековой опыт развития в качестве территориального сообщества, у которого есть своя особая история. Здесь в качестве примера можно привести города, являвшиеся столицами средневековых русских государств: Новгород, Смоленск, Псков. Ярко выраженным культурным центром страны является Санкт-Петербург. Столица Татарстана Казань прочно закрепила за собой символический статус третьей столицы, а Нижний Новгород – столицы Поволжья. Если вести речь о Республике Коми, то ее столица – Сыктывкар – мало знакома жителям страны, хотя могла бы претендовать на звание столицы так называемого «Финно-угорского мира», который активно конструировался политиками и этническими активистами с начала 1990-х г. Однако больше шансов в этом плане имела столица Мордовии – Саранск, что связвно с поддержкой федеральных властей, свидетельством чему стал ряд громких акций этнокультурного и этнополитического характера, проводившихся в этом городе, а также тот факт, что

штаб-квартира Ассоциации финно-угорских народов России располагается именно там. Наибольшей известностью из городов Коми пользуется Воркута, но и эта известность никак не привязана к республике.

Местные власти так и не смогли актуализировать историческую память и использовать местные культурные ресурсы для создания культурно привлекательного облика региона и его общероссийской значимости, позиционирования его как важного рубежа, с которого начиналось созидание России как великой евроазиатской державы. Между тем, ресурсы исторической памяти позволяют это сделать, поскольку коми-зыряне были активными участниками отряда Ермака, поход которого положил начало покорению Сибири. В составе последующих сибирских экспедиций они также принимали активное участие, равно как вместе с поморами составляли первую волну крестьянской колонизации Сибири, а потому не случайно, что одна из главных улиц Новосибирска носит название Зыряновской, а многие сибирские села названы Зыряновкой.

Отсутствие в регионе продуманной политики памяти (замененной некими сомнительными суррогатами из советского прошлого), региональной стратегии гражданской интеграции сказывается не только на политическом имидже местных элит, но и серьезно ограничивает их лоббистские возможности в некогда активно развивавшемся «финно-угорском проекте». Несмотря на то, что формальное лидерство Коми было оформлено в апреле 2006 г. поручением Президента РФ о разработке мер по приданию финно-угорскому культурному центру в Сыктывкаре статуса федерального государственного учреждения, их роль в некогда активно развивавшемся «финно-угорском проекте» постоянно ослабевала, что отражалось и на финансовых потоках и трансфертах. При этом власти не только не смогли придать достойное место Коми в рамках «Финно-угорского мира», хотя в угоду лояльности идеям паннационализма (чем, по сути, и является идея «Финно-угорского мира») и обычного этнического национализма создали сомнительную модель региональной этнополитики, квинтэссенцией которой является исключение из Основного Закона РК в начале 2000-х гг. положения о ее многонациональности, что прямо противоречит Конституции РФ. Более того, власти республики полностью упустили из виду необходимость формирования прочной региональной гражданской идентичности, что нашло отражение и в общественных настроениях, ибо с 1990-х гг. соцопросы показывают, что не более трети опрошенных в Коми согласны с тем, что республиканский социум есть интегрированное сообщество, у которого есть и общие интересы, и общие традиции, и общая идентичность.

Таким образом, существенной проблемой Республики Коми как культурно-исторической провинции, как национально-государственного образования является отсутствие стратегии формирования региональной идентичности, неразвитость и неузнаваемость так называемого бренда

республики и закрепившийся за ней стереотип промышленно-сырьевого региона, что во многом сдерживает процессы гражданской консолидации среди жителей Коми, многие из них ощущают себя именно и только жителями, но не гражданами.

Доля местных уроженцев также является важным показателем для процесса конструирования прочной и отчетливо выраженной региональной идентичности: чем она ниже, тем меньшей популярностью будет пользоваться идея местного патриотизма. В целом российское население достаточно сильно привязано к месту своего рождения, но и степень подвижности населения также высока. Почти во всех субъектах Российской Федерации проживает более 60% жителей, родившихся именно в них, что свидетельствует о стабильном характере региональных сообществ. Однако есть специфические регионы, где доля местных уроженцев достигает максимальных значений (более 90%), или уменьшается до минимального (около 30%), но такая ситуация не является типичной [Ходенко 2009: 127].

Миграция сыграла значительную роль в формировании населения Республики Коми на протяжении XX столетия, обеспечив семикратное увеличение его численности за этот период. Согласно переписи 1897 г., в современных границах Республики Коми насчитывалось примерно 156 – 158 тыс. чел. Коми составляли более 90% от данной численности. События гражданской войны, индустриализация и коллективизация страны способствовали промышленному освоению лесных массивов, месторождений угля, нефти и газа, что усилило приток мигрантов в республику со всей страны. По официальным итогам переписи 1926 г., численность населения Коми Автономной области составляла 207,3 тыс. чел. С начала 1930-х гг. и до середины 1950-х гг. миграция носила в основном принудительный характер. В это время на территории республики функционировала сеть исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа. С 1953 г. главной формой привлечения рабочей силы на предприятиях угольной, нефтяной и лесозаготовительной промышленности стал централизованный набор рабочих на основе трудовых соглашений, стимулируемый специальными северными льготами. Мощный поток внешней миграции способствовал быстрому росту численности населения республики. В последующие годы численность населения республики продолжала увеличиваться, достигнув своего максимума к 1990 г. – 1264,9 тыс. чел., что определялось темпами развития промышленности. Важно отметить, что коренное население республики не было активно задействовано в процессах промышленного освоения территорий, что закрепляло его на селе. Политические и социально-экономические преобразования начала 1990-х гг. существенно повлияли на течение демографических процессов в России и Республике Коми. Перестройка всего хозяйственного механизма и переход к рыночной экономике способствовали обострению социально-экономических

проблем, снижению жизненного уровня большей части населения. После распада Советского Союза, процессы принятия гражданства в бывших его республиках и политика «бесперспективности» северных территорий вызвали интенсивный отток населения из Коми.

В качестве еще одного важного фактора развития идентичности можно выделить географический, под которым понимается особое местоположение территории. Географический аспект становится важным для описания специфики, непохожести региона на все остальные субъекты федерации, наполняет регион особенностями, которых нет больше ни в одной другой территории, определяющими ценность региона для жителей, страны и мира в целом. Это особенно характерно для анклавных или периферийных территорий. Ярким примером является Калининградская область, в которой уровень укорененности населения довольно низок, но наличествуют географические условия и тесные исторические связи с европейскими странами для формирования чувства уникальности территории. Республика Коми, располагаясь на крайнем северо-востоке европейской части России от Печорской низменности до западных склонов Уральских гор, граничит с Архангельской, Тюменской, Свердловской областями, Ненецким, Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами. Таким образом, отсутствие специфического месторасположения республики на карте страны, с одной стороны, а с другой – наличие большого количества соседних территорий, с которыми отдельные районы республики имеют более тесные культурные и экономические связи и более удобную транспортную инфраструктуру, чем с республикой в целом, также препятствуют складыванию интегрированного территориального сообщества.

Административные границы могут играть определенную роль в формировании специфического характера местных сообществ и воздействовать на их самосознание, самоощущение. При этом уровень восприятия региональной идентичности, связанной с административно-территориальным делением, зависит от исторической продолжительности жизни политико-административных общностей. Что касается Республики Коми, то ее нынешние административные границы возникли относительно недавно. Накануне революции 1917 г. современная территория Республики Коми входила в состав трех губерний: Архангельской, Вологодской и Вятской. Лишь в 1921 г. была образована Автономная область Коми (Зырян), которая в 1929 г. вошла в состав Северного края с центром в г. Архангельске. В 1936 г. Коми Автономная область была преобразована в Коми АССР и непосредственно вошла в состав РСФСР как самостоятельное образование. Окончательное же формирование административно-территориального деления республики более или менее завершилось только к 1979 г. Изначально специфика складывания административно-территориального устройства в республике была основана прежде всего

на своеобразии этнического состава местного населения, а также особенностях демографических процессов, характеризуемых мощными миграционными потоками на территорию Коми. В середине XX столетия к этим факторам присоединился и экономический показатель.

Свое влияние оказывает и экономический фактор, который проявляется в нарастании противоречий между центром и регионами, а также усилении социально-экономического различия между регионами и внутри самих регионов.

В Республике Коми последнее явление проявляется и проявлялось вполне очевидно, что объясняется очаговым характером развития территории, которую условно можно разделить на несколько производственных комплексов. Первым таким комплексом является угледобывающий, сформированный на базе Печорского угольного бассейна, в состав которого входят города Инта и Воркута. Второй – северный нефтедобывающий с центром в г. Усинске, объединяющий нефтепромыслы в Коми и Ненецком Автономном Округе. Третий комплекс – это так называемый центральный промышленный район, расположенный географически по линии Ухта – Вуктыл, где есть нефте- и газодобыча, их переработка, строительные, транспортные, машиностроительные предприятия и сопутствующая им инфраструктура. Последним в данном перечне является и южный комплекс, расположенный вокруг столицы республики – Сыктывкара. Он объединяет лесозаготовительные и лесоперерабатывающие предприятия, а также аграрные территории центра и юга республики.

Такая специализация территорий, а также ориентация не на внутрирегиональные, а на внешние рынки привели к тому, что населенные пункты республики и их производственные мощности практически не были взаимосвязаны. Данное обстоятельство находит отражение и в самовосприятии жителей республики. Например, жители шахтерского г. Воркута, расположенного на северо-востоке республики, отчетливо ощущают свою уникальность как сообщества и в какой-то степени отделяют себя от республиканского социума. Как отмечает Ю.П. Шабаев, «здесь не читают республиканских газет, не смотрят передачи республиканского телевидения, а население города, вместе с жителями других северных городов, как бы условно выделяются в особое сообщество. «Изоляционизм» и «урбоцентризм» нашли выражение и в местном городском фольклоре (расхожее утверждение «Воркута – столица мира»), и в высокой степени местной солидарности. Именно эта солидарность способствовала тому, что воркутинские шахтеры и их профсоюзы довольно долго являлись лидерами рабочего движения в России» [Шабаев 2011: 44].

Указанную социально-экономическую фрагментированность территории РК усугубляет и то обстоятельство, что привычные пути и способы сообщения – пассажирское сообщение по рекам, малая авиация –

либо закрываются, либо становятся финансово недоступными, что приводит к ослаблению социальных, культурных, экономических контактов между жителями региона.

В поликультурном регионе на процессы формирования общей региональной идентичности, безусловно, оказывает влияние этнический состав населения. А когда этничность политизируется и обретает значение политического ресурса, а представляющие интересы титульной группы этнические организации усиливают давление на политические институты региона, власти вольно или невольно начинают проводить политику этнического фаворитизма и символически (а также политически) делят население республики на «коренной народ» и «некоренное население». Следствием подобной практики является то, что этничность становится важным конфликтогенным фактором и препятствует укреплению внутренних связей в территориальном сообществе.

Таким образом, можно предположить, что в формировании региональной идентичности свою роль играют различные факторы, механизмы и социальные практики, которые вместе можно рассматривать как взаимосвязанную систему. От состояния оной зависят самоощущение и восприятие отдельных индивидов, являющихся членами территориального сообщества.

В национальной структуре населения изменилось не только соотношение между численностью титульного этнического сообщества и русскими, но и увеличилась доля представителей других этнических групп. При этом важно заметить, что большинство коми до сих пор проживают в сельских поселениях, испытывая все те социально-экономические трудности, которые присущи современному российскому селу.

Специфика экономического развития Республики Коми и ее заселения в XX столетии оказали значительное влияние на социальную структуру региона. Как уже отмечалось выше, экономическое развитие территории в советский период, связанное с возведением и работой крупных промышленных предприятий угольной, нефтяной, газовой и лесной промышленности, носило анклавный характер. На территориях таких промышленных анклавов часто строились новые города и поселки городского типа. При этом они осваивались и обживались в подавляющем большинстве пришлым населением. Таким образом, коренное население Коми было практически исключено из процесса промышленного и экономического освоения региона. Результатом такой практики, по данным последней советской переписи населения, стало то, что к 1989 г. более 50% сельского населения составляли коми, в то время как 86% городского – представители других этнических групп. Однако в советский период такая «исключенность» коми из экономических процессов и городского образа жизни нивелировалась за счет государственной поддержки социальной инфраструктуры села и сельского хозяйства.

Таким образом, социальная идентичность в Республике Коми формировалась и развивалась в условиях, не способствующих консолидации населения. При этом одной из ее характеристик стала локальность.

Оценка многоязычия в стране и осмысление функционирования разных языков среди молодежи – еще один важнейший аспект, изучение которого входило в задачи нашего исследования. По поводу того, насколько все языки в стране должны быть равноправными, мнения респондентов распределилось таким образом: 55,9% считают, что все языки без исключения должны иметь равные права, 25,7% – что только один язык должен быть главным в стране, 12,3% выбрали ответ, что некоторые языки должны быть главными в стране, а 6,1% затруднились ответить (табл. 58)

Таблица 58

В России помимо русского, говорят на разных языках.
С каким утверждением Вы согласны, %

Вариант ответа	**%**
Все языки без исключения должны иметь равные права	55,9
Некоторые языки должны быть главными в стране	12,3
Только один язык должен быть главным в стране	25,7
Затрудняюсь ответить	6,1

На вопрос об отношении к тому, что на улицах многих городов можно услышать разную речь, больше половины респондентов ответили, что это нормальное явления (57,5%), 38,5% относятся к этому нейтрально, 1,7% считают, что, поскольку русский язык государственный, то в публичных местах нужно говорить только на нем, такая же доля респондентов затруднилась с ответом (табл. 59).

Таблица 59

Россия – страна многонациональная, поэтому на улицах многих городов нередко звучат языки других народов. Как Вы к этому относитесь, в %

Вариант ответа	**%**
Это нормальное явление, так и должно быть	57,5
Я отношусь к этому нейтрально	38,5
В нашей стране русский язык является государственным, и на улице, и в публичных местах все должны говорить на нем	1,7
Затрудняюсь ответить	1,7

Что касается нормы языкового поведения в межличностном общении в много национальных коллективах, то мнение наших респондентов разделилось: 45,3 % считают, что люди в многонациональном коллективе должны говорить на языке, понятном для всех, а 40,8 % – что люди должны использовать в таком общении тот язык, который им ближе (табл. 60).

Таблица 60

Россия – страна многонациональная, и часто в дружеских компаниях, студенческих группах, школьных классах, рабочих коллективах собираются люди разных национальностей. В этом случае действует негласная норма языкового поведения. Какова она, на Ваш взгляд, %

Вариант ответа	**%**
Люди в многонациональном коллективе могут пользоваться для общения с соседом или коллегой тем языком, который им ближе и понятнее	40,8
Люди в многонациональном коллективе должны говорить на том языке, который понятен всем его членам	45,3
Люди в многонациональном коллективе должны выбирать для общения язык большинства	6,7
Люди в многонациональном коллективе могут говорить на разных языках, не обращая внимания на других	2,8
Затрудняюсь ответить	4,5

Еще одной из важнейших задач, поставленной перед исследователями, была оценка гражданской и этнической идентичности молодежи региона, ее патриотических и миграционных установок, а также восприятие гражданского сообщества.

Для решения данной задачи в первую очередь респондентам был предложен вопрос о том, что такое для них Родина. Примерно равные доли респондентов ответили, что для них Родина – это их страна Россия (33%) и место их рождения (31,3%), 19% ответили, что для них Родина – это место, где они прожили большую часть жизни, для 7,8% – место их настоящего проживания, а для 7,3 % Родина – то место, где жили их предки (табл. 61).

Таблица 61

Что для Вас Родина, %

Вариант ответа	**%**
Моя страна – Россия	33
Место моего рождения	31,3

Вариант ответа	%
Место, где жили мои предки	7,3
Место, где я прожил большую часть моей жизни	19
Там, где я сейчас живу	7,8

Понимание национальности у опрошенных представителей молодежи в целом сводится к двум аспектам – это язык и культура (43,6%) и происхождение по родителям и предкам (43%). Другие возможные аспекты понимания этого феномена отметили гораздо меньшее число опрошенных: национальность как гражданство (6,1%), как место рождения (1,7%), как то, что в советские времена значилось в паспорте (1,1%), как этническая принадлежность (0,6%) (табл. 62).

Таблица 62

Как Вы понимаете слово национальность, %

Вариант ответа	%
То, что в советские времена значилось в паспорте	1,1
Гражданство	6,1
Происхождение по родителям и предкам	43
Язык, культура	43,6
Место рождения	1,7
Затрудняюсь ответить	0,6

При этом отметили, что считают себя патриотом Республики Коми – 58,1%, не считают себя таковыми – 14%, а оставшаяся часть затруднилась ответить.

Таблица 63

Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни – как гражданина России или как представителя отдельной национальности, или как жителя определенного региона, %

Вариант ответа	%
Как гражданина страны	77,7
Как жителя моего региона	27,9
Как представителя отдельной национальности	14
Затрудняюсь ответить	19

На вопрос о том, к какой национальности относят себя респонденты, вырисовалась следующая картина. Более половины (57%) ответили, что относят себя к русским, вторыми по численности оказались те, кто относит себя к коми (22%), 2% продемонстрировали двойную коми-русскую идентичность, еще по 2 % отнесли себя к украинцам и немцам. Остальные национальные принадлежности, указанные респондентами (евреи, татары, киргизы, гражданин мира), носят единичный характер.

Этническая структура населения республики в целом мало изменилась. По-прежнему наблюдается процесс активного старения коми населения и возрастание доли русского, хотя общее демографическое качество населения РК неуклонно снижается. Увеличение численности русских и падение численности коми народа происходит за счёт процессов естественного вымирания коренного населения региона. Любопытной является двойная коми-русская идентичность. Данная «маргинальная» прослойка людей, стремящихся отнести себя одновременно к двум национальностям, коррелирует с социологическими опросами Института языка, литературы и истории 2022 г., которые показали, что в смешанных семьях, где один из родителей – русский, а другой – коми, дети в подавляющем большинстве случаев относят себя к русской национальности. Тем не менее феномен «двойной идентичности» (и более сложной) представляет исследовательский интерес и подлежит дальнейшему изучению, в том числе – в рамках исследования языковой принадлежности республиканской молодежи.

Миграционные установки студенческой молодежи Республики Коми представляют собой структуру, демонстрирующую будущие риски, поскольку тех, кто планирует уехать (30,7%) или не планирует этого делать (33%), а также еще не определился (35,8%), примерно равные доли (табл. 64).

Таблица 64

Планируете ли Вы уехать в другой регион России или другую страну на длительный срок или на постоянное жительство, %

Да, в другой регион России	24
Да, в другую страну	6,7
Нет	33
Затрудняюсь ответить	35,8

Зафиксированный в ходе опроса характер мнений свидетельствует о невысоком уровне социального оптимизма у молодёжи республики,

их неуверенности в завтрашнем дне. Ситуация в России и за рубежом приводит ко всё большему лимитированию возможностей для самореализации молодых людей, что неизбежно будет сказываться на их настроениях. Пока же их неудовлетворенность условиями жизни в регионе выражается в том, что значительная часть молодежи выезжает за пределы региона, при этом численность покидающей Коми молодежи не снижается (не меняются и ее настроения), что косвенно свидетельствует о провале региональной молодежной политики, ибо миграцию социальные исследователи оценивают как форму социального протеста. Региональным властям следует обратить внимание на данное положение вещей, пока социальные риски в регионе не вырастут до критических значений.

Наиболее привлекательными регионами РФ для молодежи Республики Коми, которая панирует отъезд, являются Калининград (9%), Санкт-Петербург и Ленинградская область (8,8%), Москва (4,4%), Казань и Республика Татарстан (4,4%), среди зарубежных стран – страны Скандинавии в целом (7%), Финляндия (4,4%), Исландия, Германия, Польша, Казахстан (по 2,2 %). Среди наиболее важных причин, которые побуждают молодежь покидать регион, – это желание делать карьеру и отсутствие перспектив карьерного роста в регионе (39,2%), а также желание пожить в большом городе, где больше возможностей для работы и досуга (34%).

Из полученных данных явствует, что центральные регионы России являются наиболее привлекательными для молодежи, в первую очередь, в контексте построения карьеры и «жизни для себя». Ряд респондентов даже готовы испытать судьбу и уехать в другие страны (что вряд ли возможно, учитывая действующую мировую политическую изоляцию Российской Федерации на международной арене, преимущественно – в европейском регионе).

Что касается оценки состояния отношений между людьми разных национальностей, которые складываются в Республике Коми, то в целом она средняя, поскольку 15,6% опрошенных выбрали вариант ответа, что отношения очень хорошие; 41,9% – что нормальные; 32,4% – что бывает по-разному; 4,5% затруднились ответить; 3,9% ответили, что отношения могли бы быть лучше, а 1,7 % – что они напряженные. При этом оценивают жителей Республики Коми как единое сплоченное сообщество 47,5% представителей молодежи, противоположной оценки придерживаются 20,7%, затруднились дать ответ – 31,8%. В целом можно сделать вывод о том, что республиканская молодежь – хотя и дезорганизованное, однако вместе с тем довольно сплоченное общество, движимое общими ценностями, идеалами, целями в жизни.

Глава 9

Язык и интеграция в Республике Марий Эл

Республика Марий Эл расположена в центре европейской части Российской Федерации, в средней части бассейна р. Волги. Она входит в состав Приволжского федерального округа Российской Федерации. С севера, северо-востока и востока республика граничит с Кировской областью, с юго-востока и юга – с республиками Татарстан и Чувашия, а на западе и северо-западе – с Нижегородской областью. Протяженность территории республики с севера на юг достигает 150 км, с запада на восток составляет 275 км. Длина ее границ превышает 1200 км, а общая площадь равна 23,3 тыс. км^2, из нее 57,3% составляют лесные угодья, 33,1% – сельскохозяйственные угодья, 5% – поверхностные воды, включая болота, другие земли – 4,6%.

В составе Республики Марий Эл три города республиканского подчинения, 14 муниципальных районов, 16 поселков городского типа, 116 сельских администраций, 1597 сельских населенных пункта. Столица республики – город Йошкар-Ола. Другие крупные города: Волжск и Козьмодемьянск. Население, по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., – 679,4 тыс. чел.

Республика Марий Эл является многонациональным и многоконфессиональным регионом Российской Федерации, где на протяжении нескольких столетий проживают представители разных национальностей с различными конфессиональными убеждениями. Республика Марий Эл по составу населения полиэтнична, здесь проживают представители более 108 национальностей. В настоящее время наиболее многочисленными этническими группами населения являются русские (45,1%), марийцы (41,8%) и татары (5,5%), представители других национальностей составляют 7,6%. По данным Росстата, следует, что на 1 октября 2021 г. представителями марийской национальности назвали себя 423,8 тыс. чел., проживающих в разных регионах страны. Этническая принадлежность жителей республики (табл. 65) в основном определяет и их конфессиональную принадлежность: русские исповедуют христианство, марийцы – христианство и традиционную марийскую веру, татары – ислам [Шингареева, 2023].

Таблица 65

Численность наиболее многочисленных национальностей в Республике Марий Эл по итогам переписей, тыс. чел.

	1989	**2002**	**2010**	**2020**
Все население	749,3	728,0	696,5	677,1
Указавшие национальную принадлежность	749,3	725,1	662,3	615,0
Русские	356	345,5	313,9	322,9
Марийцы	324,3	312,2	290,9	246,6
Татары	43,9	43,4	38,4	29,3

Плотность населения – 29,6 чел./км², удельный вес городского населения – 63,8 %. Численность населения в республике составила в 1993 г. 764,1 тыс. чел. (из них городское население составило 472 тыс. чел. (61,6%), сельское – 292,1 тыс. чел. (38,4%). В 2020 г. население республики насчитывало уже 679,4 тыс. чел. Из них городское – 455,5 тыс. чел. (67%), сельское 223,9 тыс. чел. (33%).

Нужно отметить, что большинство русских (284 252 чел. или 82,3%) проживает в городах, в то время как марийцы сосредоточились в сельской местности (187 603 чел. или 60,1%). По данным переписи 2012 гг., в сельской местности численность мари уменьшилась на 8,4%, русских – на 7,4%, татар – на 6,5%, чувашей – на 14,8%. [Республика Марий Эл. Ежегодник, 2012: 12]. Аналогичная тенденция наблюдается в республике и по результатам переписи 2020 г.

Демографическое развитие Республики Марий Эл носило неблагоприятный характер с 1960-х гг. XX в., но феномен депопуляции стал явью на этапе рыночных реформ. С 1989 г. население Республики Марий Эл стремительно сокращается, что представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности: поколение детей лишь на 60% замещает поколение родителей. Начиная с 1989 г., население региона сократилось на 56897 чел., при этом численность городского населения уменьшилась на 15657, а сельского на 41240 чел. соответственно. Ежегодно в период с 1989 по 2012 гг. республика теряла в среднем 2473 чел. Только за последние 10 лет в республике численность населения сократилась на 40339 чел.

Главная особенность демографической ситуации в сельской местности – сокращение численности населения здесь происходит значительно большими темпами, чем в городах. Если в городской местности за последние 20 лет численность жителей сократилась на 5,8%, то сельских жителей за этот период стало меньше на 12,4% (табл. 66). По данным

Росстата, численность городского населения в 2020 г. составила 455,5 тыс. человек (67%), сельского – 223,9 тыс. чел. (33%), а годом ранее, в 2019 г. численность городского населения составляла 453,4 тыс. человек (66,6%), а сельского 227,0 тыс. чел. (33,4%) соответственно.

Таблица 66

Рождаемость, смертность и естественный прирост
в Республике Марий Эл (1980-2019 гг.)

Годы	**Всего, чел.**			**На 1000 чел. населения, промилле**		
	родившихся	**умерших**	**естественный прирост, убыль (-)**	**родившихся**	**умерших**	**естественный прирост, убыль (-)**
Все население						
1980	13169	8091	5078	18,6	11,4	7,2
1990	11953	7775	4178	15,8	10,3	5,5
2000	6784	11040	-4256	9,1	14,9	-5,8
2001	6832	11434	-4602	9,3	15,5	-6,2
2002	7300	12105	-4805	10,0	16,6	-6,6
2003	7515	11861	-4346	10,4	16,4	-6,0
2004	7715	12098	-4383	10,7	16,8	-6,1
2005	7475	12256	-4781	10,5	17,2	-6,7
2006	7550	11286	-3736	10,6	15,9	-5,3
2007	8306	10745	-2439	11,8	15,2	-3,4
2008	8620	10699	-2079	12,3	15,2	-2,9
2009	8896	10435	-1539	12,7	14,9	-2.2
2010	8857	10572	-1715	12,7	15,2	-2,5
2011	9107	9853	-746	13,1	14,2	-1,1
2019	6683	8177	-1494	9,8	12,0	-2,2
Городское население						
1980	6994	3204	3790	18,1	8,3	9,8
1990	7060	4108	2952	15,1	8,8	6,3
2000	3978	6228	-2250	8,5	13,3	-4,8

Годы	Всего, чел.			На 1000 чел. населения, промилле		
	родившихся	умерших	естественный прирост, убыль (-)	родившихся	умерших	естественный прирост, убыль (-)
2001	4024	6578	-2554	8,7	14,2	-5,5
2002	4313	6825	-2512	9,4	14,8	-5,4
2003	4693	6668	-1975	10,2	14,6	-4,4
2004	4777	6683	-1906	10,5	14,7	-4,2
2005	4690	6832	-2142	10,4	15,2	-4,8
2006	4756	6414	-1658	10,6	14,3	-3,7
2007	5162	6178	-1016	11,6	13,9	-2,3
2008	5273	6061	-788	11,9	13,6	-1,7
2009	5359	6034	-675	12,1	13,6	-1,5
2010	5473	6203	-730	12,4	14,1	-1,7
2011	5680	5798	-118	12,9	13,2	-0,3
Сельское население						
1980	6175	4887	1288	19,1	15,1	4,0
1990	4893	3667	1226	17,0	12,7	4,3
2000	2806	4812	-2006	10,2	17,5	-7,3
2001	2808	4856	-2048	10,3	17,8	-7,5
2002	2987	5280	-2293	11,1	19,6	-8,5
2003	2822	5193	-2371	10,6	19,5	-8,9
2004	2938	5415	-2477	11,1	20,5	-9,4
2005	2785	5424	-2639	10,6	20,6	-10,0
2006	2794	4872	-2078	10,7	18,7	-8,0
2007	3144	4567	-1423	12,1	17,6	-5,5
2008	3347	4638	-1291	13,0	18,0	-5,0
2009	3537	4401	-864	13,9	17,2	-3,3
2010	3384	4369	-985	13,2	17,0	-3,8
2011	3427	4055	-628	13,5	16,0	-2,5

Численность населения городских округов за период с 2010 по 2020 г. увеличивается главным образом за счет миграционных процессов, в частности, внутренней миграции (переезда сельского населения трудоспособного возраста на постоянное место проживания в город). Следовательно, сокращается численность сельского населения практически во всех муниципальных районах республики за исключением Медведевского района, административный центр, который территориально практически сливается с г. Йошкар-Олой. (табл. 67) [Численность и размещение, 2022: 10].

Таблица 67

Изменение численности населения городских округов и муниципальных районов республики Марий Эл (чел.)

Наименование территорий	**ВПН-2010 (на 14 октября 2010 г.)**	**ВПН-2020 (на 1 октября 2021 г.)**
Всего по республике	696 459	677 097
городские округа город Йошкар-Ола	259 256	291 892
город Волжск	55 659	53 013
город Козьмодемьянск	21 257	19 731
муниципальные районы Волжский	23 940	20 975
Горномарийский	25 869	20 308
Звениговский	44 976	39 456
Килемарский	13 604	11 426
Куженерский	14 556	11 986
Мари-Турекский	23 155	17 933
Медведевский	67 703	68 554
Моркинский	32 403	26 603
Новоторъяльский	17 124	13 767
Оршанский	15 139	12 703
Параньгинский	16 307	13 457
Сернурский	25 672	22 052
Советский	31 081	26 854
Юринский	8 758	6 387

Тенденция к сокращению темпов естественного прироста в Республике Марий Эл проявилась уже в перестроечные годы как реакция на политическую и экономическую нестабильность в стране и снижение качества жизни в самой республике. Особенно неблагоприятная демографическая ситуация начала складываться в 1990 гг., когда явственно проступили черты депопуляции. Самое значительное снижение численности населения наблюдалось в сельских районах – с середины прошлого века число сельских жителей в Республике Марий Эл уменьшилось практически вдвое.

Причинами повсеместного сокращения естественного прироста стали ухудшение социально-экономического положения, потеря многих рабочих мест в связи с реорганизацией производственной структуры в республике, психоэмоциональный стресс населения, неудовлетворительное состояние социальной сферы в целом и здравоохранения, в частности, и др. Как следствие, происходило сокращение показателей рождаемости и рост показателей смертности (табл. 68).

Как видно из приведенных данных, в период с 1980 по 1990 г. показатели рождаемости превышали показатели смертности, обеспечивая естественный прирост населения Республики Марий Эл. Этот процесс неодинаково протекал в городской и сельской местностях: при незначительных отличиях показателей рождаемости смертность на селе была выше, чем в городе, соответственно, городское население прирастало быстрее, чем сельское. С 1990-х гг. Республика Марий Эл, как и вся страна, вступила в стадию устойчивой депопуляции за счет ощутимого сокращения показателей рождаемости и увеличения показателей смертности. Наиболее отчетливо данный процесс проявился на селе.

В 2007 г. в России вступил в действие комплексный национальный проект по демографической политике, в частности, стимулирующий рождение в семье второго ребенка, что не замедлило сказаться на демографической ситуации в целом, в том числе и в Республике Марий Эл. Суммарный коэффициент рождаемости, который составлял в Республике Марий Эл в 1990 г. 2,156 (среднее количество детей на одну семью), а в 1999 г. достиг абсолютного минимума – 1,29, к 2002 г. составил 1,36, а с 2007 г. стал расти на 0,05 в год, а наивысший показатель был зафиксирован в 2009 г. на отметке 1,54 [Республика Марий Эл 2012:6]. Некоторое улучшение демографической ситуации в сфере рождаемости, к сожалению, не сопровождалось одновременным снижением смертности; высокие показатели смертности остаются практически неизменными в течение последних полутора десятилетий, что не позволяет республике преодолеть нулевую отметку в балансе смертности и рождаемости и выйти на положительные показатели естественного прироста (табл.68).

Таблица 68

Естественное движение населения (чел.)

Годы	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост, убыль (-)
1992	9227	8330	897
2000	6784	11040	-4256
2005	7475	12256	-4781
2010	8857	10572	-1715
2015	9915	9444	471
2017	8147	8501	-354
2018	7392	8646	-1254
2019	6683	8177	-1494

Государственная власть в Республике Марий Эл осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Законодательную функцию выполняет Государственное Собрание Республики Марий Эл, состоящее из 52 депутатов. Исполнительную власть осуществляют: Глава Республики Марий Эл (высшее должностное лицо в системе исполнительной власти), правительство Республики Марий Эл, администрация главы Республики Марий Эл, прочие органы исполнительной власти. Судебную власть – Верховный суд Республики Марий Эл, Арбитражный суд Республики Марий Эл, Конституционный суд Республики Марий Эл, районные суды и мировые судьи, входящие в судебную систему Российской Федерации.

10 мая 2022 г. Президент России Владимир Путин назначил временно исполняющим обязанности главы Республики Марий Эл Юрия Зайцева. В дальнейшем на выборах Главы Республики Марий Эл, которые состоялись 11 сентября 2022 г., Зайцев одержал победу, набрав 82,38% голосов избирателей, в то время как его оппонент Антон Мирбадалев из ЛДПР получил 7,91%, другой кандидат из «Справедливой России – За правду» Наталья Глущенко завоевала 5,79% голосов избирателей, а Валентина Злобина из Партии пенсионеров – 2,28%. Информация об этом была обнародована 12 сентября 2022 г. во время трансляции Центральной избирательной комиссии (ЦИК) России.

Миграционные процессы

Рассуждая о современном положении дел в республике (уровень доходов, безработица, медицинское обслуживание), исследователи в области

экономики отмечают наличие вполне очевидных негативных тенденций, оказывающих влияние на общественные настроения: отток населения из районов республики (табл. 69), невысокий уровень средней заработной платы, низкие темпы обновления жилищного фонда, отставание от других регионов в развитии социальной инфраструктуры.

Сокращение инвестиций и потребительского спроса было главным ограничителем экономического и социального развития республики в последние годы [Черных 2020: 98-106].

Экономические и социальные проблемы еще более обострились в период пандемии коронавируса, несмотря на принятые меры поддержки со стороны федеральных и республиканских властей.

Жизнь в республике и по качеству, и по уровню доходов населения недостаточно благоприятна. Основная проблема для активной части населения – это возможность трудоустройства на рабочие места, которые хорошо оплачиваются. Указанная проблема оказывает самое серьезное воздействие на миграционные настроения, имеющие место среди молодежи в Марий Эл.

Таблица 69

Общие итоги миграции (человек)

Показатель	**2000**	**2010**	**2015**	**2017**	**2018**	**2019**
Миграция – всего прибывшие	14679	9853	19793	19832	20957	24160
выбывшие	13976	11489	21834	21829	21656	23629
миграционный прирост (+), снижение (-)	+703	-1636	-2041	-1997	-699	+531
из нее в пределах России прибывшие	13692	9421	18632	18781	18477	21225
выбывшие	13676	11383	21165	20883	20506	21839
миграционный прирост (+), снижение (-)	+16	-1962	-2533	-2102	-2029	-614
в том числе: внутри региональная миграция прибывшие	8746	6514	11308	10863	10242	12569
выбывшие	8746	6514	11308	10863	10242	12569
миграционный прирост (+), снижение (-)	-	-	-	-	-	-
межрегиональная миграция прибывшие	4946	2907	7324	7918	8235	8656

Показатель	2000	2010	2015	2017	2018	2019
выбывшие	4930	4869	9857	10020	10264	9270
миграционный прирост (+), снижение (-)	+16	-1962	-2533	-2102	-2029	-614
международная миграция прибывшие	987	432	1161	1051	2480	2935
выбывшие	300	106	669	946	1150	1790
миграционный прирост (+), снижение (-)	+687	+326	+492	+105	+1330	+1145
в том числе: с государствами-участниками СНГ, прибывшие	965	393	1057	798	1906	2045
выбывшие	182	48	570	867	985	1111
миграционный прирост (+), снижение (-)	+783	+345	+487	-69	+921	+934
с другими зарубежными странами прибывшие	22	39	104	253	574	890
выбывшие	118	58	99	79	165	679
миграционный прирост (+), снижение (-)	-96	-19	+5	+174	+409	+211

По результатам опроса 2019 г., в будущем из республики планировали уехать 36% респондентов, из них в другие регионы России – 24,3%, в другие страны – 11,7%. Миграция в нашей стране носит выраженный центростремительный характер, население стягивается в крупнейшие центры – Москву, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород. Основными причинами для отъезда из республики респондентами были названы невозможность зарабатывать столько, сколько необходимо (17,7%), невозможность реализовать себя, отсутствие достойной работы (16,3%).

Результаты нашего опроса, проведенного в октябре 2022 г., также свидетельствуют о том, что молодые люди готовы покинуть регион и даже страну с целью улучшить свое финансовое положение, осуществить карьерные перспективы, найти более высокий уровень и качество жизни (в совокупности 52,2%). Лишь четверть респондентов связывает свое будущее с республикой, и около четверти затрудняются дать ответ на данный вопрос (табл. 70)

Таблица 70

Связываете ли Вы свое собственное будущее с будущим вашего региона, % (опрос, проведенный осенью 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Да, безусловно, я хотел бы здесь жить и работать	23,4
Скорее всего, нет, ибо я собираюсь реализовывать свои жизненные планы в более динамично развивающихся городах и регионах	40,7
Нет, безусловно, ибо здесь я не вижу никаких перспектив для себя	11,5
Затрудняюсь ответить	24,4

Основные причины для отъезда из республики остались те же.

Результаты опроса, проведенного в декабре 2022 г., также показывают желание большой части молодежи покинуть Республику Марий Эл. Так считает примерно треть респондентов (в совокупности 36,4%). Четверть опрошенных студентов (26,6%) уезжать из республики не планирует, и 35,9% респондентов затрудняются дать ответ на данный вопрос (табл. 71).

Таблица 71

Планируете ли Вы уехать в другой регион России или другую страну на длительный срок или на постоянное жительство, % (опрос, проведенный осенью 2020 г.)

Вариант ответа	**%**
Да, в другой регион России	25,9
Да, в другую страну	10,5
Нет	26,6
Затрудняюсь ответить	35,9
Другое	1,1

Те студенты, кто уже сейчас планирует уехать в другой регион, среди желаемых городов называли традиционно Казань (14,6%), Москву (13,5%), Санкт-Петербург (10,4%), Нижний Новгород (6,2%) и другие крупные российские города. Для переезда на ПМЖ или длительный срок наиболее оптимальными респонденты видят страны Западной Европы (13,5%), США (6,2%), Южную Корею (5,2%), Канаду (4,1%) и различные другие страны (табл. 72).

Таблица 72

Если Вы планируете уехать в другой регион России или другую страну, то напишите, в какой (-ую) именно, %

Другой регион России		**Другая страна**	
Москва	13,5	США	6,2
Казань, Республика Татарстан	14,6	Южная Корея	5,2
Санкт-Петербург	10,4	Канада	4,1
Нижний Новгород	6,2	Страны Западной Европы (Германия, Франция, Италия и т.д.)	13,5
Краснодар	3,1	Другие	4,1
Другое	5,2		

Среди причин, по которым студенты хотят уехать из Республики Марий Эл, лидирующие позиции занимает мнение о невозможности найти хорошую работу, достойно зарабатывать, построить карьеру, а также отсутствие в регионе перспектив для развития. Наиболее популярным (37,5%) стал ответ респондентов о том, что в крупном городе больше возможностей для работы и досуга. Чуть меньше респондентов выбрали вариант отсутствия перспектив карьерного роста: так считает 30,7% опрошенных. Вариант достойного заработка волнует 25,3% студентов, почти 20% респондентов хотят получить хорошее образование, а 13,7% не видят будущего у региона. Почти треть опрошенных (27,4%) затруднились с вариантом ответа. Примерно по 4% респондентов хотят покинуть регион в связи с тем, что их не устраивает культурная среда, и здесь все чужое для них (табл. 73).

Таблица 73

Для тех, кто хочет уехать. По какой причине Вы хотите уехать из данного региона, % от опрошенных (опрос октября 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Хочу получить хорошее образование	19,9
Хочу после школы найти хорошую работу и хорошо зарабатывать	25,3
Хочу делать карьеру, а в нашем регионе нет перспектив карьерного роста	30,7
Не вижу будущего у нашего региона	13,7

Вариант ответа	%
Меня не устраивает культурная среда нашего региона	4,0
Хочу жить в большом городе, где много возможностей для работы и досуга	37,5
Здесь для меня все чужое	4,7
Затрудняюсь ответить	27,4
Другое	3,2

Чтобы ограничить отток молодежи из региона, практически все эксперты, опрошенные в 2020 г., считают необходимым создавать высокооплачиваемые рабочие места (30%), а в идеале надо создавать не просто новые рабочие места, а современные инновационные производства, где бы могла работать продвинутая молодежь (66,7%). Половина экспертов отметила необходимость вовлечения молодежи республики в бизнес и реализацию мер помощи молодым и инициативным людям в деле создания собственных фирм в различных сферах производства и сервиса. Около четверти экспертов отметили необходимость открытия социальных лифтов для карьерного роста молодежи (23,3%) и создание более широкой и интересной инфраструктуры для отдыха и развлечений в республике (20%) (табл. 74).

Таблица 74

Мнения экспертов по поводу возможных мер, которые могут способствовать ограничению оттока молодежи из республики, % (опрос 2020 г.)

Вариант ответа	%
Надо создавать больше рабочих мест, особенно высокооплачиваемых, ибо у молодых людей серьезные сложности на рынке труда	30,0
Надо создавать не просто новые рабочие места, но современные инновационные производства, где бы могла работать продвинутая молодежь	66,7
Надо активнее вовлекать молодежь республики в бизнес и помогать им создавать собственные фирмы в различных сферах производства и сервиса, концепция которых должна быть оригинальной и становиться жизненным кредо молодых предпринимателей, предоставлять молодым предпринимателям льготные ссуды для организации собственного дела.	50,0
Надо создавать более широкую и более интересную инфраструктуру для молодежного отдыха и развлечений в республике	20,0

Вариант ответа	%
Надо открыть социальные лифты для карьерного роста молодежи и активнее вовлекать ее в политику	23,3
Вряд ли что-то можно изменить, отток молодежи из республики стал системным явлением	0,0
Другой ответ	0,0
Затрудняюсь ответить	0,0

Тема миграции актуальна и востребована на сегодняшний день. Трудовые мигранты занимают профессиональные ниши, которые не привлекают наших соотечественников, а также улучшают демографическую ситуацию в стране. Но, как выяснилось, и государство, и общество оказались не совсем готовы к приему новых членов общества, к интеграции культурно отличных групп.

По данным Управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел по Республике Марий Эл, в связи с карантинными мероприятиями, введенными как на территории Российской Федерации, так и на территории практически всего мирового сообщества, поток прибывших иностранных граждан и лиц без гражданства в 2020–2021 гг. резко снизился. Данная тенденция наблюдается не только в Республике Марий Эл, но и на всей территории России. В целом трудовые мигранты в общей численности занятого населения Республики Марий Эл занимают незначительную долю, поэтому они не оказывают существенного влияния на демографическую, социально-экономическую, политическую обстановку и рынок труда Республики Марий Эл. Поскольку миграционная ситуация в республике довольно спокойная и большинство населения не контактирует с мигрантами, кроме студентов, которые учатся вместе с иностранцами, то именно их мнение касательно мигрантов является наиболее актуальным. Студенты вузов в своих ответах на вопросы анкеты указали, что приезд мигрантов не оказывает никакого влияния на их жизнь (60%). Более четверти затруднились с ответом (28%) и только 3% студентов отметили, что приезд мигрантов сказался на их жизни положительно, а 9%, наоборот, посчитали, что мигранты оказывают отрицательное влияние на их повседневную жизнь [Этнический фактор, 2022: 220].

Молодежь республики, по данным исследования 2019 г., выразила отношение к мигрантам следующим образом: респондентов, считающих, что России вообще не нужны трудовые мигранты, – 40,7%, 60%, напротив, считают, что России нужны трудовые мигранты. Вместе с тем, почти половина респондентов (48,7%) считают, что трудовые мигранты не уважают традиции и язык местных жителей, и что это порождает конфликты [Молодежь 2013: 33-38].

Подводя некоторые итоги, следует заметить, что в целом результаты исследования свидетельствуют о том, что в республике преобладают толерантные настроения среди представителей различных этнических групп, касающиеся межкультурного взаимодействия на групповом и межличностном уровнях. Большая часть жителей Республики Марий Эл не видят причин для возникновения межнациональных конфликтов. Республика в настоящее время может быть охарактеризована как территория, на которой межнациональные и межконфессиональные противоречия выражены довольно слабо. Но, с другой стороны, местное население испытывает довольно заметное недовольство по отношению к мигрантам, что, вероятно, вызвано социально-экономическими проблемами принимающего региона, в частности, дефицитом рабочих мест и конкуренцией на рынке труда. На основании проведенных исследований можно предположить, что происходит накопление недовольства со стороны местного населения по отношению к мигрантам, которое передается от старшего поколения к младшим. Это еще раз подтверждает необходимость активной работы как по профилактике межэтнических противоречий, так и по активизации деятельности соответствующих ведомств, связанных с обеспечением интеграции мигрантов в местные сообщества и реализацией государственной национальной политики.

В последние годы в республике увеличивается численность студентов-иностранцев. По данным учебных заведений, в 2017/2018 гг. в вузах республики обучалось 2424 человека. География приезжающих студентов мигрантов обширна. В нее входят страны Африки, Средней Азии, Закавказья, Ближнего Востока, а также Китай и Индия. В ходе проведения опроса несколько раз в разных группах нами были услышаны недовольные высказывания местных студентов в отношении студентов индусов.

Для большинства населения основным источником информации о мигрантах являются СМИ, интернет, и поэтому необходимо освещать данную тему не только сводками криминального характера, но также информировать общество о культуре, традициях представителей различных этнических и конфессиональных сообществ, приезжающих на учебу, работу в нашу страну. В частности, должны быть разработаны меры, способствующие социокультурной адаптации мигрантов к условиям жизни в Российской Федерации и разных ее регионов. Также необходимы профилактические мероприятия по воспитанию правильных установок жителей республики, особенно в молодежной среде, в вопросах толерантности к мигрантам. Актуальными являются систематические социологические мониторинги, направленные на исследование межнациональных отношений в регионе, для прогнозирования их развития и предупреждения конфликтных ситуаций.

В самом начале нового тысячелетия, в 2001 г., молодежью Республики Марий Эл в числе ключевых этнических ценностей и основных мотивов сближения с людьми своей национальности назывались язык, народные обычаи, историческое прошлое, черты характера, религия. Они остаются доминирующими в структуре этнического сознания молодежи и в начале второго десятилетия (2011 г.), и в сознании современной молодежи (по данным 2018 г.). Этноидентификационные факторы, признанные молодежью важными в начале «нулевых», сохранили свою безусловную актуальность и в конце второго десятилетия XXI в. [Шабыков 2014].

В октябре 2021 г. было проведено исследование «Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл». В числе важнейших задач исследования значилось выявление специфики этнической идентификации среди молодежи и ее отношения к самому феномену этничности, так как молодежь, наиболее активная, мобильная и динамичная социальная группа, в то же время является наиболее уязвимой перед теми или иными негативными тенденциями, которые проявляют себя в современной социальной жизни. Этнический статус чаще всего остается неизменным на протяжении всей жизни человека. И все-таки этническая идентичность – не статичное, а динамичное образование: процесс ее становления не заканчивается в подростковом возрасте. Внешние обстоятельства могут толкать человека любого возраста на переосмысление роли этнической принадлежности в его жизни, приводить к трансформации этнической идентичности. Этническое самосознание подвержено изменению в зависимости от социально-политических, экономических и культурных условий жизнедеятельности этноса. Молодежь как главный субъект жизнедеятельности современного общества и важная составляющая будущего его развития, представляет особый интерес. Это социокультурная и демографическая когорта, позиции которой формируют будущее этнических сообществ, общества и государства в целом и определяют перспективы их развития.

Республика является полиэтничным регионом, в котором исторически сложились добрососедские отношения между представителями разных этнических групп и приверженцами представленных в республике конфессий. Благоприятные взаимоотношения между представителями различных этносов дают возможность для полноценного развития каждого из них.

В ходе нашего исследования, проведенного в декабре 2022 г., мы отмечаем, что подавляющее большинство респондентов (66,7% в целом) определило межнациональные отношения в Республике Марий Эл как «очень хорошие» – 30,1%, и «нормальные» – 36,6%. 23,5% опрошенных

считают, что «бывает по-разному», 4,2% – затруднились ответить. Негативную оценку межнациональным отношениям дали 5,6% опрошенных в целом. 4% из этого числа отметили, что отношения «могли бы быть и лучше». И совсем малая доля респондентов (1,6%) считает, что «отношения очень напряженные» (табл. 75).

Таблица 75

Как Вы в целом оцениваете состояние отношений между людьми разных национальностей, которые складываются в вашем регионе/республике, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Отношения очень хорошие	30,1
Нормальные	36,6
Бывает по-разному	23,5
Могли бы быть лучше	4,0
Считаю, что отношения очень напряженные	1,6
Затрудняюсь ответить	4,2

Еще одним важным итогом исследования стал тот факт, что более половины студентов, участвовавших в опросе (60,6%), считают жителей Республики Марий Эл единым и сплоченным сообществом, у которого есть общие интересы и традиции. Противоположную точку зрения высказали чуть более 10% опрошенных. (табл. 76). Указанный факт можно трактовать как свидетельство того, что республиканское сообщество является достаточно интегрированным и достаточно сплоченным, несмотря на его сложный состав.

Таблица 76

Как Вы считаете, можно ли говорить о том, что жители вашего региона – это единое и сплоченное сообщество, у которого есть общие интересы и традиции?
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Да	60,6
Нет	11,2
Затрудняюсь ответить	28,2

И тем не менее, уровень гражданской интеграции в республиканском социуме нельзя переоценивать, о чем свидетельствуют и результаты проведенного опроса. Тревожным сигналом для республиканского политического менеджмента является наличие в студенческой среде мнений о возможности возникновения в республике межэтнических конфликтов, о чем заявили больше половины опрошенных (57%) (табл. 77).

Таблица 77

Как Вы полагаете, возможно ли возникновение конфликтов на национальной почве в отдельных городах и районах вашей республики, % (опрос, проведенный в 2019 г.)

Вариант ответа	**%**
Нет, невозможно	12,3
Все может случиться	57,0
Да, вполне вероятно	19,7
Затрудняюсь ответить	10,7
Не ответили	0,3

Называя возможные причины, которые могли бы спровоцировать межэтнический конфликт, большая часть студентов выбрала вариант ответа «не очень высокий уровень бытовой культуры и гражданского сознания населения» (61%), далее по степени значимости следовал вариант «неравенства в сфере доступа к рабочим местам, социальным и культурным благам» (30,5%). Достаточно значимой причиной, провоцирующей конфликты, по мнению студентов, является «непродуманная политика властей», на что указали 18,6% респондентов. И, что показательно, «деятельность этнических и религиозных радикалов» как причину, способную породить межэтнические конфликты, назвали 25,4% респондентов, т.е. четвертая часть, что очень много и очевидно, что ведомствам, ответственным за реализацию государственной национальной политики в Республике Марий Эл, надо обратить на это внимание и попытаться понять столь высокую степень недоверия молодежи к деятельности этнонациональных организаций и маркирование их значительной частью молодых людей как потенциально опасных для местного сообщества.

Хотя стоит заметить, что недоверие к этническим организациям среди марийской молодежи и населения в целом обусловлено многими сомнительными акциями и заявлениями этнических активистов. Так, в 2005 г. неизвестные избили деятеля марийского движения В. Козлова. Этот единичный случай дал основание западным политикам начать широкую кампанию в поддержку марийского народа. Инициатором ее выступил Эстон-

ский институт прав человека, поскольку с Эстонией у Козлова имелись широкие связи. Интергруппа Европарламента по национальным меньшинствам в марте 2005 г. также обсудила вопрос о положении марийского народа в России, а еще ранее Европарламент поручил подготовку специального доклада о положении народов уральской языковой семьи в РФ депутату от Эстонии Катрин Сакс, которая вместе с рядом российских «экспертов», включая и марийских активистов, в 2006 г. подготовила и представила этот доклад. Доклад изобиловал грубейшими этнографическими ошибками, его методическая основа не выдерживала критики, поскольку программа «социологических исследований» игнорировала стандартные требования к организации массовых опросов, а выводы были крайне тенденциозны [Тишков, Шабаев 2007]. Деятели марийского движения пытались стать не просто политически значимыми фигурами, не являясь при этом лидерами общественного мнения, но регулярно преподносили себя в качестве «хранителей» неких норм «марийской традиции» и общественных цензоров, осуждая публичное поведение современных марийских женщин, вовлеченных в политику, которое якобы противоречит им [Шабаев, Садохин 2014: 2009]. Лидеры, превращавшие культурную архаику в символ веры, обеспечивавшие свое существование и публичный статус за счет внешних ресурсов, не могли пользоваться авторитетом в республиканском обществе, особенно у молодежи.

Респондентам был задан вопрос, как они относятся к тому, что на улицах многих городов России звучат языки и других народов. Подавляющее большинство студентов, принявших участие в опросе, считают, что это нормальное явление, и так и должно быть (55,7%). Более трети опрошенных относятся к этому нейтрально (35,9%). 3,3% респондентов склоняются к тому, что поскольку русский язык является в стране государственным, то в публичных местах люди должны говорить на нем (табл. 78).

Таблица 78

Россия – страна многонациональная, поэтому на улицах многих городов нередко звучат языки других народов, как Вы к этому относитесь, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Это нормальное явление, так и должно быть	55,7
Я отношусь к этому нейтрально	35,9
В нашей стране русский язык является государственным, и на улице, и в публичных местах все должны говорить на нем	3,3
Затрудняюсь ответить	4,7
Другое	0,4

Таким образом, большинство студентов считает нормальным явлением то, что в публичных местах люди разговаривают на том языке, который им удобен.

Несколько иное мнение было высказано об использовании языков в многонациональных коллективах. Респондентам был задан вопрос о том, что они считают нормой языкового поведения в конкретной ситуации. Большинство опрошенных придерживается той точки зрения, что люди в многонациональном коллективе должны говорить на том языке, который понятен всем его членам (48,7%); однако треть респондентов считает, что для общения люди могут пользоваться тем языком, который им ближе и понятнее (34,0%); 5,8% опрошенных ответили, что для общения нужно выбирать язык большинства, и чуть менее 2% респондентов считают, что люди в многонациональном коллективе могут говорить на разных языках, не обращая внимания на других (табл. 79).

Таблица 79

Россия страна многонациональная, и часто в дружеских компаниях, студенческих группах, школьных классах, рабочих коллективах собираются люди разных национальностей. В этом случае действует негласная норма языкового поведения. Какова она, на Ваш взгляд, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Люди в многонациональном коллективе могут пользоваться для общения с соседом или коллегой тем языком, который им ближе и понятнее	34,0
Люди в многонациональном коллективе должны говорить на том языке, который понятен всем его членам	48,7
Люди в многонациональном коллективе должны выбирать для общения язык большинства	5,8
Люди в многонациональном коллективе могут говорить на разных языках, не обращая внимания на других	1,9
Затрудняюсь ответить	9,6

На вопрос о равноправии русского языка и национальных языков, мнения опрошенных также разделились. Подавляющее большинство респондентов (58,3%) считают, что все языки, без исключения, должны иметь равные права, однако чуть более 1/5 части опрошенных (21,0%) придерживается той точки зрения, что главным в стране должен быть только один язык. Менее 10% студентов указали, что главными в стране должны быть некоторые языки (табл. 80).

Таблица 80

В России, помимо русского языка, говорят на разных языках. С каким утверждением Вы согласны, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Все языки без исключения должны иметь равные права	58,3
Некоторые языки должны быть главными в стране	9,1
Только один язык должен быть главным в стране	21,0
Затрудняюсь ответить	11,6

Подводя краткие итоги, можно отметить следующее: большинство студенческой молодежи придерживается точки зрения, что все языки в нашей стране должны иметь равные права, в полной мере использоваться в общении, однако в коллективах предпочтительнее общаться на языке, который будет понятен всем.

Гражданские и социальные позиции молодежи

На сегодняшний день молодежь стоит на пороге значительных перемен и событий в жизни страны. Изменяется политическое, социально-экономическое, военное положение страны. Это и вовлечение России в военный конфликт на Украине, и последующая мобилизация в стране, продолжение пандемии коронавирусной инфекции, экономические санкции, которые страны Западной Европы и Северной Америки накладывают на Россию и др. Студенты, принимавшие участие в наших опросах, активно следят за событиями в стране. Отвечая на вопрос о будущем российского народа в свете изменений, имеющих место в России и в мире, мнения студентов в большинстве оптимистичные. О большем сплочении российского народа в непростых условиях высказалось 22,4% респондентов, 26,3% студентов считают, что Россия преодолеет эти трудности. Тем не менее, часть респондентов не верят в существенные изменения положения российского народа в будущем (12,2%), прогнозируют рост сепаратистских настроений (6,1), ожидают роста безработицы и обнищания значительной части населения (9,6%). Около 22% респондентов затруднились дать ответ на данный вопрос (табл. 81).

Таблица 81

Какое будущее Вы видите для российского народа в свете тех изменений, которые имеют место в России и в мире, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Народ станет более единым и сплоченным, национальное самосознание россиян укрепится	22,4
Жизнь станет сложнее и возможны временные трудности, но мы преодолеем все сложности и станем богаче и сильнее	26,3
Не думаю, что возможны какие-то существенные изменения в будущем, и положение российского народа вряд ли изменится	12,2
Раскол внутри народа усилится, и возможен рост сепаратистских настроений из-за сложностей в России и мире	6,1
Экономические и социальные сложности приведут к росту безработицы и обнищанию значительной части населения	9,6
Другое	1,6
Затрудняюсь ответить	21,8

Как свидетельствуют полученные нами данные, среди респондентов есть представители разных этносов, и интересными стали их ответы на такие вопросы, как: «Что для вас Родина?», «Как вы понимаете слово национальность?», «Считаете ли вы себя патриотом своей республики?».

Присутствует ли в повседневном сознании молодежи понимание смысла этих слов, и насколько важное место эти понятия занимают в их жизни?

Большинство опрошенных понимает смысл термина «национальность» как «происхождение по родителям и предкам» (41,3%), такое же количество респондентов (41,3%) дали ответ, что национальность – это «язык и культура», 5,1% определили национальность как «гражданство». Одинаковое количество студентов (по 3,3% соответственно) выбрали варианты определения понятия «национальность» как «место рождения» и «то, что в советские времена значилось в паспорте» (табл. 82).

Таблица 82

Как Вы понимаете слово национальность, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
То, что в советские времена значилось в паспорте	3,3
Гражданство	5,1

Вариант ответа	%
Происхождение по родителям и предкам	41,3
Язык, культура	41,3
Место рождения	3,3
Затрудняюсь ответить	5,7

Таким образом, основным фактором, определяющим национальную принадлежность человека, подавляющее большинство респондентов назвали его происхождение и родной язык.

Ключевым аспектом понимания слова «Родина» для большинства опрошенных стало её восприятие в качестве государства, как определённой формы организации общества со всеми политическими и социальными институтами, собственной символикой. На вопрос «Что для вас Родина?» 40,8% выбрало ответ «Моя страна – Россия». Треть респондентов назвали Родиной место своего рождения. Для 15,9% опрошенных Родиной является то место, где они прожили большую часть жизни, независимо от места их рождения. Приблизительно 6% респондентов ответили, что Родина – это место, где жили их предки (табл. 83).

Таблица 83

Что для Вас Родина, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Моя страна – Россия	40,8
Место моего рождения	30,3
Место, где жили мои предки	5,8
Место, где я прожил большую часть моей жизни	15,9
Другое	7,2

Понятие «родина» также неразрывно связано с таким понятием, как «патриотизм». 66,9% респондентов безусловно считают себя патриотами своего региона (в данном случае, Республики Марий Эл), примерно четверть – затруднились с выбором ответа, и менее 10% опрошенных себя патриотами республики не считают (табл. 84).

Таблица 84

Считаете ли вы себя патриотом своего региона/республики, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Да, конечно, считаю	66,9
Нет, не считаю	8,4
Затрудняюсь ответить	24,7

Важной задачей исследования являлось определение характера идентификации молодежи национальных республик и выявление некой «иерархии» социальных идентичностей. Подавляющее большинство опрошенных (75,3%) считает, что окружающие в повседневной жизни должны воспринимать их как граждан страны. Примерно равное количество респондентов определяют себя как «представителя отдельной национальности» (18,6%) и «жителя своего региона» (18,9%) (табл. 85).

Таблица 85

Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни – как гражданина России или как представителя отдельной национальности, или как жителя определенного региона, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Как гражданина страны	75,3
Как представителя отдельной национальности	18,6
Как жителя моего региона	18,9
Затрудняюсь ответить	15,4
Другое	1,4

Система образования нацелена не только на передачу знаний от поколения к поколению, овладение учащимися неким комплексом знаний и умений. Перед образованием стоит задача формирования человека XXI века: гражданина своей страны, гражданина мира, со сложившейся иерархией ценностей, ориентированных на общечеловеческие и национальные идеалы; человека, обладающего гражданско-правовыми знаниями, высоким уровнем общей культуры, духовности, убежденного патриота, готового работать на благо своего Отечества [Османкина 2000: 163].

Для более половины студентов, участвовавших в опросе, проведенном осенью 2022 г., статус гражданина подразумевает правовой статус человека, имеющего определенный круг обязанностей и прав в данном государстве (52,9%). Около 20% респондентов считают, что гражданин и государство – равные партнеры, которые в равной мере несут ответственность за жизнь страны и ее людей (19,6%). Чуть более 8% отметили, что гражданин – это житель того государства, которое выдало ему паспорт, а 1% считает, что гражданин — это член гражданской нации. Для 3,2% респондентов понятие гражданин связано с патриотизмом, готовностью жертвовать собой ради ее блага. Более 14% затруднились ответить на данный вопрос (табл. 86).

Таблица 86

Как Вы понимаете статус гражданина, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Гражданин — это правовой статус человека, имеющего определенный круг обязанностей и прав в данном государстве	52,9
Гражданин и государство – равные партнеры, которые в равной мере несут ответственность за жизнь страны и ее людей	19,6
Гражданин – это житель того государства, которое выдало ему паспорт	8,3
Гражданин – это член гражданской нации	1,0
Гражданин – это патриот своей страны, человек, готовый жертвовать собой ради ее блага	3,2
Гражданин – это общественный активист	0,3
Гражданин – это антипод обывателя	0,3
Другое	0,0
Затрудняюсь ответить	14,1

С точки зрения студентов, участвовавших в опросе, основой гражданской нации, которая формируется в России, являются, по мере убывания, патриотизм, любовь к Родине (41,3%), гражданская солидарность и способность людей совместно отстаивать общие интересы и объединяться ради решения насущных проблем (38,5%), любовь к своей малой Родине и потом любовь к Отечеству в целом (37,2%), набор прав и обязанностей гражданина (33%), культурное многообразие страны и ее народа (32,7%).

Одним из показателей глубокой гражданственности, преданности и верности стране выступает способность отдать в случае необходимо-

сти свою жизнь за Родину, в ходе нашего исследования такие респонденты составили 3,2% (табл. 23).

Таблица 87

Что, по Вашему мнению, является основой гражданской нации, которая формируется в России, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Патриотизм, любовь к Родине	41,3
Любовь к своей малой Родине и потом любовь к Отечеству в целом	37,2
Набор прав и обязанностей гражданина	33,0
Политическое единство граждан	15,3
Гражданская солидарность и способность людей совместно отстаивать общие интересы и объединяться ради решения насущных проблем	38,5
Преданность идеалам гражданской нации (свободе, равенству, братству)	19,9
Культурное многообразие страны и ее народа	32,7
Другое	0,3
Затрудняюсь ответить	25,3

Антизападная риторика и пропаганда, как оказалось, лишь немного затронули российскую молодежь. Большинство подрастающего поколения, хотя и относится к Западу прохладно, считает, что нынешние сложности в отношениях с ним вызваны лишь событиями вокруг Крыма и Украины.

По результатам нашего исследования, особого негатива к Западу в молодежной среде нет. Большинство студентов считают, что Россия должна искать пути диалога с Западом и налаживать активное и многостороннее сотрудничество, но не в ущерб своим национальным интересам (36,5%). Столько же респондентов затруднились дать ответ (36,6%). Чуть менее четверти отметили, что Россия должна последовательно и активно отстаивать свой суверенитет и свои национальные интересы, невзирая на экономические и политические издержки и не бояться конфронтации с Западом (21,8%). Есть небольшая доля студентов, которые считают, что Россия должна искать пути диалога с Западом и налаживать активное и многостороннее сотрудничество и, если для этого потребуется идти на уступки, то надо на них идти (5,1%) (табл. 88).

Таблица 88

Каковы, по Вашему мнению, сегодня должны быть взаимоотношения между Россией и Западом, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Россия должна последовательно и активно отстаивать свой суверенитет и свои национальные интересы, невзирая на экономические и политические издержки и не боятся конфронтации с Западом	21,8
Россия должна искать пути диалога с Западом и налаживать активное и многостороннее сотрудничество, но не в ущерб своим национальным интересам	36,5
Россия должна искать пути диалога с Западом и налаживать активное и многостороннее сотрудничество и, если для этого потребуется идти на уступки, то надо на них идти	5,1
Затрудняюсь ответить	36,6

При этом около 37% опрошенных считают, что Россия не должна полностью изолироваться от Запада, но должна взять у Запада только то, что ей подходит. Около 20% студентов считает, что Россия должна иметь свой собственный путь развития (19,6%), а менее 10% уверены, что Россия должна быстрее и шире использовать опыт Запада (8,7%) (табл. 89).

Таблица 89

Должна ли Россия использовать опыт Запада, или она должна искать собственный путь развития, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Да, Россия должна быстрее и шире использовать опыт Запада	8,7
Россия должна взять у Запада только то, что ей подходит	36,9
Нет, Россия должна иметь свой собственный путь развития	19,6
Затрудняюсь ответить	34,8

Участие молодежи в социально-политической жизни остается одной из важнейших проблем современного общества. Сегодня молодежь, к сожалению, в некотором роде инфантильна к вопросам политики. Об этом зачастую мы слышим при проведении социологических исследований в студенческой и школьной среде. По результатам нашего опроса 2021 г., более 14% молодых людей отмечают, что не интересуются политикой. Доля молодежи, которая регулярно проявляет интерес к политике, составляет 14%. Основная часть респондентов (более 60%) следят за информацией о политических событиях время от времени и только о наиболее важных (табл. 26).

Таблица 90

Интересуетесь ли Вы политикой, % (опрос, проведенный в 2021 г.)

Вариант ответа	**%**	**%**
	школьники	**студенты**
Интересуюсь и регулярно слежу за политическими событиями	20,0	14,0
Интересуюсь время от времени и только наиболее важными событиями	60,0	64,7
Совсем не интересуюсь и вообще не слежу за политическими событиями	14,7	17,3
Затрудняюсь ответить	5,3	4,0

По результатам опроса мы выяснили, что молодёжь, которая имеет ориентацию на политику, т.е. политически активная молодежь, имеющая свои политические цели и убеждения, являющаяся активистами, составляет в совокупности чуть более 1% у школьников и около 5% среди студентов. Доля тех, кто пока не состоит в политических организациях, но в будущем собираются это сделать, составляет 12,3% у школьников и 15,3% среди студентов. Чуть менее четверти участников опроса отметили, что могут эпизодически присоединиться к каким-либо акциям, но не стремятся к политической карьере и активному политическому участию. Основная доля респондентов не участвует ни в какой форме политической жизни (табл. 91).

Таблица 91

Участвуете ли Вы в политической жизни или планируете это сделать, % (опрос, проведенный в 2020 г.)

Вариант ответа	**%**	**%**
	школьники	**студенты**
Да, являюсь активистом молодежной организации (движения, объединения), у которой есть свои политические цели	0,5	0,7
Являюсь членом молодежной организации (движения, объединения), у которой есть свои политические цели, но не веду активной работы	0,6	4,0
Не состою в каких-либо политических организациях молодежи, но собираюсь в будущем делать политическую карьеру	12,3	15,3

Вариант ответа	%	%
	школьники	студенты
Могу эпизодически присоединяться к каким-либо акциям протеста или флэш-мобам, но не стремлюсь к политической карьере и активному политическому участию	23,3	20,7
Другое	0,0	0,0
Не участвую ни в какой форме в политической жизни	63,3	59,3

Анализируя причины, по которым часть молодежи планирует покинуть Республику Марий Эл, мы увидели, что они напрямую связаны с тем, какие наиболее актуальные проблемы волнуют участников нашего опроса. Лидирующие позиции заняли проблемы с будущим трудоустройством (60,4%), успешным завершением образования (53,4%) и сохранением здоровья (40,1%). Почти 40% респондентов переживают о положении дел в стране, что позволяет нам говорить о том, что студенты не являются аполитичной частью общества и активно следят за событиями в стране. 22,1% респондентов выражают большую обеспокоенность ростом преступности в стране. Для 20% опрошенных важную роль играют человеческие взаимоотношения, 20,5% переживают за отношения с друзьями, 13,8% опрошенных волнуют проблемы взаимоотношений в семье. Межнациональные отношения и этнокультурное развитие также занимает не последнее место в жизни респондентов. Данные проблемы волнуют 19,8% опрошенных школьников и 11,9% опрошенных студентов. Небольшая часть респондентов указали другие проблемы или затруднились дать ответ. Чуть менее 10% опрошенных студентов отметили, что на сегодняшний день никакие проблемы их не волнуют (табл. 92).

Таблица 92

Какие проблемы волнуют Вас сегодня в большей мере, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Будущее трудоустройство	60,4
Положение дел в стране	38,9
Получение, завершение образования	53,4
Взаимоотношения с членами семьи	13,8

Вариант ответа	%
Сохранение здоровья	40,1
Отношения с друзьями, приятелями	20,5
Положение родного языка, проблемы культурного развития	11,9
Состояние межнациональных отношений	19,8
Проблемы с безопасностью, ростом преступности	22,1
Никакие	6,5
Затрудняюсь ответить	3,7
Другое	1,0

Ценность труда является для студенческой молодежи основополагающей, ведь именно для данного возрастного периода характерны получение образования, профессиональный поиск и самоопределение, выход на рынок труда, освоение профессиональных ролей и норм. Что представляет собой трудовая активность молодых людей республики, и является ли она базовой ценностью? На эти вопросы отвечают результаты нашего исследования 2022 г. Для основной массы респондентов (48,7%) труд – это возможность самореализации, раскрытия их талантов и способностей. Около четверти респондентов рассматривают труд главным образом, как способ заработать, т.е. для них важна именно материальная сторона трудовой деятельности. Почти 10% респондентов отметили, что труд – это работа на благо общества, производство необходимых людям услуг, продуктов, знаний, а 8,3% респондентов отметили труд как образ жизни, необходимость для человека (табл. 93).

Таблица 93

Как Вы относитесь к трудовой деятельности? Что для Вас труд, в %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Способ заработать	23,4
Образ жизни, необходимость, ибо я человек деятельный	8,3
Это вынужденная необходимость или даже наказание, но без него нет средств на удовольствия	3,2
Труд – это возможность самореализации, раскрытия моих талантов и способностей	48,7

Вариант ответа	%
Это работа на благо общества, производство необходимых людям услуг, продуктов, знаний	9,6
Помеха тусовкам и развлечениям, это не главное в жизни	0,6
Другое	1,1
Затрудняюсь ответить	5,1

Основная часть опрошенных студентов (44,9%) склоняется к выбору работы, которая включает в себя перспективы карьерного роста и развития как профессионала/специалиста. Около трети респондентов отметили вариант «Интересное содержание работы, современное оборудование, комфортные рабочие места и атмосфера, независимо от размера зарплаты. Я в любом случае выбрал бы место работы, где есть современные, хорошо оборудованные рабочие места и сама работа интересна». Для 14% респондентов важна величина зарплаты, и в будущем они намерены выбрать место работы, где больше платят (табл. 94).

Таблица 94

Какой выбор Вы бы сделали при возможности выбора работы, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Размер зарплаты. Я в любом случае выбрал бы то место работы, где больше платят	14,1
Перспективы карьерного роста и развития как профессионала/специалиста. Я в любом случае выбрал бы место работы, где есть возможность для профессионального и карьерного роста	44,9
Интересное содержание работы, современное оборудование, комфортные рабочие места и атмосфера, независимо от размера зарплаты. Я в любом случае выбрал бы место работы, где есть современные, хорошо оборудованные рабочие места и сама работа интересна	27,6
Пока я молодой, я больше хотел бы тусоваться и развлекаться, а не заниматься поисками рабочего места	0,3
Я хотел бы найти место работы, где не надо сильно напрягаться, но где есть относительно приемлемый заработок	6,4
Мне все равно	0,0
Другой вариант	1,9
Затрудняюсь ответить	4,8

Таким образом, общественно полезная трудовая деятельность, значимость которой была очень велика в советский период, в настоящее время утрачивает былую позицию и по значимости занимает далеко не лидирующую позицию в иерархии трудовых ценностей молодежи. Согласно нашему исследованию, для основной массы респондентов (48,7%) труд – это возможность самореализации, раскрытия талантов и способностей. На достижение высокого уровня материального благосостояния ориентировано 23,4% респондентов. О том, что труд должен быть направлен на общее благо, общественная значимость труда респондентами отмечается слабо (9,6%).

Открывая завесу в будущее, мнение некоторых специалистов склоняется к тому, что в условиях наступления информационной эпохи именно глубоко традиционный институт семьи становится основной движущей силой общественного развития. Можно даже сказать, что лидерами общественного развития в новом столетии будут те страны, которые не только не допустят фатальной деградации этого ключевого социального института, а наоборот, сделают семью главным инструментом адаптации к глобальным вызовам и изменениям [Тумусов 2000: 9].

Семья как ценность у молодежи республики находится на одном из приоритетных мест, любовь и дети в структуре семейных ценностей имеют первостепенную значимость.

По результатам нашего исследования 2022 г., основная часть опрошенных студентов считает, что семья – это основа всего, без поддержки семьи (родителей, родственников) жить сложно (69,6%). Чуть более 17% респондентов выбрали вариант «Семья нужна для удовлетворения первичных потребностей человека (в общении, во взаимопомощи, в продолжении рода, в любви и т.д.)». Для незначительного числа респондентов семья и семейные ценности не привлекательны (3,2%), столько же респондентов считают, что человек вполне может прожить без семьи (табл. 95).

Таблица 95

Что для Вас значит семья, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Семья – это основа всего, без поддержки семьи (родителей, родственников) жить сложно	69,6
Семья нужна для удовлетворения первичных потребностей человека (в общении, во взаимопомощи, в продолжении рода, в любви и т.д.)	17,3
Я думаю, что человек вполне может прожить и без семьи	3,2

Вариант ответа	%
Сегодня семья и семейные отношения становятся все менее привлекательными	3,2
Другое	0,6
Затрудняюсь ответить	6,1

В будущем планируют создать семью около 68% респондентов, 18,6% не думали об этом, чуть менее 4% ответили, что не собираются создавать семью, 2,3% выбрали вариант ответа другое (табл. 96).

Таблица 96

Собираетесь ли Вы создавать свою семью, в %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Да	67,9
Я об этом еще не думал	18,6
Нет	3,8
Другое	2,3
Затрудняюсь ответить	7,4

Репродуктивные установки студентов высоки, около 67% респондентов собираются в будущем быть родителями, чуть более 15% пока еще не думали об этом, категорически не хотят иметь детей чуть более 6% респондентов. Более 10% затрудняются ответить на данный вопрос (табл. 97).

Таблица 97

Собираетесь ли Вы в будущем иметь детей, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Да	66,7
Я об этом еще не думал	15,4
Нет	6,1
Другое	1,2
Затрудняюсь ответить	10,6

В качестве вывода хотелось бы отметить, что семейные традиции в республике сохраняются. На это указывает внушительный процент респондентов, желающих в будущем создать прочную семью. Демографические установки молодежи в целом позитивны, но, на наш взгляд, не могут привести в обозримом будущем к сколько-нибудь значительным демографическим изменениям, так как в семейных планах доминирует установка на малодетность. С другой стороны, институт семьи подвергается значительной коррозии, свидетельством чего являются высокий уровень разводов, брошенные дети, беспорядочные сексуальные добрачные связи молодежи, слабый контроль родителей за добрачным воспитанием детей, отрицательный пример совместной жизни самих родителей, отсутствие в школах и вузах специального предмета, обучающего и подготавливающего подростка к будущей семейной жизни. Все эти и многие другие причины ведут к постепенному ослаблению роли института семьи в целом в России и в частности в республике Марий Эл. При этом ряд исследователей придерживаются мнения, что «именно в период кризиса возрастает роль и значение семьи как важного буфера между индивидом и социальными переменами. Семья показала себя как функциональная система, способная к адаптации в различной обстановке» [Здравомыслова, Арутюнян 1998: 172].

Если оценивать социальное окружение молодежи, то сегодня своей основной социальной опорой они считают свое ближние окружение – семью и родных (80,4%), а следующими по значимости социальными партнерами являются друзья (65,1%), товарищи по учебе (12,5%), тренеры преподаватели, наставники (9,9%) (табл. 98).

Таблица 98

Кто для Вас в настоящий момент является поддержкой и опорой, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Государство и государственные институты	6,7
Семья и родные	80,4
Друзья	65,1
Религия и духовные наставники	3,5
Товарищи по учебе	12,5
Мои виртуальные партнеры, с которыми общаюсь в Сети	4,2
Преподаватели, наставники, или тренеры в спортивной секции	9,9
Другие	2,4
Затрудняюсь ответить	11,2

Схожая ситуация имеет место и при определении «значимых других», т.е. ближайшего окружения молодежи, которое оказывает значимое влияние на формирование их мнений и суждений. В первую очередь респонденты склонны прислушиваться к советам наиболее близкого окружения – родителей и родственников (37,5%), четвертая часть респондентов отметила, что полагается на свое личное мнение (26,0%), десятая часть респондентов прислушивается к советам друзей (табл. 99).

Таблица 99

Мнения каких людей является для Вас наиболее значимым, с чьими суждениями и советами Вы готовы считаться, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Мнения и советы моих друзей	10,3
Мнения и советы одноклассников/ однокурсников	1,9
Мнения и советы преподавателей	3,8
Мнения и советы официальных лиц, политиков	1,0
Мнения и советы родителей, родственников	37,5
Мнения и советы уважаемых мной блогеров	1,3
Мнения и советы журналистов, СМИ	0,3
Мнения и советы других людей	0,0
Ориентируюсь только на свое собственное мнение	26,0
Другое	1,5
Затрудняюсь ответить	15,4

Языковая ситуация

В самом начале нового тысячелетия, в 2001 г., молодежью Республики Марий Эл в числе ключевых этнических ценностей и основных мотивов сближения с людьми своей национальности назывались язык, народные обычаи, историческое прошлое, черты характера и психология, религия. Они остаются доминирующими в структуре этнического сознания молодежи и в начале второго десятилетия (в 2011 г.), и в сознании современной молодежи. Этноидентификационные факторы, признанные молодежью важными в начале «нулевых», сохранили свою безусловную актуальность и в конце второго десятилетия XXI в. [Шабыков, Кудрявцева 2020: 8].

Марийский язык до середины XIX в. занимал лидирующее место в повседневной жизни народа, однако русский язык имел более высокий

статус, а в советский период он начал вытеснять родные языки. Сложилась ситуация, когда говорить по-русски даже в родной культурной среде уже в конце XIX в. означало принадлежность к более высокой социальной группе, примерно так же, как у русских дворян конца XVIII-XIX вв. говорить по-французски. Русский язык получил статус языка «социалистического общества» и был обязательным условием для продвижения по карьерной лестнице [Калинин 2000: 32].

В дальнейшем Республика Марий Эл стала полиэтничным регионом, многонациональный состав особенно характерен для городов и поселков городского типа. Данные территориальные объединения не способствуют сохранению национальных языков, повседневное общение осуществляется на русском языке, являющемся в регионе одним из государственных языков и языком межэтнического общения. Русский язык преобладает почти повсеместно, имеет более высокий общественный статус.

Для функционирования этнокультурного компонента в республике в административно-правовой, образовательной сфере разработана и функционирует нормативно правовая база. Марийский язык с 1995 г. возведен в статус государственного языка, преподавание которого велось на разных уровнях образовательного процесса. Помимо этого в 2001 г. был принят закон «О регулировании отношений в сфере образования на территории Республики Марий Эл», который предусматривал изучение государственных языков во всех государственных образовательных учреждениях. Как мы видим, ситуация, которая имела место с начала 1990-х гг. вплоть до 2001 г., была благоприятной для развития и функционирования марийского языка и формирования национально-русского (для марийцев) и русско-национального (для русскоговорящих) билингвизма. Но уже в начале следующего столетия ситуация в области функционирования марийского языка изменяется.

В большей мере марийский язык, как и языки других этносов, сохраняется в сельской среде, но и здесь происходят процессы оптимизации, отток населения в экономически более развитые районы республики (города и ПГТ).

Согласно Конституции Республики Марий Эл, принятой 24 июня 1995 г., государственными языками республики определены марийский (горный и луговой) и русский. Введение изучения марийского государственного языка должно было достигнуть полноценного двуязычия на территории республики, но фактически двуязычным является лишь марийское население (82,4%), пользующееся в общении и марийским, и русским языками, а основная часть жителей республики русской национальности так и остается моноязычной (79,7%) [Кудрявцева, Шабыков 2000: 46]. В условиях одностороннего двуязычия в республике весьма сложно функционировать языку, даже признанному государственным,

которым не владеет большинство населения. В настоящее время марийский язык функционирует, помимо бытового уровня, в сфере образования и воспитания, отдельных гуманитарных наук, культуры, в средствах массовой информации, частично используется в органах государственной власти и управления, в деятельности государственных органов, организации и учреждений [Сибатрова 2006: 38].

Закон «Об образовании в Республике Марий Эл» гарантирует получение образования в республике на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Республика Марий Эл обеспечивает создание условий для изучения и преподавания русского и марийского языков в государственных образовательных организациях Республики Марий Эл и муниципальных образовательных организациях, а в местах компактного проживания представителей иных национальностей – их родного языка. Право граждан на получение образования на родном языке обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, условий для их функционирования, а также подготовкой специалистов, осуществляющих образовательный процесс на языках народов, проживающих в Республике Марий Эл, и изданием комплекта учебников и учебных пособий [Закон 2013].

Президент Республики Марий Эл подписал Указ № 302, согласно которому ежегодно 10 декабря празднуется День марийской письменности – «Марий Тиште Кече». 2019 год был объявлен Международным годом языков коренных народов. Его торжественное открытие в Республике Марий Эл состоялось 18 февраля 2019 г. в Марийском национальном театре драмы имени М. Шкетана. В 2019 г. на территории республики было проведено более 30 мероприятий, посвященных Международному году языков коренных народов: IV фестиваль языков «Лингва-территория»; Молодежная акция «Мый марла ойлем» («Я говорю по-марийски»); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «I Ӱпымарий лудмаш (I Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики», посвященная 90-летию доктора филологических наук профессора Н.И. Исанбаева; День марийской письменности – Марий тиште кече и др.

Информационное сопровождение государственной национальной политики в республике осуществляют электронные и печатные СМИ с вещанием на русском, марийском и татарском языках. Согласно данным на 2021 г., в Марий Элл издается пять республиканских газет (три на марийском и 2 на русском языках), шесть журналов (два на марийском, два на русском и два на русском и марийском языках); 21 районная и городская газеты, 18 из которых выходят на русском, три на марийском языках (семь русскоязычных изданий публикуют «вкладыши» на марий-

ском языке и два на татарском языке); телеканал «МЭТР», радио «Марий Эл Радио» и «МЭТР ФМ».

Увеличение объема выделяемых финансовых средств из республиканского бюджета Республики Марий Эл позволило к 2020 г. выполнить приоритетную задачу в учебно-методическом обеспечении образовательного процесса с учетом этнокультурных и языковых образовательных потребностей обучающихся, завершить линейку учебных пособий по марийскому (государственному) языку, марийскому (родному) языку, истории и культуры народов Марий Эл для основной школы.

Как показывают вышеизложенные материалы, в республике законодательно созданы условия для равноправного функционирования марийского языка, но реально, и это подтверждают данные социологических исследований, наблюдается невысокий интерес к изучению и применению марийского языка [Язык и идентичность 2021:124].

Реальную картину в сфере преподавания марийского языка после принятия Конституции РМЭ в 1995 г. освещает марийский исследователь В.И. Шабыков в своей монографии: «Образовательная политика РМЭ, отражавшаяся на рубеже XX – начала XXI века в Базисном учебном плане для общеобразовательных учреждений (в него много раз вводили изменения), казалось бы, нацеливала каждого школьника на обязательное изучение (и соответственно знание), кроме русского государственного языка, еще как минимум двух других языков – марийского и одного из европейских. Однако фактический статус последних двух в реальной образовательной практике оказался неравнозначным. Если обязательность изучения иностранного языка в системе общего образования, начального, среднего и высшего профессионального образования не оспаривалась никем, то относительно марийского языка (и как государственного, и как родного) периодически «кипели определенные страсти» вплоть до 2006 года» [Шабыков 2014: 170-171]. «Изучение второго (марийского) государственного языка в начале XXI века организовано исключительно по потребности (по желанию) образовательных учреждений, учащихся, их родителей, что в определенной мере не соответствует законодательству» [Шабыков 2014: 173].

В.И. Шабыковым опубликованы данные социологических опросов 1994, 2001 и 2006 гг., во время которых молодежь Республики Марий просили высказать свое мнение по поводу необходимости преподавания марийского языка в школах. «На необходимость преподавания марийского языка в школах республики указали в 2006 году – 17, 1 % русских в возрасте 15–29 лет (в 2001 г. таковых было 12,1 %, в 1994 г. – 19,5 %), 18,2 % татарской молодежи (в 2001 г. – 35,7 %, в 1994 г. – 20 %). Видимо, это и была та часть молодежи, которая активно содействовала поддержанию в обществе необходимого уровня толерантности в отношении ино-

национального, а также равноправному и взаимообогащающему межнациональному общению жителей республики» [Шабыков 2014: 193].

Сейчас ситуация безусловно изменилась. В 2019 г. проведено исследование, в ходе которого изучалось экспертное мнение по указанному вопросу, и были опрошены директора некоторых школ города Йошкар-Олы, чтобы изучить реальную картину преподавания национального языка в школах Республики Марий Эл в настоящее время.

Практически все эксперты единодушны во мнении, что школьникам обязательно нужно преподавать историю и культуру того края, где родился и живет ребенок. Во многих школах города оформлен этнографический уголок, который представляет из себя стенды о всех финно-угорских народах, где подробно описана их история и культура. Особое внимание уделено именно Марийскому краю, здесь школьникам проводят экскурсии и подробно рассказывают о марийском народе, его истории, этнографии и культуре. В школьных образовательных программах есть специальный предмет – История и культура марийского народа (ИКМН), который преподают с начальной школы вплоть до 11 класса. Также во многих школах создано большое количество направлений внеурочной деятельности в этнокомпоненте – это и ансамбли, и хоровые, и танцевальные коллективы. Дети принимают участие в конкурсах школьного, городского и республиканского уровня, участвуют во многих проектах с этнической тематикой. На уроках технологии изучают традиционную марийскую кухню, пробуют создавать марийских кукол, обережки, вышивают национальные узоры. Проводятся конкурсы марийской письменности, дни, посвященные дню республики, конкурсы стихов на марийском языке.

В вопросе изучения национального языка эксперты выразили различные мнения. Большинство считает, что изучение языка безусловно необходимо, но оно должно осуществляться на добровольной основе (либо факультативно). При этом для вовлечения детей в процесс обучения марийского языка на данный момент необходимо согласие родителей, с чем часто и возникают сложности. Среди причин, осложняющих языковое образование, названа высокая загруженность детей, которым сложно одновременно изучать иностранные языки и марийский. К тому же, федеральные государственные стандарты в перспективе предполагают изучение второго иностранного языка. Тем не менее эксперты единодушно выразили мнение, что определенным уровнем языковых компетенций дети марийцев должны обладать, что означает, что они должны владеть им хотя бы на бытовом, разговорном уровне. А преподавание марийского языка детям в той или иной форме нужно внедрять, поскольку язык является государственным. Как уже отмечалось выше – факультативно либо в игровой форме так называемое ознакомление с языком. Так же звучало мнение, что согласие родителей и детей в данном вопросе не обязатель-

но, так как возникнет прецедент, и родители уже смогут ставить под сомнение необходимость и других предметов школьной программы.

Эксперты отмечают, что учебные материалы для изучения языка, истории и культуры коренного народа республики являются качественными, содержат доступную информацию, есть задания для отработки и закрепления изученного материала. Для учеников начальной школы в учебных пособиях много иллюстраций, что позволяет заинтересовать учащихся изучением предмета. Полиграфическое исполнение также на высоком уровне. Но тем не менее не все эксперты говорят об обеспеченности учебными материалами на 100%, так как количество обучающихся ежегодно увеличивается. Нет методических пособий по ИКМН. Некоторые школы самостоятельно оборудуют кабинеты для изучения марийского языка, и, если изучать язык полноценно, то, по мнению экспертов, это потребует более серьезных вложений, таких, как оборудование лингафонного кабинета, большее количество пособий, дополнительные пособия для более продвинутого уровня.

Среди наиболее острых проблем этнокультурного образования в школах республики, помимо согласия родителей, эксперты называют нехватку учителей марийского языка. Марийский государственный университет ежегодно выпускает достаточное количество русско-марийских филологов, однако работать в школу молодые специалисты не идут.

Наиболее благоприятная ситуация с изучением марийского языка сложилась в Национальной гимназии № 14 г. Йошкар-Олы, где уже, начиная с 1993 г. и марийский язык, и марийская история и культура стали активно внедряться в образовательную среду гимназии. Изучение марийского языка здесь является обязательным предметом, а педагоги гимназии самостоятельно разрабатывают учебники по марийскому языку, у каждого из них есть свои видеокурсы. Школа №14 всегда была базовой школой, откуда вся информация и методика преподавания марийского языка рассылалась по другим школам города. В начале 2010 г. школа участвовала в инновационной деятельности, в ней размещалась площадка «Этнокультурная подготовка», которая была рассчитана на все предметы школьного цикла. Не важно, химия или физика, везде пытались ввести этнокомпонент и узнать, как он работает. Было выпущено большое количество сборников, посвящённых проведению внеклассных мероприятий, уроков. Все материалы проходили через институт образования и были распространены по всей республике.

Данное исследование показало положение дел в сфере изучения марийского языка в городской среде, где подавляющее большинство населения является русскоговорящим, и преподавание в школах ведется на русском языке. Для оценки данной ситуации в районах республики, особенно в тех, где подавляющее большинство населения разговарива-

ет на марийском языке, обратимся к материалам семинара «Решение актуальных вопросов сохранения, изучения и развития марийского языка и родных языков представителей народов, проживающих в Республике Марий Эл», который прошел 11 марта 2023 г. в с. Шоруньжа Моркинского района Республики Марий Эл. Данный населенный пункт был выбран культурной столицей финно-угорского мира на 2019 год, здесь находится этнокультурный комплекс и музей – Старинная марийская усадьба конца XIX – начала XX в. Спикерами семинара, в числе прочих, были учителя и директор местной школы. Несмотря на то, что большинство учащихся владеет марийским языком, в школе проводятся мероприятия и на русском языке. Огромное внимание в процессе обучения уделено вопросам сохранения марийской культуры, проводятся мероприятия, посвященные национальным праздникам, не только марийским, но и русским. Ученики участвуют в различных конкурсах местного и республиканского уровня, посвященных марийскому языку и культуре, и занимают призовые места. В целом, можно отметить, что политика руководства и педагогического состава школы направлена на развитие не только марийского языка и культуры, но и русского. Уделяется значительное внимание воспитанию в детях толерантности, уважения к представителям всех этносов, проживающих на территории Республики Марий Эл.

В целом, можно отметить, что в Республике Марий Эл очень много делается для популяризации марийских языков и культуры. Выпускается множество литературы на марийском языке, в том числе и детской, есть центры национальной культуры, музеи, недавно был открыт Музей марийской сказки. Есть национальные театры, где идут спектакли на марийском языке, постановки как для детей, так и для взрослых. На радио и телевидении выходят программы на марийском языке.

Популяризация происходит и в глобальной сети. Марийскими учеными был разработан электронный словарь марийского языка, марийский язык представлен в программе Яндекс-переводчик, в планах создание приложения Алиса и навигаторов на марийском языке. Существуют онлайн и бесплатные оффлайн-курсы по изучению марийского языка. В социальных сетях есть множество активных сообществ, объединенных интересом к истории и культуре марийского народа. Группы общаются как на русском, так и на марийском языках.

В республиканских изданиях молодежной тематике и языковой ситуации уделялось пристальное внимание. В МарНИИЯЛИ долгие годы проводятся социологические опросы, посвященные различным аспектам трансляции культурных традиций от старшего поколения к молодежи, изучения языковой ситуации и проблемамм реализации государственной национальной политики в регионе. Итоги этих исследований обобщены в специальной серии публикаций («Молодёжь Республики Марий Эл (по материалам

социологических исследований): сборник статей», выпуски 1-6, 2003-2012; «Студенты Марий Эл. Профессиональное и гражданское становление (по материалам социологических исследований)»). Особо следует выделить такие исследования, как: «Межнациональные отношения в Республике Марий Эл» (1994, 2001), «Религиозное сознание населения Республики Марий Эл» (1994, 2004), «Национально-региональные проблемы государственного строительства» (1995), «Марийцы: социальные и национальные проблемы развития» (1999), «Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл» (2006), «О положении финно-угорских народов РФ» (2007), «Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл» (2011) и «Языковая ситуация в Республике Марий Эл» (2012). Кроме того, использованы материалы социологических опросов среди обучающейся молодежи РМЭ (учащихся НПО, СПО и ВПО) 1998 и 2005 гг. в части, касающейся межнациональных отношений [Шабыков 2014: 13].

В целом структура населения республики в последние десятилетия претерпела заметные изменения, которые в первую очередь связаны с сокращением доли молодежи в составе республиканского социума, сопровождавшееся заметным снижением численности молодежи в сельской местности и повышением ее численности в городах республики. Этот процесс был спровоцирован вполне объективными причинами, связанными с индустриализацией и урбанизацией, изменениями в образе жизни. Вектор развития современных социальных, политических и культурных процессов, происходящих в республике, нашел отражение и в итогах опросов студентов, проведенных в октябре и декабре 2022 г. и дополненных материалами предыдущих исследований.

В декабре 2022 г. нами было проведено социологическое исследование среди студентов на тему «Языковая ситуация в Республике Марий Эл». Опрошены студенты двух высших государственных учебных заведений в г. Йошкар-Оле, технического и гуманитарного ВУЗов.

Большинство респондентов, 2/3 от общего числа опрошенных, указали русский язык как свой родной (66,4%). 11,4% указали, что родными для них являются два языка или более, 21,2% студентов назвали родным языком язык своего народа (табл. 100).

Таблица 100

Какой язык вы считаете родным, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Русский язык	66,4
Язык своего народа	21,2

Вариант ответа	%
Два языка и более	11,4
Затрудняюсь ответить	0,9

Из тех респондентов, которые указали в качестве родного не русский язык (33,6% от общего числа опрошенных), марийский язык является родным для 34,7%, а татарский – для 8,2%. Большинство (57,1%) указало в качестве родного другой язык (табл. 101).

Таблица 101

Если в предыдущем вопросе Вы указали не русский язык, то напишите какой именно, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Марийский	34,7
Татарский	8,2
Другой	57,1

Среди причин, по которым респонденты определили, какой язык они считают для себя родным, лидирует ответ «это тот язык, на котором я научился говорить» (50,6%), 16,6% участвовавших в опросе студентов определили родной язык как часть культурного наследия своего народа. 14,2% опрошенных считают, что родным языком для них является тот, на котором они думают. Менее 5% опрошенных отметили, что родной язык для них это тот, на котором говорят все вокруг (табл. 102).

Таблица 102

Почему названный язык Вы считаете родным, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Это язык, на котором я научился говорить	50,6
Это язык, на котором говорили мои предки	10,0
Это язык, на котором говорят все вокруг	4,7
Это часть культурного наследия моего народа	16,6
Это язык, на котором я думаю	14,2
Затрудняюсь ответить	2,6
Другое	1,3

Проведенное исследование показало, что больше половины студентов, участвовавших в опросе, считают, что очень хорошо владеют своим родным языком (51,3%), более трети опрошенных (36,4%) оценивают свой уровень знания языка как обычный, 5,8% респондентов считают, что в целом проблем со знанием родного языка у них нет, хотя в устной и письменной речи могут допускать ошибки. 3,5% опрошенных студентов оценили свой уровень знаний как недостаточный, а 1,4% и 0,2% соответственно признали, что плохо владеют либо совсем не владеют языком, который был назван ими родным. При постановке вопроса было уточнение, что оценивать необходимо знание именно литературного языка.

Таким образом, можно отметить, что подавляющее большинство респондентов (93,5%) владеет родным языком на хорошем и отличном уровне (табл. 103).

Таблица 103

Уровень знания родного языка по самооценке, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Считаю, что владею языком очень хорошо	51,3
Обычный уровень знания языка	36,4
Пишу и говорю с ошибками, но в целом проблем нет	5,8
Оцениваю свой уровень знания родного языка как недостаточный	3,5
Плохо знаю	1,4
Совсем не владею	0,2
Затрудняюсь ответить	1,4

Что касается знания других языков народов России, то всего 16,1% опрошенных студентов ответили утвердительно на этот вопрос. Большинство респондентов (52%) всего лишь знает некоторые слова и выражения из других языков, но глубоких знаний нет. Приблизительно треть студентов, принявших участие в опросе (31,7%), языки других народов России не знает абсолютно. Среди языков, которые знают опрошенные студенты Республики Марий Эл, лидируют марийский (43,1%) и татарский (26,1%) языки, что, несомненно, связано с национальным составом населения республики. Также часть респондентов отмечает, что знает удмуртский (6,1%) и чувашский (4,6%) языки, башкирский (1,5%), коми (1,5%). 16,9% респондентов назвали другие языки народов России, которыми они владеют (табл. 104, 105).

Таблица 104

Знание языков других народов России, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Да, знаю	16,1
Знаю некоторые слова и выражения, используемые в других языках, но глубоких знаний нет	52,0
Нет, не знаю	31,7
Затрудняюсь ответить	0,2

Таблица 105

Если на предыдущий вопрос Вы ответили «да», то укажите, какие это языки, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Марийский	43,1
Татарский	26,1
Удмуртский	6,1
Чувашский	4,6
Коми	1,5
Башкирский	1,5
Другие	16,9

Полученные данные позволяют нам говорить о том, что большинство опрошенных студентов Республики Марий Эл считают своим родным языком русский или марийский языки, и владеет ими на хорошем уровне. Родной язык, в первую очередь, понимается студентами как язык, на котором они научились говорить, и на котором они думают. Прослеживается интерес и к языкам других народов, примерно 1/6 часть респондентов указала о знании ими других языков, помимо родного. Мнение большинства опрошенных о равноправии национальных языков свидетельствует о том, что лояльность к использованию их в повседневной жизни в целом отражают толерантность студентов, которые понимают Россию как многонациональную страну, как дом для разных народов.

Что касается знания иностранных языков, то большинство опрошенных (52,9%) отмечают, что знают некоторые слова и выражения, но глубоких знаний нет. Но несмотря на сложную геополитическую ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день, фактическую изоляцию Рос-

сии от стран Запада, интерес молодежи к изучению иностранных языков не пропал. Около трети опрошенных (29,6%) знают один иностранный язык (могут говорить, читать и писать), а 10% студентов говорят о знании ими нескольких иностранных языков. Не знают ни одного иностранного языка 6,3% респондентов (табл. 106).

Таблица 106

Знание иностранных языков по самооценке, %
(опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Да, знаю один язык: могу говорить, читать и писать	29,6
Да, знаю несколько языков: могу говорить, читать и писать	10,0
Знаю некоторые слова и выражения, используемые в других языках, но глубоких знаний нет	52,9
Нет, не знаю	6,3
Другое	1,2

Большинство из тех студентов, которые владеют одним или несколькими иностранными языками, отметили свое знание английского языка (74,6%), что обусловлено его общепринятым международным статусом и востребованностью в различных сферах деятельности. Немецкий и французский языки знают по 10,2% респондентов соответственно. По 6,8% опрошенных студентов заявили о знании китайского и корейского языков, что не является удивительным – на сегодняшний день восточная культура является трендом, особенно для молодежи. А во внешней политике России идет ориентация на страны Азии (табл. 107).

Таблица 107

Если в предыдущем вопросе Вы выбрали варианты ответов 1 и 2,
то напишите, какие именно, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Английский	74,6
Немецкий	10,2
Французский	10,2
Китайский	6,8
Корейский	6,8
Другие	8,5

Рассматривая вопросы владения языками, как родным, так и иностранными, нельзя не обратиться к теме изучения и преподавания языков, в первую очередь в школах. Как уже было отмечено, большинство респондентов, которые знают иностранный язык или несколько языков, говорят именно о знании английского языка. Респондентам был задан вопрос, хотели бы они знать, изучать какие-либо иностранные языки, и, если да, то какие? Большинство опрошенных студентов (32,4%) отдали предпочтение также изучению английского языка. 25,9% респондентов в принципе хотели бы изучать языки народов других стран, а 10,3% опрошенных хотят, но еще не определились с выбором, какие именно, а 5,4% уже изучают углубленно иностранный язык. Не хотят изучать иностранные языки всего 8,9% от общего числа опрошенных студентов. Среди желаемых для изучения языков также был назван французский, немецкий, китайский и испанский языки (приблизительно 2-3% опрошенных выбрали эти языки для изучения) (табл. 108).

Таблица 108

Хотели бы Вы знать, изучать более основательно какие-либо из языков народов других стран, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Да, хотел(хотела) бы изучать языки народов других стран	25,9
Да, но пока не решил (решила) какой/какие	10,3
Да, английский	32,4
Да, немецкий	2,8
Да, французский	3,3
Да, испанский	2,1
Да, китайский	2,3
Я уже изучаю иностранные языки углубленно	5,4
Нет, не хочу	8,9
Не ответили	6,6

Совсем иные ответы получены при ответе на вопрос, хотели бы респонденты изучать основательно какие-либо из языков народов России. Варианты ответов были поделены на положительные («Да, хотел бы») и отрицательные («Нет, не хочу»). 10,2% респондентов затруднились дать ответ на этот вопрос, оставшиеся 89,8% ответов разделились следующим образом. В целом, 40,9% респондентов хотели бы изучать языки народов России, большинство из них (21,7%) хотели бы знать языки народов, проживающих в своем регионе (в данном случае, в Республике

Марий Эл). Примерно по 14% респондентов изучали бы языки народов России, если бы это способствовало их будущей карьере (14,5%) или для этого были бы созданы хорошие условия (14,7%). Примерно такая же часть опрошенных студентов не имеет желания изучать языки народов России (38,9% в целом), поскольку 5,6% не имеет на это времени. А остальные респонденты не видят в этом необходимости (19,1%) либо им достаточно знания русского языка (14,2%) (табл. 109).

Таблица 109

Хотели бы Вы изучать более основательно какие-либо из языков народов России, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Да, хотел(хотела) бы изучать языки народов, которые живут в моем регионе/республике	21,7
Да, хотел (хотела) бы, если для этого будут созданы хорошие условия	14,7
Да, хотел (хотела) бы, если это будет способствовать моей будущей карьере	14,5
Нет, не хотел (хотела) бы, так как мне хватает русского	14,2
Нет, не хотел (хотела) бы, поскольку у меня нет времени для этого	5,6
Нет, не хотел (хотела) бы, поскольку в этом нет необходимости	19,1
Затрудняюсь ответить	10,2

Таким образом, сравнив ответы на эти два вопроса, можно наглядно увидеть, насколько сильно отличается интерес студенческой молодежи к изучению иностранных языков и языков народов России. 84,5% респондентов хотели бы изучать или уже углубленно изучают какой-то иностранный язык, в то время как желание изучать какой-либо из языков народов России выразили только 40,9% респондентов, и при наличии определенных условий. Нежелание изучать иностранные языки углубленно выразило всего лишь 8,9% опрошенных, а в вопросе изучения национальных языков эта цифра выросла до 38,9%.

Данное исследование было проведено среди студентов первых курсов вузов, вчерашних школьников, и вполне логично было узнать, что они думают о преподавании языков в школе, как иностранных, так и родного языка. Респондентам предложили оценить качество преподавания языков в школах. Подавляющее большинство опрошенных оценили качество как среднее (58,5%) и высокое (27,7%), и всего 7% не удовлетворены качеством преподавания языков в школах (табл. 110).

Таблица 110

Как Вы оцениваете качество языковых уроков в вашей школе (имеются в виду все предметы: русский, иностранный, местные языки), % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Высокое	27,7
Среднее	58,5
Низкое	7,0
Затрудняюсь ответить	6,8

Больше трети респондентов считает, что первостепенное внимание в школьных программах необходимо уделять изучению русского и иностранного языков (35,2%). Около 20% отметили русский язык как наиболее важный для изучения. Приблизительно столько же опрошенных (17,5%) считают, что и русский, и язык коренного народа республики имеют одинаковую важность для изучения. 18,9% респондентов добавили к этим языкам также и иностранный язык. Совсем малая часть опрошенных считает, что наиболее важно изучать иностранный язык (2,1%) и государственные и национальные языки региона и иностранные языки (0,2%) (табл. 111).

Таблица 111

На какие языки в школьных программах, на Ваш взгляд, надо обращать первостепенное внимание, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Русский язык	20,7
Русский и язык коренного народа республики, или автономного округа, основного населения области	17,5
Русский и иностранный языки	35,2
Язык коренного народа республики, округа, области	1,2
Иностранные языки	2,1
Русский, язык коренного народа республики/округа и иностранный	18,9
Затрудняюсь ответить	4,2
Государственные и национальные языки региона и иностранные языки	0,2

На вопрос, считают ли обязательным преподавание национального языка в школах, большинство респондентов, почти 40%, ответили утвердительно. Приблизительно треть опрошенных с этим не согласны, и почти столько же опрошенных студентов (29,1%) затруднились с выбором ответа (табл. 112).

Таблица 112

Согласны ли Вы с тем, чтобы языки народов России в тех или иных регионах/республиках преподавались всем школьникам в обязательном порядке, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
Да, согласен (согласна)	39,9
Нет, не согласен (согласна)	31,0
Затрудняюсь ответить	29,1

Таким образом, в ходе данного исследования мы убедились, что интерес студенческой молодежи к изучению языков довольно высок. Что касается иностранных языков, эта тенденция сохраняется довольно давно, но немаловажным является и тот факт, что более трети респондентов считает, что знание и изучение языка коренного народа того региона, в котором они проживают, также имеет большое значение. Многие хотели бы знать язык сами и ввести его преподавание в школах на обязательной основе.

Также студентам был задан вопрос: на каких языках следует изучать школьные предметы в старших классах? Подавляющее большинство респондентов считает, что преподавание должно вестись на русском языке (82,1%), 17,5% полагают, что оно должно вестись на языке народа, представители которого составляют большинство населения в регионе. Неожиданным оказался тот факт, что четверть опрошенных студентов хотят, чтобы преподавание велось на иностранных языках (табл. 113).

Таблица 113

На каких языках следует изучать школьные предметы в старших классах, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	**%**
На иностранных языках	24,5
На русском языке	82,1

Вариант ответа	%
На языке народа, представители которого составляют большинство населения в регионе	17,5
Затрудняюсь ответить	7,5

Ранее нами было проанализировано экспертное мнение о том, насколько серьезное внимание уделено распространению знаний о культурном многообразии региона и традициям представителей народов, в ней проживающих. Для основной массы респондентов (46,2%) школы и региональные СМИ уделяют вполне достаточно внимания данному вопросу. 22,4% респондентов соглашается с мнением большинства, однако отмечает, что качество информации надо улучшать. Примерно для 10% студентов внимания недостаточно, так как не сделан акцент на культурном многообразии, и 3,3% респондентов отметили, что внимания не уделяется совсем (табл. 114).

Таблица 114

На Ваш взгляд, школа и региональные СМИ достаточно внимания уделяют распространению знаний о культурном многообразии вашего региона, традициям представителей народов, в ней проживающих, % (опрос, проведенный в октябре 2022 г.)

Вариант ответа	%
Да, вполне достаточно	46,2
Да, этому уделяется много внимания, но качество информации надо улучшать	22,4
Нет, недостаточно, ибо чаще всего речь идет о традициях только нескольких народов, а не о культурном многообразии в целом	9,3
Нет, совсем недостаточно	3,3
Затрудняюсь ответить	18,8

Проведенные исследования и анализ источников позволяют сказать, что социально-экономическое развитие Марий Эл характеризуется целым рядом сложностей и социальных рисков, в числе которых, в первую очередь надо назвать демографический кризис, вызывающий процессы депопуляции и ухудшение демографического качества населения республики в целом.

Среди проблем, с которым сталкиваются власти и население Республики Марий Эл, особую обеспокоенность вызывает ситуация на селе. В аграрной республике, чья экономика основывается на сельскохозяй-

ственном производстве и переработке сельскохозяйственной продукции, наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров в указанных отраслях. Он обусловлен тем, что в республике наблюдается ускоренный процесс сокращения сельского населения: за последние 20 лет его численность уменьшилась на 12,4% (против 5,8% сокращения городского населения), резко изменилось и демографический состав сельского населения – наметился процесс его прогрессирующего старения.

Сокращение численности селян и стремительное старение сельского населения есть не только демографическая проблема, но и этнокультурная, поскольку именно сельское население является хранителем языка и этнических традиций марийцев, а в городе полностью преобладают традиции массовой культуры, и русский языки доминирует во всех сферах общения, характер культурного потребления унифицирован и стандартизирован. Языковые ориентации и практики молодежи, зафиксированные исследованием 2022 г. полностью подтверждают последний тезис.

Глава 10

Языковое образование и просвещение в Республике Мордовия

Постсоветская Мордовия в социально-экономическом измерении

Республика Мордовия традиционно является полиэтничным регионом. По данным Росстата на 2023 г., численность населения составляет 790197 жителей: русские (421965 чел., или 53,4% от общей численности населения республики), мордва (316079, или 40%), татары (41090, или 5,25%).

Мордва этнически неоднородна и представлена двумя субэтносами: эрзя и мокша. Мокшане расселены преимущественно в западных и южных районах Мордовии (в бассейне Мокши), эрзяне – в восточных (в бассейне Суры).

Сложное социально-экономическое положение Мордовии посткоммунистического периода сохранялось на протяжении 1990-х гг. Особенно губительно на экономике Мордовии сказалось свертывание ВПК в годы «перестройки». В целом же за годы реформ экономика Мордовии претерпела значительный промышленный спад. Уже к середине 1990-х гг. Мордовия стала одним из беднейших регионов России с низким уровнем жизни [Кормишкин 2002: 131].

Ситуация стала несколько меняться к лучшему в начале 2000-х гг., когда в республике наметилась тенденция к экономическому росту. Позитивные сдвиги в экономике и социальной сфере в немалой степени были обусловлены как достаточно эффективным социально-экономическим курсом, проводимым тогдашним руководством республики (поощрение развития рынка в сочетании с государственной поддержкой ведущих отраслей), так и общей стабилизацией в Российской Федерации в указанный период. В республике вновь стали стабильно функционировать ведущие предприятия, начался рост объема инвестиций в сельское хозяйство, что сразу положительно сказалось на урожайности зерновых культур, эффективности переработки сельскохозяйственной продукции и т. д.

Кроме того, благодаря реализации инфраструктурной программы «Тысячелетие», связанной с масштабными празднованиями тысячелетия единения мордовского народа с народами России (2012), в Мордовии удалось создать благоприятный инвестиционный климат, что, безусловно, стало работать на дальнейшее экономическое развитие республики в 2010 – 2020-е гг. В целом, уже в начале 2000-х гг. в Республике Мордовия стала формироваться социально-экономическая политика, сделавшая ставку на инновационное развитие.

Политическая ситуация в Мордовии 1990 – начала 2000-х гг. характеризовалась относительной стабильностью, что неоднократно отмечалось в исследованиях современных историков и политологов. Например, Д.В. Доленко указывает: «Этнополитическая ситуация в Мордовии даже в период наибольшего накала политической борьбы в стране в начале 1990-х гг. оставалась относительно спокойной. Здесь не было и нет не только движений откровенно сепаратистского характера, но даже сколько-нибудь влиятельных этнонационалистических организаций экстремистского типа, деятельность которых могла бы обострить межнациональные отношения и дестабилизировать обстановку в республике» [Доленко 2001: 100].

С другой стороны, в политической жизни Мордовии рассматриваемого периода происходили «тектонические» процессы, связанные с формированием новой политической элиты, пришедшей на смену прежней коммунистической партократии. Еще в 1989–1990 гг. в Мордовии сформировалась антикоммунистическая оппозиция, ориентирующаяся на лозунги «Демократической России» и опирающаяся в основном на техническую и научную интеллигенцию Саранска. Безусловно, общественно-политическую жизнь в Мордовии в конце 1980 – начале 1990-х гг. следует рассматривать в контексте общей активизации социально-политической деятельности, вызванной «перестроечными» процессами того времени [Кониченко, Юрченков 2006: 18–39].

В первой половине 1990-х гг. в Мордовии произошел передел власти в пользу новой социально-политической элиты, а к началу 2000-х гг. в данном субъекте федерации, по сути, сформировалась президентская республика, несмотря на то, что высшее должностное лицо исполнительной ветви власти здесь называется не «президентом», а «главой республики».

На сегодняшний день в постсоветской истории Мордовии последовательно сменили друг друга три Главы, из которых двое – представители титульного этноса. Это Н. И. Меркушкин (руководил республикой в 1995–2012 гг., мордвин-мокша), В. Д. Волков (руководил РМ в 2012–2020 гг., русский), А. А. Здунов (возглавляет республику с сентября 2020 г., мордвин-эрзя).

В период длительного, почти 20-летнего пребывания Н.И. Меркушкина на посту главы РМ, в республике создавалась социально-экономическая модель, в которой была сделана ставка на разнообразные инновационные производства. Кроме того, Н.И. Меркушкину удалось заручиться поддержкой федерального центра в финансировании масштабных экономических проектов и не менее масштабных мероприятий (празднование Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства, о котором – ниже, а также организация в Саранске мероприятий Чемпионата мира по футболу – 2018).

В то же время для реализации указанных мегапроектов руководство Мордовии набрало огромные долги. В итоге уже при преемнике Меркушкина В.Д. Волкове сформировался государственный долг Республики Мордовия, самый большой по стране и поставивший под вопрос дальнейшее развитие данного субъекта федерации.

Только при третьем Главе РМ А.А. Здунове проблема реструктуризации, преодоления данного долга стала решаться при личной поддержке со стороны Президента страны.

Особенности этнокультурной и этноконфессиональной среды региона и характер ее трансформаций в последние годы

У истоков национального движения в Мордовии постсоветского периода стояли организации «Вельмема», «Вайгель» и «Масторава» (*Абрамов,* 2004: 4–7). Социальной базой указанных организаций стала национальная мордовская интеллигенция, для которой изначально были характерны идейные установки и психологический настрой, общие фактически для всех возрожденческих этнокультурных движений посткоммунистической России и, шире, постсоветского пространства. Об этом, в частности, пишет историк С.А. Панарин: «Национально-культурному возрождению свойственна довольно разработанная самопрезентация. Начинается она с утверждения, что данная культура разрушается или столкнулась с угрозой разрушения. Осознает опасность тонкий слой рефлексирующих субъектов непосредственного культуротворчества – национальная интеллигенция. Она хочет исправить положение, вернуть культуре жизнеспособность, здоровую творческую самобытность. И она не только намеревается сделать это бескорыстно, но и на самом деле не обнаруживает какой-либо корысти, не получает какой-либо выгоды в возрождении, кроме разве что удовлетворения от личностной самореализации» [Панарин 2003: 429].

С другой стороны, для мордовского этнокультурного и этнополитического движения 1990 – 2000-х гг. изначально было свойственно организационное многообразие, образно говоря – некая «разношерстность».

Мордовский общественный центр «Вельмема» был образован весной 1989 г. Сначала он объединял преимущественно филологов мордовских вузов; в этническом аспекте его участники были в основном эрзянами. Вскоре этот достаточно радикальный по взглядам кружок распался. Тогда же более умеренные активисты национального движения создали организацию «Вайгель», которая занялась культурно-просветительными проблемами (языковыми и др.). Наконец, в конце 1980-х гг. в Мордовии было образовано культурно-просветительное общество «Масторава» («Мать-земля»), съезды и конференции которого проходили при достаточно большом числе участников.

Исследователи Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрчёнков дают «Масторaве» следующую развернутую характеристику: «Анализ деятельности основных национальных общественно-политических организаций показал, что «Масторава», стоявшая у истоков национального движения, сформировала своеобразное «протопартийное» поле и являлась расплывчатым квазипартийным объединением. Ее трансформация и распад привели к образованию, с одной стороны, исполкома Совета съезда мордовского народа – объединения с расплывчатыми характеристиками, а с другой – движения «Эрзянь Мастор», которое можно охарактеризовать как протопартию» [Кониченко, Юрченков 2006: 159].

В «Масторaве» изначально появились активисты, пытавшиеся политизировать ее деятельность. Среди особенно «горячих голов» раздавались голоса о необходимости создания двух республик – Мокшанской и Эрзянской. Ставилась под сомнение даже сама по себе правомочность статуса Мордовии как государственного образования. Однако в итоге перевес оказался на стороне тех, кто поддерживал идею этнического единства мокшанского и эрзянского народов. Деятельность «Масторавы» все более уверенно направлялась в культурно-просветительное русло. Общество ставило перед собой следующие цели: сохранение народных традиций, более глубокое изучение мордовских языков в школе, издание книг, возрождение и развитие этнической музыки и ремесел мордвы и т. д.

О стабильности этнополитической ситуации в Мордовии свидетельствуют регулярно проходящие Всероссийские съезды мордовского (мокшанского и эрзянского) народа: I съезд (14–15 марта 1992 г.), II съезд (23–24 марта 1995 г.); III съезд (7–10 октября 1999 г.), IV съезд (23–24 ноября 2004 г.), V съезд (29–31 октября 2009 г.), VI съезд (22–24 октября 2014 г.) и VII съезд (24–25 октября 2019 г.).

На съездах речь шла об эффективной организации этнокультурного воспитания населения в условиях урбанизации, когда все больше представителей сельской мордвы, исконно бывших хранителями национальной культуры, переезжают в города. Основной акцент при этом делался на преподавание мордовских языков и мордовской культуры в городских школах Мордовии, о чем подробнее ниже. Перечисленные съезды продемонстрировали единство мордовского этноса, его стремление к консолидации, к сохранению самобытности. Хотя дискуссия о единстве мордовского этноса или отсутствия такового неоднократно инициировалась группой эрзянских националистов во главе с Г. Мусалёвым.

Уже в начале 1990-х гг. «Масторава» сосредоточилась преимущественно на культурно-просветительной деятельности, а в 1995 г. её деятельность как единого общества практически прекратилась. На организационной базе распавшейся организации возникло несколько группировок, объединившихся вокруг газет «Масторава» и «Эрзянь Мастор»,

а также организаций, скорее кружков, таких как «Эрзява» (затем «Литова»), «Юрхтава», позднее – молодежная организация «Од вий» и др., которые стали составными частями современного национального движения мордвы.

Необходимо также признать и констатировать, что республиканское руководство 1990-х – начала 2000-х гг. внимательно относилось к нуждам национальной культуры и образования и, несмотря на трудности с финансированием, оказывало посильную помощь и поддержку в издании газет, журналов, книг, выходе радио- и телепередач на мокшанском и эрзянском языках, а также работе национального театра, филармонии, музея и т. д. Именно такое отношение республиканской власти во многом и определило этнополитическую стабильность в Мордовии.

Таким образом, национальные радикалы изначально оказались в абсолютном меньшинстве, заняв маргинальное положение в общем спектре этнокультурного движения республики. Примером длительное время служила деятельность Фонда спасения эрзянского языка им. А.П. Рябова, который настаивал на образовании Эрзянской республики. С 1994 г. данная организация стала издавать газету «Эрзянь Мастор» («Земля Эрзян»), на страницах которой публиковались материалы откровенно русофобского и агрессивно антироссийского содержания. Например, здесь неоднократно печатались статьи, где эрзянские радикалы поддерживали чеченских сепаратистов как «борцов за независимость» и прямо осуждали действия России в Чечне и Дагестане. Так, вторжение в 1999 г. в Дагестан боевиков Басаева и Хаттаба трактовалось как якобы адекватный ответ на «российскую агрессию». Россия представлялась как «варварское государство», некая «тюрьма народов». Более того, авторы подобных публикаций в «Эрзянь Мастор» активно муссировали тематику о якобы существующей угрозе России для всего мирового сообщества с призывами к НАТО «наказать российский тоталитаризм» по «югославскому», «афганскому» или «иракскому» варианту. Кроме того, со второй половины 1990-х гг. стали появляться заявления лидеров некоторых эрзянских организаций, особенно Фонда спасения эрзянского языка, что слово «мордва», которое они неизменно пишут только в кавычках, не этноним (название народа), а «этническое прозвище». Виновником такого положения объявлен не кто иной, как русский народ, посчитавший в силу своего «этнического невежества» два народа (эрзю и мокшу) одним и назвавший его одним этнонимом, якобы произведенным от оскорбительного слова «морда». По мнению автора этих строк, уровень и характер подобных сентенций эрзянских радикалов можно не комментировать.

Вся эта риторика с оскорблениями русских и Русской православной церкви продолжалась на страницах и в Интернет-сегменте «Эрзянь Мастор» до конца 2010-х гг. Однако необходимо отметить, что в 2019 г.

в Фонде произошла смена руководства, и данную организацию возглавила журналистка Т. Ларина, не разделяющая радикальной риторики ее предшественника – бессменного лидера организации Г. Мусалёва. Сама организация была переименована – на смену прежнему алармистскому названию пришел Мордовский республиканский общественный фонд сохранения и развития эрзянского языка. Не восприняла эрзянская общественность и состоявшуюся в 2019 г. попытку сторонников Мусалёва выбрать нового «инязора» (князя) эрзянского народа в лице А. Болькина, проживающего на Украине участника боевых действий на Донбассе на стороне ВСУ (в настоящее время данный деятель ведет агрессивную интернет-пропаганду против России в связи со Специальной военной операцией на Украине).

В целом, с начала 2000-х гг. этнокультурное движение в Мордовии стало приобретать все более умеренные формы. Об этой своеобразной эволюции говорит, в частности, Т.И. Щербакова: «В целом этноориентированные организации и движения финно-угорских народов создавались представителями национальной интеллигенции с целью усилить значение этнических ценностей и одновременно обеспечить повышение своего статуса и социальной значимости. Карьерные устремления лидеров движений предопределили постепенный отказ от лозунгов этнического возрождения, приводящих к конфронтации с республиканскими политическими элитами. Согласие с властями республик было достигнуто на основе принятия идеологии финно-угорского единства, которая, с одной стороны, обеспечивает воспроизводство этнически ориентированной интеллигенции и политической элиты, а с другой – формирует механизмы включения российских регионов в структуры европейского сообщества и международных организаций» [Щербакова 2003: 143].

Помимо указанных выше съездов мордовского народа значимым знаковым событием в общественной жизни финно-угорского мира стал Международный фестиваль финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия!», который прошел в Саранске 19–21 июля 2007 г. [Мартыненко, Шилов, 2007: 9–11]. О высоком статусе мероприятия свидетельствовало участие в нем лидеров трех государств – Президента Российской Федерации В.В. Путина, Президента Финляндии Т. Халонен и Премьер-министра Венгрии Ф. Дюрчаня. Политики провели в Саранске трехстороннюю встречу (19 июля 2007 г.) с участием представителей финно-угорской общественности, на которой обсуждались актуальные вопросы культурно-языкового, социально-экономического, общественно-политического развития финно-угорских народов. Впрочем, нынешние реалии России внесли свои коррективы и сделали весьма проблематичными перспективы сотрудничества с зарубежными государствами финно-угорского мира (хотя конструктивная позиция современного руководства Венгрии вну-

шает определенный оптимизм в плане перспектив в отношениях с этим государством).

13 января 2009 г. тогдашний Президент России Д.А. Медведев подписал Указ о праздновании 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства и дал поручение Правительству РФ создать специальный Оргкомитет по подготовке и празднованию данной даты. В Оргкомитет вошли представители различных федеральных министерств и ведомств. 24–25 августа 2012 г. в Мордовии прошли масштабные торжества, посвященные 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства. Программа торжеств была чрезвычайно обширной и включала в себя многочисленные концерты, праздничные шествия, выставки, научно-просветительные и общественно-политические форумы, пленарные заседания и «круглые столы». Кроме того, 24 августа 2012 г. состоялся визит в республику Президента России В.В. Путина, а 25 августа того же года – Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Гостями праздника стали делегации из многих регионов России – чиновники, ученые, представители творческой интеллигенции, журналисты и активисты этнокультурных движений. Празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами России стало еще одним проявлением достаточно высокого уровня межэтнической толерантности, традиционно характерного для Мордовии.

Другим показательным примером роста прагматических тенденций в этнокультурных движениях Мордовии стало этнонациональное движение татар республики. Роль татар в истории, культуре России, равно как и в развитии нашей страны на современном этапе трудно переоценить: «Татары – одна из самых дисперсно расселенных этнических групп Евразийского пространства, второй по численности народ Российской Федерации, составляющий численное большинство в Республике Татарстан. Существует множество версий происхождения их этнонима, трактовок древней истории, интерпретаций культуры и соотношения этнотерриториальных групп. Важно, однако, понять, как осмысливают основы этнической общности сами отождествляющие себя с татарами, какие чувства это у них вызывает, какие компоненты оказываются значимыми в процессе самоидентификации и какие символы, образы, персонажи в нем задействованы. Многое о содержании этнической идентичности говорит и ее соотношение с конфессиональной, региональной и государственно-гражданской идентичностями» [Этническая идентичность татар 2015: 3].

В полной мере сказанное выше относится к татарам-мишарям, которые являются третьим по численности народом, проживающим на территории Республики Мордовия. Здесь они проживают в 60 населенных пунктах 14 районов (Лямбирский, Ромодановский, Кадошкинский, Ель-

никовский, Темниковский, Атюрьевский и др.). Значительная часть татар живет в городах Саранск и Рузаевка.

Необходимо отметить, что в 2000-х – начале 2020-х гг., в отличие от мордовских национальных школ, количество татарских школ в РМ сокращалось, прежде всего, из-за нехватки педагогических кадров. В большинстве татарских школ преподавание ведется на русском языке, а татарский язык преподается или как учебный предмет, или факультативно. Подготовка педагогических кадров для татарских школ осуществляется только в одном вузе Саранска – Мордовском государственном педагогическом университете.

С другой стороны, с 1991 г. работает Татарский центр национальной культуры в с. Лямбирь, который координирует работу учреждений татарской культуры в Мордовии. С 1996 г. еженедельно по республиканскому радио на татарском языке звучит просветительская радиопередача «Туган тел» («Родной язык»).

В Мордовии были созданы две татарские общественные организации – Общество татарской культуры «Якташлар» («Земляки»; основано в 1991 г.) и Национально-культурная автономия татар г. Саранска (основана в 2002 г.). В 2005 г. была основана общественно-политическая газета татар Мордовии «Юлдаш» («Спутник»), выходящая на двух языках – русском и татарском. В Лямбирском районе Мордовии созданы эстрадный ансамбль «Чулпан» («Утренняя звезда») и народный ансамбль песни и танца «Умырзая» («Подснежник»).

Необходимо отметить, что при параллельном существовании двух организаций – «Якташлар» и НКА татар РМ, несмотря на их взаимодействие, часто дублировались полномочия, и постепенно к началу 2000-х гг. в этнокультурном движении татар Мордовии сложилась ситуация своеобразного «двоевластия». В итоге эти противоречия были успешно преодолены: 24 ноября 2007 г. в г. Саранске прошла объединенная отчетно-выборная конференция общества «Якташлар» и Национально-культурной автономии татар Республики Мордовия, на которой произошла реорганизация этих общественных объединений в одно. Официальное название новой единой организации татар Мордовии – Региональная татарская НКА РМ «Якташлар». В целом национально-культурная автономия татар Мордовии зарекомендовала себя как организация, способная эффективно решать проблемы, связанные с этнокультурной жизнью своего этноса.

Как и в остальных регионах России, феномен религиозного возрождения в Мордовии громко заявил о себе еще в конце 1980-х гг. Начались повсеместные восстановления старых и возведение новых церквей и монастырей, мечетей и молельных домов.

Традиционными конфессиями на территории Мордовии, как и в России в целом являются православие и ислам, которые исповедует ос-

новная часть населения республики. В то же время конфессиональный ландшафт республики достаточно разнообразный, даже пёстрый: есть протестантские общины (баптисты, адвентисты седьмого дня, лютеране, пятидесятники), «свидетели Иеговы» (запрещены Верховным судом Российской Федерации с 2017 г.), иудаисты, Международное общество сознания Кришны, езиды, бахаи, адепты дохристианских верований мордвы и др.

Подавляющее большинство населения РМ исповедует православие. 29 января 1991 г. решением Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода из состава Пензенской епархии была выделена и образована самостоятельная Саранская и Мордовская епархия (в административных границах тогдашней Мордовской ССР). Новообразованную епархию возглавил епископ Саранский и Мордовский Варсонофий (с 2001 г. – архиепископ, с 2010 г. – митрополит). Епархия была поделена на благочинные округа, которые территориально фактически совпали с муниципальными районами республики.

С 2002 г. в республике действует общественная организация Союз православной молодежи Мордовии, который стал работать в нескольких направлениях: пастырско-миссионерском, педагогическом, художественно-эстетическом, краеведческо-туристическом, информационно-техническом и военно-патриотическом [Ефремов 2010: 115–121].

В 1990-е – начале 2000-х гг. в Мордовии была восстановлена система культовых учреждений РПЦ, численно вырос штат православного духовенства. В сентябре 1997 г. было открыто Саранское православное духовное училище, преобразованное в 2018 г. в семинарию (к настоящему времени это единственное конфессиональное учебное заведение в Мордовии).

Уже с 1990-х гг. епархия стала получать финансовые дотации из республиканского бюджета. Началось возвращение в собственность епархии зданий и земель, конфискованных в годы «атеистических» гонений советского периода. В бюджет РМ входят статьи, предусматривающие помощь приходам и монастырям в восстановлении разрушенных строений. Строительство монументального кафедрального собора святого и праведного воина Феодора Ушакова (2002–2006 гг.) также стало возможным при прямом финансовом участии высших органов государственной власти республики.

Другим проявлением сотрудничества между Саранской и Мордовской епархией, с одной стороны, и руководством РМ – с другой, стала деятельность Общественного совета по развитию православной культуры при Главе республики.

5 октября 2011 г. постановлением Священного Синода была образована Мордовская митрополия, объединившая Саранскую, Красно-

слободскую и Ардатовскую епархии. Архиереем Мордовской митрополии с момента ее образования стал митрополит Варсонофий (Судаков). 25 октября 2011 г. Архиерейский совет Мордовской митрополии принял постановление, определившее приоритетные направления ее деятельности – социальное, миссионерское, молодежное и образовательно-катехизическое. С 19 марта 2014 г. митрополитом Саранским и Мордовским является Зиновий (Корзинкин).

В начале 2020-х гг. интересный опыт взаимодействия РПЦ со светской системой высшего образования представляет собой теологический кластер, сложившийся в Мордовии под эгидой Научно-образовательной теологической ассоциации (НОТА) и представляющий собой тесное сотрудничество Мордовской митрополии и двух ведущих вузов республики – Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева и Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева.

Основными носителями ислама в Мордовии являются татары, среди которых в 1990-е гг. – начале 2000-х гг. усилилось движение за восстановление своих культурных традиций, за культурную самоидентификацию [Салимов 2006: 322–325]. Татарское сообщество республики придерживается, как, впрочем, абсолютное большинство российских мусульман, ортодоксального суннизма (ахль ас-сунна ва-ль-джама'а – люди Сунны и согласия) ханифитского мазхаба (одной из четырех основных юридических школ суннитов).

В 2000 г. в Мордовии практически одновременно были образованы два муфтията – Духовное управление мусульман (ДУМ) РМ и Региональное духовное управление мусульман (РДУМ) РМ. Если ДУМ РМ ориентируется на Совет муфтиев России (СМР), возглавляемый муфтием Равилем Гайнутдином (Москва), то РДУМ РМ изначально ориентировался на Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) России, возглавляемое муфтием Талгатом Таджутдином. В 2008 г. было создано Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) Республики Мордовия. Добавим, что в сентябре 2022 г. РДУМ РМ было запрещено Верховным судом Республики Мордовия по обвинению в экстремизме. Необходимо отметить, что разделение относительно небольшой мусульманской уммы Мордовии на три муфтията изначально носило характер соперничества, отражая общую ситуацию в российском исламском сообществе начала XXI в.

В то же время началось масштабное строительство исламских культовых сооружений, мусульмане Мордовии стали восстанавливать старые и возводить новые мечети. Большое развитие получила благотворительная деятельность. Например, ДУМ РМ и общественная организация «Исламский молодежный центр» стали ежегодно проводить

гуманитарную акцию помощи детям-сиротам «Сладкий Рамадан». Мусульмане Мордовии стали активно заниматься просветительской деятельностью, в том числе в сфере религиозного образования детей. Так, с 2003 г. действует летний духовно-просветительский лагерь «аль-Ансар» («Помощник»). В данном лагере проводятся мероприятия, ведущие традицию со времен пионерских лагерей («линейки», спортивные эстафеты, детские концерты и т. п.), с мусульманской спецификой, которая прослеживается уже в названиях детских отрядов и спортивных команд – «Сестренки-мусульманки», «Мусульманские звездочки», «Звезда Ислама». Кроме того, вожатые – юноши и девушки мусульманского вероисповедания – проводят с детьми занятия и воспитательные мероприятия по основам исламского вероучения [Власенко, Мартыненко, Надькин 2015: 34–35].

Характеристика процессов, происходивших в умме Мордовии в конце XX – первые десятилетия XXI в., будет неполной, если не затронуть тему отдельных проявлений исламского экстремизма на территории республики. Проблема реального наличия сторонников исламского экстремизма (ваххабизма, или салафийя) в республике впервые обозначилась в середине 1990-х гг., когда салафитский эмиссар из Астраханской области Абузар (Олег Марушкин, русский по национальности) попытался создать общину-джамаат в с. Белозерье Ромодановского района. Деятельность Абузара и его сторонников была достаточно быстро локализована властями и силовыми структурами республики, а также старейшинами и большинством верующих села [Власенко, Мартыненко, Надькин 2015: 85–91].

Кроме того, в начале 2000-х гг. на территорию Мордовии неоднократно проникали проповедники и даже боевики отдельных салафитских группировок Поволжья, Северного Кавказа и Центральной Азии, а с началом в 2011 г. гражданской войны в Сирии, ряд уроженцев Мордовии отправились в эту арабскую страну для участия в боевых действиях на стороне вооруженных формирований джихадистов. Однако всё же их деятельность носила локальный характер, пресекалась правоохранительными органами и, главное, вызывала и продолжает вызывать открытое осуждение большинства мусульманского населения Мордовии.

С другой стороны, по-прежнему можно констатировать градус напряженности в мусульманской умме республики, часть которой разделена на сторонников соперничающих муфтиятов. До недавнего времени таких Духовных управлений мусульман (ДУМ) было три – ДУМ РМ, Региональный ДУМ РМ, Центральный ДУМ РМ. Однако обвинения руководства РДУМ РМ в нарушениях (включая хранение экстремистской литературы) и личный конфликт между председателем РДУМ РМ З. Айзатуллиным и верховным муфтием России Талгатом Таджутдином

(в юрисдикции которого находился данный муфтият) привели к запрету указанного муфтията в 2022 г.

Важным и, безусловно, позитивным событием в жизни уммы Мордовии стало основание Общественного Совета по развитию мусульманской культуры при Главе РМ (2022 г.).

В целом можно констатировать, что, несмотря на обозначенные выше деструктивные явления, сегодня умма Мордовии обладает достаточно сильным потенциалом (организационным, культурным и экономическим), что обусловливает ее быстрое и интенсивное развитие.

Добавим, что 2022 и 2023 гг. в Республике Мордовия, как и во всей стране, проходят под знаком специальной военной операции (СВО). Общественное восприятие СВО в республике полностью отражает общероссийскую ситуацию. Несмотря на все трудности и потери, население Мордовии в большинстве своем поддержало операцию Российской армии на территории Украины, признав вынужденный и необходимый характер этой меры, связанной с защитой суверенитета и безопасности нашей страны.

Таким образом, для современной Мордовии традиционно характерен высокий уровень межэтнической и межрелигиозной толерантности, этноконфессиональной стабильности. С 1990-х гг. по настоящее время в республике действует целый ряд этнокультурных движений, которые в абсолютном большинстве своем настроены на социальное партнерство и конструктивное сотрудничество с властями в сфере развития национальных культур.

Языковая ситуация в Мордовии: общая характеристика

О значении языка для развития культуры, сохранения ценностей и воспроизводства идентичности каждого народа написано и сказано очень много – как в публицистике, так и в научных исследованиях. Это представляется вполне объяснимым: действительно, язык в значительной степени формирует для «своего» народа «картину мира».

С языковой ситуацией (в стране или отдельном регионе) связывают понятие социально-коммуникативной системы, которая понимается как «совокупность кодов и субкодов, используемых в каком-либо языковом сообществе и находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнительности» [Беликов, Крысин 2001: 14].

Языковая политика и, шире, языковая ситуация являются чрезвычайно важными для любого государства, тем более для такого полиэтничного, как Российская Федерация. В связи с этим, социолог О.Б. Истомина отмечает: «Межкультурные коммуникации и языковые контакты в современной реальности являются неотъемлемой характеристикой любого

территориального объекта. Этот сложный многогранный процесс говорит о взаимодействии целого ряда субъектов нескольких уровней. Прежде всего, это взаимодействие самих культур, выражение социального опыта, истории, аксиологического наследия конкретного народа; во-вторых, это механизм взаимодействия языков, отражающих особенности культур; в-третьих, это контакты самих носителей культуры и языка, прямых субъектов взаимодействия» [Истомина 2012: 70].

В современной России, с ее чрезвычайно богатой языковой палитрой, соблюдение принципов равенства и исключения дискриминации в данной сфере, по сути, представляют собой условие сохранения и укрепления этнополитической стабильности. В то же время в РФ данный вопрос имеет свою специфику, на что, в частности, обращает внимание этнолог Н.И. Новикова и пишет следующее: «Вопрос о родном языке не прост, так как в России для некоторых народов, особенно являющихся национальными меньшинствами, … родным языком стал русский. В этом случае язык становится скорее элементом культурного наследия, чем средством коммуникации. Для таких языков требуются особые усилия государства, чтобы защитить права человека на образование, свободу творчества, сохранение исторического и культурного наследия» [Правовой статус 2011: 57]. В полной мере это относится и к современной Мордовии.

В целом языковая ситуация в РМ может быть охарактеризована как четырехкомпонентная: основными являются русский, мокшанский, эрзянский и татарский языки. Но доминирование русского языка в республике совершенно очевидно. Количество его носителей превышает количество носителей других языков. Русский язык употребляется преимущественно в городах, остальные языки – преимущественно в сельской местности. Коммуникативная мощность русского языка гораздо больше, чем у мордовских и татарского языков. У русского языка больше сфер применения и обширнее спектр функций, чем у остальных языков, в том числе у мокшанского и эрзянского, которые, наряду с русским, являются государственными в РМ. Русский язык в Мордовии является языком науки и высшего образования, за исключением отделений родного языка на филологических факультетах вузов республики. В административной сфере фактически используется только русский, а роль двух других государственных языков РМ в местном делопроизводстве весьма символична.

Численное превосходство русского населения объективно привело к тому, что русские в Мордовии в абсолютном большинстве своем не ощущают большой потребности изучать и знать мордовские языки. А в смешанных русско-мордовских семьях целиком и безраздельно господствует русский язык. В частности, дети от таких браков зачастую говорят только на русском.

Обозначенная выше ситуация связана с процессами интеграции и ассимиляции, которые происходят в рассматриваемом регионе на протяжении многих десятилетий. Причины, характер, масштабы и последствия данного процесса дискутируются как в научном сообществе, так и в среде этнокультурных организаций, в средствах массовой информации, в Интернет-пространстве. Очевидно, что важную роль в этих процессах играет дисперсный характер расселения мордвы по всей территории России, при этом в Республике Мордовия проживает менее половины от общей численности мордвы. Этнологи Н.Ф. Мокшин и Е.Н. Мокшина по данному поводу пишут следующее: «Мордовский народ на современном этапе переживает несколько этнических процессов, из которых наибольшую угрозу для его самосохранения представляет этническая ассимиляция, принявшая тенденцию к депопуляции. Подтверждением тому служат данные ряда переписей населения» [Мокшин, Мокшина 2015: 27].

Впрочем, процитированные выше исследователи указывают, что не разделяют точки зрения «некоторых современных авторов о том, что отмеченная тенденция есть следствие настоящего «геноцида», проводившегося российским правительством» [Мокшин, Мокшина, 2015: 27]. Под «некоторыми авторами» здесь в первую очередь подразумевались отдельные активисты общественной организации Фонд спасения эрзянского языка, которые до недавнего времени не только принципиально не признавали единство мордовского народа, но и считали ассимиляцию эрзян и мокшан целенаправленной государственной политикой в России на протяжении имперской, советской и постсоветской эпох, трактуя ее как некий «этноцид» (выше указывалось, что ситуация в Фонде изменилась в 2020 г., в связи с приходом нового руководства).

Немалую роль в рассматриваемой ситуации играют урбанизационные процессы. Условия городской жизни способствуют распространению среди мокшан и эрзян ориентации на первостепенное знание русского языка, подчас в ущерб родным мордовским языкам: «Урбанизационные процессы способствуют распространению русского и, наоборот, сокращают применение мордовского» [Языковая ситуация 2011: 20].

В целом, языковая ситуация в Мордовии представляет собой русско-национальное двуязычие: носителями русского языка является фактически всё население республики, но около половины говорит и на родном (нерусском) языке, несмотря на ассимиляционные процессы, особенно затронувшие мордву. Это, в свою очередь, свидетельствует о благоприятном характере межэтнических отношений.

Для татар республики проблема выхода их родного языка из повседневного обихода не является такой острой, как для мордвы, поскольку степень ассимиляции татар неизмеримо меньше. Даже в советский период татары Мордовии сохраняли свой язык и этнокультурный уклад

(из которого, правда, тогдашняя власть всеми способами старалась «вытравить» исламскую составляющую). На современном же этапе татарский язык стал проявлением и религиозной идентичности: если молитвы в мечетях Мордовии произносятся на арабском, то хутбы – проповеди имама – читаются, как правило, на татарском.

Использование национальных языков в Мордовии опирается на достаточно обширную республиканскую законодательно-правовую базу. В настоящее время в федеральном регистре содержится около 50 действующих нормативных правовых актов Республики Мордовия, направленных на реализацию органами государственной власти республики норм законодательства о государственном языке Российской Федерации и о языках народов Российской Федерации.

Так, статьей 12 Конституции Республики Мордовия определено, что государственными языками Республики Мордовия являются русский и мордовский (мокшанский, эрзянский) языки [Конституция 2023].

Во исполнение пункта 3 статьи 3 Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» в Республике Мордовия принят Закон Республики Мордовия от 6 мая 1998 года № 19-З «О государственных языках в Республике Мордовия» (редакция от 19 декабря 2011 г.) [Закон 1998]. Данный закон направлен на обеспечение использования, сохранение и равноправное развитие государственных языков Республики Мордовия, обеспечение конституционного права граждан на пользование родным языком. Законом установлено, что государственными языками в Республике Мордовия являются русский и мордовский (мокшанский и эрзянский) языки (статья 3). Законом также определяются права граждан Российской Федерации, проживающих в Республике Мордовия, на использование языка (статьи 7–10), и устанавливаются правила использования языков в органах государственной власти Республики Мордовия и органах местного самоуправления (статьи 11–15), в деятельности государственных органов Республики Мордовия и организаций, расположенных на территории Республики Мордовия (статьи 16–22).

Законом Республики Мордовия от 8 августа 2013 г. № 53-З «Об образовании в Республике Мордовия» (редакция от 19 декабря 2014 г.) (*Закон*, 2013) зафиксировано, что в республике гарантируется получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Преподавание и изучение мордовских (мокшанского, эрзянского) языков как государственных языков РМ осуществляется в государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории республики, в рамках, имеющих государственную аккредитацию образовательных программ

в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами. Республика обеспечивает создание условий для изучения и преподавания русского, мокшанского и эрзянского языков в образовательных организациях, а в местах компактного проживания представителей иных национальностей (речь здесь, прежде всего, идет о татарах Мордовии) – их родного языка (статья 3).

В соответствии с Законом Республики Мордовия от 1 декабря 2004 г. № 93-З «О государственной поддержке национально-культурных автономий» (редакция от 10 сентября 2014 г.) [Закон 2004], органы республиканской власти оказывают поддержку национально-культурным автономиям в целях сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры, в том числе языка и культуры мордовского (мокшанского и эрзянского) и татарского этносов.

Статьей 3 указанного Закона установлено, что в целях обеспечения права на получение основного общего образования на национальном (родном) языке и на выбор языка воспитания и обучения органы исполнительной власти Республики Мордовия: содействуют разработке, изданию, приобретению и распределению образовательных программ, учебников, методических пособий и другой учебной литературы, необходимых для обучения на национальном (родном) языке, в том числе и мордовским национально-культурным автономиям, расположенным в иных субъектах Российской Федерации; осуществляют финансирование мероприятий, направленных на обеспечение права на получение образования на национальном (родном) языке в государственных образовательных организациях, в пределах средств, выделяемых на образование; организуют по рекомендации национально-культурных автономий подготовку, дополнительное профессиональное образование педагогических и иных работников для организаций, осуществляющих образовательную деятельность на национальном (родном) языке, иных языках, в том числе на основе соглашений между субъектами Российской Федерации и Республикой Мордовия; оказывают материальную, правовую, организационную и иную помощь национально-культурным автономиям в создании частных образовательных организаций и развитии иных форм воспитания и обучения на национальном (родном) языке, в том числе и мордовским национально-культурным автономиям, расположенным в иных субъектах Российской Федерации.

В силу статьи 68 Закона Республики Мордовия от 27 июня 2006 г. № 41-З «О выборах депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия» (редакция от 1 июня 2016 г.) [Закон 2006] по решению Центральной избирательной комиссии Республики Мордовия избирательные бюллетени печатаются на русском, мокшанском и эрзянском языках как государственных языках данного субъекта РФ.

Постановление Правительства Республики Мордовия «Об утверждении Положения об упорядочении производства, реализации и учета социально значимой литературы на мордовских языках и произведений мордовских авторов на русском языке в Республике Мордовия» (2004 г., редакция от 6 сентября 2010 г.) [Постановление 2004], принятое в целях упорядочения и контроля за производством и реализацией социально значимой литературы, издаваемой за счет средств республиканского бюджета РМ, предусматривает особую социальную значимость литературных изданий на мордовских языках и произведений мордовских авторов на русском языке с учетом сохранения и развития национальных языков, культуры, межкультурного взаимодействия и укрепления межнационального согласия в республике. При этом в указанном постановлении оговаривается такой критерий, как «важная социальная значимость произведения, а именно его соответствие государственным нуждам, приоритетам Республики Мордовия в книгоиздании и удовлетворении потребностей Республики Мордовия в литературе для решения общенациональных задач в области духовности, образования и культуры, сохранения и развития национального языка» [Постановление 2004].

Постановлением Правительства Республики Мордовия «О порядке утверждения норм современного мордовского (мокшанского и эрзянского) литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Республики Мордовия, правил орфографии и пунктуации» (2010 г.) [Постановление 2010а] установлено, что Министерство по национальной политике РМ разрабатывает на основании рекомендаций Республиканской термино-орфографиче[кой комиссии по мордовскому (мокшанскому и эрзянскому) языку нормы современного мордовского (мокшанского и эрзянского) литературного языка при его использовании в качестве государственного языка республики, а также правила орфографии и пунктуации для их последующего утверждения Правительством РМ; а также организует проведение экспертизы, в том числе научной, правил, содержащих нормы современного мордовского (мокшанского и эрзянского) литературного языка при его использовании в качестве государственного языка республики.

Постановлением Правительства Республики Мордовия «О Республиканской термино-орфографической комиссии по мордовскому (мокшанскому и эрзянскому) языку» (2010 г.) [Постановление 2010 б] утверждено Положение о Республиканской термино-орфографической комиссии по мордовскому (мокшанскому и эрзянскому) языку, а также ее состав. Основными задачами вышеуказанной комиссии являются: развитие и упорядочение лексического запаса мокшанского и эрзянского языков; совершенствование орфографических и пунктуационных правил мокшанского и эрзянского языков; проведение анализа существующих ор-

фографических правил и их применения в конкретных случаях, по необходимости изменение и корректировка правил правописания; образование новой политической, экономической и другой тематической лексики на мокшанском и эрзянском языках с целью ее введения в повседневную речь; грамматическая адаптация заимствований в систему мокшанского и эрзянского языков; содействие внедрению предложенной комиссией лексики в социальную практику.

Пунктом 1 постановления Правительства Республики Мордовия «Об утверждении норм современного мордовского (мокшанского и эрзянского) литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Республики Мордовия, правил орфографии и пунктуации» (2010 г.) [Постановление 2010в] утверждены нормы современного мордовского (мокшанского и эрзянского) литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Республики Мордовия, правила орфографии и пунктуации.

В соответствии с постановлением Правительства Республики Мордовия «Об утверждении Правил делопроизводства в исполнительных органах государственной власти Республики Мордовия» (2011 г.) [Постановление 2012] одним из реквизитов документов, создаваемых в процессе деятельности исполнительного органа государственной власти Республики Мордовия, является наименование исполнительного органа государственной власти Республики Мордовия на русском и национальных языках.

Таким образом, органами государственной власти Республики Мордовия достаточно широко реализованы полномочия, предоставленные федеральным законодательством субъектам Российской Федерации в сфере норм законодательства о государственном языке Российской Федерации и языках народов Российской Федерации.

Характер языкового образования: программы и качество преподавания языков в школах

В современном виде система преподавания в Республике Мордовия мордовских (мокшанского и эрзянского) языков сформировалась в 1990-е гг.

Необходимо отметить, что в предшествующий советский период, особенно в 1960 – 1970-е гг. мордовская национальная школа переживала период своего упадка, постепенно утрачивая характер национальной как таковой. В немалой степени это было вызвано тем обстоятельством, что преподавание мокшанского или эрзянского языков сохранялось в тот период только в качестве отдельной учебной дисциплины. Но количество школ с подобным форматом тоже постепенно сокращалось. Указанные процессы привели к тому, что в начале 1990-х гг. сфера применения

мокшанского и эрзянского языков в Мордовии фактически ограничивалась бытовым уровнем.

Коренные, структурные изменения, охватившие российское общество в 1990-е – начале 2000-х гг., затронули и сферу образования, в том числе образования на родных языках. Общую «атмосферу» того периода достаточно емко, на наш взгляд, сформулировала специалист по педагогике Г.В. Палаткина, которая пишет, что налицо было «противоречие между ростом национального самосознания, вытекающего в попытку возрождения и развития национальных культур, и фактической неподготовленностью общества к позитивному восприятию всего самобытного национального многообразия; противоречие между потребностью этносов изучать родную культуру и отсутствием системы образовательных институтов с квалифицированными кадрами, способными удовлетворить ее; противоречие между необходимостью позитивных межнациональных контактов и отсутствием культуры такого взаимодействия; противоречие между большим педагогическим потенциалом этнической среды и его невостребованностью в современной системе образования; противоречие между наличием практически во всех уголках страны мультикультурных регионов и отсутствием системы образования, удовлетворяющей потребности каждого этноса в регионах» [Палаткина 2002: 279–280].

Возрождение качественного преподавания мордовских языков в общеобразовательных учреждениях республики приходится именно на постсоветский период, когда при поддержке региональных и федеральных властей началось движение за восстановление престижа национальной школы.

Стала выстраиваться система поликультурного образования, которая включает в себя три содержательных компонента, связанных с местной этнокультурной спецификой: это, во-первых, преподавание мордовских и татарского языков; во-вторых, постепенное внедрение в образовательный процесс преподавания основ религиозной культуры; в-третьих, преподавание региональной истории и культуры. В рамках темы нашего исследования основного внимания заслуживает первое из названных направлений.

Так, до 2020-х гг. включительно учебные дисциплины «Эрзянский язык», «Мокшанский язык» входили в инвариантную часть Базисного учебного плана для общеобразовательных учреждений.

В настоящее время в большинстве школ республики мордовские языки преподаются со 2 по 7 классы в формате 2 часа-урока в неделю. Дисциплина обеспечена учебно-методическим комплексом, в том числе учебниками «Мокшень кель» и «Эрзянь кель». В селах с компактным проживанием мордвы есть национальные мордовские школы. Здесь обу-

чение с 1 по 4 классы идет полностью на мокшанском или эрзянском языке, а русский язык изучается как предмет. Затем, с 5 класса по 9/11 классы обучение переводится на русский язык, а мокшанский или эрзянский язык изучается как предмет. Для начальных классов этих школ на мордовских языках изданы учебники по математике и «окружающему миру» [Мосин 2012: 27].

Во всех национальных школах (мордовских, татарских) Мордовии проводятся дни родного языка, в республике организуется межрегиональная олимпиада по родным языкам.

Кроме того, в целях реализации Государственной программы Республики Мордовия по сохранению, изучению и развитию мордовских языков представителями народов, проживающих за пределами республики, Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников «Педагог 13.ру» на регулярной основе проводит проблемные курсы повышения квалификации «Актуальные проблемы преподавания эрзянского, мокшанского языков и мордовской литературы в школах мордовской диаспоры».

В целом необходимо признать, что сложившаяся на сегодняшний день система преподавания мордовских языков динамично развивается. В частности, под эгидой различных грантов реализуются инновационные проекты, связанные с дальнейшим развитием национального образования, в том числе с привлечением информационно-компьютерных технологий. Что касается общественного мнения по данному вопросу, то необходимо отметить, что при имеющих место «бытовых» разговорах родителей о желательности дополнительных уроков английского или математики вместо эрзянского или мокшанского, которые «не пригодятся в жизни», все же каких-либо массовых протестных настроений преподавание мордовских языков в школах республики у общественности не вызывает.

Но у системы преподавания мордовских языков в образовательных организациях РМ есть свои противники, оппоненты и критики. До недавнего времени это были отдельные активисты упомянутой выше общественной организации Фонд спасения эрзянского языка, которые, повторимся, исходили из тезиса о насильственной русификации, некоем «этнокультурном» геноциде эрзян. Они считали существующее образование крайне недостаточным, воспринимая его как профанацию. Необходимо отметить, что большинство представителей мордовской интеллигенции избегает столь резких оценок сложившейся ситуации, хотя и настроены критично, осознавая существующие проблемы.

Например, Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа на регулярной основе проводит мониторинг данной ситуации, который осуществляется по следующим

вопросам: изучение мокшанского и эрзянского языков в общеобразовательных учреждениях, в том числе столицы республики, Саранска; кадровое обеспечение и учебно-материальная база преподавания мордовских языков; обеспеченность школ соответствующими учебниками и словарями; подписка на национальные издания; уровень овладения детьми мордовскими языками по оценке экспертов. В мониторинге участвуют специалисты-филологи из Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева и Мордовского государственного педагогического университета имени М.Е. Евсевьева. Особое значение данная организация придает деятельности школьных кружков по изучению мордовских языков, а также фольклорных групп, ансамблей и клубов.

Кроме того, Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа разработала ряд рекомендаций в этой сфере. Так, руководителям общеобразовательных учреждений рекомендуется: во всех школах в каждой параллели классов вести преподавание и мокшанского, и эрзянского языков (от себя отметим, что в общеобразовательных учреждениях Мордовии все же, как правило, преподается только один из мордовских языков); обеспечить преподавание мокшанского и эрзянского языков только дипломированными специалистами; обеспечить школы учебной литературой по мордовским языкам строго по контингенту обучающихся; оборудовать в школах кабинеты родного языка и музеи истории и культуры мордовского народа. Министерству образования РМ данная организация рекомендует: создать электронные учебники для учащихся начальной школы; организовать трансляцию детских передач на мордовских языках; решить вопрос с делением классов с контингентом более 25 чел. на две группы при изучении мордовских языков; выпустить рабочие тетради по мордовским языкам; обеспечить школьные библиотеки художественной литературой на мордовских языках как программной, так и для внеклассного чтения.

Свое мнение по рассматриваемой проблематике высказывают и зарубежные ученые. Например, венгерский филолог Я. Пустаи считает принципиально необходимым введением для этнических меньшинств России образования полностью на родном языке: «Язык меньшинства не препятствует учебному процессу, ведь в данной общественной среде осваивается и язык большинства. В этом плане показателен пример Башкортостана и Татарстана, где имеется возможность преподавание всех предметов на родном языке, а доля интеллигенции в обществе в полтора раза выше, чем среди финно-угорских народов РФ или среди русских за пределами Башкортостана и Татарстана... В школах нужно вернуться к практике первой половины прошлого столетия, то есть к преподаванию всех предметов на родном языке. Необходимую терминологию можно

создать за достаточно короткое время, а на ее основе написать учебники – не только по родному языку и литературе, как делается сегодня, а по всем предметам» [Пустаи 2011: 10].

Другой зарубежный автор, советник отделения языковой политики министерства образования и науки Эстонии Ю.Валге считает важным условием сохранения языка высшее образование на родном языке. Правда, он высказывает определенный скепсис и алармизм в этой сфере применительно к финно-угорским народам России, считает, «что возможности финно-угорских народов сохранить свои языки в качестве языков высшего образования (а в будущем языки вообще) не очень велики. Ясно одно: каждая пропущенная минута, в течение которой мы ничего не предпринимаем для увеличения этих возможностей или хотя бы создания предпосылок для их увеличения, работает против нас. Первыми шагами, без которых невозможны последующие < … > должны стать повышение престижа родного языка у молодежи и создание терминологии для максимального количества отраслей науки и других сфер жизни» [Валге 2009: 109].

С 2017 г. ситуация с преподаванием национальных языков в российских школах существенно изменилась в связи с заявлением Президента РФ. Напомним, что 20 июля указанного года Президент России В. Путин, выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле, заявил о недопустимости принудительного изучения неродных языков в школе.

Последствиями этого публичного выступления Президента России стали определенные коррективы, содержательные и методико-организационные, которые стали вноситься в процесс преподавания национальных языков в различных регионах страны, а также достаточно бурная реакция со стороны разнообразных этнонациональных активистов.

Не стала исключением и Республика Мордовия. Так, с 1 января 2018 г. на общеобразовательные учреждения Республики Мордовия распространились изменения в ФГОС, которые касаются преподавания родных и государственных языков. В школы впервые вводится новая обязательная предметная область – «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература». Изучение мокшанского и эрзянского языков как государственных языков Республики Мордовия входит в вариативную часть учебного плана, которую формирует каждое отдельное общеобразовательное учреждение. При этом добровольность в изучении этих языков, в частности, согласие родителей школьников, является обязательным принципом (до этого данный принцип зачастую не соблюдался или носил формальный характер). Минобр РМ рекомендует школам включать в перечень учебных предметов изучение одного из мордовских языков либо на «безотметочной» основе, либо по двухбалльной школе (оценки «хорошо» и «отлично»).

В настоящее время такие новые правила действуют пока только в первом и пятом классах школ Мордовии.

Против указанных выше нововведений сначала активно выступила общественная организация «Фонд спасения эрзянского языка», тогдашние лидеры и активисты которой (в частности, Г. Мусалев и Е. Четвергов) расценили это как очередное ущемление прав эрзян. Но, повторимся, с 2019 г. к управлению Фондом пришло новое руководство, настроенное на конструктивное сотрудничество с властями и отказавшееся от резкой риторики своих предшественников.

Необходимо отметить, что мокшанский и эрзянский языки представлены и в учебных планах ведущих вузов республики – Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (далее по тексту также – МГУ) и Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева (далее по тексту также – МГПУ). Правда, с 2017–2018 гг. их преподавание в обоих указанных вузах претерпело изменения.

В Мордовском университете до недавнего времени мордовские языки традиционно (с советского периода) преподавали на всех без исключения факультетах и во всех институтах, входящих в состав университета, с вариативностью от первого до пятого курса. Однако, в связи с сокращением часов на вариативную часть дисциплин в учебных планах, с 2017/2018 учебного года абсолютное большинство структурных подразделений университета отказались от данной дисциплины. В итоге до настоящего времени мокшанский и эрзянский языки остаются в качестве учебных предметов только на филологическом факультете вуза, т. е. на факультете, для которого эти языки являются базовой частью учебного плана. Здесь мордовские языки преподаются в рамках ОПОП (Основной профессиональной образовательной программы) 45.03.01 – Филология, профиль «Отечественная филология (Языки и литературы народов России (мокшанский/эрзянский), русский язык и литература) и представлены следующими учебными дисциплинами: «Мордовский язык» (1 курс), «Современный мокшанский язык» (1–3 курсы), «Современный эрзянский язык» (1–3 курсы), «Диалекты мокшанского языка» (2 курс), «Диалекты эрзянского языка» (2 курс), «Мордовский языковой билингвизм» (3 курс), «История мокшанского языка» (3 курс), «История эрзянского языка» (3 курс), «Диалектная основа мокшанского/эрзянского литературного языка» (магистратура). По указанному ОПОП университет разработал свой собственный образовательный стандарт в рамках приоритетного направления развития вуза «Фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения».

В Мордовском государственном педагогическом университете, на первых курсах всех факультетов преподается дисциплина «Язык

и культура мордовского народа», объем которой составляет 72 часа, из них 36 аудиторных (академическая отчетность – зачет). Дисциплина в указанном учебном году фактически сменила курсы «Мордовский язык», преподаваемые в таком же формате ранее. Примечательно, что в рамках этого предмета студенты изучают параллельно и эрзянский, и мокшанский языки. В рабочей программе рассматриваемой дисциплины ее цель формулируется как формирование у студентов представлений о языке титульной нации Республики Мордовия как культурно-исторической среде, воплощающей в себе историю, обычаи, традиции региона; развитие коммуникативной и профессиональной компетенции; содействие общему речевому развитию, повышение культуры общения, воспитание толерантности, любви к родному краю. Содержательно дисциплина делится на два тематических модуля – «Язык и культура. Мордовские (мокшанский/эрзянский) языки как средство трансляции культуры» и «Национально-культурная специфика мордовских (мокшанского/эрзянского) языков». Мокшанский и эрзянский языки преподаются в рамках обоих модулей в формате интерактивного изучения различных тем. Так, в первом модуле мордовские языки изучаются через темы знакомства, семьи, истории мордовского народа, его материальной и духовной культуры, выдающихся деятелей Мордовии, студенческой жизни в институте и достопримечательностей Саранска. Во втором модуле языки постигаются через темы национальной кухни, национального костюма, природы Мордовии, национальных игр и особенностей традиционного досуга мордвы, мордовских национальных праздников, фольклора и литературы.

Кроме того, на сегодняшний день только в одном республиканском вузе – Мордовском государственном педагогическом университете – готовят учителей татарского языка (национальные академические группы студентов на филологическом факультете). С 2017 г., также на организационной площадке МГПУ, в Мордовии проходят курсы повышения квалификации для учителей татарского языка с участием приглашенных специалистов Казанского федерального государственного университета.

Отдельным «сюжетом» в языковой политике РМ является преподавание татарского языка как языка третьего по численности (после русских и мордвы) народа Мордовии. Отметим, что современный тип татарской национальной школы стал формироваться в советский период как своеобразная альтернатива конфессиональной (мусульманской) системе образования татар (мектебам и медресе).

Большую роль в развитии советского проекта татарской национальной школы в Мордовии сыграл Окружной комитет нового тюркского алфавита, образованный в 1928 г. В том же году на совещании актива татарской секции Мордовского окружного комитета ВКП(б) было приня-

то решение о введении нового тюркского алфавита в татарских школах тогдашней Средневолжской области. Алфавит вводился с учетом обеспеченности татарских школ Мордовии соответствующими учебно-методическими материалами, учебными пособиями, букварями и т.п. Как известно, с 1928 г. в основу татарской письменности был положен латинский алфавит (вместо арабского, в качестве образца здесь выступала реформа языка в кемалистской Турции, союзной в тот период Советской России). Но в 1939–1940 гг. татарская письменность была переведена на русский алфавит, что сохраняется до настоящего времени.

В Мордовии в конце 1920-х гг. из 890 начальных школ татарскими были 59, т. е. 6,6% от их общего количества. На основании этого можно сделать вывод о большей степени обеспеченности начальным образованием татар Мордовии, по сравнению с русскими и мордвой, впрочем, с учетом того, что здесь важно учитывать удельный вес татар в общей численности населения региона. Необходимо отметить, что в рассматриваемый период средний уровень грамотности татар Мордовии был выше, чем у мордвы, а татарское население к началу 1930-х гг. достигло стопроцентного охвата школьным обучением, т. е. раньше, чем русское и мордовское население. Например, во второй половине 1930-х гг. в Мордовской Автономной Советской Социалистической Республике в среднем строилось две татарские школы в год (Юсупов 2009: 132–135), а к 1960 г. количество татарских школ в республике достигло 32 [Автайкин 2004: 47–48].

Кроме того, с 1934 по 1954 г. в Мордовской АССР действовало Лямбирское педагогическое училище, готовившее учительские кадры для татарских школ.

В настоящее время в РМ функционируют 19 татарских школ. Национальные татарские школы есть в Дубенском, Кадошкинском, Кочкуровском, Лямбирском, Ромодановском, Рузаевском, Темниковском, Торбеевском, Ельниковском и Атюрьевском районах Мордовии. Кроме того, в двух школах Мордовии параллельно изучаются татарский и эрзянский языки. Это школы сел Кочкурово Дубенского района и Сабаево Кочкуровского района. Здесь на уроках родного языка каждый класс делится на «татарскую» и «эрзянскую» подгруппы.

Учебная и учебно-методическая литература по татарскому языку и татарской литературе поступает в соответствующие национальные школы Мордовии из Татарстана, в частности – в рамках программы сотрудничества правительств данных двух субъектов РФ.

Что касается ситуации с подготовкой кадров учителей татарского языка и татарской литературы для школ Мордовии, то в настоящее время такая работа ведется только в одном республиканском вузе – Мордовском государственном педагогическом университете имени М. Е. Ев-

севьева. В 2010 г. здесь было открыто соответствующее отделение филологического факультета, обучение на котором проводится как в дневной, так и заочной форме. Причем выпускники «татарского» отделения получают две специальности – «учитель татарского языка и литературы» и «учитель русского языка и литературы». К слову, на сегодняшний день учителей татарского языка готовят в трех регионах страны – Татарстане, Башкортостане и в Мордовии.

Кроме того, с 2017 г. в стенах Мордовского государственного педагогического университета, также на организационной площадке филологического факультета, проводятся курсы повышения квалификации «Методика преподавания родного (татарского) языка и литературы в условиях ФГОС ОО» для учителей татарского языка и литературы. Для проведения курсов на регулярной основе привлекаются ведущие и высококвалифицированные специалисты Казанского (Приволжского) федерального университета.

Проявлением интегративного взаимодействия школы и вуза в развитии преподавания татарского языка являются республиканские предметные олимпиады по татарскому языку, которые также организует и проводит Мордовский государственный педагогический университет. Данные олимпиады ориентированы на учащихся старшей школы (9–11 классы), а победители делегируются в Казань на межрегиональную языковую олимпиаду. Задания разрабатываются специалистами Татарстана с учетом особенностей изучения и преподавания татарского языка в разных субъектах РФ. Олимпиадные упражнения содержат тесты на проверку знания татарской грамматики, а также творческие задания.

В целом, несмотря на реально существующие проблемы (в частности, процессы языковой ассимиляции мордвы) и связанные с ними голоса критики, сложившаяся в Мордовии модель поликультурного образования продемонстрировала свою жизнеспособность и, главное, способность к дальнейшему развитию.

СМИ, языковое просвещение и социальная реклама, ориентированная на язык и гражданскую интеграцию

Важным источником изучения практики использования государственных языков в «национальных» республиках являются официальные сайты органов управления. Эксперты Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» Н.Ю. Одинг, А.О. Юшков и Л.И. Савулькин по данному поводу отмечают: «Из 21 национальной республики только девять имеют официальные сайты на государственном языке данной республики. Это Республики Коми, Татарстан, Башкортостан, *Мордовия* (*выделено авт.*), Марий Эл, Бурятия, Саха

(Якутия), Адыгея, Чувашская Республика» [Одинг, Юшков, Савулькин 2019: 122]. Действительно, официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия дублирует все материалы на четырех языках – русском, мокшанском, эрзянском, а также английском.

Правда, указанные выше эксперты отмечают: «Полнота и объем переведенного с русского языка содержания сайта существенно различаются в каждой республике, использующей национальный язык как государственный. Так, сайты с довольно полным и качественным переводом имеют Республики Бурятия, Татарстан, Башкортостан, Коми и Чувашская. В остальных республиках (в том числе в Республике Мордовия) сайты на национальных языках переведены не полностью… Представляется странным, что, несмотря на строгую государственную дисциплину в органах власти, регламентацию процедур и документов, наблюдается такая «вольница» в предоставлении информации на сайтах органов власти, начиная с полного отсутствия сайтов на национальных языках и заканчивая неполным их переводом. По нашему мнению, этому трудно найти объяснение. Единственное, можно предположить, что такой подход отчасти обусловлен формальным отношением к этому руководства самих республик» [Одинг, Юшков, Савулькин 2019: 122–123].

Другим показателем востребованности национальных языков в региональном социуме являются национальные СМИ и масс-медиа. В республике действует достаточно развитая сеть мордовских национальных периодических изданий, таких как газеты «Мокшень правда», «Эрзянь правда», «Эрзянь мастор», журналы «Мокша», «Сятко», «Чилисема», «Якстерь тештеня». Кроме того, существует контент на мордовских языках на региональном телевидении и радио: телепередачи «Сияжар» (ГТРК «Мордовия» на канале «Россия), «Од пинге» (Телекомпания «Телесеть Мордовии» на «Десятом канале»); радиопрограммы «Вайгель» и «Сияжар». Этнокультурные запросы татарского населения республики обслуживает периодическое издание «Юлдаш (Спутник)», значительная часть материалов которого публикуется на татарском языке.

С другой стороны, необходимо отметить устойчивую тенденцию к снижению тиражей приведенных выше национальных периодических изданий. Но это является общероссийской тенденцией, характерной для всех периодических изданий, не только национальных. И основной причиной данной ситуации является постепенный отказ от бумажных носителей в пользу «цифры», т.е. переход абсолютного большинства периодических изданий на формат сайтов в Интернете, к слову, значительно расширяющих читательскую аудиторию.

По вопросу о дальнейшем развитии мордовских языков среди национальной интеллигенции, в первую очередь представителей филологи-

ческого научно-преподавательского сообщества, утвердились две точки зрения.

Первая точка зрения, представленная в трудах Д.Т. Надькина, Д.В. Цыганкина, заключается в раздельном развитии мокшанского и эрзянского языков. Правда, сторонники этой точки зрения не исключают их взаимовлияния и взаимного обогащения. Вторая точка зрения (филолог М.В. Мосин, этнолог А.С. Лузгин) фактически не противоречит первой, но предполагает необходимым создание единого литературного мордовского языка на основе синтеза мокшанского и эрзянского. Данный проект, до настоящего времени не реализованный, вызывает различную реакцию. В беседах с представителями мордовской интеллигенции, особенно профессорско-преподавательского сообщества, автор этих строк в основном сталкивался со сдержанным скепсисом по вопросу о необходимости такого языка.

Что касается социальной рекламы, то ее этнический, «мордовский» сегмент фактически не развит, если не считать небезызвестное приветствие «Шумбрат, Мордовия!» на отдельных плакатах и баннерах в городах и на автомобильных трассах. Правда, названия улиц в столице Мордовии, Саранске, дублируются на четырех языках – русском, мокшанском, эрзянском и… английском! Последнее является своеобразной памятью о чемпионате мира по футболу 2018 г., проходившему в Саранске.

Другим проявлением отсутствия мордовских языков в сфере, связанной с рекламой, являются названия разного рода коммерческих фирм республики. Авторы коллективной монографии по языковой ситуации в Мордовии, анализируя эти названия, обнаружили названия античные («Гермес», «Тантал»), древнеегипетские («Нефертити»), персидские («Авиценна»), былинные («Садко») и др. [Языковая ситуация 2011: 30]. Мордовские названия (скажем, мифологических и исторических персонажей) фактически не встречаются.

В целом, несмотря на заявленный равный правовой статус русского и мордовских языков, при использовании их как государственных приоритет, тем не менее, отдается русскому языку. Данное положение, с одной стороны, соответствует современным реалиям, в которых русский язык является языком межнационального общения, в том числе и при языковых контактах мокшан и эрзян. Однако, с другой стороны, чтобы не усугублять несбалансированность существующего в республике билингвизма, необходимо более активно укреплять статус мордовских языков.

Таким образом, можно констатировать, что языковой фактор в Мордовии тесно взаимосвязан с этнополитической ситуацией. В то же время обозначенные проблемы в области языковой ситуации в РМ не исключили высокого уровня межэтнической толерантности, свойственной Мор-

довии, как, впрочем, и всему Поволжью в целом. Основой этнической толерантности в рассматриваемом поликультурном регионе России стала социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку. Показателем такой общности выступает близость социокультурных ценностей, межэтнических установок и образов социальной перцепции у представителей разных этнических групп.

Итоги языкового опроса в ноябре-декабре 2022 г.

В ноябре-декабре 2022 г. автор данного раздела монографии провел опрос по заявленной тематике, выбрав в качестве экспертов представителей преподавательского сообщества разных уровней образования, школьной администрации и отдельных государственных служащих. На условиях анонимности были опрошены 36 экспертов: по девять учителей и директоров школ г. Саранска, по девять преподавателей вузов г. Саранска и специалистов государственных структур, связанных с языковой и национальной политикой (министерство образования РМ, Министерство культуры, национальной политики и архивного дела РМ, Управление образования департамента по социальной политике администрации городского округа Саранск).

По вопросу о статусе языков в России мнения о том, что только некоторые языки имеют право быть главными в стране, придерживаются 16 экспертов (из них по три учителя и директора школ, по пять преподавателей вузов и госслужащих). В основном данные респонденты сопровождали свои ответы комментариями о том, что они имеют в виду русский язык и государственные языки отдельных субъектов РФ, в том числе мокшанский и эрзянский в Республике Мордовия. Приблизительно такое же (чуть меньшее) число экспертов были более категоричны, указав, что только один язык, а именно русский, должен быть главным в стране: так высказались 15 чел. (шесть учителей, по три директора школ и преподавателя вуза и три госслужащих). Основной аргумент сторонников такого ответа, конечно, сводился к констатации особой роли русского языка как языка межнационального общения народов нашей страны. И только шесть экспертов (три директора школ, два преподавателя вузов, один госслужащий) считают, что все без исключения языки должны иметь равные права.

Что касается тех или иных приоритетов в преподавании языков в школах, то здесь мнения экспертов разделились следующим образом. Более половины опрошенных (21 чел., в том числе по шесть учителей, директоров школ и преподавателей вузов и три госслужащих) считают, что первостепенное внимание в школах надо обращать на русский

и иностранный языки. Приведём комментарий эксперта-преподавателя: «Русский – потому что это язык, скрепляющий все народы нашей страны воедино. А иностранный, потому что он обязательно пригодится – в работе, общении и так далее. Даже несмотря на сложную международную обстановку». Менее одной четвертой части опрошенных (семь человек, в том числе по три учителя, директора школы и один госслужащий) более категоричны, считая, что приоритет должен быть только за русским языком. Такая же часть экспертов (семь человек: пять госслужащих и два преподавателя вузов) представили противоположную точку зрения, указав на необходимость первостепенного внимания к национальным языкам в школе; заметим, что все эксперты данной группы являются представителями мордовского этноса – мокшанами или эрзянами. И еще один преподаватель вуза отметил необходимость первостепенного внимания в школе к русскому и одному из мордовских языков, указав, что русскоязычному большинству населения не мешало бы знать язык и культуру «нации, в честь которой названа наша республика».

Общее качество языковых уроков в школах Мордовии, в целом, или в конкретной школе Саранска, в частности (имелись в виду уроки русского, иностранного и одного из мордовских языков) высоко оценили 16 экспертов (девять директоров школ, семь госслужащих), на уровне «средне» оценили 15 экспертов (шесть учителей школ, восемь преподавателей вузов, один госслужащий). Низкую оценку преподаванию языков в общеобразовательных организациях Мордовии дали два эксперта – преподаватель вуза и государственный служащий. Затруднились с оценкой языкового образования в школах РМ три учительницы.

По вопросу о необходимости (или отсутствия таковой) в обязательном преподавании одного из мордовских языков (мокшанского или эрзянского) всем школьникам республики мнения разделились почти пополам: 17 экспертов (пять директоров школ, три преподавателя вузов, все госслужащие) считают необходимым такое преподавание, еще 17 экспертов (все учителя[1], два директора школ, шесть преподавателей вузов), напротив, отрицают такую необходимость. Кроме того, два директора школ затруднились с ответом.

Высказались эксперты и об их в*и*дении норм языкового поведения, языкового этикета, которым желательно следовать, когда в одном коллективе общаются люди разных национальностей. Более половины экспертов (21 человек, в том числе шесть учителей, пять директоров школ, четыре преподавателя вуза, шесть госслужащих) считают, что при та-

[1] Необходимо пояснить, что среди опрошенных учителей не было преподавателей мордовских языков.

ком общении надо пользоваться русским языком, поскольку он понятен всем. Типичный комментарий: «Лично мне неприятно, когда при мне мои знакомые начинают говорить по-мордовски или по-татарски. Сразу возникает впечатление, что они что-то нехорошее говорят про меня» (преподавательница вуза). Еще 11 экспертов (три учителя, четыре директора школ, четыре преподавателя вуза), напротив, допускают, что при подобном общении люди имеют право пользоваться тем языком, который им ближе и понятнее. К этой группе, в принципе, примыкают четыре эксперта (один преподаватель вуза и три госслужащих), которые придерживаются похожей точки зрения, но в более категоричной формулировке («говорить на своем языке, не обращая внимания на других»). В частности, один из них (по национальности мордвин-мокша) выразил это мнение словами: «Пусть русские учат язык титульной нации. Тогда и понимать всё будут».

В то же время на вопрос о том, на каких языках следует изучать школьные предметы в старших классах, все без исключения участники опроса ответили «на русском», что, в принципе, полностью соответствует реалиям сегодняшней российской школы.

По поводу внимания со стороны школы и региональных СМИ к распространению знаний о культурном многообразии Мордовии, традициям населяющих ее народов, большинство экспертов (23 чел., в том числе восемь учителей, шесть директоров школ, три преподавателя вуза, шесть госслужащих) считают такое внимание достаточным, а некоторые из опрошенных – даже избыточным. В то же время 8 экспертов (три директора школ, три преподавателя вуза, два госслужащих), также признавая наличие такого внимательного отношения школ и масс-медиа к региональной культуре, всё же считают необходимым улучшать качество соответствующей информации по этнокультурной тематике. И, соответственно, 5 экспертов (одна учительница, три преподавателя вуза, один госслужащий) считают внимание к региональной культуре явно недостаточным. Разумеется, в основном подразумевалась культура мордовская, хотя ради точности укажем, что один эксперт (преподаватель вуза) говорил о невнимании к русской культуре.

В целом, несмотря на заявленный равный правовой статус русского и мордовских языков, при использовании их как государственных приоритет, тем не менее, отдается русскому языку. Данное положение, с одной стороны, соответствует современным реалиям, в которых русский язык является языком межнационального общения, в том числе и при языковых контактах мокшан и эрзян. Однако, с другой стороны, чтобы не усугублять несбалансированность существующего в республике билингвизма, необходимо более активно укреплять статус мордовских языков.

Глава 11

Язык и интеграция в молодежной среде Архангельской области[2]

Политико-экономический курс России и международные процессы в 2022–2023 гг. формируют условия для нового превращения Русского Севера, европейского сектора Арктической зоны РФ (АЗРФ) и, в частности, Архангельской области в особое пространство национального развития в XXI в., в ключевой геополитический район, с учётом изменений состава НАТО. Девять муниципалитетов (37% территории и 67,4% жителей региона), включая города Архангельск, Северодвинск, Новодвинск, Онега и Мезень, образуют 4,6% всей площади и 25,3% населения АЗРФ [База данных 2023]. Упомянутые районы области – это исторически первые территории, в составе нынешней Арктической зоны России, освоенные русскими [Юркова 2018] и интегрированные в российскую государственность. Сельское муниципальное образование «Талажское» Приморского района Архангельской области включает самую северную территорию РФ – Землю Франца-Иосифа.

В Архангельской области размещены особые военно-стратегические объекты (космодром, центр атомного подводного судостроения и ремонта, Центральный полигон РФ), производство 30% целлюлозы и картона страны, запасы 20% алмазов и 18% бокситов, свинцово-цинковых руд и лесов, золота. Поморье располагает развитой научно-образовательной платформой (два головных вуза, в т.ч. единственный в АЗРФ медицинский вуз – Северный государственный медицинский университет (СГМУ), филиалы вузов Москвы и Санкт-Петербурга, федеральный исследовательский центр РАН и другие учреждения); связь с рынками России, морские порты; благоприятные условия для агро-производств; уникальные ландшафты и культурно-историческое наследие, пригодные для развития туризма. В случае полномасштабной военной угрозы и агрессии против РФ Север России, в том числе Архангельская область, являются доступным пространственным убежищем и районом эвакуации для населения ЦФО и СЗФО.

---

[2] Глава подготовлена за счёт средств целевой субсидии на выполнение государственного задания «Трансформация социокультурного пространства регионов Арктической зоны РФ в современных условиях» (номер гос. регистрации 122012100405-4)».

Социально-экономическое положение Архангельской области в начале 2020-х гг.

На протяжении 2010-х гг. на экономику и социальную сферу Архангельской области продолжали воздействовать последствия радикальных изменений в соответствующих сферах страны в 1990 – начале 2000-х гг. [Подоплекин 2017]. К специфическим местным факторам, которые обусловили затяжной характер стагнации в регионе, относятся изменение технологических основ лесопромышленного комплекса (как ведущей отрасли промышленности), высвободившее значительные объемы трудовых ресурсов, протяженное логистическое плечо, ограниченный потребительский рынок, падение объёмов перевалки через Архангельский морской торговый порт (АМПТ) и ряд других [Шабаев, Омаров 2022: 222–228]. С начала 2010-х гг. основные изменения в структуре экономики региона и ключевых факторов ее модернизации определяются новой арктической политикой России и стратегией ее пространственного освоения [Единый план 2021; Стратегия пространственного развития 2019; Стратегия развития Арктической зоны 2020; Стратегия развития морской деятельности 2010; Чижова и др., 2022]. Главный стратегический документ социально-экономического развития региона на перспективу до 2035 г. принят в 2019 г. [Областной закон 2019].

С 2008 г. реальные располагаемые доходы населения выросли на 11%, рост реальной среднемесячной начисленной зарплаты в 2008–2016 гг. составил 16%, денежные доходы в расчете на душу населения в месяц с учетом инфляции увеличились на 18%. В тот же период ожидаемая продолжительность жизни возросла более чем на 3 года, показатель младенческой смертности уменьшился на 34,4%.

В то же время планы социально-экономического развития субъекта, публиковавшиеся региональными органами власти, в целом исполнены не были, что стало следствием следующих ключевых долговременных слабостей экономической и финансовой систем Архангельской области:

- хронически низкая бюджетная самообеспеченность и недостаточный уровень финансирования, в том числе за счет средств федерального бюджета;
- отсутствие генеральных планов и правил землепользования и застройки во многих городских и сельских поселениях Архангельской области;
- низкие темпы строительства, в том числе из-за недостатка собственных оборотных средств у застройщиков;
- неблагоприятный демографический тренд;
- отсталость материально-технической базы промышленных организаций;

- критический уровень физического и морального износа оборудования;

- низкая инвестиционная привлекательность в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ);

- высокий уровень износа жилищно-коммунальной инфраструктуры;

- замедление роста объемов налоговых и неналоговых доходов областного и федерального бюджетов.

В разрезе государственных программ до 2011 г. полное исполнение показателей обеспечено в следующих объёмах:

- по группе «Сохранение и развитие человеческого капитала» – 54,5% из 66;

- по группе «Пространство, комфортное для жизни» – 35% из 60;

- по группе «Благоприятные условия для устойчивого экономического роста» – 34,7% из 173;

- по группе «Консолидация населения и развитие гражданского общества» – 53,4% из 21;

- по группе «Проектные инициативы» – 25,9% из 85;

- по группе «Реализация государственных программ Архангельской области» – 49,1% из 59.

После укрупнения государственных программ Архангельской области, произведённого в 2014 г. в русле реализации «первых майских указов» 2012 г., средняя степень (медианное значение) реализации программ за период 2012–2014 гг. составила 100%, в 2015 г. – 97%, а в 2016 г. – 96%.

Темпы роста экономики Поморья в 2008–2016 гг. незначительно отличались от среднероссийских. Продолжился переток занятого населения в сферу торговли и услуг, в первую очередь, за счет снижения данного показателя в сельском хозяйстве и промышленности. При этом в последних отмечены рост производства добавленной стоимости, в добывающей промышленности, рыболовстве и рыбоводстве происходил рост производительности труда. Проблемы и риски социально-экономического развития Архангельской области получили достаточно широкое и разноплановое освещение в научной литературе России 2000-х гг. [Арутюнова 2017; Торцев 2022; Чижова, Тутыгин, Подоплекин 2022 и др.].

С точки зрения ведущих национальных рейтингов, определяющих конкурентоспособность регионов (Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ, Рейтинг инновационного развития субъектов РФ ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, Рейтинг российских регионов по качеству жизни «РИА Рейтинг» и Индекс конкурентоспособности регионов AV RCI Консорциума Леонтьевский центр AV Group), Архангельская область занимает невысокие позиции. Указанное обусловлено географией (расположение части территории в АЗРФ) и соответствующим влиянием на инвестиционный и предпринимательский климат; вы-

сокими энерготарифами; повышенной нагрузкой на субъекты МСП, связанной с исполнением госгарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях; низкой плотностью населения и неблагоприятными климатическими условиями, увеличивающими инфраструктурные и транспортные издержки. В то же время территории располагают уникальным потенциалом развития, ограничивающим корректность применения стандартных подходов для сравнения с другими субъектами РФ.

К конкурентным преимуществам Архангельской области относятся: положение как территории АЗРФ в транспортной системе РФ (прямое авто- и железнодорожное сообщения с Москвой и Санкт-Петербургом, международный аэропорт, АМПТ с выходом в Мировой океан), наличие и доступность стратегически значимых полезных ископаемых (20 % российских алмазов, бокситы, полиметаллические руды), условия для экономически эффективного мясо-молочного животноводства и картофелеводства, высокое качество профессионального образования, эффективная трехуровневая система здравоохранения, наличие промышленности и уникального культурного наследия.

Данные региональных органов государственной статистики, федеральных рейтинговых агентств, институтов поддержки развития и экспертно-аналитических структур позволяют констатировать наметившиеся на рубеже 2010–2020-х гг. признаки оживления социально-экономической ситуации в Архангельской области. Эти изменения стали кумулятивным результатом реализации мероприятий в рамках национальных проектов, новой национальной арктической политики России, коррекции региональной экономической и финансовой политики в 2020–2022 гг., а также политики импортозамещения и глобального передела системы мировой торговли и логистики, в том числе в условиях односторонних ограничительных и рестрикционных мер (так называемых «санкций») в отношении России в 2022–2023 гг.

К концу 2022 г. Архангельская область достигла максимальной динамики экономического и социального развития за последние десятилетия, при сохранении ряда негативных тенденций, в первую очередь, в сфере демографии. В частности, диверсифицированный промышленный сектор сохраняет свои позиции как основы экономики региона (судостроение, ЛПК, добыча природных ресурсов, приборо- и машиностроение, пищевая промышленность).

Реализуются прогнозы о роли региона как важного транспортно-логистического узла АЗРФ – растет перевалка грузов для действующих и перспективных арктических проектов, осуществляются северный завоз и экспортные перевозки, перевалка грузов в интересах Минобороны и Минприроды России. Начато осуществление инвестиционного проекта

по строительству нового морского порта в Онеге (специализированный портовый комплекс для грузоперевозок по СМП), одновременно с началом строительства автомобильной дороги на Архангельск, как первого этапа формирования второго (в дополнение к ж/д) сухопутного коридора на Карелию и Мурманскую область. В целом темпы строительства и ремонта дорог в регионе в 2019–2022 гг. выросли со 158 до 405 км/год, что вывело Архангельскую область в число пяти регионов-лидеров по темпам и качеству реализации нацпроекта «БКД». Наибольшие темпы прироста в 2022 г. достигнуты в сфере судоремонта и судостроения – 60%, что стало результатом, в числе прочего, санкционного давления, в рамках которого зарубежные подрядчики прекратили прием на обслуживание российских судов.

Консолидированный бюджет области по налоговым и неналоговым доходам за 2022 г. исполнен на 102,5 млрд руб., что выше плана на 12%, хотя рост поступлений обеспечивался исключительно первым полугодием, т.е. до ввода так называемого «пятого пакета санкций» ЕС и США, который напрямую затронул ведущие предприятия Архангельской области (ЛПК). С июля 2022 г. началось снижение поступлений по налогу на прибыль (минус 1/3 за полугодие).

В настоящее время в районе АМПТ действуют 12 универсальных портовых комплексов и единственный в АЗРФ контейнерный терминал мощностью до 75 тыс. контейнеров в год. В 2022 г. грузооборот порта возрос до 6,6 млн т. (в 2018 г. – 2,8 млн, 2019 г. – 2,7, 2020 г. – 3,3, 2021 г. – 3,2 млн). Прирост перевалки произошёл, несмотря на сокращение экспортных перевозок, за счёт каботажа по трассе Северного морского пути. В связи с включением Архангельского транспортного узла в план развития СМП до 2035 г. вновь начата разработка планов строительства нового глубоководного порта мощностью до 40 млн.

Другим важным фактором оживления экономической активности в Архангельской области стали инструменты поддержки, применяемые для территорий АЗРФ, включая специальные налоговые режимы для субъектов МСП, инвестирующих в объемах от 1 млн руб. С 2021 г. для резидентов АЗРФ введены пониженные ставки по налогу на прибыль, недвижимое имущество организаций, налоговые льготы при применении УСН. По состоянию на конец 2022 г. в Архангельской области зарегистрировано свыше 150 резидентов, в 2021–2022 гг. инвестировано в экономику региона более 10,3 млрд руб., трудоустроено около 1,5 тыс. чел. К середине декабря 2022 г. заявлено 162 инвестпроекта в объёме 130 млрд руб. Реализуемые и заявленные инвестиционные проекты имеют широкую диверсификацию: промышленность, строительство, транспорт и логистика, туризм, общественное питание, здравоохранение, сельское хозяйство и торговля. Статус масштабных инвестиционных имеют

11 проектов с объемом около 25 млрд руб., на создание инфраструктуры направлены 12 проектов с финансированием в сумме свыше 3 млрд рублей. Ожидаемое количество новых рабочих мест – свыше 1,3 тыс.

В условиях 2022 г. власти Архангельской области были вынуждены оперативно реагировать на усиливающиеся риски закрытия бизнеса, в том числе через закрепление льготной ставки на период роста ключевой ставки Банка России. Доступ субъектов МСП к финансовой поддержке от регионального фонда развития промышленности обеспечивался в рамках «Программы 5–5–10», на инвестиционные цели с 01.01.2022 г. начали действовать минимальные ставки по УСН для 21 отрасли экономической деятельности, в том числе для торговли в труднодоступных местностях (1% при объекте налогообложения. Ещё в 2020 г. на региональном уровне введён специальный налоговый режим для самозанятых предпринимателей и граждан – налог на профессиональный доход со ставкой 4% для физических лиц и 6% для организаций. Самозанятым предоставлены те же меры поддержки, что и малому и среднему бизнесу. За 2,5 года их число в Архангельской области выросло до 2,9 тыс. чел.

Также в начале 2020-х гг. продолжилась модернизация главной отрасли промышленности Архангельской области – лесопромышленной, в т.ч. её ресурсной базы, в 2022 г. она стала пилотным регионом по проведению лесоустройства. На два года запланирована инвентаризация лесов на площади в 16 млн га, актуальность лесоустройства возрастёт с 20 до 93% к 2025 г. Ожидаемый эффект от введения новых систем управления лесами – оптимизация лесопользования и повышение бюджетных поступлений от ЛПК на 800 млн руб. в год. С 2020 г. Архангельская область участвует в пилотном проекте по внедрению модели интенсивного воспроизводства и использования лесных угодий, которая предусматривает введение опережающих темпов лесовосстановления. За четыре года восстановлено 300 тыс. га лесов (31 млн деревьев) при обеспечении собственным посадочным материалом из 16 лесных питомников региона. Начиная с 2022 г. все вырубаемые за год лесные площади закрываются новыми посадками.

Стратегия СЭР Архангельской области до 2035 г. предусматривает решение двух ключевых проблем, препятствующих выходу региона на траекторию уверенного долгосрочного экономического роста – крупные инвестиции и привлечение человеческого капитала. Определяющим фактором последнего должен стать опережающий рост средней заработной платы, т.е. показателя, который у области на рубеже 2010–2020-х гг. остается одним из самых низких в СЗФО. Согласно стратегическим установкам, на которые опирается региональное правительство, для увеличения реальной заработной платы занятого населения Архангельской области к 2035 г. в три раза к уровню 2018 г. необходимо обеспечить рост инве-

стиций в экономику Архангельской области с ежегодным темпом роста 15%. Процессы радикальной трансформации парадигмы национального развития, международных политических и торговых отношений России, открытая и напряжённая фаза которой началась в 2022 г., а также уверенное встраивание региона в проекты в рамках национальной арктической политики РФ, формируют условия для уверенной модернизации и роста экономики Архангельской области.

Демографическая ситуация и этническая структура населения в Поморье

Демографическая динамика в Архангельской области в 2000-е гг. соответствует общему тренду на сокращение и старение населения, характерному во всех регионах СЗФО, кроме Санкт-Петербурга и Ленинградской области [Верещака 2011]. Согласно данным Всероссийских переписей населения (ВПН), с 2002 по 2020 г. в регионе оно уменьшилось почти на 25%, в том числе в 2011–2022 гг., согласно региональному органу Росстата, на 18,5%. Сокращение сельского населения происходит более высокими темпами: в 2002–2020 гг., по ВПН, оно убыло на 31%, а в 2011–2022 гг., по региональному подразделению Росстата, – на 24,7% (табл. 115–116).

Таблица 115

Численность населения Архангельской области в 2002–2020 гг. (по итогам ВПН 2002, 2010 и 2020 гг.)

Годы ВПН	**Всего, тыс. чел.**	**Городское население**		**Сельское население**	
		тыс. чел	**% в населении региона***	**тыс. чел**	**% в населении региона***
2002	1295,0	973,0	75,0	322,0	25,0
2010	1185,0	900,0	76,0	285,0	24,0
2020	979,0	758,5	77,5	220,5	22,5
Δ 2002–2010*	– 8,5%	– 7,5%		– 11,5%	
Δ 2010–2020*	– 17,4%	– 15,7%		– 22,7%	
Δ 2002–2020*	– 24,4%	– 22,1%		– 31,5%	

** Рассчитано автором.*

Таблица 116

Численность населения Архангельской области в 2011–2023 гг., по данным Росстата (данные за 2022–2023 гг. – с учётом итогов ВПН 2020 г.)

Период	Всего, тыс. чел.	В том числе	
		Городское	Сельское
на 01.01.2011	1182,8	899,0	283,8
на 01.01.2022	974,6	756,3	218,3
на 01.01.2023	964,3	750,6	213,7
Δ 2011–2022*	–17,6%	– 15,9%	– 23,1%
Δ 2011–2023*	–18,5%	– 16,5%	– 24,7%

* *Рассчитано автором.*

По показателю длительности непрерывного проживания в текущем месте жительства тенденции в Архангельской области в целом сопоставимы с общероссийскими (табл. 117).

Таблица 117

Сравнительная группировка населения РФ и Архангельской области по продолжительности проживания в текущем месте постоянного жительства (по итогам ВПН 2002, 2010 и 2020 гг.), % от числа указавших*

Доля жителей	2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	РФ*	АО	РФ	АО	РФ	АО
Постоянно проживающих непрерывно в месте постоянного жительства с рождения, в том числе по группам возрастов:	54,99	57,6	46,25	43,28	67,03	62,42
Моложе трудоспособного	27,72	16,83	14,13	14,79	15,29	15,93
трудоспособного	58,10	34,26	26,18	23,84	38,32	34,12
Старше трудоспособного	14,20	6,49	5,93	4,65	13,41	12,37
Постоянно проживающих непрерывно в месте постоянного жительства не с рождения, в том числе по группам возрастов:	43,65	42,24	53,75	56,72	32,97	37,58
Моложе трудоспособного**	6,10	1,83	2,30	1,93	2,14	1,95

Доля жителей	2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	РФ*	АО	РФ	АО	РФ	АО
трудоспособного***	64,60	27,81	34,95	37,02	18,83	19,08
Старше трудоспособного****	29,30	12,59	16,51	17,76	12,00	16,54

* *Рассчитано автором.*
** *В возрасте 0–15 лет включительно.*
*** *С 01.01.2020 – мужчины в возрасте 16–60 лет, женщины – 16–55 лет; с 01.01.2022 – мужчины в возрасте 16–61 лет, женщины – 16–56 лет.*
**** *С 01.01.2020 – мужчины в возрасте от 61 года, женщины – от 56 лет; с 01.01.2022 – мужчины в возрасте от 62 лет, женщины – от 57 лет.*

Постоянные жители региона размещаются преимущественно в поселениях городского типа – посёлках и городах, количество последних – 12, включая ЗАТО «Мирный» и Архангельск, как крупнейший город мировой Субарктики, из них 9 на начало 2000-х гг. имели население свыше 10 тыс. чел. В указанных городах сконцентрировано 62,5% всего населения области, или 83,2% всех ее городских жителей. Сокращение их населения в 2002–2020 гг. составило 17,5%, опережающие показатели оно имело в промышленных «моногородах» – Коряжме, Новодвинске, Онеге и Северодвинске (табл. 118).

Таблица 118

Население городов Архангельской области с численностью жителей свыше 10 тыс. чел, без учёта жителей других населённых пунктов в границах соответствующих городских округов (по итогам ВПН 2002, 2010 и 2020 гг.)

Город	Население, тыс. чел.			Δ 2002–2010 гг.*	Δ 2002–2020 гг.*
	2002 г.	2010 г.	2020 г.		
Архангельск	356,05	348,78	301,12	– 2,05%	– 15,43%
Северодвинск	201,55	192,35	157,21	– 4,56%	– 22,00%
Котлас	74,08	73,42	66,93	– 0,89%	– 9,65%
Новодвинск	43,38	40,61	33,29	– 6,39%	– 23,26%
Коряжма	42,81	39,64	34,52	– 7,40%	– 19,36%
Мирный (ЗАТО)	30,50	30,28	27,26	– 0,72%	– 10,62%
Вельск	26,24	23,88	21,61	– 8,99%	– 17,64%
Онега	23,43	21,36	16,94	– 8,83%	– 27,70%
Каргополь	11,19	10,21	8,85	– 8,76%	– 20,91%

* *Рассчитано автором.*

Городские жители территорий Архангельской области, включенных в АЗРФ, составляют соответственно свыше 22,5% и 25,9% всего населения и всех горожан этого макрорегиона, что является вторым показателем в рамках всей Арктической зоны (табл. 5). В городах Архангельской и Мурманской областей с Ямало-Ненецким автономным округом в границах АЗРФ сконцентрированы свыше 66% всего населения и 76,5% всех городских жителей (табл. 119).

Таблица 119

Городское население АЗРФ в разрезе субъектов РФ
(по данным Росстата на 01.01.2022)

Субъект РФ	**Доля городского населения на территориях региона, включённых в АЗРФ, % ***		
	населении территорий АЗРФ в составе субъекта	**населении АЗРФ**	**городском населении АЗРФ**
Мурманская обл.	92,0	25,7	29,6
Архангельская обл.	89,0	22,5	25,9
Респ. Коми	88,5	5,1	5,9
Красноярский край	88,1	8,1	9,3
Ямало-Ненецкий АО	85,8	18,3	21,0
Респ. Карелия	84,1	3,5	4,1
Ненецкий АО	74,7	1,3	1,5
Чукотский АО	71,9	1,4	1,6
Респ. Саха (Якутия)	38,5	1,0	1,1

** Рассчитано автором по данным раздела «Статистическая информация о социально-экономическом развитии АЗРФ» Росстата, см.: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html*

Административный центр Архангельской области является крупнейшим городом – как в масштабах АЗРФ, так и в мировой Арктике и Субарктике. Два города на территориях Архангельской области в границах АЗРФ – Архангельск и Северодвинск – относятся к категориям больших и крупных, их население составляет 13,2% и 6,9% всего населения макрорегиона (табл. 120). В крупных городах АЗРФ – Архангельске и Мурманске – проживают самые значительные (в разрезе поселений любого типа) доли всех городских жителей АЗРФ (Архангельск – свыше 15%, Мурманск – 12,4%). Агломерации Архангельск – Северодвинск – Новодвинск и Мурманск – ЗАТО Североморск – Кола являются крупнейшими в АЗРФ и всей мировой Арктике.

Таблица 120

Население средних, больших и крупных городских поселений (свыше 50 тыс. чел.) АЗРФ (по данным Росстата на 01.01.2022)

Городское поселение	**Население, тыс. чел.**	**Доля населения городского поселения, %** *		
		городском населении на территориях АЗРФ в составе соответствующего субъекта РФ	**городском населении всей АЗРФ**	**населении всей АЗРФ**
Архангельск	342,16	58,5	15,1	13,2
Мурманск	279,06	41,8	12,4	10,7
Норильск	184,64	87,8	8,2	7,1
Северодвинск	179,74	30,7	7,9	6,9
Нов. Уренгой	118,66	25,0	5,2	4,5
Ноябрьск	109,48	23,1	4,8	4,2
Воркута	70,84	53,3	3,1	2,7
Салехард	51,97	10,9	2,3	2,0

* *Рассчитано автором по данным соответствующих региональных разделов БД ПМО Росстата, см.: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm*

Начиная с 1990-х гг. демографическая ситуация в Архангельской области неизменно характеризуется не только нисходящим трендом численности населения, но также растущей диспропорцией в сторону увеличения доли нетрудоспособного населения. Наряду с социально-экономическим кризисом конца XX в. другой определяющей причиной этой тенденции стало влияние демографического перехода в РФ, выразившегося в резком переходе от стремительного роста к стабилизированному населению. В начале 2000-х гг. исследователи региона отмечали также, что особо негативные последствия этого перехода в части Поморья связаны с тем, что в регионе он был усугублен последствиями Великой Отечественной войны, вызвавшими формирование демографических волн [Преминина 2010].

Согласно итогам ВПН 2002–2020 гг. и данным Росстата, в Архангельской области возросли медианный и средний возраст населения. Данный показатель по региону превышает аналогичные по РФ незначительно, однако это обеспечивается не только за счёт стабильного миграционного оттока старших возрастных групп, но также и низкой, по сравнению со среднероссийской, продолжительностью жизни [Гончаренко, Фаузер, Жигарева 2012; Фаузер, Смирнова 2020; Шеломенцев и др., 2018]. В 2002–

2020 гг. доля населения нетрудоспособных возрастов в Архангельской области выросла более чем на 8%, тогда как доли жителей трудоспособного возраста и младше – сократились на почти 6% и 0,8% соответственно (табл. 121). Коррекция этих показателей в интервале до 2022 г. вызвана изменением методик учёта соответствующих возрастов в связи с реформой пенсионного законодательства (см. примечания к табл. 121). В 2010-е гг. в Архангельской области наметился рост доли граждан до 14 лет, что также соответствует общероссийской демографической тенденции.

Таблица 121

Возрастная структура населения Архангельской области в 2002–2022 гг. (по итогам ВПН 2002, 2010 и 2020 гг. и данным Росстата за 2022 г.)*

Возраст	**Доля в населении региона, %**					
	2002 г.	**2010 г.**	**2020 г.**	**Δ 2002–2020 гг.****	**2022 г.**	**Δ 2002–2022 гг.****
Группа 0–14 лет	16,58	15,48	16,65	+ 0,07	17,12	+ 0,54
Группа 0–17 лет	22,06	18,43	19,96	– 2,1	н/д	н/д
Группа 0–34 года	47,87	45,33	37,69	– 10,18	39,32	– 8,55
Группа 15–34 года	31,30	29,85	21,04	– 10,26	22,21	– 9,09
Моложе трудоспособного***	18,51	16,45	17,73	– 0,78	18,22	– 0,29
Трудоспособный****	62,70	61,53	55,11	– 7,59	56,09	– 6,61
Старше трудоспособного*****	18,78	22,02	27,16	+ 8,38	25,69	– 6,91
Медианный, лет	36,5	38,0	42,4	Δ 2002–2020 гг.: + 5,9 года		
Средний, лет	н/д	38,9	41,9	Δ 2010–2020 гг. + 3,0 года		

* *Данные до 2020 г. – без учёта итогов ВПН 2020 г.; данные 2022 г. – Росстат, с учётом итогов ВПН 2020 г.*

** *Рассчитано автором.*

*** *В возрасте 0–15 лет включительно.*

**** *С 01.01.2020 – мужчины в возрасте 16–60 лет, женщины – 16–55 лет; с 01.01.2022 – мужчины в возрасте 16–61 лет, женщины – 16–56 лет.*

***** *С 01.01.2020 – мужчины в возрасте от 61 года, женщины – от 56 лет; с 01.01.2022 – мужчины в возрасте от 62 лет, женщины – от 57 лет.*

Архангельская область отличается высокой этнической однородностью, входя в десятку субъектов РФ с максимальным удельным весом русских (табл. 122). по итогам ВПН 2020 г. региона по данному показателю стал практически гомогенным – их доля (вкл. назвавших себя «поморами», «казаками» и т.д.) в числе всех, кто указал национальность, превысила 97,4%, что стало наивысшим показателем в России [Итоги 2020]. В то же время Поморье традиционно отличается разнообразием проживающих в нём этносов: по итогам ВПН 2002 г. количество указанных национальностей составило 119, в 2010 г. – 95, в 2020 г. – 112.

Таблица 122

Изменение удельного веса национальных (этнических) групп численностью свыше 100 (ста) человек в населении Архангельской области в 2002–2020 гг. (по итогам ВПН 2002, 2010 и 2020 гг.)

Национальность	**Доля от числа указавших национальность в ходе ВПН, %***			
	2002 г.	**2010 г.**	**2020 г.**	**≈Δ 2002–2020 гг.**
Русские, вкл. «поморов», «казаков» и т.п.	95,81	96,77	97,56	+ 1,75
Украинцы	2,05	1,37	0,58	– 1,47
Белорусы	0,77	0,47	0,20	– 0,57
Татары	0,24	0,18	0,13	– 0,11
Азербайджанцы	0,22	0,21	0,15	– 0,07
Чуваши	0,13	0,11	0,06	– 0,07
Немцы	0,12	0,07	0,04	– 0,08
Молдаване	0,10	0,08	0,04	– 0,06
Коми (зыряне)	0,09	0,08	0,05	– 0,04
Армяне	0,08	0,08	0,07	– 0,01
Цыгане	0,08	0,07	0,05	– 0,03
Мордва	0,07	0,046	0,02	– 0,03
Удмурты	0,05	0,04	0,02	– 0,03
Поляки	0,05	0,03	0,01	– 0,04
Марийцы	0,04	0,04	0,02	– 0,02
Ненцы	0,04	0,04	0,04	–
Литовцы	0,04	0,02	0,01	– 0,03

Национальность	Доля от числа указавших национальность в ходе ВПН, %*			
	2002 г.	2010 г.	2020 г.	≈Δ 2002–2020 гг.
Евреи	0,03	0,03	0,01	– 0,02
Башкиры	0,03	0,03	0,02	– 0,01
Грузины	0,03	0,03	0,01	– 0,02
Карелы	0,03	0,01	> 100 чел.	–
Чеченцы	0,03	0,02	0,01	– 0,02
Лезгины	0,02	0,02	0,02	–
Казахи	0,02	0,02	0,02	–
Узбеки	0,01	0,02	0,03	+ 0,02
Болгары	0,01	0,01	> 100 чел.	–
Аварцы	0,01	0,01	> 100 чел.	–
Осетины	0,01	0,01	0,01	–
Коми-пермяки	0,01	> 100 чел.	> 100 чел.	–
Таджики	0,01	0,03	0,06	+ 0,05
Финны	0,01	> 100 чел.	> 100 чел.	–
Латыши	0,01	> 100 чел.	> 100 чел.	–
Даргинцы	0,01	0,01	> 100 чел.	–
Эстонцы	0,01	> 100 чел.	> 100 чел.	–
Ингуши	0,01	0,01	0,01	–
Индийцы	> 100 чел.	> 100 чел.	0,03	–
Табасараны	> 100 чел.	> 100 чел.	0,01	–

* *Рассчитано автором.*

При этом, однако, по данным 2020 г. ни у одной из групп представителей этносов, кроме русского, в регионе не превысила 1%, тогда как на рубеже XX–XXI вв. представленность, по крайней мере украинцев и белорусов, на Русском Севере была заметной. Также выявлено заметное, в разрезе всех 2000-х гг., снижение доли татар (волжских), представители сообщества которых с XIX в. постоянно занимали влиятельные позиции в деловой и интеллектуальной жизни Архангельска, а историческая память областного центра до сих пор включает «татарский сектор» исторического мемориального кладбища в центре города [Емельянова 2018; Кулеев 2023; Трошина 1997].

Среди участников ВПН 2020 г. количество представителей финно-угорских этносов в Архангельской области составило 1230 чел. или 0,14% указавших свою национальность. В их число вошли: венгры – 5 чел., вепсы (чудь, чухари) – 18 чел., ижорцы – 3 чел., карелы – 80 чел., коми (в т.ч. зыряне, ижемцы, пермяки, зюздинцы) – 470 чел., марийцы (в т.ч. мари, марий, меря) – 200 чел., мордва (в т.ч. мордвины, мордовцы, мокша, эрзя) – 214 чел., саамы – 2 чел., удмурты – 176 чел., финны (в том числе финны-ингерманландцы) – 22 чел., ханты – 14 чел. и эстонцы – 26 чел.

Данные ВПН 2000-х гг. свидетельствуют о неуклонном снижении в этнической палитре Поморья доли представителей почти всех национальностей (кроме русских), за исключением узбеков, таджиков и индийцев. Появление последних в регионе связано со строительством и ремонтом судов для ВМС Индии в первом десятилетии 2000-х гг., когда в г. Северодвинске поселились несколько десятков офицеров с семьями. В последнее десятилетие присутствие индийцев и рост их количества в г. Архангельске преимущественно связано с политикой Индии по ускоренному наращиванию национального штата медицинских кадров, в т.ч. за счёт подготовки в профильных зарубежных вузах. В 2022 г. в СГМУ обучались порядка 1200 индийцев [Индийские студенты 2022], а в целом представители этой страны в 2000-е гг. постоянно присутствуют в молодёжном социуме г. Архангельска, отмечены также связанные с ними события криминального характера.

Культура и этнокультурная среда Архангельской области

Изначально, с XI–XII вв., культурная среда и наследие Архангельской области, как одной из главных территорий Русского Севера, формировалась на основе многопоколенного синтеза и взаимовлияния культур выходцев из новгородских земель, местных угро-финских племён и переселенцев так называемой «низовой колонизации» [Кадышев 2017]. К концу XV в. это проникновение становится миграцией в целях постоянного заселения новых для русских людей территорий, охватывающих огромный регион вплоть до побережья Белого моря. В процессе освоения обширных регионов Севера пришлым русским населением сложилась новая симбиотическая поморская культура на основе взаимодействия разных культурных компонентов, сложившихся и пришедших в разное время на осваиваемую территорию: лопарской (саамской) – не позже эпохи бронзы, финской (на рубеже новой эры), карельской (на рубеже I и II тысячелетий н.э.), русской – новгородской и ростово-суздальской (XIV–XVI вв.), русского населения других районов России (вплоть до XVIII в.).

Культурное наследие региона, особенно в прибрежных районах, маргинально относительно русской культуры центральных областей России, в силу чего имеет признаки архаизации, что дало ряду научных школ усматривать в Поморье признаки «заповедника» русской культурной традиции, знакомство с которой оказало влияние на всю культуру России конца XIX – начала XX вв. [Шабаев, Жеребцов, Журавлев 2012].

В настоящее время к числу сегментов, определяющих уникальность Архангельской области на карте культурного наследия России и формирующих один из компонентов потенциала развития туризма – это объекты деревянного зодчества, которое на Русском Севере достигло высочайшей степени совершенства, и представляет собой исключительное явление в архитектуре, имеющее мировое значение. При этом в структуре этого сегмента также рассматриваются такие аспекты, как организация расселения, характер архитектуры сел и деревень в различных условиях по руслам рек или по берегам озёр, на берегу Белого моря, обусловленные природными условиями, периодом освоения и происхождением населения. В связи с этим выделяются природно-расселенческие зоны на Кенозере, на берегах Мезени, села Кимжа, Кильце, Козмогородское, Кельчемозеро, сёла Каргополья, где расположены сохраняющиеся ансамбли, включающие не только церкви, но также поселенческую структуру, элементы народного зодчества, удачно сочетающиеся с природным ландшафтом.

Архангельская область исторически развивалась, опираясь на ресурсы монастырской колонизации, при которой монастыри служили очагами распространения православия и опорными центрами поселенческой структуры, вокруг которых формировались «кусты» деревень и сёл. Наиболее известны из 15 мужских монастырей, сохранившихся в современных границах области, – Соловецкий, Антониево-Сийский, Николо-Корельский, Веркольский, Коряжемский. Также хорошо известны ансамбли культовых монументальных сооружений Каргополя и Сольвычегодска, причём архитектура каменных сооружений содержит явные признаки влияния местного деревянного зодчества.

Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, объединивший около 200 памятников, включён в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, а музей под открытым небом «Малые Корелы» внесён в список особо ценных культурных объектов России, в этот же список в 2004 г. включён Кенозерский национальный парк. Всего в области расположены территории четырёх федеральных ООПТ, из них три национальных парка (Кенозерский, включая переданную ему территорию бывшего национального парка «Онежское Поморье», Водлозерский – частично, и «Русская Арктика»), а также Пинежский заповедник. На 01.01.2022 года на территории Поморья на-

ходилось свыше 2200 объектов культурного наследия, принятых на государственную охрану, в т.ч. 520 федерального значения и свыше 1400 регионального, а также 260 выявленных объектов культурного наследия (из них 57 на Соловецком архипелаге).

По насыщенности и значимости памятников истории и архитектуры Архангельская область входит в первую десятку России, а по количеству памятников деревянной архитектуры, которые являют собой высочайшие образцы древнерусского зодчества, занимает первое место в РФ. Историко-культурное наследие является одним из ключевых компонентов потенциала социально-экономического развития региона, с точки зрения результатов его вовлечения в социокультурный оборот в целях туризма, а также существенной основой формирования особой региональной идентичности жителей и развития культурно-образовательной составляющей человеческого потенциала. С другой стороны, имеются препятствия к полноценной реализации рекреационно-туристического потенциала Архангельской области в части объектов наследия, в первую очередь, из-за их неудовлетворительного состояния и транспортной недоступности. Утрачено 22,6% от общего числа объектов, руинировано около одного процента, находится в аварийном состоянии около 15%, в неудовлетворительном состоянии 30%, в удовлетворительном 30%.

Текущая государственная культурная политика Архангельской области исходит из Стратегии государственной культурной политики РФ до 2030 г., Стратегии развития туризма в РФ до 2035 г., региональной Стратегии социально-экономического развития до 2035 г., и осуществляется также в рамках региональных проектов «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура» национального проекта «Культура» и государственной программы «Культура Русского Севера». Приоритеты региональной политики в сфере культуры включают модернизацию инфраструктуры отрасли и материально-технической базы учреждений, укрепление единого культурного пространства, создание условий для творческой самореализации граждан, культурно-просветительской деятельности, внедрение цифровых технологий и реализацию программы «Пушкинская карта».

Современная культурная инфраструктура Архангельской области включает:

– 29 государственных и муниципальных музеев (из них два – федеральные: Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник и Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы»);

– три государственные и 458 муниципальных библиотек, в том числе 371 в сельской местности (17 в структуре культурно-досуговых учреждений), объединенных в 25 библиотечных систем, являющихся юридическими лицами;

– три государственных театра (драматический, кукольный и молодёжный в Архангельске) и два муниципальных театра в Северодвинске и Котласе;

– три концертных учреждения (из них два государственных), в том числе Поморская филармония и Государственный академический Северный русский народный хор;

– один государственный Дом народного творчества и 79 муниципальных культурно-досуговых учреждений (поселенческие дома культуры и клубы) с 285 филиалами.

– 49 негосударственных кинозалов в 15 населенных пунктах, в т.ч. оборудованных в 2019–2021 гг. с привлечением средств федерального бюджета – 10;

– 39 государственных и муниципальных школ искусств (в том числе 29 детских школ искусств, семь детских музыкальных школ, три детских художественных школы, театральная эстрадно-цирковая школа), распределенных равномерно по территории Архангельской области (9 – в сельских поселениях, 31 – в городских округах и городских поселениях);

– два государственных областных учреждения СПО в сфере культуры –Архангельский музыкальный колледж и Архангельский колледж культуры и искусства.

В Архангельской области осуществляют деятельность региональные отделения следующих творческих союзов: «Союз писателей России» (на начало 2022 г. 43 члена), «Союз художников России» (на начало 2022 г. 69 членов, из них один народный художник России, восемь заслуженных художников РФ и три заслуженных работника культуры), «Союз театральных деятелей РФ» (на начало 2022 г. 135 членов), «Союз кинематографистов Архангельской области» (на начало 2022 г. три члена).

Число предметов основного фонда музеев на 01.01.2022 составляет свыше 607 тыс. единиц хранения, степень их экспонируемости в год – 8,9%, требуют реставрации свыше 66 тыс. предметов, годовые темпы реставрации – около 1% фонда. Среднегодовая посещаемость всех музеев региона в начале 2020-х гг. – свыше 1 млн. чел., по программам дополнительного образования в области искусств в начале 2020-х гг. обучались свыше 12 тыс. несовершеннолетних.

Длительная деградация сети объектов культурной инфраструктуры, являющейся одним из главных факторов сохранения человеческого потенциала обширных территорий Севера, является следствием хронического отсутствия или недостаточного финансирования, вызванного низкой бюджетной самообеспеченностью области и её муниципалитетов.

Тем не менее, в начале 2020-х гг. в культурной жизни региона наметились процессы обновления и оживления. Получил общероссийское и международное признание Кинофестиваль стран Арктики «ArcticOpen» (за-

явки из свыше 90 стран, показ свыше 50 картин, 15 площадок по области), который в 2022 г. состоялся в Архангельске шестой раз. В 2021 г. прошёл первый международный кинофестиваль «Свидание с Россией. Территория народного единства» с программой из 55 фильмов, в том числе авторов из Бразилии, Китая, ЮАР и Индии. В регионе увеличивается количество новых музыкальных фестивалей, музейных, художественных и литературных проектов.

В библиотечном секторе осуществляется модернизация учреждений, создание модельных муниципальных библиотек нового поколения. Театры региона участвуют в трёх федеральных проектах («Театры малых городов», «Детские и кукольные театры» и «Большие гастроли»). Важным механизмом развития концертной деятельности в области академической музыки, а также популяризации классического музыкального репертуара стало открытие в Архангельской области виртуальных концертных залов в Северодвинске и Няндоме, в Коряжме, в Архангельском театре драмы.

Архангельская область с XVII в. является постоянно полиэтничным пространством, где совместно с русскими проживали представители народов как из остальной России, так и Европы. Несмотря на исчезающе малое количество граждан, не относящихся к русским в начале 2020-х гг., наличие межнационального гуманитарного взаимодействия и этнокультурного диалога рассматривается сообществом и публичной властью в качестве одного из главных принципов внутренней политики, обеспечивающих привлекательность и конкурентоспособность региона. На протяжении десятилетий в Архангельской области отмечаются межнациональный мир, отсутствие конфликтов и напряжённости на межэтнической почве. Кроме того, к началу 2010-х гг. в целом произошла маргинализация и деактуализация идей так называемого «Поморского возрождения», в том числе в их явном этно-сепаратистском варианте [Шабаев, Подоплекин 2017; Podoplekin 2022; Pyzhova, 2011].

Реализация и координация этнокультурного развития и взаимодействий осуществляются в соответствии со Стратегией государственной национальной политики в Архангельской области до 2025 года от 27.05.2014 г., а также государственными программами Архангельской области в сфере культуры и молодёжной политики. Также в 2020-е гг. действенным инструментом поддержки этнокультурного развития в регионе стали проекты, поддерживаемые в рамках федеральных и региональных конкурсов Фонда президентских грантов и Президентского фонда культурных инициатив.

Организационную структуру этнокультурного развития и межнационального взаимодействия, со стороны публичной власти, в регионе образуют постоянно действующие Совет по межнациональным отношениям при Губернаторе Архангельской области (создан в 2015 г.) и Кон-

сультативный совет по делам национально-культурных автономий и землячеств при администрации Северодвинска (создан в 2013 г.). Численный состав первого 49 чел., в том числе представители органов власти, территориальных органов ФОИВ, национально-культурных автономий и общественных организаций, научного и экспертного сообщества, периодичность заседаний – не реже одного раза в полугодие [Указ губернатора 2015]. Второй состоит из представителей национально-культурных автономий и землячеств МО «Северодвинск», его председатель – мэр Северодвинска [Постановление администрации 2001].

Со стороны гражданского общества ведущая структура в регионе – Ресурсный центр в сфере национальных отношений в Архангельской области, созданный в апреле 2018 г. на базе РОО «Совет национальностей города Архангельска и Архангельской области», существовавшего с 2006 г.

Появление и деятельность последнего стали уникальным феноменом для практически моноэтничного региона, как и всего СЗФО – инициатива ее образования исходила не от органов власти, у истоков стояли предприниматель В. Гауптман и этнограф, общественный деятель Архангельской области и Республики Коми Д.Несанелис. Совет участвовал в разработке концепции государственной национальной политики региона и стратегии государственной национальной политики области до 2025 года, был соорганизатором ежегодного крупного межрегионального Северного межнационального форума. Организация инициировала и поддерживала проведение с 2010 г. акции «Большой круг» – выступлений творческих и этнокультурных коллективов, раскрывающих культурные особенности национальных и этнических групп, празднований Навруза, татарского Сабантуя, Дней армянской, еврейской и польской культуры, международного турнира по мини-футболу «Согласие».

В 2019 г. АНО «Ресурсный центр в сфере национальных отношений в Архангельской области» подписал соглашение о сотрудничестве между правительством региона, общероссийской общественной организацией «Ассамблея народов России» и Советом национальностей города Архангельска и Архангельской области. Основная цель Ресурсного центра – повышение уровня компетенции государственных и муниципальных служащих в вопросах реализации межнационального партнёрства с институтами гражданского общества, повышение уровня квалификации руководителей и членов общественных организаций, национально-культурных объединений в области управления организацией, в развитии проектной деятельности, формировании социального партнёрства и углублении межнационального сотрудничества.

С 2018 г. ежегодно проводятся методические семинары в рамках работы центра в муниципальных образованиях Архангельской обла-

сти, в ходе которых осуществляется консультирование руководителей национально-культурных объединений, землячеств, общественных организаций, работников учреждений сферы образования и культуры Архангельской области. С 2020 г. Ресурсный центр реализует образовательный проект в сфере национальных отношений Архангельской области «Город разных религий», направленный на формирование компетенций школьных преподавателей учебных дисциплин в области истории мировых религий, духовно-нравственной культуры и смежных предметов.

Этнокультурная деятельность по инициативе групп представителей отдельных национальностей Архангельской области реализуется в регионе главным образом в формате национально-культурных автономий (НКА) и общественных организаций: Татарская НКА, местное культурно-просветительское общественное движение «Полония» в г. Котлас, Архангельская областная немецкая НКА «Нордлихьт – Северное сияние, «Немецкая НКА г. Архангельска», областная «Украинская НКА», АРО Общероссийской общественной организации «Союз армян России», «НКА евреев г. Архангельска», «НКА евреев г. Северодвинска», «НКА евреев Архангельской области», местная «Грузинская НКА» г. Архангельска, РОО «Архангельское культурно-просветительское общество «ВИРУ» (Эстония)», «НКА российских немцев города Котласа Архангельской области», НКА ненцев города Архангельска, НКА «Белорусы Архангельска», РОО «Польское культурно-просветительское общество «Полония», «Азербайджанское землячество» Северодвинска, РОО «Азербайджанская диаспора Архангельской области», Региональное общественное движение «Союз коренных малочисленных народов Севера Архангельской области», Союз сотрудничества Архангельской и Вайоц Дзорской областей (Армении), «НКА азербайджанцев города Архангельска», «НКА Азербайджанцев города Котласа Архангельской области».

Все перечисленные объединения региона, под эгидой Совета национальностей города Архангельска и Архангельской области, участвовали в институционализации этнокультурного сотрудничества в публичной сфере через выпуск газеты «Единый мир» (с середины 2000-х гг.), которая была уникальным проектом для СЗФО и практически единственным, за исключением Санкт-Петербурга, СМИ данной тематики. Другим достижением в сфере межэтнического диалога и этнокультурного развития в Архангельской области стало формирование устойчивых каналов и возможностей влияния членов сообществ на принятие политических решений.

В этноконфессиональном измерении Архангельская область также имеет значительное разнообразие. На территории региона осуществляют деятельность 218 религиозных организаций, крупнейшая из них – Ар-

хангельская митрополия РПЦ МП (187 организаций). Также представлены мусульманские, иудейские, протестантские, буддийские, католические и другие организации. Поликонфессиональные муниципальные образования – города Архангельск, Северодвинск, Новодвинск и Котлас. В 2018 г. в Архангельске открыты историческая мечеть, а также самая северная синагога в мире – «Звезда Севера», работающая также как культурно-общинный центр, в 2010 г. установлен памятный армянский знак хачкар, у Камерного зала Поморской филармонии (Кирха) открыта памятная доска к 365-летию основания первого евангелического прихода в городе. По данным ГАУ АО «ЦИОМ» 2022 г., доля граждан, положительно оценивающих состояние межконфессиональных отношений в регионе, составляет 91,1%.

Этноязыковая ситуация и языковое образование в Архангельской области

В силу абсолютной этнической однородности населения Архангельской области, доминирующие позиции в языковой среде занимает русский язык. Согласно трём ВПН в 2002–2020 гг., распространённость владения русским языком населением Архангельской области является практически абсолютной – по данным 2002 г. она превышала 99,8%, в 2010 г. – 98,8%, в 2020 г. – 93,79%.

Согласно данным ВПН 2010 г., 50 тыс. чел. (или 4%) свободно говорили на английском, по 1% – на немецком и на украинском языках. Французский, белорусский и азербайджанский языки знали по 2 тыс. чел., коми и татарский – чуть больше тысячи. Владели армянским 744 чел., молдавским – 728, цыганским – 652, норвежским – 550, польским – 543, финским – 185 чел. Включая русский, тремя языками владели 7,77 тыс. чел., четырьмя – 938 чел. и 1 чел. пятью языками. Не указали владение языками 13,6 тыс. жителей Поморья, или 1,1% от числа всех опрошенных.

Ненецкий язык использовали всего 778 чел., ненцев на территории Архангельской области (с учётом НАО) насчитывалось свыше 7 тыс. чел., при этом по данным ВПН 2010 г., НАО являлся самым русскоязычным регионом РФ. Непосредственно на территории Архангельской области (без учёта НАО), по данным ВПН –2010, только 246 чел. Не указали владение русским, в том числе из числа 2605 азербайджанцев –17, из числа 1042 армян – два, из числа представителей других национальностей не подтвердили владение русским языком пять белорусов, два грузина, один ингуш, пять коми, четыре лезгина, два марийца, один молдаванин, один мордвин, один немец, 74 ненца, два табасаранина, два татарина, два узбека, 20 украинцев, трое чеченцев.

Из числа этнических групп населения региона численностью свыше 100 чел. наиболее низкие показатели владения русским языком, по авторским расчётам, имелись: в 2002 г. – у азербайджанцев (95,8%) и таджиков (94,97%); в 2010 г. – у индийцев (73,91%) и чеченцев (98,74%), в 2020 г. – у армян (98.8%), азербайджанцев (97,36%), грузин (95,24%), таджиков (90,98%) и индийцев (76,28%).

Таблица 123

Этнические группы с численностью свыше пяти человек с минимальными показателями использования русского языка в повседневной жизни по состоянию на 2020 г.

Этническая группа	**Численность**	
	человек	**%**
Индийцы	253	15,42
Китайцы	7	85,71
Таджики	499	89,98
Буряты	30	93,33
Турки	30	93,33
Грузины	147	94,56
Греки	19	94,74
Эстонцы	26	96,15
Лакцы	29	96,55
Азербайджанцы	1290	96,67

Итоги ВПН 2020 г. по Архангельской области включают 96 родных языков, причём в двадцать наиболее распространённых из них входит один, не относящийся к языкам народов РФ или других постсоветских государств (табл. 124).

Таблица 124

Двадцать наиболее распространённых родных языков населения Архангельской области, кроме русского (по итогам ВНП 2020 г.)

Язык	**Доля использующих, %***	**Язык**	**Доля использующих, %***
Украинский	0,157	Узбекский	0,025
Азербайджанский	0,109	Коми	0,012

Язык	Доля использующих, %*	Язык	Доля использующих, %*
Таджикский	0,052	Хинди и молдавский	по 0,019
Татарский	0,046	Чеченский, башкирский и марийский	по 0,011
Армянский	0,042	Грузинский, ингушский и лезгинский	по 0,010
Цыганский	0,042	Табасаранский	0,009
Белорусский	0,033	Кабардино-черкесский	0,008
Чувашский	0,027		

** Рассчитано автором.*

Раскрытые выше особенности этнической структуры Архангельской области, этнокультурной ситуации и положения русского языка в регионе сопровождаются также показателями владения населением другими языками, кроме русского и (или) родного (табл. 125).

Таблица 125

Владение населением Архангельской области другими языками, кроме русского и (или) родного, по итогам ВПН 2020 г. (с долей ≥ 0,001% от числа указавших)

Язык	Доля владеющих, %*	Язык	Доля владеющих, %*
Языки народов России			
Татарский	0,041	Аварский, ингушский, тувинский	по 0,006
Цыганский	0,039	Даргинский, ненецкий, удмуртский	по 0,005
Коми	0,020	Табасаранский	0,004
Чувашский	0,019	Алтайский, дагестанский, карельский, коми-пермяцкий, лакский, талышский	по 0,002

Язык	Доля владеющих, %*	Язык	Доля владеющих, %*
Башкирский	0,011	Бурятский, вепсский, калмыцкий, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, якутский	по 0,001
Чеченский	0,008		
Кабардино-черкесский, лезгинский, марийский, мордовский, осетинский	по 0,007		
Языки (официальные и национальных меньшинств) других постсоветских государств			
Украинский	0,369	Литовский	0,011
Азербайджанский	0,094	Казахский	0,009
Белорусский	0,063	Латышский	0,005
Армянский	0,044	Эстонский	0,004
Таджикский	0,041	Киргизский	0,003
Молдавский	0,027	Туркменский	0,002
Узбекский	0,023	Абхазский и гагаузский	по 0,001
Грузинский	0,016		
Официальные (государственные) языки и языки этносов зарубежных государств (кроме постсоветских)			
Английский	4,244	Румынский и болгарский	по 0,006
Немецкий	0,976		
Французский	0,141	Арабский и корейский	по 0,005
Латинский	0,027		
Испанский	0,024	Иврит и чешский	по 0,003
Норвежский	0,022		
Хинди	0,020	Венгерский, греческий и сербскохорватский	по 0,002
Турецкий и польский	по 0,017		
Итальянский	0,016	Ассирийский, курдский, пушту и словенский	по 0,001
Китайский, шведский, японский	по 0,008		
Финский	0,007		

** Рассчитано автором.*

Как следует из данных в табл. 124, 125, общая распространённость владения английским, немецким и французским языками (из 73 указанных в ходе ВПН) значительно превышает удельный вес тех, кто считает родными два восточнославянских языка, кроме русского. Примечательно также, что процент «владеющих» украинским и белорусским языками почти в два раза выше долей, считающих их «родными».

На описанном фоне закономерно многолетнее, на протяжении десятилетий, отсутствие научного интереса к Архангельской области как пространству языкового многообразия и обучения. В 2000-е гг. языковая ситуация в регионе была исследована лишь в редких единичных работах, причём исключительно как предмет русской филологии, исторической диалектологии и топонимии, русско-карельского, саамского, коми и скандинавского этноязыкового взаимодействия [Плешкова 2003; Плешкова 2005; Мызников 2021]. Также Архангельская область практически не фигурирует в исследованиях, посвящённых вопросам языковой политики субъектов АЗРФ и сохранения языков КМНС [Верещагин и др. 2018; Верещагин и др. 2017; Соколова 2017].

Ещё в середине 2010-х гг. представители Украинской НКА, как одной из самых многочисленных диаспор на территории Архангельской области, отмечали быструю потерю украинцами своей национальной идентичности, иногда уже в первом поколении. В связи с этим они озвучивали пожелания о создании региональных радио- и телепрограмм на национальном языке как способе сохранения украинского языка [Региональный отчет 2015]. Региональные эксперты и исследователи по данным социологических исследований в 2010-е гг. делали выводы об общем снижении интереса большинства этнических меньшинств (за исключением старшей возрастной категории) к сохранению родного языка и участию в публичных этнокультурных мероприятиях.

Отмечалось, что представители этнических меньшинств используют русский как язык повседневного общения не только на работе и в государственных учреждениях и т.д., но нередко и в семейном кругу: «Многие украинцы, белорусы, татары, чуваши, евреи, российские немцы говорят только на русском языке – для них он единственный родной в силу слабого знания или полного незнания языка своей национальности». Как следствие, языковая ситуация в регионе соответствует общему тренду аккультурации этнических меньшинств, утрате барьеров в коммуникации между ними и русским большинством [Зайков и др., 2018а; Зайков и др. 2018б]. В 2022 г. САФУ объявил о запуске с 2023 г. программы преподавания ненецкого языка [Спасти ненецкий язык 2022; Сухановская 2022]. Это единственный пример внедрения языков народов РФ в качестве предмета учебных программ на территории Архангельской области за последние десятилетия.

Специфика социокультурной и гражданской интеграции, состояния региональной идентичности в Поморье

Процессы социальной интеграции в Архангельской области на рубеже 2010–2020-х гг. имеют три главных вектора: социокультурная адаптация иностранных студентов, интеграция и адаптация мигрантов, прибывающих с целями трудоустройства и постоянного проживания в регионе, и формирование гражданской солидарности на уровне поселенческих сообществ.

Иностранные студенты в 2000-е гг. стали стабильной и заметной частью молодёжного сообщества региона (порядка 2 тыс. чел./ уч. год по всем уровням обучения, из около 60 стран всех континентов, кроме Австралии), подавляющая часть их них обучается в Архангельске – на базе головного вуза САФУ и в СГМУ (не менее 1 тыс. чел.). Вузовские программы адаптации включают четыре раздела:

– социо- и медико-психологический (знакомство и принятие образцов, ценностей поведения местного сообщества, выявление физиологических особенностей и выдача рекомендаций по адаптации в климатических условиях севера);

– культурологический (знакомство с местными ценностями, традициями, укладом, обычаями и т.д. через ориентационные недели, сопровождаемые экскурсиями по городу, музеям и достопримечательным местам);

– коммуникативный (освоение местной системы знаков и символов, погружение в русскоязычную среду, знакомство с невербальной системой знаков в процессе заселения и проживания в общежитиях);

– академический (знакомство с национальной системой образования, правилами организации учебно-воспитательного процесса, принятие учебной информации под руководством института тьюторов/ наставников).

Организационная поддержка интеграции и адаптации иностранных обучающихся в вузах Поморья обеспечивается таким формами, как клубы интернациональной дружбы, организующие регулярные адаптационные мероприятия – недели и фестивали национальных культур и кухни (Поморье Fest и др.), тренинги и семинары по правовым вопросам), в том числе с региональными учреждениями культуры (выездные инклюзивные театральные представления для иностранных студентов), мастер-классы по китайской письменности, оригами, туркменским национальным рисункам и плетению оберегов.

С 2020 г. началась интеграция адаптационных программ вузов Архангельска под эгидой структур некоммерческого сектора, предусматривающая внедрение языковой программы «Русский Север» с интерактив-

ным погружением в языковую среду, расширение доступа в музеи и правового просвещения (в т.ч. с целью подготовки иностранных студентов к трудовой деятельности на территории РФ).

С рубежа 2010–2020-х гг. исследователи отмечают рост привлекательности Архангельской области как направления трудовой миграции, главным образом, для выходцев из постсоветских государств [Верещагин 2019]. При этом отмечается спокойное отношение коренного населения к прибытию в регион трудовых мигрантов, основная часть которых прибывает в Поморье из Азербайджана, Армении, Белоруссии, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и украинских территорий. Наиболее часто в качестве места пребывания иностранные граждане выбирают города Архангельск, Северодвинск, Коряжму, а также Приморский, Котласский и Плесецкий районы. Трудовая деятельность осуществляется ими преимущественно в сфере оптовой и розничной торговли, в строительстве, гостиничном бизнесе, общественном питании. Как свидетельствует статистика, миграция, обусловленная привлечением иностранных работников, не создаёт дополнительной напряжённости на рынке труда в Архангельской области, в т.ч. в силу того, что в ней нет предприятий и организаций, привлекающих к трудовой деятельности значительное количество иностранных граждан, которые, в свою очередь, как правило, объединены в мелкие разрозненные рабочие коллективы.

Социальная адаптация и интеграция граждан, прибывающих в Архангельскую область для проживания и работы, осуществляется с участием вузов и структур гражданского общества, среди которых наиболее активны АРО «Благотворительная организация «Рассвет»», АНО «Пульс» и некоторые другие. С осени 2022 г. в САФУ открыта программа повышения квалификации «Межнациональные и межконфессиональные отношения в современной России», предназначенная для формирования у госслужащих и сотрудников государственных органов компетенций, необходимых для укрепления общероссийской гражданской идентичности, сохранения и поддержки этнокультурного и религиозного многообразия народов РФ.

В целом не-адаптированность и слабая интегрированность выходцев из других стран не образует главное содержание проблемы общего низкого уровня гражданской солидарности и интеграции в регионе.

Ряд социологических исследований предоставляют значительное разнообразие мнений населения Поморья о наличии гражданского единства в регионе, состоянии солидарности жителей территорий и статусе региональной идентичности.

В середине 2010-х гг. было выявлено, что характер локальной идентичности (положительный или отрицательный) жителей крупных городов региона определяется глубиной их исторической памяти [Дранни-

кова 2017]. В конце 2010-х гг. социологическими инструментами было показано, что несмотря на активизацию национальной арктической политики, у жителей региона слабо сформирована «арктическая» идентичность, которая заметно уступает их само-осознанию как «россиян», «северян», «жителей поселения и области» [Каторин 2019].

По данным проекта 2021 г., 93% опрошенных были уроженцы региона, при этом понятие «Родина» подразумевало для 25,4% респондентов своё поселение (город, село…, иное место рождения и текущего проживания), для 22,2% – страну рождения, 15,6% – регион рождения и проживания, для 28,6% – это комплексное понятие, подразумевающее всё из перечисленного вместе, а 2,9% отметили, что слово «Родина» для них ничего не значит. Наиболее массовыми вариантами самоидентификации молодёжи Архангельской области (при возможности указать два варианта) являются «Я – житель Архангельской обл.» – 66,3% и «Я – гражданин РФ» – 57,5%. Варианты, предлагающие определить себя, прежде всего, как представителей своей семьи (династии) или своей профессии, получили 35,2% и 22,5% соответственно, как представителей своей национальности или конфессии – 10,8% и 1,0% соответственно [Подоплекин 2022].

В 2021 г. СМИ Архангельской области публиковали данные о «близости поморской идентичности» более чем половины жителей АО (Каждый второй житель 2021 г.). По нашим данным от 2021 г., доля относящих себя к «поморам» – 41%, однако для 34,9% всех опрошенных «поморы» – это все русские Беломорья, для 27,0% – это русские, которые занимались на Севере морскими промыслами, а для 16,2% это неофициальное название всех жителей Архангельской области, и лишь 19% – что это наименование особого этноса.

Один из разделов нашего исследования 2021 г. предоставлял возможность принять или отвергнуть предлагаемые ассоциации с Поморьем как территорией рождения и проживания [Podoplekin 2022]. В этом разделе данные воспроизводят общее представление респондентов о Поморье, в котором оно предстаёт как «оторванный» от центральной России (согласны около 70%), «обделённый вниманием федеральной власти» регион (свыше 72%) с «вялой общественной и культурной жизнью» (свыше 57%). Положительные ассоциации с Поморьем опираются только на историю (согласны свыше 85%), архитектурное (свыше 91%) и природное наследие (свыше 89%), создающее перспективы для развития туризма (свыше 62%), а также на отсутствие «засилья приезжих» (свыше 73%). Но обращает на себя уровень несогласия молодёжи с утверждениями о том, что Поморье – это… «высокие зарплаты» (около 88%), «хорошие перспективы развития экономики» (свыше 71%), «благоустроенные поселения, хорошие дороги» (свыше 91%), «низкий уровень алкоголизма» (свыше 92%), «качественное здравоохранения и ЖКХ» (свыше 87%).

На таком фоне закономерен уровень миграционных настроений (готовности) молодёжи Архангельской области, который является одной из центральных характеристик социальной ситуации не только в данном регионе, но и на Европейском Севере России в целом. Ещё в 2010 г. опрос в Мурманске, Архангельске и Сыктывкаре показал, что треть жителей этих региональных центров хотели бы выехать за пределы своего региона, а среди молодёжи в возрасте 18–25 лет таковых было 51% [Шабаев, Подоплекин 2017]. Исследование в прибрежных поселениях Архангельской области в 2015 г. также зафиксировало, что отъезд планировали или не исключали почти 25% жителей в целом, а в группах 18–29 и 30–39 лет «однозначно планировали уехать» свыше 30% и 11% соответственно [Подоплекин 2016]. Коэффициенты естественного и миграционного прироста по всем поселениям были только отрицательные, доля граждан трудоспособного возраста среди выбывших составляла около 70%, а в отдельных поселениях до 85–100%.

Также серией социологических исследований середины 2010-х гг. подтверждалось, что социально-психологической основой высоких миграционных настроений молодёжи с этих территорий является утрата уверенности в восстановление на них экономической жизни, в возвращение их в число приоритетов пространственного развития России. Поэтому не только в органах государственного и муниципального управления, но и в структурах гражданского общества Архангельской области начинает формироваться понимание крайней актуальности модернизации формы и в целом активизации работы с молодёжью как ключевым фактором развития региона в будущем [Официальный портал 2021]. При этом обретают критическое значение проблемы характера и качества региональной молодёжной политики и взаимодействия государственной власти с соответствующей аудиторией, выявленные нами в Архангельской области в рамках проекта «Исследование социокультурных и социально-политических отношений в Российской Федерации и профилактика деструктивных проявлений в студенческой и молодёжной среде», реализованного также в 2021 г. [Социологи Лавёровского центра 2021].

Среди результатов ранжирования студентами Архангельской области отрицательных сторон в жизни России и региона в ходе анкетирования осенью 2022 г. выявлены, во-первых, значительное доминирование проблем личного благосостояния и социальной защищённости над чисто экономическими, а, во-вторых, двукратное расхождение между долями затруднившихся с ответом на оба вопроса. Также выявлены существенные расхождения в рейтингах отдельных недостатков применительно к РФ в целом и региону, в том числе «коррупции и произвола чиновников» (50,8 и 25,4%), «неисполнения законов, правового беспредела» (19 и 10,9%), «преступности, неуверенности в своей безопасности»

(18,3 и 11,9 %), «межнациональных отношений» (18,3 и 8,8%). С другой стороны, такие проблемы, как высокие цены на продукты, состояние медицинского обслуживания и лекарственного обеспечения, ситуация на рынке труда, наркомания и положение в промышленности и аграрном секторе – представляются респондентами примерно равнозначными – как для России в целом, так и для региона текущего проживания.

Рейтинг осени 2022 г. в части оценки проблем Поморья коррелирует с результатами исследования 2021 г., показавшего высокий удельный вес молодёжи в возрасте 18–35 лет, не согласной с тем, что в регионе качественное здравоохранение и ЖКХ (87,9%), высокие зарплаты (87,9%), благоприятные перспективы развития экономики (71, %), низкий уровень алкоголизма (92,1%) и преступности (63,5%), и в то же время согласных с тем, что Архангельская область – это территория «межнационального мира» (51,1%). В предыдущих проектах нами было показано, что именно такая структура основных проблем региона является ключевым фактором высокой миграционной готовности молодёжи Архангельской области. В 2022 г. около 45% и 34,5% студентов указали, что соответственно, либо являются, либо отчасти считают себя патриотами своего региона. При этом же свыше трети опрошенных скорее всего не свяжут своё будущее с регионом, собираясь «реализовывать свои жизненные планы в более динамично развивающихся городах и регионах», а свыше 11% безусловно отвергли такую перспективу.

Данные других исследований, проводившихся в Архангельской области в 2021–2022 гг., позволяют определить отличия между показателями, характеризующими региональную идентичность и патриотизм, эмоциональную привязанность и оценки состояния различных сфер жизни региона у молодёжи и в среднем по всему населению.

Так, по данным областной Общественной палаты Архангельской области (ОПАО), в 2020 г. жители Архангельской области в равной степени ощущали и не ощущали народное единство: доля первых составила 49,4%, при этом доля тех, кто «точно ощущает» его, сократилась в 1,6 раза в сравнении с 2018 г. В разрезе указанных оснований можно утверждать, что в РФ народное единство существует. Еще 27% респондентов рассматривали народное единство как совместную деятельность с другими людьми, 12,5% указали пандемию COVID–19 и связанное с ней развитие практик помощи окружающим как очевидное проявление гражданского единства и взаимопомощи, а 11,2% отметили, что воочию видят общественную поддержку и взаимовыручку [Ежегодные доклады 2020]. ОПАО в докладе отмечает, что основной причиной разобщённости является индивидуализм, когда позиция членов общества сводится к постулату «каждый сам за себя» – таково было мнение свыше 36% тех, кто отрицательно высказался о народном единстве. Вторую позицию в этой части занял вариант

«экономический разрыв» (15,3%), третью – политический курс (9,6%), способствующий «усилению разобщённости», также представлены варианты «отсутствие поддержки и взаимовыручки» (7,8%), необходимость «постоянно сталкиваться с решением насущных задач, таких как поиск средств к существованию, поиск работы и пр.» (6,2%).

Согласно тем же материалам, свыше 1/3 воспринимали многонациональность России как положительный аспект (35,4%), а 9,1% придерживались обратной позиции, при 47,5% тех, кто придерживался нейтральной точки зрения. Среди сторонников многонациональности была выше доля молодёжи и лиц с декларируемым высоким уровнем доходов, а также респондентов, довольных положением дел в области. Об отрицательном влиянии многонациональности чаще говорили респонденты с низким уровнем дохода и те, кто негативно оценивал ситуацию в Поморье. Среди тех, кто абсолютно не замечал единства, 19,7% были убеждены в негативном влиянии многонациональности.

По данным ОПАО 2021 г., наибольшую обеспокоенность населения вызывали социально-экономические проблемы и транспортная доступность отдельных территорий, первое место заняла проблема здравоохранения – 47,3% указали на недоступность качественной медицинской помощи, 36,5% – низкий уровень доходов, состояние дорог и рост цен на товары и продукты было выбрано в 32,6% и 31,3% соответственно [Ежегодные доклады 2021]. Показательно, что большинство опрошенных направили недовольство на органы местного самоуправления – 36,3%. в целом респонденты главными определяющими условиями успешного развития считают борьбу с коррупцией (29,8%), укрепление контроля за действиями чиновников (26,4%), инвестиции, привлечение федеральных средств и крупного бизнеса (22,1%) и создание условий для сокращения оттока населения (18,8%). По данным того же доклада, треть молодёжи была удовлетворена условиями для развития по месту жительства, а 58,1% не довольны, причём уровень удовлетворённости был значительно выше в городах. В целом большинство молодёжи полагало, что в области не созданы условия для развития потенциала, при этом 64,8% связывали своё будущее с Архангельской областью, причём доля таковых в сельских районах составила 73,1%. Свыше 66% молодых имели средний уровень социального самочувствия, 22,1% – высокий, а 11,4% - низкий.

Общая картина по региону, представленная по данным 2021 г., свидетельствует о том, что большинство респондентов «рады» факту проживания в Архангельской области (63,2%), причём с понижением показателя в городах (59,8%), в частности, в Архангельске 38,2% указали, что «не рады» проживанию в области, а максимальный уровень патриотизма был отмечен в Котласе – 64,9%. Чаще других о своём положительном отношении к проживанию в Архангельской области говорили пенсионеры

(67,2%), тогда как об отрицательном – респонденты среднего и предпенсионного возрастов 30–54 лет (39,5–41,3%). Среди причин гордости за Архангельскую область с большим отрывом лидировал вариант «природа» (21,3%), далее с 13,1% следовали «уникальные люди» и «природные богатства» (10,9%). Поводы, связанные с историей, – «родина кораблестроения», «великие земляки» получили около 8,5% каждый, также были названы варианты «экология», «крупные предприятия», «военная история», «белые ночи», «Белое море», «алмазы».

Доклад той же серии за 2022 г. акцентирует внимание на том, что в регионе чаще других о готовности к смене места жительства говорят граждане 18–24 лет – почти 43% из них не связывают своё будущее с Архангельской областью, по мере повышения возраста респондентов миграционные настроения ослабевают [Ежегодные доклады 2022]. Отмечается, однако, что декларация переезда может быть способом обозначить недовольство ситуацией: реально и практически планировали переезд из региона 14,6%, а 37,7% допускали его для себя, каждый второй сообщил, что не готов к смене места жительства. Наибольшую привязанность к региону показали сельские жители (62,3%), среди горожан показатель находится в пределах от 19,2% до 16,7%. Высокая готовность к миграции из Архангельской области длится до раннего пенсионного возраста, в группе 55–64 лет готовы к смене региона 1/3, а 7,4% практически планируют переезд.

Среди мотивов миграции выделяются два ключевых – «поиск лучшей жизни» и «поиск лучшего климата», указали, что в области низкий уровень жизни (35,8%), не устраивает климат 30,6%. Также среди причин отмечены: неразвитая инфраструктура, недостаток возможностей для самореализации, поиск лучших условий для детей, неблагоприятная экономическая обстановка (20%).

По данным доклада, в регионе меньше возможностей для молодёжи, чем в России (83,7% против 59,4%), 37,7% считают, что в Поморье нет условий для развития молодёжи. Таким образом, показано, что миграционные настроения жителей региона повышенные, особенно в молодёжной среде: лишь 12% в группе 18–24-летних и 25% в группе 25–34-летних намерены остаться в Архангельской области и не думают о переезде, 40% учащейся молодёжи планируют переезд.

Молодёжь Архангельской области: жизненные планы, поведение в языковой среде и региональная идентичность в условиях 2022 г. (по материалам социологического исследования)

В геополитических реалиях 2020-х гг. важнейшим условием эффективной реализации национальных целей России в Арктике становится развитие человеческого потенциала, рассматриваемого, в числе проче-

го, в качестве сообщества носителей государственного суверенитета, национально-гражданской и региональной идентичности. Наличие эмоциональной и осознаваемой связи с территорией проживания, личное тождество с ней рассматриваются как ключевые факторы социально-психологической стабильности регионов АЗРФ, интеграции сфер жизнедеятельности регионального сообщества, устойчивого воспроизводства ответственных кадров для сфер управления и бизнеса.

Идентичность российской молодёжи привлекает стабильное внимание исследовательского и экспертного сообщества. Будучи залогом социально-психологической стабильности, интегрирующим сферы жизнедеятельности регионального сообщества, цельная региональная и гражданская идентичность – это фактор включения молодёжи в местный бизнес, воспроизводства ответственных управленцев, сохранения наследия территорий и регионального брендирования. Специальный интерес к теме определяется и приближающимся доминированием так называемого «переходного» и «постсоветского» поколений в политической, экономической и культурной элите. Общественные эффекты предстоящего в 2025–2035 гг. поколенческого перехода зависят от ценностных установок, моделей поведения и мышления молодёжи, от её этнической, гражданской и региональной идентичности.

В целом Архангельская область, сохраняя межнациональное многообразие и диалог, представляет собой пространство, где предоставляются все возможности для сохранения и воспроизводства культур многих этносов, в том числе не являющихся коренными для России. Основой такого воспроизводства является, в числе прочего, создание условий для сохранения и использования языков коренных народов. Конституция РФ, Стратегия национальной безопасности РФ, Стратегия государственной национальной политики РФ, Стратегия развития АЗРФ, законодательные акты России и субъектов РФ обеспечивают все необходимые для этого нормативные гарантии. Родной язык позиционируется как хранилище культурной памяти этноса, основа его национальной самоидентификации и достояние мировой цивилизации. Как известно, языковой ландшафт РФ отличается уникальным разнообразием.

Приказами Минобрнауки России от 31.12.2015 №№ 1576, 1577, 1578 во ФГОС начального общего, основного общего и среднего общего образования внесены изменения, предусматривающие выделение отдельных самостоятельных предметных областей по русскому языку и литературе, родному языку и литературе с целью реализации в полном объёме прав обучающихся на изучение русского языка, родного языка, включая русский язык, из числа языков народов Российской Федерации. В 2019 г. Минпросвещения России утверждена Концепция преподавания родных языков народов Российской Федерации [Концепция преподавания].

По состоянию на 2020 г., по данным Министерства просвещения РФ, в России около 2 млн детей обучались по образовательным программам по 76 родным языкам в рамках предметных областей «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература». В федеральном перечне учебников были представлены 252 учебника по 15 родным языкам (абазинский, алтайский, башкирский, бурятский, вепсский, карельский, ненецкий, русский, татарский, тувинский, удмуртский, хакасский, хантыйский, чеченский, якутский). В 61 субъекте РФ изучались родные языки народов России, в 24 субъектах в качестве родного изучался русский язык. В некоторых школах республик Башкортостан, Крым, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Татарстан, Чувашия, а также Новосибирской области велось обучение на девяти родных языках (башкирский, крымско-татарский, марийский (луговой), осетинский, татарский, удмуртский, украинский, чувашский, якутский).

Также в 2020 г. в 13 республиках (Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Ингушетия, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия – Алания, Татарстан, Хакасия, Чувашия) в 2019–2020 уч. году в общеобразовательных организациях в качестве самостоятельного учебного предмета изучали 16 государственных языков республик (адыгейский, алтайский, башкирский, бурятский, ингушский, коми, крымско-татарский, украинский, марийский (горный), марийский (луговой), мокшанский, эрзянский, осетинский, татарский, хакасский, чувашский). Работа с дошкольниками на 50 родных языках проводилась в 37 субъектах РФ. По состоянию на указанный год в Реестре примерных основных общеобразовательных программ размещены 140 программ учебных предметов «Родной язык», «Литературное чтение на родном языке», «Родная литература» по 30 языкам (абазинский, аварский, адыгейский, алтайский, башкирский, бурятский, вепсский, даргинский, кабардино-черкесский, казахский, карачаево-балкарский, карельский (карельское наречие), карельский (ливвиковское наречие), коми, крымско-татарский, кумыкский, лакский, лезгинский, мокшанский, русский, табасаранский, татарский, удмуртский, украинский, финский, хакасский, чеченский, чувашский, эрзянский, якутский).

В декабре 2022 г. на I Всероссийском съезде учителей родных языков народов Российской Федерации, организованном Минпросвещения России, было принято решение о создании Ассоциации школ с изучением языков коренных малочисленных народов.

В то же время Архангельская область, ввиду высокой этнической однородности населения, не входит в число субъектов, для которых вопрос преподавания языков народов России в рамках школьных программ, равно как и преподавания неязыковых предметов на таких языках, являлся бы актуальным. Согласно «Данным мониторинга сохранения и развития родных языков народов РФ в части изучения родных языков в дошколь-

ных и общеобразовательных организациях РФ» Минпросвещения России, в школах Архангельской области преподавание языков народов РФ, равно как и предметов на них, не осуществляется.

Отмеченная низкая актуальность для системы образования Архангельской области вопросов преподавания родных языков народов России проявляется, в частности, в том, что данная тематика не входит в круг научных интересов даже для соответствующих профильных специалистов вузов и учреждений повышения квалификации учителей Поморья. В 2022 г. в рамках проекта Минпросвещения России «Проведение серии мероприятий «Языки народов России в системе общего образования Российской Федерации» Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей провела 12 семинаров-совещаний, мероприятия прошли в том числе в республиках Коми и Карелия, Ненецком автономном округе и Архангельской области. В течение 2020–2022 гг. проект охватил все субъекты РФ. Однако материалы, представленные профильными специалистами Архангельской области, касались только ненецкого языка и фольклорных произведений на нём как источника для соответствующих исследований или образовательного пособия в школах НАО.

В Архангельской области социологическое исследование по комплексу проблем, связанных с жизненными планами молодёжи региона, её поведением в языковой среде и региональной идентичностью (Проект), проходило 01–13.12.2022. Опрошены 306 граждан РФ в возрасте 16–19 лет, проживающих в городах Архангельск и Северодвинск, а также в поселениях двух административных округов (бывших муниципальных районов) данного субъекта РФ. Преимущественную часть респондентов составили студенты двух государственных вузов – САФУ и СГМУ.

Отметим, что в 2021–2022 гг. в архангельской агломерации (одном из двух в АЗРФ, наряду с Мурманском, «университетских» центров и очагов наибольшей удельной концентрации городской молодёжи) уже проходили социологические обследования, проводившиеся параллельно в нескольких регионах под эгидой ЦСПИИТ РГГУ. Особо учитывалось, что несколько поколений молодёжи Европейского сектора АЗРФ с 1990-х гг. были объектами трансграничных гуманитарных и образовательных программ в рамках БЕАР и «Северного измерения ЕС».

Согласно статистике и материалам Всероссийской переписи населения (ВПН) – 2020, доли молодёжи дееспособного возраста 18–35 лет и 18–24 лет в общей численности россиян составляют примерно 23% и 7% соответственно[3]. В разрезе девяти крупнейших городов АЗРФ доля

[3] Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Таблица 1. Население по возрасту и полу [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения 01.05.2023).

граждан 18–35 лет в их населении варьируется от более 15% для Северодвинска до свыше 26% – для Нового Уренгоя (табл. 126). Совокупно доля молодёжи дееспособных возрастов всех девяти городов во всём городском населении и в общей численности жителей АЗРФ составляет соответственно ок. 13% и 11%.

Таблица 126

Численность молодёжи средних, больших и крупных городов АЗРФ (по данным Росстата на 01.01.2022)

Город	**Доля горожан 18–35 лет, % ***				**Доля горожан 18–24 лет, %***	
	населении города	**городском населении территорий АЗРФ в составе соответствующего субъекта РФ**	**гор. населении АЗРФ**	**населении АЗРФ**	**молодёжи города 18–35 лет**	**в населении города**
Архангельск	25,5	14,9	3,8	3,3%	32,4	8,3
Воркута	16,5	8,8	0,5	0,4%	41,2	6,8
Мурманск	21,4	8,9	2,6	2,3%	29,7	6,3
Нов. Уренгой	22,8	5,7	1,2	1,0%	30,7	7,0
Норильск	26,3	23,1	2,1	1,8%	28,9	7,6
Ноябрьск	22,4	5,2	1,1	0,9%	33,4	7,5
Салехард	24,5	2,7	0,5	0,5%	27,8	6,8
Северодвинск	15,4	4,7	1,2	1,1%	43,1	6,6

** Рассчитано автором.*

На 01.01.2022 г. жители 18–35 лет Архангельска и Мурманска – это соответственно 3,4% и 2,3% всего населения Российской Арктики (рассчитано автором). В агломерации Архангельск – Северодвинск молодёжь дееспособных возрастов образует свыше 4,4% всего населения АЗРФ, а граждане 18–24 лет составляют соответственно 8,3% и 6,6% от всего населения этих городов (28,3 и 11,9 тыс. чел.). Доли возрастной группы 18–24 лет в городском /совокупном населении АЗРФ составляют для Архангельска почти 1,3%/ 1,1%, для Северодвинска 0,5%/0,4%, а для Мурманска (17,7 тыс. чел.) 0,8% / 0,6%. Архангельск с агломерацией, и в меньшей степени Мурманск, имеют наибольшие в АЗРФ удельные показатели молодёжи 18–35 лет на поселение.

Подавляющая часть опрошенных в декабре 2022 г. (свыше 97%) проживают в городских поселениях, что соответствует показателям государ-

ственной статистики о пространственном распределении молодёжи Архангельской области, согласно которым её наибольшая доля проживает в пяти городах региона. 54,6% респондентов – женского пола.

Региональная идентичность и жизненные планы (декабрь 2022 г.)

Одна из особенностей демографической ситуации Архангельской области, с её сложными природно-климатическими, экономическими и социально-бытовыми условиями, это низкая привлекательность региона как направления миграционных притоков. Данное обстоятельство обуславливает высокую «укорененность» местного населения – значительная его часть – как правило, потомки местных жителей во втором и более поколениях. По данным опроса, подавляющее большинство его участников (свыше 82%) проживают в данном регионе всю или почти всю жизнь (табл. 127), и в данном случае примечательно расхождение показателей со средними итогами по ВПН 2002–2020 гг. (табл. 118). Исследование региональной идентичности молодёжи в 2021 г., охватившее жителей региона в возрасте 18–35 лет, показало, что 93% из них были уроженцами Архангельской области, а в возрастной группе 18–23 лет доля таковых превысила 95%.

Таблица 127

Длительность проживания опрошенных, %
(опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Всю или почти всю жизнь	82,7
Затрудняюсь ответить	12,1
Несколько лет	5,2

Также в 2021 г. было выявлено, что понятие «Родина» подразумевало для 25,4% поселение (город, село), где родился и проживает респондент, для 22,2% – страну рождения, 15,6% – регион рождения и проживания, для 28,6% – это комплексное понятие (всё из перечисленного вместе), а 2,9% отметили, что слово «Родина» для них ничего не значит. Для 20,4% самой молодой части респондентов (18–23 года) понятие «Родина» было равнозначно стране рождения, для 42,6% оно идентифицировалось как поселение или регион происхождения, а свыше 28% отмечали, что это и поселение, и регион, и страна рождения. По данным опроса декабря 2022 г. (табл. 128), тезис «Родина – это моя страна

Россия» близок почти трети (свыше 32%) участников. В совокупности 59,5% участников считают своей родиной не страну, а конкретное место рождения или проживания (своего или предков).

Таблица 128

Что для вас Родина, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Моя страна – Россия	32,4
Место моего рождения	32,4
Место, где я прожил большую часть моей жизни	21,2
Там, где я сейчас живу	5,9
Место, где жили мои предки	4,9
Другое	3,3

При этом свыше 3/4 респондентов считают, что во взаимодействии с социальным окружением их следует идентифицировать преимущественно как граждан определённого государства, тогда как в качестве представителей региона – втрое меньше, а как носителя этнической принадлежности – чуть свыше 11% (табл. 129).

Таблица 129

Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни – как гражданина России или как представителя отдельной национальности, или как жителя определённого региона, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (возможны нескольких вариантов)	**%**
Как гражданина страны	76,5
Как жителя моего региона	24,5
Как представителя отдельной национальности	11,4
Другое	11,8

Для сопоставления: в 2021 г. наиболее массовыми вариантами самоидентификации молодёжи Архангельской области (при возможности указать два варианта) стали «Я – житель Архангельской области» (66,3%) и «Я – гражданин РФ» (57,5%), вариант, связанный с национальностью, набрал 10,8% выборов, при этом наиболее массово выбранным вариантом самоидентификации стал «Северянин» (84,8%). Близкие к этому

значения обнаружены также в разрезе возрастных и территориальных групп.

В декабре 2022 г. (табл. 130) считают себя патриотами своего региона менее 54%, свыше трети однозначно не считают себя таковыми, при достаточно высокой доле тех, кто не смог определиться (свыше 12%). для сравнения, более разновозрастные и в среднем более старшие респонденты осенью 2022 г. показали несколько иные результаты: около 45% и 34,5% из них указали, что соответственно либо являются, либо отчасти считают себя патриотами своего региона. При этом же свыше трети опрошенных отметили, что скорее всего, не свяжут своё будущее с регионом, собираясь «реализовывать свои жизненные планы в более динамично развивающихся городах и регионах», а несколько более 11% безусловно отвергли такую перспективу. Доля затруднившихся с однозначным ответом также была существенна (более 19%).

Таблица 130

Считаете ли вы себя патриотом своего региона, %
(опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Да, конечно, считаю	53,6
Нет, не считаю	34,0
Трудно сказать	12,1
Другое	0,3

Результаты опроса декабря 2022 г. подтверждают наличие существенного пробела в состоянии региональной самоидентификации российской молодёжи, а именно достаточно невысокой привязанности к региону своего проживания. Факторами такого положения вещей, подтверждаемого в российских регионах сериями социологических исследований, являются низкий уровень (в субъективном восприятии) горизонтальной солидарности жителей и структура проблем социально-экономического и политического характера, определяющих неудовлетворённость жизнью в субъекте РФ и степень психологической готовности или желания мигрировать из него.

По данным из таблицы 131, менее половины респондентов рассматривают жителей Архангельской области как сообщество, объединённое общими интересами и традициями, при том, что более трети вообще не смогли определиться с однозначным ответом. В то же время имеются основания предполагать, что осознание наличия такого единства прямо связано с продолжительностью личного жизненного и профессионального опытов.

Таблица 131

Можно ли говорить о том, что жители вашего региона – это единое и сплочённое сообщество, у которого есть общие интересы и традиции, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Да	46,1
Нет	18,0
Затрудняюсь ответить	35,9

Как было выяснено в ходе анкетирования молодёжи Архангельской области осенью 2022 г., в молодёжной (студенческой) среде имеется значительное доминирование проблем личного благосостояния и социальной защищённости над чисто экономическими, а, во-вторых, двукратное расхождение между долями затруднившихся с выбором вариантов ответа на вопрос о волнующих российских и региональных проблемах (табл. 132). Существенны были расхождения в рейтингах отдельных недостатков применительно к РФ в целом и региону, в том числе «коррупции и произвола чиновников» (50,8 и 25,4%), «неисполнения законов, правового беспредела» (19 и 10,9%), «преступности, неуверенности в своей безопасности» (18,3 и 11,9%), «межнациональных отношений» (18,3 и 8,8%). С другой стороны, такие проблемы, как высокие цены на продукты, состояние медицинского обслуживания и лекарственного обеспечения, ситуация на рынке труда, наркомания и положение в промышленности и аграрном секторе представляются респондентам примерно равнозначными – как для России в целом, так и для региона текущего проживания.

Таблица 132

Явления в России и регионе, оцениваемые как недостатки, вызывающие беспокойство (опрос, проведенный в декабре 2022)

Вариант ответа (выбор до трёх вариантов)	**В России, %**	**В регионе, %**
Коррупция, произвол чиновников	50,8	25,4
Высокие цены на продукты и товары первой необходимости	46,8	46,8
Состояние медицинского обслуживания, обеспечение лекарственными препаратами	43,7	48,7

Вариант ответа (выбор до трёх вариантов)	В России, %	В регионе, %
Ситуация на рынке труда, опасность потерять работу или не найти достойное рабочее место	39,2	33,3
Неуверенность в завтрашнем дне, невозможность планировать свою жизнь	24,9	19,0
Отсутствие порядка, бездействие властей	22,3	12,8
Неисполнение законов, правовой беспредел	19,0	10,9
Преступность, неуверенность в своей безопасности	18,3	11,9
Межнациональные отношения	18,3	8,8
Наркомания	17,3	16,9
Состояние дел в промышленности и сельском хозяйстве	14,0	18,1
Затрудняюсь ответить	6,2	12,4

Жизненные планы и стратегии российской молодёжи являются одним из центральных объектов социологических исследований, причём нередко отмечается, что для студентов темы профессионального самоопределения, высокого уровня доходов и социальной престижности имеют болезненный характер. В ходе исследований, проведённых в России, показано, что важнейшая причина высокого спроса на высшее образование – не столько желание стать профессионалом в какой-то одной сфере, сколько понимание оного как «пропуска в мир достойных карьерных перспектив», при этом крайне конкурентного. Отсюда и соответствующие ожидания от будущего трудоустройства – высокая оплата труда и интересная работа, гарантии карьерного роста и возможности самореализации, при отсутствии оптимизма в отношении на трудоустройства по специальности.

Сравнительными исследованиями установок у обучающихся вузов подтверждалось, что у студентов сформировался очевидный крен в сторону утилитаризма и демографических установок, т.е. наиболее значимыми показателями личного успеха стали создание семьи и рождение детей, высокий уровень дохода и экономический статус, наличие собственного жилья. В целом опрошенные показывали ближнесрочный характер жизненного планирования – оно простирается на перспективу, включающую лишь окончание учебы, получение постоянной работы или продолжение обучения.

Анкетирование студентов архангельских вузов осенью 2022 г. показало примерно схожие ориентации: в планах у совокупно более 84% опро-

шенных до достижения 30-летнего возраста значатся такие ориентиры, как: окончание учёбы, заработок и карьерное продвижение, работа и повышение доходов для приобретения жилья и создания семьи (табл. 133).

Таблица 133

Приоритеты жизненного планирования молодёжи
до 30-летнего возраста, % (опрос, проведенный в декабре 2022)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Закончить учёбу остальное – потом	43,5
Работать и хорошо зарабатывать, чтобы купить жильё и создать семью	27,8
Зарабатывать деньги делать карьеру остальное – потом	13,1
Жить в своё удовольствие, ни о чём не думая	6,2
Заняться творчеством, культурными проектами	2,6
Я ещё не определился (не определилась) со своими жизненными планами	2,1
Заняться политикой	1,9
Рискнуть и создать свой бизнес	0,7

Исследование декабря 2022 г., охватившее в среднем более молодую аудиторию (до 19 лет), также показывает, что в совокупности проблем, волнующих её, абсолютный приоритет отводится таким, как будущее трудоустройство и получение образования (табл. 134), а также общую тревожность по поводу «положения дел» в РФ (свыше 43%). При этом в обоих исследованиях показан примерно одинаковый уровень беспокойства по таким вопросам, как преступность и межнациональные отношения.

Таблица 134

Проблемы, волнующие опрошенных в наибольшей мере, %
(опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (возможны нескольких вариантов)	**%**
Будущее трудоустройство	59,8
Получение / завершение образования	52,3
Положение дел в стране	43,8
Сохранение здоровья	33,3

Варианты ответа (возможны нескольких вариантов)	%
Состояние межнациональных отношений	23,2
Отношения с друзьями, приятелями	22,2
Проблемы с безопасностью / ростом преступности	19,9
Взаимоотношения с членами семьи	18,6
Положение родного языка, проблемы культурного развития	7,8
Затрудняюсь ответить	3,3
Никакие	2,6

Различные социологические проекты 2010 – начала 2020-х гг., проводившиеся на Европейском Севере России, неизменно указывали на высокую миграционную готовность местного населения, в первую очередь молодёжи. Данный факт, как отмечалось исследованиями, формирует один из главных рисков для перспектив сбалансированного развития регионов, выражающийся в утрате населения трудоспособных возрастов.

Опрос, проведенный в декабре 2022 г., подтвердил сохранение указанного тренда (табл. 20): 42,5% респондентов однозначно планируют отъезд из региона (при этом необходимо учитывать, что данный выбор мог быть также сделан несколькими студентами из стран СНГ, также принимавшими участие в опросе). В то же время примечательно, что свыше 1/3 участников анкетирования не смогли выбрать однозначный ответ.

Таблица 135

Планируете ли вы уехать в другой регион России или другую страну на длительный срок или на постоянное жительство, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	%
Да, в другой регион России	27,5
Да, в другую страну	15,0
Нет	23,9
Затрудняюсь ответить	33,7

На уточняющий вопрос о направлениях отъезда было представлено 118 ответов. Российские регионы и города, указанные респондентами в качестве таковых, включают Москву и Санкт-Петербург, а также Московскую и Ленинградскую области (свыше 20%), Калининград и Краснодарский край, республика Карелия, Ярославль и Владимир, Вологда, Казань, Ямал, Новосибирск, Пермский и Приморский края, Ростовская

и Свердловская области. Планируемые или желаемые направления зарубежной миграции включают в первую очередь Германию, Норвегию и Финляндию, а также США, Нидерланды, Аргентину, Беларусь, Китай, Испанию, Канаду, Данию, Мальту, Чехию, Турцию и Швецию. Более 10% ответов в этой части содержали «Пока не знаю/ пока не определился» или т.п., что указывает на наличие твёрдого желания уехать, но без до конца оформившейся цели.

Из всего числа респондентов 203 чел. дали уточнение причин своего желания уехать из региона (табл. 136). Наиболее распространённая причина (от 26,1% до 33,0% указаний) так или иначе мотивирована желанием иметь возможности в сфере работы, карьерного роста и достойного заработка (табл. 21). Почти 30% получил вариант, указывающий на желание хорошего образования, что представляется возможным связать с участием в опросе не только студентов. Совокупно 14,0% выбора связано с неудовлетворённостью «будущим» или «культурной средой» региона, а 6,4% – с неприятием Архангельской области на эмоциональном уровне («Здесь для меня всё чужое»). Полученные детализации для варианта «Другое» включали уточнения «больший комфорт и окружающие красоты», «климат, природа» (три раза), «на старости лет куда-нибудь южнее хочется», «привлекает культура страны», «после 50 мне в России делать нечего», «страна хорошая, дружественная!», «создать семью», «там живут мои родственники», «хочу город потише и потеплее».

Таблица 136

Причины, побуждающие желание уехать из региона, %
(опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (нескольких вариантов)	**%**
Хочу жить в большом городе, где много возможностей для работы и досуга	33,0
Хочу делать карьеру, а в нашем регионе нет перспектив карьерного роста	30,5
Хочу получить хорошее образование	29,1
Хочу найти хорошую работу и хорошо зарабатывать	26,1
Не вижу будущего у нашего региона	8,4
Здесь для меня все чужое	6,4
Меня не устраивает культурная среда нашего региона	5,6
Другое	9,0
Затрудняюсь ответить	23,6

Приведённые в этой части данные подтверждают результаты предыдущих проектов, согласно которым именно такая структура основных проблем региона является ключевым фактором высокой миграционной готовности молодёжи Архангельской области. В исследовании осенью 2022 г. около 45% и 34,5% студентов указали, что соответственно, либо являются, либо отчасти считают себя патриотами своего региона, свыше трети опрошенных отметили, что скорее всего не свяжут своё будущее с регионом, собираясь «реализовывать свои жизненные планы в более динамично развивающихся городах и регионах», а свыше 11% безусловно отвергли такую перспективу (табл. 137). В этом же контексте примечательны доли студентов, затруднившихся с однозначным ответом.

Таблица 137

Связываете ли Вы своё собственное будущее с будущим вашего региона, % (опрос, проведенный в декабре 2022)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Скорее всего, нет, ибо я собираюсь реализовывать свои жизненные планы в более динамично развивающихся городах и регионах	36,3
Да, безусловно, я хотел бы здесь жить и работать	33,3
Нет, безусловно, ибо здесь я не вижу никаких перспектив для себя	11,2
Затрудняюсь ответить	19,2

Ключевым фактором устойчивости эмоциональной связи жителей с территорией проживания как компонента локальной и региональной идентификации, является комплекс и соотношение их положительных/отрицательных убеждений относительно региона как пространства культурной, социальной и экономической жизни. Данные в этой части опроса также перекликаются с показателями, полученными в ходе обследования 2021 г., когда респондентам была предоставлена возможность принять или отвергнуть предлагаемые ассоциации с Поморьем как территорией рождения и проживания. В общем представлении респондентов о Поморье оно предстаёт как «оторванный» от центральной России (согласны около 70%), «обделённый вниманием федеральной власти» регион (свыше 72%) с «вялой общественной и культурной жизнью» (свыше 57%). Положительные ассоциации с Поморьем опирались только на историю (согласны свыше 85%), архитектурное (свыше 91%) и природное наследие (свыше 89%), создающее перспективы для развития туризма (свыше 62%), а также на отсутствие «засилья приезжих» (свыше 73%). Обращал на себя уровень несогласия молодёжи с утверждениями о том, что По-

морье – это… «высокие зарплаты» (около 88%), «хорошие перспективы развития экономики» (свыше 71%), «благоустроенные поселения, хорошие дороги» (свыше 91%), «низкий уровень алкоголизма» (свыше 92%), «качественное здравоохранения и ЖКХ» (свыше 87%).

На таком фоне закономерен уровень миграционных настроений (готовности) молодёжи Архангельской области, который является одной из центральных характеристик социальной ситуации не только в данном регионе, но и на Европейском Севере России в целом. Ещё в 2010 г. опрос в Мурманске, Архангельске и Сыктывкаре, показал, что треть жителей этих региональных центров хотели бы выехать за пределы своего региона, а среди молодёжи в возрасте 18–25 лет таковых было 51%. Исследование в прибрежных поселениях Архангельской обл. в 2015 г. также зафиксировало, что отъезд планировали или не исключали почти 25% жителей в целом, а в группах 18–29 и 30–39 лет «однозначно планировали уехать» свыше 30% и 11% соответственно. Коэффициенты естественного и миграционного прироста по всем поселениям были только отрицательные, доля граждан трудоспособного возраста среди выбывших составляла около 70%, а в отдельных поселениях до 85–100%.

Этническая (национальная) и гражданская идентичность, языковая ситуация

Вопросы этнической (национальной) идентичности и межнациональных отношений в Поморье прочно вошли в число объектов научного интереса социологов, политологов и историков чуть менее 20 лет назад. К причинам этого внимания следует отнести гомогенный этнический состав населения, не претерпевший существенных изменений в условиях внешнего миграционного притока в РФ в 2000-е гг. из новых государств Центральной Азии (одна из шутливых характеристик Архангельской области – «там до сих пор можно встретить русских дворников»), а также актуальность методов поддержания социально-политической стабильности на стратегически значимых территориях Арктической зоны РФ, особенно в ее Европейском секторе.

Исследования последних 20 лет показывают общую стабилизацию межнациональной проблематики в Поморье. В конце 2003 – начале 2004 гг. при ответе на вопрос «Кем Вы себя считаете, прежде всего?» самыми популярными ответами были: «Самим собой» (81%) и «Русским» (87%), а варианты «Верующим» и «Гражданином РФ» были выбраны лишь 24% и 27% респондентов соответственно. 32% заявили, что государство должно обеспечить, прежде всего, права и интересы русских и православных (26% в 2001 г.). Признались в том, что национальная принадлежность другого человека влияет на выбор знакомств у 26% ве-

рующих, друзей – у 31%, жилья – у 35%; при решении вопроса о браке – у 31% (а у женщин –58%), браке родных – у 29%.

В 2008 г. в рамках проекта Минрегионразвития России 69,8% [Шабаев, Подоплекин 2011] признали многообразие и непохожесть жителей России, однако национальность стала лишь третьим критерием, по которому граждане РФ различаются, уступив социальным критериям. Национальность как фактор, определяющий восприятие окружающих, выступила причиной отрицательного отношения к другому человеку в 15,5% случаев, а положительного – в 14,6% случаев. При этом было подтверждено в целом положительное или нейтральное отношение к иммигрантам в регионе, а проблемы межнациональных, межрелигиозных, или связанных с ними отношений в общем рейтинге заняли лишь места ниже 29-го. Положительное или нейтральное отношение к межнациональным бракам подтвердили 73,99%.

Значительная часть жителей Архангельской области в 2008 г. осознавала себя российскими гражданами на основании того, что Россия для них является в первую очередь местом рождения и проживания, с которым сохраняется эмоциональная связь, где сформировалось ближайшее социальное окружение, имеется соответствующая языковая и культурная принадлежность. В существенно меньшей степени таковыми основаниями служили гражданство и этническое происхождение. 52,85% указали свою готовность называть себя «россиянами» независимо от национальности, но при этом менее четверти признали фактическое существование российской нации как данности, а в совокупности 32,97% полагали, что для её формирования потребуется ещё от нескольких лет до десятилетий [Шеломенцев и др. 2018].

Опрос молодёжи в 2021 г. выявил, что собственная этническая принадлежность не интересует 16,5%, при том, что около 57% респондентов уверенно относили себя к какому-либо этносу, а затруднялись с самоидентификацией около 27%. Из числа уточнивших свою национальность (34,6% всех респондентов) свыше 74% указали «русский». 70% полагали данную принадлежность («национальность») наследуемым признаком, но большинство из них считали вторым главным критерием гражданство (33,7%), культуру (33%) и самосознание (свыше 25%). Среди знавших свою этническую принадлежность отмечен высокий уровень знания компонентов этнической культуры: знакомы с народными песнями и танцами 65%, праздниками, традициями, обрядами и кухней свыше 67%, одеждой – 85%, предметами быта 80%, но степень использования перечисленного (или участия) в разы ниже.

Опрос молодёжи в рамках настоящего исследования в декабре 2022 г. выявил схожие, в отдельных частях, показатели. Так, происхождение по предкам по-прежнему занимает главенствующее положение в интер-

претации понятия «национальность», а второе – третье места с 35,6% и 4,6% отводятся языку с культурой и гражданству соответственно (табл. 138).

Таблица 138

Понимание респондентами слова «национальность», %
(опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Происхождение по родителям и предкам	45,1
Язык, культура	35,6
Гражданство	4,6
Место рождения	2,9
То, что в советские времена значилось в паспорте	2,6
Другое	9,2

Из числа опрошенных в декабре 2022 г. почти 80% указали принадлежность к русскому этносу (табл. 139), а по 3,9% выбрали «россиянин» или затруднились с ответом. В числе 2%, приходящихся на смешанную этничность («русский и …») представлены варианты «русская/ татарка» (два раза), «украинец, грек, русский», «русский, татарин, чуваш», «русский/ литовец», «русский/ поляк». В 10,8%, приходящихся на вариант «Другая национальность», входят «помор» (пять указаний), «аварец», «азербайджанец», «белоруска», «гречанка», «коми-зырянин» (два раза), «народ Прибалтики», «немец», «польский еврей», «якут», «таджик», «татарин», «туркмен», «узбек», «чеченец», «чуваш».

Таблица 139

Этническая (национальная) самоидентификация респондентов
по личному самоощущению, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответов (выбор одного)	**%**
Русский	79,4
Россиянин	3,9
Смесь «русский и ...»	2,0
Другая национальность	10,8
Нет ответа, затрудняюсь	3,9

В 2003–2004 гг. выявленный уровень «бытового» национализма, выражавшегося в негативном отношении к «нерусским и неправославным», составил 28% (21% - в 2001 г.), возможность брака с представителем другой национальности и религии отвергали 34%. В ходе массового опроса в Архангельской области в 2015 г. 22% респондентов отметили, что в городе или на территории их проживания не имеется национальной напряжённости, а риск возникновения насильственных межэтнических конфликтов также оценивался как низкий.

В 2021 г. доли тех, кто подтвердил, что «Национальность человека… в принципе не интересует» при выборе вариантов для ситуаций: «Влияет ли … на Ваше личное отношение к другому человеку его этническая принадлежность?», «Допускаете ли … для себя возможность брака с человеком иной национальности?» и «Возможен ли … отказ от предложенной … новой работы из-за того, что руководитель иной национальности?» составили 24,4%, 22,9% и 26% соответственно. Этническая принадлежность была значима при определении отношения к другому человеку для 7%, при принятии решения о браке для 16,2%, не допускают для себя брак с человеком иной национальности около 8%, допускают отказ от новой работы из-за национальности руководителя (работодателя) 2,5%.

Исследование 2021 г. предусматривало оценку частоты, с которой респонденты сталкиваются с агрессией в свой адрес по этническому признаку, а также степени и места личной неприязни, испытываемой к другим людям в связи с их национальностью. Было установлено, что такого рода критерий не входит в число главных причин агрессии против молодых людей (менее 10%), тогда как наиболее частым поводом становились физические данные или внешний вид.

Согласно результатам, полученным в декабре 2022 г., 35,0% представителей нижней возрастной группы молодёжи Архангельской области оценивали межнациональные отношения как «нормальные» (табл. 140), как «очень хорошие» – 18,6%. Как напряжённые или недостаточно удовлетворительные их оценили 11,1%.

Таблица 140

Оценка состояния отношений между людьми разных национальностей в регионе, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Нормальные	35,0
Бывает по-разному	27,1
Отношения очень хорошие	18,6

Варианты ответа (выбор одного)	%
Могли бы быть лучше	8,8
Считаю, что отношения очень напряжённые	2,3
Затрудняюсь ответить	8,2

Учитывая изложенное выше (в том числе п. 4, табл. 123, 124), закономерно, что наиболее распространённым, по знанию и использованию, языком в Архангельской области является русский. Согласно данным опроса декабря 2022 г., признали родным русский язык свыше 93% молодых людей, а для 2,6% таковым является иной язык (табл. 141).

Таблица 141

Родной язык респондентов, %
(опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	%
Русский язык	93,5
Два языка или более	2,9
Язык своего народа	2,6
Затрудняюсь ответить	1,0

Следующий аспект опроса затрагивал одно из ключевых понятий социолингвистики и этнологии – «родной язык», которое интерпретируется через несколько различных критериев, в число которых входят ход и тип усвоения («родной язык» как первый и освоенный без специального обучения, от родителей – носителей языка), качество применения («родной язык» как средство мыслительной деятельности), распространённость применения, наличие эмоциональной связи («родной язык» как эмоционально самый близкий). Язык, используемый для коммуникации и мыслительной деятельности, является одним из основополагающих признаков для этнической (национальной) самоидентификации.

В 2022 г. более половины молодых людей Архангельской области признали указанный ими язык родным на основании того, что на нем они научились говорить, а 15,4% отметили, что это язык, на котором они думают (табл. 142). На признание родства языка «как наследия» (варианты «часть культурного наследия» и «язык, на котором говорили мои предки») пришлось 21,5%.

Таблица 142

Почему названный язык Вы считаете родным, %
(опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Это язык, на котором я научился говорить	51,3
Это часть культурного наследия моего народа	17,3
Это язык, на котором я думаю	15,4
Это язык, на котором говорят все вокруг	7,5
Это язык, на котором говорили мои предки	4,2
Затрудняюсь ответить	3,6
Другое	0,7

Как следует из самооценки респондентов (табл. 143), 89,2% из них считают, что знают родной язык очень хорошо или на обычном уровне. В целом это соответствует статистической картине, формируемой данными о результатах ЕГЭ по русскому языку на территории Архангельской области в последние четыре года (табл. 144).

Таблица 143

Уровень знания родного языка (по самооценке), %
(опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Считаю, что владею языком очень хорошо	47,7
Обычный уровень знания языка	41,5
Пишу и говорю с ошибками, но в целом проблем нет	6,9
Оцениваю свой уровень знания родного языка как недостаточный	1,6
Плохо знаю	0,7
Совсем не владею	0,3
Затрудняюсь ответить	1,3

Таблица 144

Результативность ЕГЭ по русскому языку в Архангельской области, без учёта НАО, в 2019–2022 гг. (рассчитано автором по данным ГАУ Архангельской области «Центр оценки качества образования», см. https://aocoko.ru/gia/gia-11/9-statistiko-analiticheskie-otchety)

Параметр оценки	**2019 г.**	**2020 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**
Средний тестовый балл ЕГЭ по русскому языку в Архангельской области/ в России	72,06/ 69,5	75,36/ 69,3	72,87/ 71,4	71,38/ 68,3
Данные по Архангельской области				
Не преодолели минимального балла, получили от 0 до 35 баллов (для 2021 и 2022 гг. – до 23), %	0,22	0,44	0,24	0,56
Получили от 36 до 60 баллов (для 2021 и 2022 г. – от 24 до 60), %	19,9	14,17	18,19	22,54
Получили от 61 до 80 баллов, %	49,08	48,29	50,21	47,99
Получили от 81 до 100 баллов, %, в т.ч.:	29,88	37,09	31,31	28,90
…от 81 до 99 баллов, %	29,33	36,07	30,72	28,37
…100 баллов, %	0,55	1,02	0,6	0,53

Таким образом, 11-классники Архангельской области показывают средний балл ЕГЭ по русскому языку, как правило превышающий такой же показатель для РФ, а набольшая их доля сдаёт данный экзамен с баллами также выше 50. В то же время очевидно, ввиду высокой этнической гомогенности населения региона, в Поморье знание других народов РФ не является распространённым явлением (табл. 145). Также почти 40% молодых людей отметили, что знают один иностранный язык (табл. 146), но их численность оказалась во всяком случае меньше, чем доля «знающих» иностранный язык лишь в объёме некоторых слов и выражений, причём последняя вполне сопоставима с количеством тех, кто на таком же уровне «владеет» языками народов РФ. При этом владение иностранными языками очевидно превалирует над уровнем знания языков народов России.

Таблица 145

Знание других языков народов России, %
(опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Нет, не знаю	53,7
Знаю некоторые слова и выражения, используемые в других языках, но глубоких знаний нет	40,2
Да знаю	5,9

Таблица 146

Знание языков других стран, %
(опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Знаю некоторые слова и выражения из других языков, но глубоких знаний нет	41,2
Да, знаю один язык	39,2
Да, знаю несколько языков	13,7
Нет, не знаю	5,9

Сорока респондентами были уточнены языки народов России, которые им известны в какой-либо степени, в том числе были указаны аварский, азербайджанский, кабардинский, казахский, карельский (3), коми (6), мордовский, осетинский (2), татарский (9), тунгусский, «тюркский», узбекский, украинский (7), чеченский (2), чувашский и эвенский. Последние данные соответствуют общим показателям по итогам ВПН 2020 г. (табл. 125, 126), с которыми также коррелируют и данные опроса в части знания иностранных языков (сравни с табл. 126). Владение последними (одним или несколькими) отмечено 158 респондентами. Дано 46 упоминаний английского языка, немецкий и французский указаны 13 и 9 раз соответственно, таджикский – три раза, также указаны азербайджанский, итальянский, казахский, корейский, фарси, польский, румынский (два раза), санскрит, сербский, турецкий, узбекский (три раза) и финский (два раза).

Несмотря на выявленную особенность языковой ситуации в молодёжной среде Поморья, как в целом моноэтничного региона, участники опроса показали существенную гибкость в своём отношении к теме доминирования какого-либо языка. Свыше 40% из них согласны с тем, что все языки без исключения должны иметь равные права, более 1/5

готовы к равному доминированию нескольких языков, и лишь немногим более 1/4 считают, что в стране должен быть один главный язык (табл. 147). В то же время, как показано в табл. 148, представители молодёжи в подавляющем большинстве полагают, что русский язык должен быть в числе первостепенных объектов изучения в школе, в том числе 18,3% считают, что он должен быть таковым без увязки с другими языками. Анкетирование в данной части также показывает низкую актуальность для молодёжи Поморья, как этнически гомогенной территории, изучения языков коренных народов РФ – доля тех, что считает равно важными изучение и русского, и иностранного, в разы выше, чем доля полагающих аналогичное для русского языка и языка коренного народа (11,4%).

Таблица 147

В России, помимо русского языка, говорят на разных языках. С каким утверждением вы согласны, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Все языки без исключения должны иметь равные права	40,8
Только один язык должен быть главным в стране	26,5
Некоторые языки должны быть главными в стране	20,9
Затрудняюсь ответить	11,8

Таблица 148

На какие языки в школьных программах, на Ваш взгляд, надо обращать первостепенное внимание, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Русский и иностранный	43,5
Русский, язык коренного народа республики/округа и иностранный	19,6
Русский	18,3
Русский и язык коренного народа республики или автономного округа, основного населения области	11,4
Иностранные языки	4,2
Другое	2,3
Язык коренного народа республики, округа, области	0,7

Совокупно свыше 56% опрошенных молодых людей однозначно не хотели бы (по разным причинам) изучать языки народов России (табл. 149), при более 10% затруднившихся с ответом, что резко контрастирует с показанным уровнем востребованности изучения иностранных языков (табл. 151).

Таблица 149

Желание более основательно изучать языки народов России, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Нет, не хотел бы, поскольку в этом нет необходимости	30,1
Нет, не хотел бы, так как мне хватает русского	13,1
Нет, не хотел бы, поскольку у меня нет времени для этого	13,1
Да, хотел, если для этого будут созданы хорошие условия	14,1
Да, хотел бы изучать языки народов, которые живут в моем регионе/ республике	10,1
Да, хотел бы, если это будет способствовать моей будущей карьере	8,8
Затрудняюсь ответить	10,8

При этом в большинстве своём (почти 70%) опрошенные не считают обязательным преподавание в школе языков народов России, либо не имеют чёткого мнения по данному вопросу (табл. 150).

Таблица 150

Отношение к обязательности преподавания в школах языков народов России, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Затрудняюсь ответить	35,0
Нет, не согласен	34,3
Да, согласен	30,7

Таблица 151

Желание более основательного изучать языки народов других стран, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Да, английский	30,1
Да, хотел бы изучать языки народов других стран	20,3
Да, но пока не решил какой/какие	10,8
Да, французский	6,9
Да, испанский	4,2
Да, немецкий	3,9
Да, китайский	3,3
Я уже изучаю иностранные языки углубленно	3,3
Да, другое (варианты)	2,0
Нет, не хочу	7,2
Затрудняюсь ответить	8,2

По данным органов управления Архангельской области, самым востребованным и популярным для изучения иностранным языком является английский – он изучается во всех школах на каждой параллели классов. Второй по популярности – немецкий язык, например, в Архангельске его изучают в 44 школах города как основной или второй язык, тогда как французский язык изучают в 11 школах областного центра как второй иностранный. Также в школах области преподаётся норвежский и финский языки. Из 2257 учителей иностранного языка Поморья большинство преподают два языка, для повышения качества преподавания в 35 школах Архангельска оборудованы специальные кабинеты со стационарными интерактивными досками (412 кабинетов), мультимедийными проекторами (1182 кабинета), в нетиповых образовательных учреждениях (гимназии) имеются передвижные лингафонные кабинеты, оснащённые компьютерами и гарнитурами (*Статистико-аналитические*).

С точки зрения молодёжи, уровень преподавания иностранных языков оценивается преимущественно как средний (табл. 37) или высокий, негативно о качестве этого раздела школьных программ отозвались 16%.

Таблица 152

Оценка качества языковых уроков в школе, включая русский, иностранный, местные языки, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Среднее	50,3
Высокое	22,2
Низкое	16,0
Затрудняюсь ответить	11,4

В ходе опроса респондентам было предложено выбрать один или несколько вариантов ответа на вопрос о языках, на которых следует изучать предметы в старших классах. Данный вопрос не является непонятным для старшеклассников и студентов, родившихся в Архангельской области, поскольку в регионе имеется ряд школ, практикующих, по методике советских времён, изучение отдельных предметов не только на русском, но и иностранном языке (например, география, литература и др.). Закономерно при этом, что свыше 80% респондентов посчитали обязательным использование русского языка в указанной ситуации (табл. 153).

Таблица 153

На каких языках следует изучать школьные предметы в старших классах, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор нескольких вариантов)	**%**
На русском языке	80,1
На языке народа, представители которого составляют большинство населения в регионе	28,1
На иностранных языках	23,2
Затрудняюсь ответить	7,2

Опрошенные представители молодежи Поморья также в большинстве показали нормальное или нейтральное отношение к публичному использованию других, кроме русского, языков народов России, всего свыше 93% респондентов указали на это (табл. 154), неприятие в данном случае было показано лишь 2,9% опрошенных.

Таблица 154

Отношение к публичному использованию языков других народов в России, как в многонациональной стране, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Это нормальное явление, так и должно быть	55,9
Я отношусь к этому нейтрально	37,3
В нашей стране русский язык является государственным и на улице, и в публичных местах все должны говорить на нем	3,3
Затрудняюсь ответить	2,9
Другое	0,7

В то же время они продемонстрировали довольно средний уровень знакомства с негласной языковой нормой для многоязычных коллективов (групп) – лишь около 50% согласились с тем, что «Люди в многонациональном коллективе должны говорить на том языке, который понятен всем его членам» (табл. 155). Однако представляется допустимым предположение, что часть выбравших второй по частоте вариант («В многонациональном коллективе можно пользоваться для общения тем языком, который им ближе и понятнее») также имела ввиду вышеуказанное.

Таблица 155

Распределение мнений о применимой негласной (неформальной) языковой норме для многонациональных / многоязычных групп, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Люди в многонациональном коллективе должны говорить на том языке, который понятен всем его членам	49,3
В многонациональном коллективе можно пользоваться для общения тем языком, который им ближе и понятнее	36,9
Затрудняюсь ответить	8,5
Люди в многонациональном коллективе должны выбирать для общения язык большинства	3,3
Люди в многонациональном коллективе могут говорить на разных языках, не обращая внимания на других	2,0

Важнейшим инструментом обеспечения формирования региональной идентичности молодёжи, межнационального мира в регионе, брен-

дирования территорий как направлений внутреннего туризма является продвижение знаний о культуре народов региона, в первую очередь, в школе и СМИ [Максимова 2019]. В среднем образовании Архангельской области данное направление обеспечивается в рамках регионального компонента таких дисциплин, как история, география и др. со стороны государственной власти субъекта федерации поддержка соответствующих мероприятий обеспечивается в рамках государственной программы Архангельской области «Культура Русского Севера» (постановления Правительства Архангельской области от 19.05.2022 № 327-пп, от 26.05.2022 № 347-пп).

Таблица 156

Оценка достаточности внимания, уделяемого школой и региональными СМИ распространению знаний о культурном многообразии региона и традициях народов, в нем проживающих, % (опрос, проведенный в декабре 2022 г.)

Варианты ответа (выбор одного)	**%**
Да, вполне достаточно	35,0
Да, этому уделяется много внимания, но качество информации надо улучшать	20,3
Нет, недостаточно, ибо чаще всего речь идет о традициях только нескольких народов, а не о культурном многообразии в целом	16,0
Нет, совсем недостаточно	5,9
Затрудняюсь ответить	22,9

Несмотря на общую погружённость российской молодёжи в глобальные информационные и культурные потоки, данный аспект для молодежи Поморья сохраняет актуальность. Так, немногим более трети опрошенных считают, что распространению знаний о культурном многообразии региона и традициях местных народов школы и СМИ уделяют достаточное внимание (табл. 156). В то же время 21,9% полагают, что этого внимания недостаточно в той или иной мере.

Результаты исследования языковой ситуации в молодёжной среде Архангельской области, региональной идентичности и жизненных планов представителей молодёжи региона в возрасте до 20 лет, проведённое в декабре 2022 г., в целом формируют картину, свойственную для типичного этнически гомогенного (с доминированием русских) региона РФ. При этом они в полной мере подтверждают адекватность выбора данного субъекта в качестве модельного, как региона с высоким удельным весом

укоренённого населения – в подавляющем большинстве респонденты являются местными уроженцами. Заметим, что специфика выборки (преимущественно студенты) требует учёта наличия в её составе нескольких уроженцев и граждан постсоветских государств.

Респонденты продемонстрировали средний уровень эмоциональной привязанности к региону, они в равных долях считают своей родиной и Россию, и территорию происхождения, при этом общероссийская идентичность, согласно самооценке, превалирует над региональной или этнической (национальной). Также полученные данные указывают на отсутствие всеобъемлющего признания наличия сплочённости или солидарности людей в регионе.

В молодёжной (студенческой) среде Поморья, как показало исследование конца 2022 г. и сопоставление его результатов с данными опросов ранее в 2008–2022 гг., имеется значительное доминирование проблем личного благосостояния и социальной защищённости над чисто экономическими. Также в рамках этого сопоставления установлено, что у молодёжи региона присутствует крен в сторону утилитаризма и демографических установок, т.е. наиболее значимыми показателями личного успеха стали создание семьи и рождение детей, высокий уровень дохода и экономический статус, наличие собственного жилья. В целом опрошенные показывали ближнесрочный характер жизненного планирования – оно простирается на перспективу, включающую лишь окончание учёбы, получение постоянной работы или продолжение обучения.

Отмеченный средне-низкий уровень эмоциональной связи с регионом происхождения, вкупе с характером оценок в отношении его перспектив, обуславливает высокую миграционную готовность молодёжи Поморья, причём, в качестве направлений таковой очевидно доминируют два центра сверх-концентрации населения России – Москва и Санкт-Петербург.

На этническую идентичность и состояние межнациональных отношений в Архангельской области, в том числе в молодёжной среде, естественным образом оказывает воздействие соответствующая структура населения, а именно, то, что доля этнических русских в регионе является наивысшей в РФ. Данное обстоятельство очевидно сказывается на оценках респондентов как в отношении этнической проблематики, так и различных аспектов языковой ситуации в регионе.

Исследование декабря 2022 г. показало, что в регионе сохраняется тенденция, выявлявшаяся ещё с конца 2010-х гг., а именно возрастание роли культуры, языка и гражданства в интерпретации понятия «национальность» (этничность). Но при этом даже среди граждан области в возрасте до 20 лет остаётся массовым понимание национальности

как наследуемого признака. С учётом вышесказанного, также закономерны в целом позитивные или нейтральные оценки респондентов в отношении состояния межнациональных отношений.

В такой же степени закономерны и данные, характеризующие языковую ситуацию в Архангельской области. Практически для всех опрошенных родным является русский язык, он используется и как средство коммуникации в семье, и как инструмент мыслительной деятельности. Согласно самооценке, большинство опрошенных владеют русским языком на достаточном или среднем уровне. В целом такая самооценка отчасти подтверждается результатами объективных измерений в формате ЕГЭ за последние пять лет.

Ввиду отмеченной языковой ситуации в Поморье, для данного региона актуальность вопросов изучения и использования языков народов России, кроме русского, является критически (исчезающе) низкой. Указанное положение является полностью противоположным ситуации с востребованностью и масштабами изучения иностранных языков. Случаи знания и использования языков народов РФ среди респондентов являются единичными, а согласно официальным данным органов управления образования, их преподавание в школах Архангельской области не ведётся. Известны отдельные инициативы изучения языков народов, представители которых проживают в данном субъекте РФ, но они реализовывались организациями некоммерческого сектора, а именно объединениями представителей этнических меньшинств области. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в Архангельской области отсутствует у молодежи потребность в изучении языков народов России в формате школьных предметов [Министерство просвещения 2020]. Таким образом, положение Архангельской области в данном измерении существенно отличается от ситуации не только в полиэтничных, но даже в других этнически гомогенных регионах России.

Комплексный анализ социально-психологического состояния и региональной идентичности в молодёжной среде Архангельской области, в том числе как субъекта АЗРФ, определяет также критическую актуальность ряда мер по обеспечению присутствия в регионе молодёжи на уровне, необходимом для закрепления наметившихся позитивных тенденций социально-экономического развития.

Агломерация с ядром в Архангельске так же, как и Мурманская, это очаг концентрации самой крупной в АЗРФ доли дееспособной молодёжи, университетский центр с сетями учреждений профессионального образования, культуры, местами трудоустройства молодёжи. В состав конкурентных преимуществ территории, безусловно, следует относить высокую этническую гомогенность и исчезающе низкий уровень межнациональной напряжённости.

Установки молодёжи в целом соответствуют формуле гражданской нации, заданной редакцией Конституции от 2020 г., гражданство России является доминирующей самоидентификацией, в менталитете молодёжи происходит отождествление понятий «россиянин» и «русский» [Арутюнова, 2017; Дробижева, 2020; Габдрахманова, Макарова 2021], главными критериями отнесения к «русским» становятся язык, культура и гражданство. Городская молодёжь области в целом сохраняет приверженность базовым общественным институтам и ценностям – семье, труду, любви, дружбе. В окружающих людях высоко ценятся качества, не измеряемые деньгами, социальным статусом или престижностью. Обзаведение семьёй и детьми входят в планы на будущее у более чем двух третей. Все органы власти и государства – располагают вполне высоким, для молодёжи, полным или относительным доверием. Показатели армии и полиции сопоставимы с Президентом, Правительством страны, и главы области.

Тем не менее, миграционная готовность остаётся одной из главных позиций в жизненных планах молодёжи, чему главная причина – состояние экономики в европейском секторе АЗРФ, на которое накладывается влияние некомфортного климата. Вместе с тем, с равной силой из ресурсного региона молодёжь выталкивают неухоженный вид городов и дорог, отсутствие условий для отдыха, общения, спорта, креативной работы, бедная культурная и музыкальная жизнь, непредставленность северных городов в ежедневной федеральной информационной повестке (молодёжь не видит, что её территории значимы для России чем-то ещё, кроме углеводородов, леса и Севморпути). Как результат, города европейского сектора АЗРФ и местные вузы работают не на себя, а на поставку в мегаполисы квалифицированной молодёжи.

В ходе серии экспертных мероприятий, в том числе на площадке федерального парламента, обоснована востребованность следующих мер, которые, будучи реализованными в комплексе и синхронно, способны увеличить привлекательность городов Европейского сектора АЗРФ для молодёжи России [Круглый стол 2023]; Ученые 2023). Эти меры, в числе прочего, должны исходить из видоизменённой цели, а именно: быть направленными не на «закрепление» и «удержание» местных уроженцев и предотвращение уменьшения общих жителей, а на приток новых квалифицированных кадров на данные территории, неуклонное повышение доли граждан 25–40 (с высшим образованием) в структуре населения, при возможном его общем сокращении.

Так, в сфере экономики представляется целесообразным введение правового института «коренное население», уравнённого в правах с КМНС в сфере природопользования, осуществление программы суб-

сидируемой ипотеки под деревянное ИЖС в черте городов, индексация семейного капитала с учётом соответствующих территории районного и «северного» коэффициентов (при введении возможности его расходования в индексированном объёме либо только на территории АЗРФ, либо только как накопительной части пенсии после полной выработки «северного» стажа), с расширением назначений его частичного использования (лечение, семейное летнее оздоровление в санаториях и пансионатах, туризм в виде семейных туров по территории РФ).

Второй ключевой раздел мер – комплексная модернизация городов данной части АЗРФ под потребности молодёжи, наряду с тем, что уже воплощается по нацпроектам (создание в больших и крупных городах полноценных парков, молодёжных открытых пространств и велодорожек, условий для свободных зимних видов спорта – сезонная накатка и освещение лыжней и катков), введение единых (хотя бы для каждого субъекта РФ) дизайн-кодов и уличной навигации.

Третье направление мер – интенсификация культурной жизни, включая науку, образование и инновации. Данный раздел возможен, в числе прочего, через реализацию специальных целевых мер для городов Европейской части АЗРФ как в рамках национальных проектов, так и в рамках программ Президентского фонда культурных инициатив, Фонда президентских грантов, Российского научного фонда, Минобрнауки России, Агентства стратегических инициатив и Фонда содействия инновациям. Также в данном контексте актуальна реновация или возрождение ФЦП «Культура Русского Севера и Арктики», целью которой являлось восстановление объектов северорусского деревянного зодчества и морского наследия как потенциальных объектов туристических маршрутов и креативных индустрий в рамках молодёжных проектов.

Четвёртое, безусловно необходимое направление связано с трансформацией культурной политики – как федеральной, так и региональной. В частности, целесообразно обновление программ патриотического и гражданского воспитания в регионах АЗРФ, ориентация их на формирование установок у детей на жизнь, работу и обогащение на Севере. В федеральном масштабе востребованы новые «сквозные» стратегические коммуникации, продвигающие АЗРФ как пространство, где амбициозная молодёжь России может быстро состояться в качестве специалистов и творческих личностей – учёных, предпринимателей и политиков. Также новый подход к коммуникациям предполагает регулярное (ежедневное) присутствие городов АЗРФ в повестке федеральных СМИ, что обеспечивало бы формирование у молодёжи АЗРФ уверенность в «медийной» значимости и престижности своих регионов, а у населения РФ – образ Севера как как территории насыщенной жизни.

Глава 12

Опыт языковой политики в Республике Алтай

Общий анализ социально-экономической ситуации в регионе

Республика Алтай расположена на юге Западной Сибири, входит в состав Сибирского федерального округа (далее СФО) и относится к числу приграничных субъектов Российской Федерации, на юге граничит с Монголией и Китаем, на юго-западе – с Республикой Казахстан. Внутренние границы в стране: на северо-западе с Алтайским краем, на востоке – с Республикой Тывой и Хакасией, на северо-востоке – с Кемеровской областью. Площадь республики составляет 92,9 тыс. кв. км [Паспорт региона 2023].

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в регионе проживает 221 тыс. чел. В сельской местности живет 69% населения, доля горожан единственного города – Горно-Алтайска – составляет 31% [Итоги 2020]. Республика состоит из 10 муниципальных районов, два из которых из-за сложных природно-климатических условий приравнены к районам Крайнего Севера. В рейтинге социально-экономического положения регионов, по итогам 2021 г., из 85-ти субъектов России Республика Алтай занимает 82 место, в 2020 г. – 83 место [Рейтинг 2023].

Рассмотрим основные показатели, характеризующие социально-экономическую ситуацию в 2021–2022 гг., основываясь на данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республики Алтай. В регионе отмечается положительная динамика естественного прироста населения. В январе–ноябре 2022 г., по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, уровень рождаемости и смертности уменьшился на 4,6% и 15,4% соответственно. В «Демографическом рейтинге регионов – 2022» Республика Алтай занимает 15 место, в 2019–2021 гг. прирост составил 1,3 чел. на 1000 чел. [Доклад 2023].

Проследим общую миграционную ситуацию в 2022 г. в сравнении с прошлым годом. Количество прибывших мигрантов снизилось на 5,2%, а выбывших – увеличилось на 1,9%. Наибольшее количество переселений зарегистрировано внутри республики – 61,1%. Доля межрегиональной миграции составила 34,8 %, международной – 4,1%. Число выбывших в другие субъекты России увеличилось на 2,6%, в зарубежные страны – 2,7% [Доклад 2023]. По итогам 2022 г. количество поставленных на учет мигрантов, прибывших в Россию на работу из других стран, выросло более чем в три раза. В 2021 г. зарегистрировано более 5,2 тыс. мигрантов, а в 2022 г. почти 16,7 тыс. мигрантов. Это самый высокий показатель среди российских регионов. В основном приезжают из Киргизии, Узбекистана,

Казахстана, Армении и Таджикистана. Анализ миграционных процессов свидетельствует о стабильной межнациональной ситуации и отсутствии внутри региональных конфликтов [В Республике 2022].

Макроэкономическая ситуация в регионе в 2022 г. характеризуется положительной динамикой сельскохозяйственного производства, оборота общественного питания, объемов платных услуг населению, инвестиций в основной капитал, строительства, в том числе жилищного, улучшением ситуации на рынке труда. Введено в эксплуатацию жилье общей площадью 145,1 тыс. кв. м – это с учетом жилых домов, построенных на земельных участках садоводства. Данные показатели составили 128,5% к аналогичному периоду 2021 г. Основной объем введенного жилья (93,3%) приходится на индивидуальное жилищное строительство – 135,4 тыс. кв. м. Юридическими лицами введено 9,7 тыс. кв. м жилья – это в 16,2 раза больше, чем в аналогичный период предыдущего года.

Индекс промышленного производства в январе – сентябре 2022 г. составил 95,1% к аналогичному периоду 2021 г., в том числе по добыче полезных ископаемых – 109,8 %, обрабатывающим производствам – 93,2%, обеспечению электроэнергией, газом и паром; кондиционированию воздуха – 95 %, водоснабжению; водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений – 104,4%. Вместе с тем отмечено снижение объемов промышленного производства, оборота розничной торговли, ускорение темпов инфляции, снижение денежных доходов населения и реальной заработной платы.

Денежные доходы в расчете на душу населения в январе – июне 2022 г. составили 22 729,2 руб. в месяц, или 110,4% к соответствующему периоду предыдущего года. Реальные денежные доходы в первом полугодии 2022 г. снизились на 4,5% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего (по России снижение составило 1,4%, по СФО – 1,2%). Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника по полному кругу организаций в регионе в январе – августе 2022 г. составила 41 378,2 руб., 111,2% к аналогичному периоду 2021 г. (по России – 112,7%, по СФО – 114,8%). Численность безработных граждан, состоящих на учете в службе занятости, на 1 октября 2022 г. равнялась 2 013 чел., что на 32,9% меньше, чем на 1 октября 2021 г. (3 тыс. чел.). Уровень регистрируемой безработицы составил 2,1%. Напряженность на рынке труда по республике невелика – 1,2 чел. на 1 вакансию (по состоянию на 1 октября 2021 г. – 1,4 чел.) [Доклад 2023].

В силу природных условий сельское хозяйство является доминирующей отраслью региона, в которой в 2022 г. было 1,3 тыс. предприятий и фермеров и 58 тыс. личных подсобных хозяйств. Ведущими направлениями являются мясомолочное животноводство, овцеводство, козоводство и мараловодство. Построены современные животноводческие ком-

плексы, вводятся пищевые и перерабатывающие объекты, приобретается новая сельскохозяйственная техника, улучшается технология производства благодаря федеральным и республиканским программам поддержки.

Сельское хозяйство стало главным источником дохода большинства жителей региона. Предоставлены гранты начинающим и семейным фермам. Ежегодно улучшаются жилищные условия молодых специалистов и семей, проживающих в сельской местности, строятся значимые социальные объекты. В 2021 г. открыт первый в регионе агропромышленный парк «Амза», представляющий предприятиям услуги по переработке мяса, дикоросов, меда и другого сельскохозяйственного сырья. Так, производство продукции сельского хозяйства в январе – сентябре 2022 г. составило 10 128,9 млн руб.

Республика Алтай традиционно занимает лидирующие позиции в России по мараловодческим хозяйствам. Их насчитывается 68, где в основном получают пантовую продукцию – это экспортный товар, считающийся одним из наиболее значимых лекарственных препаратов в восточной медицине. В 2022 г. общий объем производства пантов составил свыше 116 т. Ежегодная государственная поддержка мараловодства составляет более 50 млн руб. Сегодня панты широко используются для пантовых ванн и фитобочек санаторно-курортными организациями региона. Разработка и внедрение инновационных технологий в мараловодческие и перерабатывающие предприятия позволяют активно развиваться данной отрасли региона. Марал (сибирский благородный олень) превратился в золотой бренд республики, обеспечивая ежегодный приток туристов [Цыгулев 2021: 54–55].

Алтай привлекает неповторимыми горными ландшафтами, множеством природных и археологических достопримечательностей, что представляется перспективным в развитии туристической отрасли. Здесь находятся пять объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, включенных в единую номинацию «Алтай – золотые горы»: Телецкое озеро, «младший брат» Байкала, самая высокая в Сибири горная вершина Белуха, Алтайский и Катунский заповедники, охватывающие большие площади тайги и горных систем, плато Укок, известное археологическими открытиями.

В летний сезон регион посещают более 2 млн туристов. Правительство РФ оказывает государственную поддержку в развитии инфраструктуры туризма. Она находится в рамках региональной госпрограммы «Развитие внутреннего и въездного туризма», индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Алтай и нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства» [Тупикин 2021: 65].

В 2007 г., согласно Постановлению Правительства РФ, была создана особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Алтайская долина», где планировалось развивать лечебно-оздоровительный, горнолыжный, экологический, водный и экстремальный туризм. Однако

из-за нарушений технологии создания искусственного озера водой из р. Катунь произошла серьезная утечка, которую, как оказалось, невозможно устранить. В 2016 г. федеральная власть прекратила финансирование и закрыла реализацию данного туристического проекта. Несмотря на это, республика сохраняет привлекательность для частных и государственных инвестиций [Провал проекта 2023].

С 2012 г. крупнейший универсальный банк России «СберБанк» вкладывает большие средства в развитие всесезонного горнолыжного курорта «Манжерок», расположенного у с. Озерное, в 40 км от г. Горно-Алтайска. Вложенные средства обеспечивают строительство гостиниц, ресторанов, спа-комплексов, современных горнолыжных трасс, канатных дорог и других туристических объектов. В 2022 г. курорт посетили более 520 тыс. туристов. В феврале 2023 г. на его базе состоялся этап кубка России по горнолыжному спорту. Строительство курорта «Манжерок» позволило открыть более 2000 рабочих мест для местных жителей [Более 2023].

Другой комплекс премиум класса «Altay Wellness Village» расположен на берегу Телецкого озера, где также функционирует горнолыжный курорт «Телецкий». В связи с тем, что Турочакский р-н входит в число популярных туристических районов, трасса от Горно-Алтайска до с. Артыбаш получила статус федеральной, что важно для образования дорожной сети района [Дорога 2023].

По данным Правительства Республики Алтай (далее – Правительство РА), на территории региона более 900 субъектов туристской индустрии и 30 туроператоров, количество которых ежегодно увеличивается. Местные жители активно включаются в туристический бизнес. Обычно ими оказываются услуги гидов-экскурсоводов, трансфера из аэропорта, заброски в труднодоступные места, инструкторов по рафтингу и предоставления в аренду домов. Кроме того, предлагается организация одно- и многодневных путешествий по Алтаю.

Активное развитие туристической отрасли влечет мультипликативный эффект, поскольку помогает становлению региональной инфраструктуры. Так, ежегодно реконструируется и прокладывается сеть автомобильных дорог. С 2007 г. поэтапно расширяется до четырех полос дорожное полотно федеральной трассы «Чуйский тракт» (Р-256), проходящей по территории республики до границы с Монголией. В 2011 г. восстановлен «Аэропорт Горно-Алтайск» после значительной модернизации взлетно-посадочной полосы. В 2016 г. аэропорт получил статус федерального значения, что стало важнейшей составляющей в обеспечении транспортной доступности региона. В 2022 г. воздушный пассажиропоток составил 325,7 тыс. чел. В регион летают самолеты авиакомпаний S7, «Аэрофлот», «Уральские авиалинии», Red Wings, Utair, «Ямал», «Крас Авиа», «ЮВТ Аэро», «СиЛА». Установлено воздушное сообщение

со многими городами страны – Москвой, Санкт-Петербургом, Екатеринбургом, Сургутом, Красноярском, Казанью, Новым Уренгоем, Салехардом, Новосибирском. Более того, налаживаются внутренние авиаперелеты. В декабре 2020 г. открыт рейс из Горно-Алтайска в высокогорный Кош-Агачский район [Хорохордин 2021: 5–7].

В Республике Алтай нет собственных источников энергии, поэтому получают её по линиям электропередач из Алтайского края, вследствие чего высокие тарифы на электроэнергию. С 2014 г. начат поиск альтернативной энергетики. К 2022 г. были возведены и функционируют восемь солнечных электростанций. Правительство РА совместно с рядом компаний, специализирующихся в сфере возобновляемой энергетики, обсуждает возможность создания сети объектов солнечной генерации с использованием сетевых накопителей энергии. По их утверждению, это позволит создать надежный источник энергоснабжения. В настоящее время Республика Алтай является первым регионом России, где формируется кластер возобновляемой энергетики. Большие инвестиции вкладывает транснациональная корпорация «Газпром». В 2021 г. принята «Программа развития газоснабжения и газификации Республики Алтай на 2021–2025 гг.» [Строительство 2023]. Таким образом, поддержка структур региональной власти и крупных инвестиционных проектов способствует становлению сельскохозяйственной, туристической и энергетической отраслей экономики, что характеризует положительную социально-экономическую ситуацию в регионе.

Особенности культурной/этнокультурной среды региона и характер ее трансформации в последние годы

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в Республике Алтай около 53,6 % составляют русские, 37 % – алтайцы и 6,3 % – казахи. Титульный этнос алтайцев представляют северные и южные алтайцы. К южным алтайцам относят этнолокальные группы – алтай-кижи и теленгиты, проживающие в южной и центральной частях республики. Алтай-кижи расселены в Шебалинском, Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Шебалинском и Чемальском районах. Этническая группа теленгиты в высокогорных Улаганском и Кош-Агачском районах. В состав северных алтайцев входят три этнические группы – тубалары, челканцы и кумандинцы. Ареал их проживания – на севере республики, оттого они называются северными алтайцами, в основном эта часть алтайского этнического сообщества расселена на территории современных Майминского, Чойского и Турочакского районов. Северные и южные алтайцы сформированы в разных природных условиях, и поэтому у них исторически сложились определенные хозяйственно-культурные отличия. Языки северных и южных алтайцев относятся к разным языковым группам восточной

ветви тюркских языков: южные диалекты – к киргизско-кыпчакской группе, а северные – к уйгуро-огузской группе [Баскаков 1981: 18–20].

Таблица 157

Национальный состав Республики Алтай
по данным переписей населения

Национальности	**Численность лиц, указавших соответствующую национальность**		**Удельный вес лиц данной национальности среди лиц, указавших национальную принадлежность, %**	
Все население	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.
	206168	210924		
Лица, указавшие национальную принадлежность	202736	197888		
Русские	114802	106258	56,6	53,6
Алтайцы Теленгиты Тубалары Челканцы	68814 3648 1891 1113	73242 2587 3424 1170	33,9 1,8 0,9 0,5	37 1,3 1,7 0,5
Кумандинцы	1062	1037	0,5	0,5
Казахи	12524	12647	6,2	6,3
Другие национальности (не перечисленные выше)	5534	4499	2,3	2,2
Лица, не указавшие национальную принадлежность	3432	13241		

Примечание. Таблица составлена на основе итогов Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.

По данным переписей населения, стабильный прирост численности алтайцев до 73,2 тыс. чел., тогда как в 2002 г. их насчитывалось 62,1 тыс. Следует отметить, что северные алтайцы – тубалары, челканцы и южная группа – теленгиты, включенные в «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» (далее – КМН РФ), при переписи учитывались в составе алтайцев. Лишь кумандинцы с 2002 г. считаются отдельной народностью [Тюхтенева 2011: 43–45].

Из приведенных выше данных (табл. 157) виден рост численности тубаларов – с 1891 чел. до 3424 чел. По нашим полевым материалам, причина такого скачка стала следствием повышения пенсионного возраста, согласно последней пенсионной реформе. Согласно российскому законодательству, принадлежность к КМН РФ обеспечивает получение льгот, в том числе назначение социальной пенсии по достижению возраста 50 лет женщинам и 55 – мужчинам. Из-за раннего выхода на пенсию появились желающие «изменить свою национальную принадлежность» среди алтай-кижи и даже местных русских, чтобы получить льготы КМН РФ. В 2021 г. Горно-Алтайским городским судом было рассмотрено 40 заявлений об установлении факта принадлежности к коренным малочисленным народам, из которых 37 было удовлетворено [Беспалова, Чекурашева 2023].

В Республике Алтай проживают представители более 90 народов. Самой крупной диаспорой, имеющей длительный период проживания в регионе (около 150 лет), является алтайская группа казахов, сформировавшаяся в Кош-Агачском районе (табл. 158). По данным последней переписи 2020 г., наблюдается тенденция увеличения численности алтайских казахов, становящихся этническим большинством в районе их проживания. Другими многочисленными диаспорами в Республике Алтай являются армяне (496 чел.), украинцы (446), немцы (425), татары (317), киргизы (222), узбеки (204), тувинцы (116), белорусы (107) и корейцы (105), азербайджанцы (22). По сравнению с результатами предыдущей переписи прослеживается сокращение численности перечисленных народов: например, если в 2010 г. украинцев было 1010, то в 2020 г. – 446 чел. Немцев насчитывалось в 2010 г. – 700 чел., в 2020 – 425 чел. и т.д. [Итоги 2020].

Таблица 158

Национальный состав административных районов по материалам переписи населения 2020 г., %

Район	Русские	Алтайцы	Казахи	Кумандинцы
Кош-Агачский район	3,1	45,1	50,9	-
Майминский район	85,2	8,9	1,7	0,4
Онгудайский район	18,1	80,3	0,5	0,1
Турочакский район	73,5	20,1	0,2	3,7
Улаганский район	11,3	85,1	2,7	0,1
Усть-Канский район	22,3	74,1	2,6	
Усть-Коксинский район	76,2	20,7	0,5	0,1

Район	Русские	Алтайцы	Казахи	Кумандинцы
Чемальский район	70,1	26,6	0,5	0,2
Чойский район	84,8	11,6	0,3	0,7
Шебалинский район	49,9	46,6	1,0	0,1
г. Горно-Алтайск	63,1	29,1	3,3	0,6

Примечание. Таблица составлена на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г.

Основную часть населения степного Алтая, в административном отношении – Алтайского края, и горной части Алтая – Республики Алтай представляют русские – потомки переселенцев, которые начали осваивать этот край около трёх веков назад. Первыми переселенцами были старообрядцы, компактно проживающие в Усть-Коксинском районе. Численность русских, проживающих на Горном Алтае, с 2010 г. сократились с 56,6 % до 53,6 % от общей численности населения региона, но русские продолжают оставаться этническим большинством. Они преимущественно расселены на севере региона, в предгорной части, и в горах, в основном, в крупных посёлках и сёлах по Чуйскому тракту.

Практика интегрирования в российское общество показала, что у южных и северных алтайцев выработался способ адаптации к сложившимся условиям – жить как бы на двух уровнях культуры: один уровень – свой родной, привычный и понятный, который официально считался отсталым, второй – новый, современный, считающийся прогрессивным. Алтайцами был перенят более «совершенный» образ жизни, заключавшийся в ношении европейской одежды, употреблении продуктов огородничества, переходе в стандартные жилища. При домах находились хозяйственные постройки для скота, а если позволял климат, то огороды и сады. Описанные нововведения в жизни алтайцев свидетельствуют о том, что соседство с русскими наложило заметный отпечаток на их быт. Большие культурные различия русских и алтайцев привели к тому, что культура алтайцев была воспринята как «неразвитая», стоящая на «докультурной» ступени развития. Общесоветские стандарты на уровне массового сознания воспринимались с этнической окраской как присущие русской культуре [Тадина 2022: 256].

Стереотип восприятия русского этноса как «носителя социального прогресса» окончательно сложился в советское время. В глазах алтайцев советская власть означала превосходство русского народа как государствообразующего этноса. Обычно русские люди имели редкие специальности инженера, конструктора, летчика, врача, учителя и пр. Все достижения индустриальной страны считались успехом советского на-

рода, а значит русского. В силу этого в советский период отшлифовался ответный стереотип, утвердившийся в сознании не только русских, но и алтайцев – некая убежденность в невысоких деловых качествах и низком культурном уровне алтайцев, как и других сибирских малочисленных народов [Тадина 2019: 91].

В таких условиях социалистического общежития каждый стремился жить, «как все» и не быть изгоем. Неслучайно этническая идентификация алтайцев базировалась не на положительных ценностях, а на отрицательных переживаниях своей «отсталой» традиционной культуры. Официальным запретам сопутствовало внутреннее отталкивание от так называемых «пережитков», к ним относились родовая принадлежность, обычаи и традиции, национальная одежда и жилище. В относительно недавнее время порицался переход в общении с русского языка на родной. Характерной чертой этноязыкового поведения стало то, что в присутствии хотя бы одного русскоязычного «неприлично говорить на своём языке», дескать «могут говорить непристойности о нём, а он вашего языка не понимает». Данный ментальный концепт прочно укоренился в сознании алтайцев, сохранивших стереотип «этнической второсортности».

Если период с середины XVIII по начало XX в. можно определить как первый этап модернизации традиционного общества алтайцев в составе царской России, то советский период стал её вторым этапом. В досоветский период российская администрация пыталась отменить родовую структуру и изменить родовое сознание алтайцев. Советская модернизация же сделала ставку на другой этнодифференцирующий признак и главный идентификационный маркер – на алтайский язык, и шла путём изменения языкового сознания алтайцев [Тадина 2019: 90].

Доминантная русскоязычная культура воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная, ведь русский язык доминирует во всех сферах жизни. Такую позицию можно объяснить тем, что в смешанных селах распространен русский язык, который обладает большим престижем, являясь государственным языком, он ближе стоит к культуре современной цивилизации, кроме того, выступает языком межэтнического общения. Незнание русского языка алтайцами становилось поводом для насмешек и издёвок. Тот, кто говорил на нём с акцентом, приравнивался к «необразованным и отсталым». Обрусевшие алтайцы стеснялись звучания родного языка, особенно в общественных местах. Престижным считалось знать русский язык, на котором говорить с акцентом означало быть неграмотным.

В городе и крупных сёлах, особенно в райцентрах, обычно звучит русский язык. Алтайцы, живущие в русско-алтайских сёлах, чаще не владеют родным языком, либо понимают, но не говорят, либо говорят на разговорном уровне. По факту проживания в смешанных сёлах они счи-

таются обрусевшими, и другими алтайцами прозваны «*туба*», в смысле «этническим маргиналом». Следует отметить, что среди обрусевших алтайцев встречаются «пассивно ассимилированные», стремящиеся овладеть родным языком, сохранить этническую принадлежность, погрузиться в алтайскую среду, заключив брак с владеющими алтайским языком. И, наоборот, в алтайских сёлах поддерживается мнение об отсталости культуры алтайцев, обычно потомками учителей, врачей и других образованных людей, продвигавших советскую модернизацию. Их отличает критическое отношение к распространению алтайских имён, они не ставят юрту-айыл в своём дворе, склоны к нарушению обычая родовой экзогамии, заключению этнически смешанных браков, а потомки могут и не понимать родной язык.

Языковая ситуация в целом и ее особенности в городе и на селе

В конце 2020 г. всемирная организация ЮНЕСКО в «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» в числе многих других определила и алтайский язык как находящийся «под угрозой» в связи с тем, что дети алтайцев не разговаривают на родном языке в семье, общественных местах и не изучают в школе. В группе «серьезно уязвимый» оказались языки северных алтайцев – челканский, тубаларский, кумандинский. Специалисты отмечают, что на этих языках разговаривает лишь старшее поколение, а дети их не понимают и не желают изучать родной язык [В Юнеско 2023]. Данное заявление вызвало в регионе широкий общественный резонанс и критику языковой политики Правительства РА. В марте 2021 г. Глава РА О.Л. Хорохордин на конференции, посвященной проблемам функционирования государственного алтайского языка на территории республики, заявил, что информация ЮНЕСКО недостоверна: «В атласе 2001 года он (алтайский язык) был отнесен к языкам, находящимся «под серьезной угрозой исчезновения», в следующем атласе, 2010 г., переведен в категорию «под угрозой исчезновения», то есть степень угрозы языку за минувшие годы даже уменьшилась. На сегодняшний момент это последняя версия атласа, и она не обновлялась». Кроме того, Глава республики поручил Правительству РА разработать программу мероприятий сохранения алтайского языка в 2022–2024 гг. [Хорохордин 2021: 6].

Создание этнокультурного дискурса было бы невозможным без общего языка, каким является южноалтайский язык. В досоветский период основным письменным языком Алтайской духовной миссии был избран язык телеутов, считавшийся одним из южноалтайских диалектов. К тому же телеуты, как и большинство северных алтайцев, первыми в Горном Алтае приняли православие. Телеуты близкородственны к языку алтай-

кижи, а советской этнографией считались группой южных алтайцев, как и шорцы – группой северных алтайцев. Телеуты и шорцы проживают в Кемеровской области. В конце прошлого века в отечественной этнографической науке возобладало мнение об их статусе как отдельных этносов.

После образования Ойротской автономной области в 1947 г. в рамках реализации ленинской национальной политики и практики формирования социалистических наций северные и южные алтайцы были признаны единым народом – алтайцами. В основу алтайского литературного языка был положен южный диалект алтай-кижи, носители которого в основном проживают в пяти центральных районах – Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Шебалинском и Чемальском. На алтайском языке издавались советские периодические издания и художественная литература, велось радиовещание.

В советских школах моноэтнических алтайских сёл алтайский язык являлся языком обучения. В 1958 г. была введена реформа школы, к которой остаётся неоднозначное отношение в этнической среде алтайцев. Старшее поколение помнит о том, что до конца 1960-х гг. в школах алтайских сёл преподавание предметов начальных классов, например, арифметики, велось на алтайском языке. После реформы повсеместно преподавание было официально переведено с национального языка на русский, кроме алтайского языка и литературы. В смешанных русско-алтайских сёлах билингвизм алтайцев стал заменяться русскоязычием [Тадина 2022: 257].

Согласно советской идеологии, в перспективе все народы страны сольются в единую общность, поэтому стало не важным знать родной язык. В начале 1970-х гг. развернулась политика сокращения национальных школ, местное руководство предлагало расформировать единственную национальную школу в г. Горно-Алтайске, о которой сегодня говорят как о «кузнице» кадров для региона. В постсоветское время станет актуальным говорить о том, что преподавание диалектно отличающегося алтайского литературного языка северным алтайцам в школах с русским языком обучения ведет к исчезновению кумандинского, тубаларского и челканского диалектов. Кроме того, этническое меньшинство алтайцев пострадало в результате советской политики ликвидации «неперспективных» деревень. Это одна из сторон депопуляции северных алтайцев подтверждается данными постсоветской общероссийской переписи 2002 г., которой было впервые подсчитано, что тубаларов 1,5 тыс. чел., челканцев 830 чел., кумандинцев 931 чел. [Национальный состав 2005: 13]. Северные алтайцы почти полностью ассимилированы в русскоязычной среде проживания в предгорной, северной части Горного Алтая.

В народной памяти сохраняются воспоминания о русских, свободно говоривших на алтайском языке, вследствии того, что длительное время, особенно в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы,

жили в алтайских сёлах. До сих пор есть такие русские люди, и в каждом районе их наберётся около десяти. Считается, что русские, выросшие среди алтайцев и оттого свободно говорящие на алтайском языке, с пониманием относятся к алтайцам, – в чём очередное проявление этнической ментальности в этноязыковом сознании.

В постсоветский период в общественной жизни региона стала активно обсуждаться проблема сохранения и развития алтайского языка. В 1990-х гг. общественная организация «*Эне Тил*» (Родной язык) впервые обратила внимание общественности на проблему увеличения алтайцев, не владеющих родным языком [Ябыштаев 2019: 141]. В 1993 г. Госсобрание – Эл Курултай РА приняло закон «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» (далее «О языках РА»), в котором было официально провозглашено двуязычие в регионе – «Государственными языками в Республике Алтай являются алтайский и русский языки». Авторами закона были депутаты, научные работники и активисты общественных организаций [Закон 1993].

Таблица 159

Владение алтайским языком по данным переписей населения, %

1970 г.	1979 г.	1989 г.	2010 г.	2020 г.
88,1	87,1	85,1	85,0	82,1

Примечание. Таблица составлена на основе данных: Население России 2010-2011. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 140.

Как показывают данные всероссийских переписей населения с 1970 по 2020 г., сохраняется достаточно высокий уровень владения алтайцами родным языком (табл. 159). Зачастую результаты переписи не отражают реальной картины [Степанов 2023]. Более того, несмотря на статус государственного языка региона, алтайский язык утрачивает социальную значимость и все меньше используется в различных сферах общения.

Согласно закону «О языках РА», делопроизводство и документация государственных органов, организаций, предприятий и учреждений, расположенных на территории республики, должна вестись на алтайском и русском языках. Тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на государственных языках в соответствии с установленными стандартами, согласованными с терминологической комиссией [Закон 2023].

В реальности доминирующим языком структур местной власти является русский, лишь некоторые тексты федеральных, республиканских

законов и правовых актов публикуются на двух государственных языках. Оформление вывесок государственных учреждений на алтайском языке выполнено с большим количеством ошибок. В 2008 г. А.Н. Майзина, научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (далее – Институт алтаистики), провела лингвистическое исследование по теме «Алтайский язык в вывесках». Ею были выявлены многочисленные неточности и некорректные написания на алтайском языке названий государственных учреждений. С целью их исправления ею были даны рекомендации местной власти: разработать единую терминологию вывесок, провести работу по унификации названий образовательных учреждений РА, органам власти осуществлять контроль над качеством написания алтайских названий учреждений. Следует отметить, что проблема правильного оформления вывесок не решена [Майзина 2010: 97–111].

Аналогичная ситуация с названиями сёл на придорожных указателях. Алтайские топонимы должны быть идентичны собственным именам, согласно правилам перевода и написания. Многие из них искажены в русской транскрипции и таковыми вошли в «Государственный каталог географических названий». Например, алтайское название села *Бел Ажу* (Перевал у горного хребта) (казахское Джазатор) значится в административных документах как с. Беляши Кош-Агачского района. Такие несоответствия можно встретить повсеместно [Тыдыкова 2010: 28].

Судопроизводство ведется на русском языке, алтайский язык используется крайне редко, а в судебных органах нет штата переводчиков. В последней редакции закона «О языках РА» в 2012 г. предусмотрено ведение делопроизводства лишь на русском языке. Бывают ситуации, когда пожилые алтайцы из отдаленных сел испытывают трудности судебных разбирательств и для разрешения таких ситуаций приглашают сотрудников Института алтаистики [Катунин 2015: 94].

Начиная с 2016 г. Институт алтаистики проводит мониторинговое исследование языковой ситуации в Республике Алтай. Ежегодно они охватывают села двух муниципальных районов. В 2021 г. были обследованы села Шебалинского и Кош-Агачского районов, в 2022 г. – Улаганского и Онгудайского районов. Основными методами явились выборочное анкетирование, позволяющее в сжатые сроки опросить большое количество респондентов, а также полуформализованное интервью экспертов. Социолингвистическое анкетирование среди алтайского населения направлено на выявление уровня владения родным и русским языками и сфер их использования. Результаты опросов размещены на официальном сайте института [Мониторинг 2019].

Рассмотрим языковую ситуацию в регионе, опираясь на материалы мониторинговых исследований. В первую очередь проанализируем степень владения и сферы употребления алтайского языка в районах, где

алтайцы составляют этническое большинство – в Усть-Канском, Онгудайском, Улаганском районах. В 2018–2022 гг. в перечисленных районах 90% опрошенных назвали родным языком алтайский язык. В Улаганском районе кроме алтайского языка назвали родным языком теленгитский язык 6% респондентов. Высокий уровень владения алтайским родным языком у 85,8% опрошенных, понимают, но не говорят – 4,2% опрошенных, не владеют – 0,3% опрошенных [Майзина 2019: 194–195].

В Усть-Канском, Онгудайском, Улаганском районах алтайский язык используют большинство респондентов – 88,7%. Как средство общения в семье его применяют 85,3% алтайцев названных районов. На работе, в учебных заведениях предпочитают разговаривать на родном языке 67,3% респондентов, русском языке – 22,7% опрошенных, на алтайском и русском языках – 9,8% опрошенных. В общении с друзьями родной язык используют 81,8% респондентов, употребляют русский и алтайский языки – 9,7% опрошенных, лишь русский язык – 8,4% опрошенных. Книги, газеты, интернет-контент читают на алтайском языке 82,2% респондентов перечисленных районов. Большая часть опрошенных отмечают появление и распространение в СМИ неизвестных и непонятных алтайских терминов, что свидетельствует о неразработанности алтайской терминологии. По приведенным показателям, в районах проживания большинства алтайцев сохраняется высокий уровень владения родным языком [Майзина 2019: 194–195].

В Чемальском, Шебалинском и Кош-Агачском районах алтайцы составляют не более 45% населения. В 2019 г. сотрудники Института алтаистики провели мониторинговое исследование языковой ситуации в Чемальском районе, где было опрошено 200 респондентов. Родным назвали алтайский язык 88% респондентов, из них свободно владеют 57,5%. При этом большинство опрошенных не читают газеты и книги на алтайском языке. В общественных местах используют родной язык 64% респондентов. У большинства языком внутрисемейного общения является русский язык [Мониторинг 2019; Мониторинг 2021].

В 2021 г. было проведено исследование Шебалинского и Кош-Агачского районов, где опрошено 500 респондентов. В Кош-Агачском районе развито казахско-алтайское, алтайско-казахское двуязычие при обязательном знании русского языка. В Шебалинском назвали родным языком алтайский язык 67,2% респондентов, в Кош-Агачском районе – 92,5% опрошенных. Свободно владеют алтайским языком в первом районе – 48,4% респондентов, во втором – 89,7% опрошенных. На вопрос: «Как часто Вы читаете на алтайском языке разные виды текстового материала?» в Шебалинском районе 50,4% опрошенных ответили, что совершенно не читают газет и книг на алтайском языке. В Кош-Агачском районе читают газеты и книги на родном языке 88,5% респондентов. В Шеба-

линском районе в общественных местах алтайский язык используют 67,6% опрошенных, Кош-Агачском районе – 87,7% респондентов [Мониторинг 2021].

В 2020 г. Институт алтаистики провел мониторинговое исследование языковой ситуации среди северных алтайцев – тубаларов, челканцев и кумандинцев, проживающих в Чойском и Турачакском районах. Следует отметить, что тубаларский, кумандинский, челканский языки определяются исследователями как диалекты алтайского языка [Баскаков 1960: 184–185]. Сотрудники института опросили 300 респондентов двух районов в равных долях. Результаты исследования показывают, что родным языком указаны алтайский, русский и языки КМН. В Чойском районе владеют алтайским языком и используют его в повседневной жизни 10% опрошенных, Турачакском районе – 30% респондентов. В этих районах не читают газеты и книги на алтайском языке, используют алтайский язык в общественных местах лишь 16,6 % респондентов [Мониторинг 2020].

В 2016 г. А.П. Чемчиева, сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск), провела социологическое исследование среди представителей КМН, проживающих в г. Горно-Алтайске. Посредством метода структурированного интервью было опрошено 146 респондентов. В ходе исследования выявлено, что владеют, умеют читать и писать на языке своей этнической группы 37% челканцев, 24% кумандинцев и 22 % тубаларов. В целом 25,3% опрошенных северных алтайцев понимают разговорную речь, но не говорят, 26% респондентов совершенно не говорят на родном языке, им свободно владеют лишь лица старше 50 лет. В семье родной язык используют 60,9% челканцев, 36% кумандинцев, 24% тубаларов. Большинство респондентов говорят с детьми на русском языке. Результаты исследования А.П. Чемчиевой свидетельствуют о неблагополучном состоянии языков северных алтайцев, проживающих в г. Горно-Алтайске [Чемчиева 2017: 237–240].

Таким образом, результаты приведенных мониторинговых исследований языковой ситуации в регионе показывают высокий уровень владения родным языком в районах этнического большинства алтайцев. В районах, где алтайцы представляют меньшинство, наблюдается снижение этого уровня.

Наблюдаемый спад престижа алтайского языка можно объяснить объективным процессом распространения русского языка как государственного в сфере обучения, сервиса, посредством кино, мультфильмов и пр. Другая сторона проблемы заключается в субъективном выборе русского языка как ресурса социального продвижения и адаптации в современном русскоязычном обществе. Для обрусевших алтайцев характерно не двуязычие, а русскоязычный монолингвизм: русский язык становится родным. В результате обрусевший как «неправильный» из алтайцев

испытывает чувство промежуточного состояния, находясь между двумя этносами, не принимающими его. Русскими – как человека другого этнического происхождения, иной внешности, хотя и говорящего лишь по-русски. Алтайцами – как человека, не говорящего на родном языке и поэтому не отвечающего главному критерию этнической принадлежности – знанию родного языка [Tadina, Tzib 2023: 301].

Респонденты отмечают постепенную утрату детьми-алтайцами навыков общения на алтайском языке, особенно в районных центрах и городе. Одну из причин связывают с широким развитием Интернета, популярностью виртуальных социальных сетей, мессенджеров, видеосервисов «YouTube» и «TikTok». В повседневной жизни алтайцев бытует определение «*Каруселдың балдары*» (дети канала «Карусель»), когда начинают говорить на русском языке в результате просмотров мультфильмов.

Другая причина обусловлена сохраняющимся стереотипом, сложившимся в советский период, когда относятся к алтайскому языку как недостаточно развитому и используемому лишь в бытовой жизни. В среде алтайцев, ассимилированных и ориентированных на русское влияние, прослеживается осознанный отказ в обучении детей родному языку, даже в тех семьях, где родители в совершенстве владеют алтайским языком. По их утверждению, «алтайский язык не нужен их детям в будущей жизни, а владение русским языком – это гарантия успешного получения высшего образования и профессиональной карьеры». В 2011 г. журналист и общественник В.Э. Кыдыев сказал по этому поводу: «Родители-алтайцы в этом вопросе «распустились», не заботятся о сохранении и развитии родного языка, а это наносит большой ущерб нашей нации. Ведь для сохранения этноса необходимо сохранение языка» [Владимир Кыдыев 2023].

Общественные объединения «Совет зайсанов» и «Курултай алтайского народа» предлагают ряд мер с целью повышения социального престижа алтайского языка. Например, ввести систему поощрений для лиц, хорошо владеющих родным языком. В случае успешной сдачи выпускного экзамена по алтайскому языку предоставлять целевое обучение в высшие и средние учебные заведения. При приеме на престижную административную работу отдавать предпочтение кандидату, хорошо владеющему двумя государственными языками – русским и алтайским. Определить список профессиональной деятельности, в которой предполагается знание алтайского языка – языка титульной национальности региона. По мнению исследователя Н.Н. Тыдыковой: «Одной из главных причин малого успеха в огосударствлении алтайского языка является недостаток квалифицированных кадров, компетентных в двух государственных языках. Ведь для того, чтобы алтайский язык полноценно функционировал в органах государственной власти и в учреждениях, его должны знать государственные служащие. При этом они должны вла-

деть литературным языком и необходимой профессиональной лексикой на этом языке» [Тыдыкова 2023]. Следует отметить, что в сложившихся общественно-политических условиях эти предложения нереализуемы и противоречат федеральному, республиканскому законодательству, в которых сказано о недопустимости каких-либо языковых ограничений граждан при их устройстве на работу.

Характер языкового образования: программы и качество преподавания языков в школах (и в национальных, и в русских)

С целью реализации языковой политики принята «Концепция поддержки и развития государственного национального языка в Республике Алтай на 2022–2024 годы», утверждена программа «Сохранение и развитие алтайского языка на 2022–2027 годы». С 2015 г. «Совет по алтайскому языку при главе Республики Алтай» координирует деятельность органов государственной власти региона, местного самоуправления, общественных объединений, организаций культуры и искусства, научных, образовательных и иных организаций по вопросам, связанным с сохранением и развитием алтайского языка. Ежегодно проводятся научно-практические конференции, в которых местные министерства, комитеты отчитываются в проведении мероприятий по поддержке и развитию алтайского языка.

Главная причина понижения уровня владения алтайским языком у детей, как считает алтайская общественность, – это доминирование русского языка в детском саду и сокращение часов преподавания родного языка и литературы в школе. Так, в смешанных по этническому составу крупных селах, районных центрах и городе актуальна проблема обучения родному языку в детских садах. Информанты сообщают, что дети, выросшие в алтайских селах и свободно говорившие в семье на алтайском языке, поступая в детский сад, переходят на русский язык общения в течение двух-трех месяцев. При этом воспитатели настаивают, чтобы родители разговаривали с ребенком на русском языке, чтобы у него не было языкового барьера в общении с другими детьми. В школах республики сокращены часы на изучение родного языка и литературы в соответствии с федеральным законодательством. Все больше учащихся-алтайцев не желают изучать алтайский язык по причине необходимости подготовки других предметов и сдачи ЕГЭ на высокие баллы с целью поступления в престижные вузы. В целом это способствует снижению грамотности, утрате навыков письменной и устной речи на родном языке.

В сложившейся языковой ситуации в Республике Алтай общественные организации предлагают принять закон «О введении обязательного изучения родного языка детьми-алтайцами». В 1999 г. общественная организация «Городской курултай алтайцев» впервые предложила этот

закон: «В целях удовлетворения этнических интересов и потребностей алтайского населения в вопросах образования Городской курултай алтайцев предлагает министерству образования и науки РА, администрации г. Горно-Алтайска: ввести изучение всеми детьми-алтайцами родного языка, национальной культуры во всех детских садах, школах, гимназиях, лицеях, ПТУ; для создания правовых условий по реализации государственных языков РА в сфере образования просить Госсобрание-Эл Курултай РА организовать обсуждение проекта закона «Об образовании» в республике. В законе предложить ввести обязательное изучение родного языка учащимися алтайцами во всех типах образовательных учреждений» [Ябыштаев 2022: 112].

В конце 2000 г. под давлением общественности Правительство РА приняло постановление о дополнении закона «Об образовании в РА»: «... ввести в образовательных учреждениях РА обязательное изучение родного языка детьми-алтайцами с 1 сентября 2001 года». Однако Прокуратора РА оспорила его, усмотрев несоответствие федеральному законодательству в нарушении прав детей и родителей.

Периодически общереспубликанский съезд «Курултая алтайского народа» поднимает вопрос о необходимости закона «Об образовании в РА» в общественной жизни региона. В октябре 2013 г. в г. Горно-Алтайске состоялся круглый стол с участием методистов Центра информационно-методического обеспечения муниципальных образовательных учреждений, Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования РА (далее – Институт повышения квалификации), представителей общественных организации и учителей алтайского языка. Участники круглого стола выступили с инициативой разработать и принять «закон об обязательном изучении родного языка учащимися алтайской национальности». В марте 2015 г. съезд «Курултай алтайского народа» предложил проект закона на рассмотрение регионального Парламента [Педагоги 2023].

Основным исполнителем программы обучения алтайскому языку является Министерство образования и науки РА. В 2012 г. в связи с введением федеральных государственных образовательных стандартов в российское образование республиканским министерством была проведена работа по обновлению подходов преподавания алтайского языка и литературы. Создана единая образовательная среда в изучении алтайского языка на всех уровнях общего образования: дошкольное, начальное, основное и среднее [Саврасова 2021: 25].

В целях выстраивания непрерывного обучения алтайскому языку ведётся внедрение единого комплекса «детский сад – школа». В 2016 г. принята «Дорожная карта по обеспечению условий для открытия национальных (алтайских) групп в образовательных организациях, реализую-

щих образовательную программу дошкольного образования в Республике Алтай». В 2020 г. был запущен проект «Полилингвальная модель обучения алтайскому языку в дошкольных образовательных организациях, расположенных на территории Республики Алтай» до 2025 г. В качестве стажировочных площадок выбраны детские сады, в которых апробируется данная модель обучения. Проект предполагает организацию «национальных (алтайских) групп», в которых будет создана языковая среда. Обучение разделено на несколько этапов. Так, на I этапе обучение ведётся на родном языке, на II – алтайском и русском и на III этапе – алтайском, русском и английском языках. Считается, что данная модель позволит обеспечить преемственность знания алтайского языка детьми между детским садом и начальной школой [Об утверждении 2020].

В регионе 164 муниципальных дошкольных образовательных организаций. В 2021/2022 учебному году в 84 детских садах преподавали алтайский язык. Создано 106 национальных групп, которые посещают 26 % детей от общего количества воспитанников (13943 чел.). Алтайский язык преподают 94 педагога. В 2016–2020 гг. издано свыше 10 учебно-методических пособий для детских садов: программа «*Күнеш*» («Солнышко»), методические пособия по алтайскому языку, хрестоматии, детские песни, выпущены CD-диски с отечественными мультфильмами, озвученными на алтайском языке [Об утверждении 2020]. *В 2023 г. в рамках реализации полилингвальной модели обучения* в детских садах планируется открытие «национальных уголков» по единой концепции (брендбуку), в которую входит шесть стендов на алтайском языке: «*Ар-бӱткен ле бис*/«Природа и мы», «Государственные символы», «Счёт», «Алфавит», «Цвета», «Сегодня на занятии» [В детских садах 2023].

Следует отметить, что количество открытых национальных групп в детских садах зависит от этнического состава района проживания. Об этом свидетельствуют мониторинговые исследования Института повышения квалификации в 2022 г. Так, в Онгудайском районе функционирует 18 детских садов, в 15 открыто 20 групп с обучением на алтайском языке. В Усть-Канском районе 15 детских садов, открыто 30 групп. Обратная ситуация в Турочакском районе, где 11 детских садов и открыты лишь две национальные группы, в которых ведется обучение на алтайском языке. В Майминском районе 10 детских садов, функционирует одна группа. В Чойском районе семь детских садов, алтайских национальных групп нет. В перечисленных районах нет перспектив открытия групп с изучением родного языка. Основными причинами являются недостаточное количество детей, желающих изучать алтайский язык, а также отсутствие педагогов. В г. Горно-Алтайске функционирует 16 детских садов. В 2022 г. общее количество детей в городе составило 3218, из них алтайской национальности – 1127. В двух детских садах

города открыты алтайские группы, 442 воспитанника изучают родной язык [Об итогах 2022].

В ФЗ «Об образовании в РФ» установлено право выбора родителями, законными представителями несовершеннолетних, какой язык в качестве родного будут изучать их дети в школе. Известно, что данная поправка была внесена для того, чтобы преподавание национальных языков не шло в ущерб русского языка. Согласно «Федеральной образовательной программе основного общего образования» на изучение родного языка и литературы отведено три часа в неделю. В том числе русский язык изучается как родной язык, если родители выбрали его, то учащийся получает дополнительные часы на его изучение [Майзина 2019: 196, 197].

По данным Министерства образования и науки РА, в 129 школах региона преподают алтайский язык 159 педагогов. В 2021/2022 учебном году с 1 по 11 классы алтайский язык изучали 30 % школьников от общего числа учащихся (39248 чел.). В школах муниципальных районов и города алтайский язык преподают по двум программам по желанию детей и их родителей. Детей, хорошо владеющие родным языком, обучают по основной программе «Родной (алтайский) язык», который включен в федеральный реестр примерных программ. Детей, слабо владеющих и не владеющих родным языком, обучаются по программе «Алтайский язык как государственный язык Республики Алтай» [Саврасова 2021: 24-25].

Преподавание алтайского языка в школе также зависит от этнического состава населенных пунктов. Например, в единственном алтайском селе Бешпельтир Чемальского района преподают алтайский язык по основной программе. В остальных школах района по программе начинающих изучать родной язык обучение вовсе не ведется в связи с нежеланием детей или по причине отсутствия учителей алтайского языка. Кроме того, есть школы, в которых реализуются две программы, в этом случае учащиеся составляют две группы: хорошо владеющие родным языком и слабо или незнающие алтайский язык.

В г. Горно-Алтайске две общеобразовательные школы считаются «алтайскими школами»: республиканская гимназия им. В.К. Плакаса и средняя общеобразовательная школа № 7. В этих школах соблюдается обязательное изучение алтайского языка и литературы по двум программам. В уставе образовательных организаций утверждено, что «организация и воспитательные мероприятия могут проводиться на алтайском языке» [Устав 2023]. В республиканской гимназии обучение ведется с 5 по 11 классы. Для поступления в 5 класс обязателен экзамен по алтайскому языку. Среди учащихся преобладают дети городских алтайцев и переехавших в г. Горно-Алтайск из других районов региона.

Наблюдается тенденция, когда родители, желая облегчить обучение ребенку, хорошо владеющему и свободно говорящему на родном языке,

записывают его в группу для начинающих. К примеру, в школе № 7 во 2 классе, где 26 учеников, лишь четверо детей посещают уроки алтайского языка по основной программе. В марте 2021 г. на межрегиональной научно-практической конференции «О функционировании государственного алтайского языка на территории Республики Алтай» И.И. Белеков, бывший депутат Государственной Думы РФ, по этому поводу в своем пленарном докладе сказал: «Родители пишут заявления о выборе их детьми языка обучения, хотя по закону те обязаны изучать родной язык. Да, в федеральном законе существует статья о добровольности выбора языка. Но в этом случае, если ребёнок, кроме родного и государственного русского желает учить другой язык, например, татарский, мордовский, удмуртский, чувашский и т.п. Это стало поводом для родителей, чтобы облегчить жизнь своему ребёнку. Не понимая, что при их же попустительстве ребёнок лишается жизненно важных генетических и исторических корней и обрекает своё потомство на такое же существование» [Белеков 2021: 13].

В период предвыборных кампаний средняя общеобразовательная школа № 7 становится инструментом политических манипуляция в «разыгрывании национальной карты» алтайского электората. Почти каждая партия и кандидат обещают помочь в строительстве нового здания школы. Дело в том, что школа № 7 с момента открытия в 1992 г. до настоящего времени размещается в арендованном здании, не соответствующем санитарным нормам обучения детей.

Ситуация начала меняться в 2014 г., когда по поручению Президента РФ было выделено 450 млн руб. из федерального бюджета на строительство школы № 7. К её возведению не приступали долгое время, объясняя поиском инвесторов. В декабре 2019 г. на ежегодной пресс-конференции В.В. Путина корреспондент газеты «Алтайдын Чолмоны» обратилась с просьбой решить вопрос о строительстве единственной «алтайской школы № 7 в г. Горно-Алтайске». В 2021 г. при поддержке федерального и республиканского бюджетов началось возведение здания на окраине города [В Горно-Алтайске 2023].

В других городских школах обучение ведется по программе «Алтайский язык как государственный язык Республики Алтай». Например, на официальном сайте лицея № 6 сообщается, что в 2022/2023 учебном году алтайский язык изучают 123 учащихся. В лицее № 1 и школе № 13 выразили желание изучать алтайский язык 315 школьников. Анализ составленных школьных расписаний показывает: если пять-семь лет назад уроки по алтайскому языку были последними или проводились во внеурочное время как факультатив и воспринимались детьми как дополнительная нагрузка, то в настоящее время уроки по родным языкам проходят параллельно. Учащиеся составляют группы по предметам «русский родной язык» и «родной алтайский язык» [Изучаем 2023].

В рамках программы «Сохранение и развитие алтайского языка на 2022–2027 годы» открываются «кабинеты алтайского языка» в городских и районных школах с целью повышения качества преподавания алтайского языка. Кабинеты оформлены по единому брендбуку, оснащены необходимыми информационными и демонстративными материалами, стендами, оргтехникой и атрибутами алтайской культуры. По сообщению Министерства образования и науки РА, с 2021 г. в школах региона оснащено 29 кабинетов [Кабинеты 2023]. Подготовка учителей алтайского языка для начальной школы осуществляется в Горно-Алтайском педагогическом колледже по направлению «Преподавание в начальных классах», профиль «Учитель начальных классов с правом преподавание алтайского языка». В Горно-Алтайском государственном университете на факультете алтаистики и тюркологии, открытом в 2018 г., подготовка педагогических кадров обучения реализуется в очной форме по профилям «Родной язык и Иностранный (английский) язык», «Родной язык и Китайский язык». В заочной форме - по профилям обучения «Родной язык и Дошкольное образование» и «Родной язык и Этнокультурное образование» [Саврасова 2021: 24].

В 2012 г. была открыта кафедра методики преподавания алтайского языка и литературы на базе Института повышения квалификации. Её основной задачей является научно-методическое сопровождение и подготовка к изданию учебников, учебно-методических материалов по предметам «Алтайский язык», «Алтайская литература» и «История Горного Алтая». В течение 10 лет подготовлено более 130 изданий по этнокультурной составляющей образования, учебники с 1 по 9 классы, разработаны электронные формы учебников для смартфона, планшета и компьютера. В 2016 г. учебники «Алтай тил» (Алтайский язык, 1–4 классы), «Литературалык кычырыш» (Литературное чтение, 2–4 классы) были включены в Федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию в школах, имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего образования. В 2019 г. учебники 5–9 классов успешно прошли педагогическую и научную экспертизу в Российской академии наук и также вошли в федеральный перечень. В настоящее время кафедра начала работу по подготовке учебников «Алтайский язык» 1–9 классы по программе «Алтайский язык как государственный язык Республики Алтай» для детей, слабо владеющих и не владеющих алтайским языком [Учебники 2023].

В общественно-политическом дискурсе существует мнение о том, что принятие закона «Об образовании в РА» может привести к внутриэтнической и межэтнической дестабилизации. В феврале 2012 г. на официальном сайте Госсобрания – Эл Курултай РА проводился опрос обще-

ственного мнения, связанный с реализацией закона «О языках РА». В результате за обязательное изучение алтайского языка в школах выступили 63 % опрошенных [Госсобрание 2023].

В мониторинговых исследованиях языковой ситуации Института алтаистики был включен вопрос об отношении к обязательному изучению в школе алтайского языка детьми-алтайцами. В 2018 г. в Кош-Агачском, Улаганском, Усть-Канском, Усть-Коксинском районах 91,7% респондентов высказались за обязательное изучение (табл.4). В 2019 г. в Чемальском и Майминском районах 70% опрошенных также ответили положительно. В 2021 г. в Шебалинском районе 58,1% респондентов поддержали обязательность изучения родного языка в школе [Мониторинг 2019].

Таблица 160

Отношение к обязательному изучению детьми-алтайцами алтайского языка в школе, %

Варианты ответов	**2009 г.**	**2016 г.**	**2018 г.**
Да	91,0	96,0	91,7
Нет	9,0	2,0	1,5
Затрудняюсь ответить		15,0	5,9

Примечание. Таблица составлена по: Майзина, 2019, с. 192–200

В 2022 г. на официальном сайте Института алтаистики был проведен онлайн-опрос. Один из вопросов был сформулирован так: «Вы согласны с мнением о необходимости изучения алтайского языка в школе детьми алтайской национальности?». Положительно ответили 96,6% опрошенных. Другой вопрос о форме изучения алтайского языка в школе детьми алтайской национальности: «Если дети должны изучать алтайский, то каким должно быть изучение: «Обязательным» или «Добровольным»?». 82,8% ответивших считали, что детям алтайцев необходимо обязательное изучение алтайского языка в школе, 16,7% ответивших считали, что дети должны изучать алтайский язык добровольно, 0,3% затруднились ответить на вопрос [Дилекова 2023]. Таким образом, по данным проведенных исследований и опроса населения, на наш взгляд, необходимо введение обязательного изучения алтайского языка детьми-алтайцами, что не обязательно вызовет внутриэтническую и межэтническую напряженность в регионе, хотя, конечно, нужна серьезная подготовка общественного мнения и проведение дополнительных независимых социологических исследований.

Языковое просвещение и социальная реклама, ориентированная на язык и гражданскую интеграцию

Каждый год 20 октября, в день рождения классика алтайской литературы Л.В. Кокышева, отмечается День алтайского языка, учрежденный постановлением Правительства РА в 2014 г. В преддверии и в день праздника организуются более 20 мероприятий, акций, конкурсов чтения, выставки, где принимают участие дети и их родители. Традиционными стали конкурсы «Биле бирлигиле бек» («Семья крепка ладом»), интеллектуальный конкурс «Тийиҥеш» («Бельчонок»), конкурс чтецов «Тирӱ классика алтай тилле» («Живая классика на алтайском языке»), республиканский слет юных поэтов «Амаду» («Мечта»). С 2020 г. организуется лингвистическая онлайн-смена по углубленному изучению алтайского языка и литературы. В Национальном драматическом театре им. П.В. Кучияк пополняется репертуар новыми постановками на алтайском языке. Ежегодно проводится фестиваль алтайских эстрадных песен «Алтай микс» [Саврасова 2021: 24].

Министерство образования и науки РА ведёт работу по вовлечению родителей в процесс изучения алтайского языка, мониторинг состояния их удовлетворенности качеством преподавания алтайского языка в дошкольных и общеобразовательных организациях. В 2020 г. впервые организованы серии лекций на алтайском языке по теме «Родной язык и культура народа – великая ценность». Лекции о культуре, языке, литературе, традициях и обычаях алтайского народа читали местные учёные и общественные деятели региона. Создан сайт «Современный родитель», где во вкладке «Изучаем алтайский язык» размещены материалы, словари и таблицы по алтайскому языку и литературе, учебно-методическая литература для дошкольного образования, аудиокниги, мультфильмы, детские песни, электронный журнал «Чаабычак» («Оленёнок») и видеоклипы на алтайском языке. Разработаны мобильные приложения «Алтай чӧрчӧк балдарга» («Алтайские сказки детям»), «Куучынчы таныктар» («Говорящий алфавит»), общедоступные в магазине приложений Google Play.

В рамках подпрограммы «Сохранение и развитие алтайского языка в Республике Алтай» Министерством образования и науки совместно с ГТРК «Эл Алтай» создан образовательный портал «Изучайте алтайский язык онлайн» (altaitil.ru), где размещены необходимые материалы для изучения алтайского языка детьми и взрослыми. Планируется загрузить 75 видео-уроков, распределенных по категориям: «Знакомство», «Дом», «Семья», «Природа» и т.д. В настоящее время на портале размещены 35 видео-уроков [Чендекова 2021: 91–92].

В СМИ алтайский язык представлен недостаточно широко. Единственной республиканской газетой, выходящей два раза в неделю на

алтайском языке, является газета «Алтайдың Чолмоны» («Звезда Алтая»), тиражом не более 3-х тыс. экземпляров, который ежегодно уменьшается. Кроме того, журналистика не пополняется молодыми специалистами из-за отсутствия навыков письма на алтайском литературном языке и небольшой заработной платы. В г. Горно-Алтайске единственное издательство «Алтын Туу» («Золотая гора»), выпускающее алтайскую художественную литературу на двух языках. Иногда издаются детские журналы. Выпуск газет на алтайском языке зависит от национального состава районов, где численное преобладание алтайцев, например, в Улаганском районе газета «Улагандардың солундары» («Новости Улаганского района») или Усть-Канском районе «Өйдиң ӱни» («Голос времени»). В районах русскоязычного большинства в газетах не публикуют статьи на алтайском языке. Республиканское телевидение «Эл Алтай» ежедневно выходит в эфир на телеканалах «Россия 1» и «Россия 24». Передачи на алтайском языке в течение часа выходят утром, в неудобное и непопулярное время, поэтому не охватывают большую часть зрителей-алтайцев. Неслучайно на популярном видеохостинге Youtube создан одноименный канал.

Популяризируя родной язык среди маленьких зрителей, ГТРК «Эл Алтай» с 2015 г. проводит переозвучивание на алтайском языке мультфильмы, созданные в советское время, включает в телепередачи и размещает на сайте телерадиокомпании. Например, озвучены мультфильмы «Мама для мамонтенка», «Крошка Енот», «Испорченная погода» и несколько серий современного популярного мультфильма «Тиг и Лео». В 2020 г. был снят мультфильм на алтайском языке по мотивам народной сказки «Ырысту». Группа инициативной молодежи ведет работу по переводу на алтайский язык интерфейса социальных сетей «Вконтакте» и «Википедии» [Начались съемки 2023].

В рекламных, торговых вывесках, названиях магазинов, коммерческих центров и объявлениях, звучащих в общественном транспорте, отсутствует алтайский язык. В 2013 г. руководство аэропорта отказалось от объявлений на алтайском языке, объяснив: «...нам не понравился человек, который это записал, мужским голосом таким, командным, пассажир же человек, должна быть какая-то в голосе доброта, а у меня такое впечатление, куда бы убежать» [Маркова 2023]. В 2021 г. житель г. Горно-Алтайска предложил Министерству регионального развития РА, чтобы объявления автовокзала и аэропорта звучали не только на русском языке, но и алтайском языке. Ему ответили о невозможности использовать алтайский язык в голосовых объявлениях, потому что будет «излишний шумовой фон» и это противоречит рекомендации Ассоциаций аэропортов и автоперевозчиков о снижении частоты голосовых сообщений. Ответ чиновников был распространен

по виртуальным сетям и через мессенджеры и широко обсуждался общественностью. С целью урегулирования ситуации Глава РА О.Л. Хорохордин публично осудил взгляд на проблему и ответное действие чиновников [Чиновники 2023].

Как считает исследователь Н.Н. Тыдыкова, реализация республиканского закона «О языках РА» не выполняется в полной мере. Основная причина неудач языковой политики заключается в том, что «статьи данного закона являются слишком мягкими и не устанавливают обязательности использования алтайского языка. Формулировка текста статей не дает четкого ответа на вопрос: обязательно ли использование алтайского языка в работе государственных учреждений и органов власти или его использование просто разрешается» [Тыдыкова 2010: 28]. Кроме того, министры и депутаты-алтайцы не пользуются правом выступления на родном языке на сессиях и заседаниях комиссий регионального правительства и парламента, в противном случае это могло бы способствовать повышению престижа алтайского языка.

Таким образом, языковая политика Республики Алтай направлена на сохранение и развитие алтайского языка и распространение его среди подрастающего поколения алтайцев. В сфере образования принимается комплекс взаимосвязанных государственных программ для детей дошкольного и школьного возрастов. Благодаря поддержке Правительства РА создаются условия для преподавания алтайского языка и литературы в школе: издаются учебники, оснащаются кабинеты, открыт единый Интернет-портал для изучения родного языка детьми и взрослыми. Однако проводимые мероприятия не расширяют сферы использования алтайского языка как языка домашнего (семейного) общения и групповой коммуникации на территории компактного проживания алтайцев. В общественном пространстве города, крупных сел и райцентрах отсутствует алтайская языковая среда. Для алтайцев, живущих в смешанных русско-алтайских селах и г. Горно-Алтайске, характерно слабое владение родным языком, что последующим поколениям может стать основанием смены этнической идентичности и приведет к полной ассимиляции в русскоязычной среде. Увеличивается тенденция осознанного отказа родителями от обучения детей родному языку в связи с малой востребованностью алтайского языка в сфере местной власти, торговли, обслуживания и бизнеса. Региональная власть испытывает необходимость в разработке политики социального престижа алтайского языка. Для этого нужно поэтапное языковое планирование, прежде всего, расширить функционирование алтайского языка в структурах местной власти, определить ряд административных должностей, в которых необходимо знание языка титульного этноса республики – алтайского языка.

Глава 13

Опыт языковой политики в Республике Саха (Якутия)

Язык – это носитель культуры, и потому трансляция этнокультурных традиций наиболее очевидно и эффективно осуществляется с помощью этнического языка, и якутский язык не является исключением. Современная якутская молодежь – активный актор этнокультурных процессов, но она сохраняет и приобщается к культурному наследию предков в специфических условиях культурной глобализации и урбанизации. Основным содержанием нашего исследовательского кейса, реализованного в рамках общего языкового проекта, стала попытка осмыслить как, откуда и через что якутская молодежь получает «сокровенные» знания предков.

Надо прежде отметить, что в тексте, в первых двух абзацах и далее «саха/якуты» и «якутское/якутяне» – это два разных понятия, имеющие свои четкие границы. В рамках первого понимания «саха/якут» есть этническое сообщество и этническая характеристика. В таком понимании якуты – это культурно-языковое сообщество, объединенное общей этнической идентичностью.

Второе толкование определителей «якутяне» и «якутское»: понимается современное территориально-политическое сообщество, сформировавшееся в Республике Саха (Якутия) в процессе ее национально-государственного строительства, состоящее как из старожильческого населения, так и из поздних переселенцев, самой разной этнической и конфессиональной принадлежности. В якутском обществе сейчас уживаются культуры русских, украинцев, татар, дагестанцев, армян, саха, эвенков, эвенов, таджиков, киргизов и др. Численность и этнический состав населения в XX и XXI в. динамично меняются (табл. 161).

Таблица 161

Динамика численности и этнического состава населения Якутии

Национальность	**1926 г., тыс. чел.**	**%**	**1959 г., тыс. чел.**	**%**	**1989 г., тыс. чел.**	**%**	**2021 г., тыс. чел.**	**%**
якуты	235,9	82,5	226,1	46,4	365,2	33,4	469,3	47,1
русские	30,1	10,5	215,3	44,2	550,2	50,3	277,0	27,8
другие	19,8	7,0	45,9	9,2	178,5	16,3	249,3	25,1
все население	285,9	100,0	487,3	100,0	1094,15	100,0	995,7	100,0

Изменения в численности и этническом составе населения обусловлены как демографическими факторами, так и экономическими. В последние десятилетия республика бурно развивается, что связано с освое-

нием ее природных ресурсов и изменением структуры экономики. Изменения влекут за собой ускоренную урбанизацию, которая меняет не только социальную структуру населения, но и образ жизни. Динамичные перемены в свою очередь порождают культурные и этнополитические коллизии, связанные со столкновением традиционализма и модернизации, традиций сельского и городского образов жизни, этничностью и гражданственностью. В центре этих столкновений с 1970-х гг. находится якутская молодежь, которая, с одной стороны, пытается сохранять связь с культурными корнями, а с другой – активно вовлекается в процессы модернизации.

Этничность как форма культурной солидарности людей тесно сопряжена с другими формами культурного самовыражения, в числе которых наиболее значимой является этнический язык, а в случае с якутами таковым является якутский язык - саха тыла. Специалистами языковедами отмечается, что якутский язык сохраняет статус «уязвимого» языка. Если с этнической идентичностью якутов, с их национальными институтами культуры в принципе все нормально (СМИ, образование, искусство, печать, делопроизводство и пр.), то анализ языковых компетенций якутов показывает другую картину, поскольку якутские дети (в частности городские) не говорят на родном языке или говорят плохо в связи со спецификой социокультурной среды, сформировавшейся в Республике Саха, отличительной чертой которой является двуязычие.

Якутское этническое сообщество сейчас, в XXI в., территориально сосредоточено и развивается в трех социокультурных средах: крупных селах, деревнях и городах, в той или иной мере затронутых процессами модернизации и вовлеченных (в разной мере) в современную информационную цивилизацию.

Но в якутской повседневности есть люди, которые ведут, по современным меркам «реликтовый», традиционный образ жизни. Эти люди живут, придерживаясь традиционных ритмов жизни и поддерживая традиционную культуру жизнеобеспечения. Это – табунщики (табунное скотоводство), оленеводы (тундровое и лесное оленеводство), рыболовы и охотники.

Для поиска ответа на вопрос, как этническая культура якутов сохраняет стабильность в условиях глубоких социально-экономических и культурных трансформаций, надо обратить внимание на социокультурную среду, в которой формируется этническая идентичность. Для самоидентификации человека в обществе важным является его причастность к более крупной структуре – этнической и культурной общности. Также немаловажный фактор этнокультурного развития – это сохранение народных знаний и умение их использовать в современных условиях. Здесь, вероятно, надо озвучить спорный в теоретическом плане

тезис о том, что, как только человек начинает заниматься определенным видом профессиональной деятельности, он усваивает не только профессиональные навыки и этикет, но начинает использовать и специальный понятийный аппарат, а, следовательно, и профессиональный сленг, а шире – язык, которым пользуются члены профессионального сообщества. Культурная глобализация, цифровизация, урбанизация, приобщение к мировым культурным достижениям приводят к сдвигу в сознании человека и ослаблению значимости этнокультурной идентичности. Для сельских якутов это отражается прежде всего в потере традиционных навыков, связанных с привычной системой их жизнеобеспечения – коневодством, скотоводством, оленеводством. Но это же касается и культурного потребления, коммуникации между людьми.

Например, в якутских деревнях, где, казалось бы, существует моноэтничная культурная среда и должен, по идее, функционировать только якутский язык, сегодня все активнее используются русский и даже английский языки. Дети, получившие доступ к интернету, потребляют в большинстве своем интернет-ресурсы, созданные на русском и английском языках. Это приводит к тому, что, когда в село приезжают родственники из города (русскоязычные), тогда общение между родственниками автоматически переходит на русский. Модернизационные процессы ведут к ослаблению ориентаций на традиционный образ жизни, ориентаций на этнические традиции, привычный уклад жизни. Так, к примеру, в последние годы, по наблюдениям сельских жителей, численность частных хозяев, держащих коров, последовательно уменьшаются. В связи с этим, например, республиканские власти увеличивают субсидии семьям, которые держат КРС, разводят лошадей, занимаются оленеводством.

Тем не менее этничность остается актуальной формой культурной солидарности в Якутии, как на селе, так и в городе. Сельская культурная среда всегда оценивается как монокультурная, моноэтничная, где наиболее успешно осуществляется трансляция культурных навыков и ценностей от старшего поколения к младшему. Население городов Якутии, превратившихся в мощные промышленные центры (Нерюнгри, Алдан, Мирный, Нюрба), рассматривается как поликультурные сообщества.

Заметим, что в городах Якутии, и конкретно в Якутске, наиболее активно происходят социальные и культурные изменения, связанные с переменами в социальном облике местных сообществ, меняющимся характером культурного потребления, инновациями, межкультурным взаимодействием, изменениями в образе жизни и ценностных ориентациях.

Общеизвестно, что молодежь всегда выступает как наиболее социально активная и мобильная группа общества, и якутская молодежь является ярким подтверждением этого тезиса. Якутская молодежь при позиционировании себя как части определенного этноса опирается прежде

всего на опыт, полученный в монокультурной среде, усвоенные в этой среде ценности и культурные стереотипы.

Городская якутская молодежь – это самая активная часть народа саха как в политическом смысле, так и в смысле создания и усвоения новых культурных ценностей и практик. Но тут надо отметить особенность якутской городской среды, для которой весьма характерен конфликт или столкновение ценностей и традиций сельского и городского образа жизни, традиций и новаций, противостояние традиционных поведенческих кодов со стилем жизни и нормами поведения модернизированных социальных групп.

В первую очередь стоит рассмотреть социальные пространства, где происходит наиболее активное взаимодействие внутри группы, где происходит обмен опытом, налаживаются полезные контакты и осуществляется процесс культурной идентификации. Первичная социализация, как известно, на начальных этапах осуществляется среди узкого круга общения, в котором словесный обмен сведениями, наблюдение за действиями других индивидуумов и протекающими событиями, да и в целом существование, происходит в локальном социуме, где личность взаимодействует с ограниченным количеством людей, цели и взгляды на жизнь у которых чаще всего схожи [Яковлев 2020].

Именно таковым социальным пространством и является якутское село, культурная среда которого схожа с остальными российскими селами и селами на постсоветском пространстве (напр., в Казахстане). Для любого мигранта из села в новых для него условиях требуется адаптация к городской среде. Во многом адаптация к поликультурной, полиэтнической среде у якутской молодежи протекает через студенческие сообщества и землячества, где они могут реализовать себя и удовлетворить свои потребности в общении, обрести друзей. Не стоит также списывать и социальные сети, и интернет-пространство, откуда сейчас молодежь получает информацию о внешнем мире и где больше всего выражает свои жизненные позиции. Для современной якутской молодежи знание якутского языка, равно как и умение говорить на русском языке, на различных стадиях социализации молодого человека – детский сад, школа, университет, работа – играет если не основное, то существенное значение.

Городская молодежь Якутии

Одним из наиболее значимых исследований последних лет, которое посвящено анализу этнокультурных процессов, описанию ее трансформаций и попыткам прогнозирования дальнейших культурных изменений в республике, следует назвать проект «Форсайт Республики Саха (Якутия) – 2050» [Форсайт Республики Саха 2014]. Ценность этого проек-

та заключается в том, что авторами сделана попытка анализа широкого круга актуальных проблем, которые имеют место в общественной жизни якутов, и на основе полученных в ходе исследования данных ими сделан прогноз, касающийся изменений в характере этнической идентификации, культурном облике и языке якутов. Названный проект основывается на результатах социологических исследований, проведенных в Республике Саха (Якутия), а также интервью со специалистами. Материалы исследования позволили авторам проанализировать динамику и глубину этносоциальных процессов в республике и сделать дальнейшие прогнозы, касающиеся функционирования и сохранения традиционной культуры, использования языка, путей трансформации семейных отношений и семейного быта, этнической самоидентификации. Целью исследования была заявлена разработка возможных сценариев развития языка и культуры народов Якутии в долгосрочной перспективе.

В этом коллективном труде содержится информация, которая позволяет нарисовать своеобразный социальный портрет современной якутской молодежи. Авторами установлено, что 60% горожан являются горожанами в первом поколении (родители являются сельскими жителями). Эта группа горожан (их родители – сельские жители) воспитана в сельской местности, а потому ее представители часто проводят свое свободное время у родственников в деревне. И для оценки влияния урбанизации на их образ жизни и культурные представления делается сравнительный анализ в трех группах: сельские жители; горожане в первом поколении; горожане во втором поколении.

Исследование показало тесную связь якутов со своей этнической территорией. Так, на вопрос: «Что значит для вас земля предков?» ответы распределились следующим образом: «Это место моего рождения, моя малая родина» – 24,7%; «Это место моего рождения, моя привычная среда, где есть друзья и знакомые» – 22,6%; «Это место, где жили многие поколения моих предков, и я связан с нею через историю моего народа» – 18,8%.

В проекте «Форсайт Республики Саха (Якутия) – 2050» [Форсайт Республики Саха 2014] также сделана попытка создать социологический портрет по каждой из рассматриваемых групп. Основное внимание уделено сравнительному анализу жизненных стратегий, ценностных установок и отношению к национальной культуре. В своих выводах авторы приходят к тому, что процессы урбанизации влияют как на социально-демографические установки молодежи, так и на их социально-культурные позиции. Исследователи отмечают, что зафиксированные ими изменения, имеющие место в разных социальных средах, могут таить в себе риски для демографического и этнокультурного воспроизводства якутского этнического сообщества, и в первую очередь это касается «горожан

во втором поколении». Данная группа характерна тем, что «в меньшей степени включена в сферу действия родового клана, обеспечивающего трансляцию национального языка и культуры» [Форсайт Республики Саха, 2014: 127-134].

Городскую молодежь в основе своем можно разделить на обучающуюся и на молодежь работающую. Одна из первых отличительных черт городской молодежи от сельской – язык. Часто городские дети, молодежь общаются на русском языке. Главной проблемой для традиционных культур является опасность того, что в городских условиях она начинает стираться, трансформироваться, терять свои аутентичность и оригинальность. С этой проблемой сталкиваются молодежь Якутии, как только она начинает жить в городе: одежда, еда, ритм жизни, поведение и язык начинают быстро изменяться согласно условиям, в которые попадает молодой человек. Если на работе и в учебе у молодежи нет свободы самовыражаться, или она ограничена, например, имеют место корпоративные дресскод и этикет, то именно во время своего досуга, свободного времени молодежь начинает самовыражаться, опираясь на историко-культурное наследие своего народа.

Главным отличием свободного времени от рабочего (учебного) времени является возможность самостоятельно его организовать: распределить время и выбрать место. В этом плане города в Якутии, как и везде, дают больше вариантов выбора досуга, нежели в сельской среде. Как отмечают сами студенты, в повседневной жизни они (студенты СВФУ) общаются на якутском языке, с превалированием русского языка. Это связано с тем, что преподавание всех предметов в высших учебных заведениях осуществляется на русском языке. Но надо отметить, что якутский язык используется во внеаудиторное время, мероприятия студенческие проводятся как на якутском, так и на русском языках, при общении университетская молодежь охотно переходит на якутский и так же быстро, наоборот, на русский языки. Студенты, приехавшие на учебу из районов, встречают в повседневной жизни определенные сложности при адаптации к городской среде, на что они указывают при личных беседах.

В Якутске работают библиотеки, пытающиеся различными способами привлекать к себе молодежь: проводят тематические мероприятия, нацеленные конкретно на молодежь (лекции, публичные чтения). Библиотеки стараются быть площадками для реализации интересов. Так, в Smart-Бибилиотеке по выходным собираются любители настольных игр разных игровых вселенных. Популярны также «Чайные вечера», где собирается учащаяся и работающая молодежь за кружкой чая для того, чтобы обсудить различные злободневные темы, пообщаться и обменяться мнениями по поводу различных философских проблем или исторических тем, а также вопросов, касающихся развития якутской культуры.

На эти «Чайные вечера» приглашаются спикеры, эксперты, которые являются людьми, создающими современную якутскую культуру.

Не стоит, однако, обходить вниманием также клубную, барную культуру, тоже имеющую свое влияние на молодежь. Например, в Якутске существуют бары, в которых делается акцент на продвижение ГИК культуры, бары, целенаправленно позиционирующие себя как площадки для общения молодежи, а также городских жителей, интересующихся субкультурами. Эти заведения проводят опять же тематические вечера, которые пользуются успехом.

Мероприятия, проводимые в городских учреждения культуры или досуговых центрах, активно посещаемые якутской молодежью, нередко проводятся на якутском языке. Вместе с тем, концерты, творческие вечера и, конечно, общегородские мероприятия – на русском, хотя и на них якутская речь тоже звучит. При этом стоит заметить, что и в одном, и во втором случае полного доминирования якутского или русского языков нет, а наблюдается некий языковой дуализм, т.е. различные формы проявления двуязычия. Это объясняется тем, что городская среда в Якутии так же, как и в России, – это поликультурная, полиэтничная среда.

В настоящее время в республике активно развивается туризм. Развитие туристической деятельности способствует тому, что молодежь открывает для себя свой край. Стимул для активизации внутреннего туризма был связан с ограничениями, введенными во время пандемии COVID-19. Турфирмами, отдельными компаниями друзей стали организовываться короткие вылазки на природу, на реку Лена, в близлежащие леса и улусы. Компаниями из друзей, коллег теперь часто сплавляются по рекам Якутии, совершают путешествия в горы, причем эти горы порой находятся за Полярным кругом. Все эти большие и маленькие путешествия фиксируют на фото и видео, и молодежь с радостью делятся этим контентом со своими друзьями и просто подписчиками в социальных сетях. Снимают короткие или полнометражные видеофильмы для личного или общественного пользования.

Самым красивым, ярким проявлением сосуществования нескольких языков в современной якутской культуре является якутская киноиндустрия. «В прошлом году в республике в прокат вышло 13 фильмов. Кассовые сборы превысили более 73 млн рублей! Это явный успех. Три из пяти самых рентабельных фильмов России за прошлый год были якутскими. Это фильмы «Кюн кыыһа Кюннэй»,»Зина и Леха: Операция хвост и вымя» и «Бугун-былыр». А уже за первые четыре месяца 2023 г. на экраны вышло шесть фильмов, которые заработали 60 млн рублей!» [Савин 2023]. Слова генерального директора АО «Корпорация развития РС(Я)» Афанасия Саввина не лишены эмоций, но дают четкую картину развития киноиндустрии на современном этапе. Все фильмы, снимаю-

щиеся на якутском языке, имеют субтитры на русском языке. И когда в фильмах герои или полностью говорят на русском, или отдельные фразы или предложения, они не имеют субтитров на якутском языке. Последний факт, на наш взгляд, есть важный индикатор ситуации с языком в республике, показывающий роль русского языка как важного элемента городской культурной среды.

Объективно показывает развитие кино как индустрии в Якутии кандидат политических наук Н.А. Аргылов в соавторстве с У.В. Охлопковой в своей статье «Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен» [Аргылов, Охлопкова 2022]. Авторы дают детальный анализ развития киноиндустрии в Якутии, при этом делают особый акцент на независимом кино.

Якутское профессиональное киноискусство было заложено еще в начале XX в., и получает расцвет в конце XX в. Как отмечают Аргылов и Охлопкова, середина прошлого десятилетия стала переломным моментом в истории якутского кино. Оно вступило в пору творческой зрелости, получило признание за пределами региона, из узколокального феномена превратилось в значимый факт многонациональной культуры Российской Федерации. Особенность исследуемого этапа состоит в том, что якутское кино, которое изначально решало серьезные культурные, политические задачи, стало коммерческой отраслью. При этом якутские кинематографисты, как полагают указанные авторы, смогли совместить «внутреннюю нужду в идентичности с навязанной рыночной логикой», к сфере активно начали подключаться молодые люди, которые сами пишут сценарии, снимают, режиссируют.

Если на этапе становления якутское кино основывалось преимущественно на мифах и местных легендах, то современные работы в большей степени посвящены социальным проблемам и острым общественным вопросам. Эта тематика охотнее поддерживается аудиторией, что подтверждается данными о кассовых сборах в кинотеатрах Якутии с 2016 по 2021 г. Аудитория предпочитает фильмы, в которых показана повседневная жизнь, а героями выступают знакомые зрителям образы – парень и девушка из якутского села или жители столицы. Кино в Якутии опирается не только на традиционную культуру, но и является инструментом для рефлексии современных социальных проблем.

В 2019 г. в поездке в Верхнеколымск, с. Зырянка, информант А.В. отметила: «Почему молодежь [учителя], которая этим летом окончила университет, приезжает на полгода-год? Мы тут и зарплату делаем высокую, рабочие условия, чуть ли не сами топим печку им! А они уезжают – потому что досуга нет. Мужчина продержится год – до весенней охоты, и уезжает в Якутск обратно. А девочке особо тяжко – дом, работа, дом. Вот и держится три месяца, полгода». Молодые специалисты в Якутии

готовятся в университетах, находящихся в Якутске. В городе молодежь получает специальность и едет в родные районы, улусы. Где тоже существует своя проблема. Отток сельской молодежи в город волнует якутян тем, что в город переезжают те, кто смог сдать ЕГЭ, поступить в ВУЗ или найти хорошую работу. Как отмечают сами учителя: «мы городу отдаем лучших своих детей» [ПМА 2015].

Университет выступает также как мост между монокультурной и поликультурной средой. В Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова в 2022 г. учатся 18582 студента, 1517 преподавателей в 12 институтах, пяти факультетах, трех филиалах (Мирнинский, Чукотский, Нерюнгринский филиалы). Зачисление студентов идет в период августа, учебные занятия начинаются с 1 сентября. Начиная с сентября по июнь месяц, в течение девяти месяцев проводится 124 крупных мероприятий, не считая кураторских часов, в целом в течении 2022 г. было проведено 350 мероприятиями.

Как только молодой человек из села попадает в город, у него две возможности закрепится: жить в общежитии или на съемной квартире. Немаловажным фактором является то, что студенческий городок находится прямо в центре города и органично встроен в городскую среду. Так, студенты, живущие как в общежитии, так и на съемных квартирах (в прямой городской среде), легко адаптируются к городской культуре. Немаловажным фактором приобщения к городской культуре является языковые компетенции. Город Якутск – поликультурный, полиэтничный город, где, по ощущениям приезжих из села, превалирует русский язык. И наоборот, русскоговорящему человеку кажется, что в городе говорят только на якутском языке. Этот феномен объясняется просто – в Якутске существует двуязычная среда. И то, как человек учил в школе русский язык, то, как он умеет на нем общаться, дает ему больше возможностей к адаптации к новой, двуязычной среде.

«Цель воспитательной деятельности в СВФУ – воспитание духовно и физически развитой личности обучающихся, обладающих качествами, нормами поведения гражданина, патриота страны и носителя общечеловеческих ценностей, а также компетенциями, востребованными в современных социально-экономических условиях для реализации Миссии университета» [Воспитательная деятельность СВФУ 2023]. Если говорить про направления работы университета, то тут они четко регламентированы следующим образом: гражданско-правовое воспитание, патриотическое воспитание, духовно-нравственное воспитание, профессионально-трудовое воспитание, экологическое, культурно-творческое, физическое и научно-образовательное.

Если проанализировать СМИ, ТВ, Интернет-сайты в Якутии, можно предположить, что у многих якутов, особенно молодежи, возникают

проблемы с культурной самоидентификацией. Город Якутск как центр республики, являющейся местом, где осуществляется активная коммуникация между носителями различных культур, представляется им тем местом, где их самоидентификация может быть под «угрозой». В данном случае идет упор на историческую память и коллективное бессознательное, т.е. традиционные социокультурные коды воспринимаются лучше и приближенны к привычному образу жизни, а также легко вписываются в картину мира этнофора (носитель этнического самосознания), тем самым не нарушая его привычный уклад жизни.

Сельская молодежь и родной язык

В основе современной поселенческой сети Якутии лежат остроги и деревня, созданные в период военной и крестьянской колонизации Восточной Сибири и Арктики в XVII-XIX вв. Подавляющая масса современных якутских сел появилась в результате укрупнения колхозов и совхозов в конце 1940 – начале 1950-х гг., что является тоже типичной для истории развития культурного ландшафта в большинстве стран СНГ. «Центром» деревни в разные периоды исторического развития России выступали различные здания, места – администрации колхоза и наслега, школа, магазин, фельдшерский пункт (больница), маслоцех, СДК (сельский дом культуры, сейчас КДУ – культурно досуговое учреждение) [ПМА 2015].

Современные вызовы времени воздействуют на якутское село посредством экономических, социальных, политических механизмов и институтов. Конкретно эти процессы отражаются в повседневности через изменение культурных норм, традиций и прежде всего языка. Это сказывается на структуре повседневной жизни в сельской среде. Воздействие глобализации, урбанизации на якутское село приводит к возникновению негативных социальных последствий, таких как миграция, безработица, экономическое расслоение, исчезновение аутентичной местной культуры.

Изменения, происходящие в современном селе, привлекают внимание многих ученых и выступают в качестве предмета исследования разных отраслей науки. Активно обсуждаются социальные изменения, происходящие в сельской среде. В их числе миграция, демографические и инфраструктурные условия, социально-экономическое развитие, изменения в социокультурной жизни, адаптация сельских жителей новым условиям жизни, сложившихся в постсоветской России.

На разных этапах истории актуальность изучения сельского населения не являлась одинаковой. В сравнении с другими странами Россия имеет наибольшую численность сельского населения, представленную собственно селом, а также отчасти поселками городского типа и малы-

ми городами, которые по условиям и образу жизни, по составу населения и менталитету жителей, на наш взгляд, гораздо ближе к селу, чем к городу.

Республика Саха (Якутия) является регионом, где сначала появляется городская среда, а затем формируется сельская среда. Не в том плане, что города обратно деградируют в села. Природной основой культурного ландшафта стали алаасы (термокарстовые образования) и урочища. Именно в этих экологических нишах стали формироваться очаги хозяйственной деятельности якутов, когда их предки мигрировали из прежних мест обитания на север. Исходя из этого можно предположить, что традиционная культура жизнеобеспечения якутов связана не с деревнями, а в пространстве между зимними пастбищами и зимним жилищами (кыстык) и летними пастбищами и жилищами (сайылык).

Сельская молодежь Якутии подросткового возраста проходит социализацию именно в такой среде. Основная «трасса» социализации является линия – алаас/урочища – тайга – дом/двор – школа – муниципальные учреждения (школа, КДУ – культурно-досуговые учреждения, магазин, маслоцех) [ПМА 2014]. Основой для личностного культурного роста молодежи в сельской среде является якутский язык. Преобладание якутского языка в сельской местности позволяет нам говорить о моноэтничности и монокультурности якутского села. Якутский язык в селе используется в повседневной жизни во время работы, общении с соседями, с родственниками, при проведении официальных, культурно-досуговых мероприятий различного уровня.

Отдельно стоит отметить проблему организации образовательного процесса как в якутских селах, так и городах Якутии. Проблема на данном этапе стоит даже не в том, на каком языке преподают в школе и какой язык преподавать детям – русский или родной. Сегодня проблема якутского языка перешла на другую плоскость, а именно: остро встал вопрос обеспечения образовательного процесса учебно-методическими материалами, поскольку очевидно ощущается отсутствие качественных учебников по различным предметам на родном языке как в начальных классах, так и на последующих этапах обучения. На данный момент общественность и Правительство Республики ведут поиски выхода из этой ситуации.

Общественность в различных улусах отмечает угрозу не просто исчезновения языка, но и традиционных промыслов. В некоторых якутских наслегах (муниципальные образование, сельское поселение) практикуют коллективный выход со школьниками по заготовке дров на зиму, помощь старикам, коллективную охоту. При этом практически все эти мероприятия нацелены на приобщение к традиционным видам хозяйствования в условиях Якутии, к приобщению подрастающего поколе-

ния к духовной культуре народа, и все эти мероприятия проводились на якутском языке.

Для человека, попавшего из монокультурной среды в поликультурную среду, нужны простые и понятные маркеры, помогающие ему сохранить его «этническое самосознание» и самоидентификацию. Такими маркерами выступают прежде всего традиции (культура жизнеобеспечения), которые, трансформируясь и видоизменяясь в городской среде, сохраняются и превращаются в самые простые и понятные маркеры – сакральные локусы, этнокультурные элементы городского культурного ландшафта. Так, якутская молодежь, казалось бы, атеистичная по религиозной идентификации, в городской среде четко определяет свою идентичность: «У нас своя вера в духов природы и Айыы» («Биьиги бэйэбит итэ5эллээхпит, айалаа уонна Айыыларга итээйэбит») [Воспитательная деятельность СВФУ 2023].

Здесь стоит заметить, что, начиная с 1990-х гг. православие, которое было принято якутами в качестве основной религии еще в XVII в., в условиях «этнического ренессанса» все более уступает свои позиции шаманизму (а точнее – неошаманизму), который позиционируется не только как традиционная религия якутов, но и как важный элемент их культурной самобытности [Иванов 2001]. Этот момент становится опорным пунктом в процессе инкультурации, для дальнейшего процесса становления личности, прошедшей социализацию в монокультурной среде.

Приобщение к городской (далее мировой, общечеловеческой) культуре – процесс инкультурации – разделяет молодежь на две части. Первая сохраняет интерес к традиционной культуре, вторая часть начинает приобщаться к общечеловеческим ценностям (модернисты).

Культурно-досуговый центр проводит различные мероприятия, приуроченные календарным праздникам, юбилейным мероприятиям, традиционным праздникам. Наблюдается отсутствие мероприятий по интересам. Существует сильный разрыв между формой досуга молодежи и людей среднего, старшего поколений. Молодежь сейчас имеет возможность сравнивать досуг в городской среде и в маленькой деревне. Проблемой современного якутского села, по мнению сельских жителей, является практически полное отсутствие разнообразия культурно-массовых мероприятий [Воспитательная деятельность СВФУ 2023].

Молодежь, у которой организован досуг, приобщается к якутской культуре в процессе посещения библиотек, музеев. Молодые люди становятся участниками объединений при театре, общественных организациях. Культурно-досуговая среда образовательных учреждений начинает стимулировать творческую деятельность, творческий поиск. Культурная среда села естественным образом сохраняет семейные ценности и нравственные устои.

Главным социальным институтом, способствующим сохранению якутского языка, является семья. Ныне в республике создана система конкурсов для семей, которые направлены на раскрытие таланта каждого из членов семьи – от отца до младенца, поскольку даже малое дитя родители могут одеть в традиционный якутский костюм и выйти с ним на сцену. Дети постарше участвуют в конкурсах песни, традиционного чтения олонхо, тойук. Все конкурсы проходят во время праздника ысыах, проводятся различные календарные дни и юбилейные мероприятия.

Что касается вопроса приобщения к культурным ценностям во время личного свободного времени (неорганизованного), надо выделить прежде всего праздники. Масштабными семейными праздниками являются юбилеи, свадьбы. Основные места проведения — это клуб и спортзал, если торжество рассчитано не менее, чем на 100 гостей, а иногда проводятся в своих домах. В летнее время праздники обычно устраивают на своей усадьбе – строят один большой навес, где столы расположены с трех сторон. А если гостей очень много и не хватает стульев, то иногда чаепития проводят в форме фуршета. Но такие практики крайне редки в селе. Особенность сельских юбилеев в том, что не тратится очень много денег: во-первых, мясомолочные продукты – от запасов самого юбиляра; во-вторых, концертные номера – от гостей; в-третьих, ведущим или тамадой может быть родственник, друг или приглашенный профессиональный тамада; в-четвертых, подарки в основном, сейчас дают в виде денег, что покрывает все расходы.

Единственное место, отвечающее культурно-досуговой потребности местного населения, это центр досуга и культуры, где проводятся все культурно-творческие мероприятия села. Работники культуры являются организаторами всех мероприятий, проводимых в селе. По мере наличия активной молодежи, она является одним из основных задействованных лиц. Так как культурные мероприятия проводятся не каждую неделю, выбор культурного и творческого отдыха у сельчан не велик. В отличие от городской среды, для сельчан недоступны многие виды культурного отдыха. Они не могут посещать музеи, театры, художественные выставки, рестораны, ночные клубы и т.д. Результатом становится невозможность формирования у сельчан, особенно молодежи, развитого культурного вкуса и разносторонних потребностей.

Республиканские и районные власти борются с этой ситуацией по-разному. Например, в с. Майя, Мегино-Кангаласского улуса, с 2011 по 2013 г. началось строительство нового культурно-досугового центра. В 2013 г. состоялось торжественное открытие нового клуба, многофункционального здания, где разместились администрация, почта и библиотека. Центром самообразования является сельская библиотека. Основной интерес представляет публицистика всероссийского и регио-

нального уровней, художественная литература зарубежных, российских и якутских писателей. Библиотекарь Г.А. Иванова (1964 г.р.) из с. Майя отмечает: «В библиотеки в основном ходят женщины и мужчины 40-65 лет, молодежь крайне редко. Библиотека комплектуется из фондов Верхневилюйской центральной библиотеки. Хранилище библиотеки в данное время переполнено, поэтому не так часто бывают у нас новые поступления. Особую ценность составляют краеведческая литература, книги, написанные жителями нашего села, фотоальбомы о деятельности села…». Сельская библиотека играет важную роль в самообразовании населения, воспитывает в детях и молодежи представление о ценности книги.

С 2017 г. в зале клуба Майя стали демонстрировать фильмы и мультфильмы, тем самым досуг жителей стал немного разнообразнее. Также показывают якутские фильмы, мультфильмы, цена за один кинопоказ детям составляет 50 руб., взрослым – 100 руб. Показывали такие якутские фильмы, как «Аартыктар», «Кэрэл», «Уолоото», «Кини кыыһа». Фильмы показывают не каждый день, а по определенным дням. Объявления обычно рассылают по группам мессенджера Whatsap [ПМА 2015].

Ответственность организации мероприятий, концертов, Ысыаха, нового года лежит на работниках сельского клуба. Составляют программу мероприятий, собирают население для подготовки и обсуждения планов. По личным наблюдениям и при беседе с местными жителями отмечается, что в новогодний вечер в сельском клубе как никогда бывает очень много людей. В этот вечер работники культуры с участием сельчан проводят концерт и различные игры.

Местная администрация ежегодно организует лотерею, главным призом которого обычно бывают мебель, бытовые, электронные товары, например, журнальный столик, угловой шкаф, сотовые телефоны и разного рода посуды. Торжественное поздравление от Главы наслега и вручение благодарственных писем «за вклад на развитие села». В ночь Нового года проводят дискотеку, на которую приходит в основном молодежь. В течение новогодних выходных проходят различные культурно-массовые мероприятия для сельчан.

Одним из самых масштабных праздников, объединяющих сельскую и городскую молодежь, является традиционный, культово-обрядовый праздник якутского народа Ысыах. В городе этот праздник проходит в местности Ус Хатын. Городской праздник называется «Ысыах Туймаады» – Туймаада, название долины р. Лены, где стоит г. Якутск. Ысыах носит статус Республиканского уровня, поэтому имеет соответствующее финансирование, внимание СМИ на международном, всероссийском уровне. Пример этому – при наборе в интернет-поисковиках слова «Ысыах» выходят фотографии как раз из Ысыаха Туймаады.

В праздновании Ысыахе Туймаады принимают участие все, без исключения. Все участники стараются одеваться в национальную одежду, или хотя бы одевают элементы национального костюма – *дэйбиир* (комаробойка), пояс, рубаху традиционного кроя, или даже простую футболку с национальным узором. По разным подсчетам Ысыах Туймады посещают до 300 тыс. чел.ежегодно.

В 2023 г. в республике был официально установлен праздник – День осоухая. В сентябре 2023 г. в круговом танце, в честь установления в республике Дня осуохая, в г. Якутске приняли участие Глава республики Айсен Николаев, народные депутаты Государственного Собрания (Ил Тумэн), члены правительства, горожане и гости столицы. Среди почетных гостей были Герои России Алексей Неустроев, Филипп Евсеев и Александр Колесов.

Принимая во внимание, что в 2022 г. якутский традиционный круговой танец «Осуохай» вошел в 100 лучших шедевров нематериального наследия народов России, Главой Республики Саха (Якутия) поддержана инициатива общественной организации «Якутское республиканское творческое общество «Осуохай» об учреждении Дня осуохая в Республике Саха (Якутия). Его будут отмечать ежегодно 25 мая. Проведение всеобщего республиканского танца должно олицетворять единение народов Якутии, имеющих общие культурные корни и историю, что позволит каждому жителю нашей республики ощутить значимость праздничной даты.

Как указывалось ЯкутИнфо, массовое исполнение традиционного хороводного кругового танца «осуохай» стало символом сплочения и единения многонационального народа Якутии, торжества светлых начал, мира и добра: «Нас объединяет не только территориальные границы, но и надежда, гордость, уважение и вера в развитие нашей многонациональной страны. Наша сила – в единстве народов России» [Массовое исполнение].

Тем не менее, надо особо выделить маленькие, сельские ысыахи, где собираются уже по родовому признаку или ты должен быть из этого улуса, состоять в родстве с кем-нибудь из сельчан или их гостем. Сельский ысыах, по мнению жителей, является тем праздником, от которого зависит репутация села. По воспоминаниям старожилов наслега, ысыах Мэйикского наслега Верхневилюйского улуса [ПМА 2014], еще с того времени, когда он начал праздноваться в алаасе, стал формой объединения с соседними поселениями. В XXI в. эта функция праздника становится еще более актуальным. Каждый год сюда приезжают гости из города, из соседних наслегов района (Онхой, Далыр, Кырыкый, Дуллуку, Сургуулук, Ботулу).

Сельский ысыах проводится в парке культуры и отдыха, построенном еще в советские времена. Перед событием проводятся общественные работы по очищению территории, ремонтируют скамейки, столы и главную

трибуну. Основными событиями являются: встреча гостей, алгыс (обряд благословления духов Природы и Богов Всевышних Айыы), осуохай (*якут.* осуохай), национальные спортивные игры, конкурс песен, встреча солнца. В торговых ларьках собираются торговцы. Нет запрета заниматься торговлей: любой желающий может продавать предметы собственного производства, продукты питания, разные товары массового потребления. Основными прибыльным продуктом является бырпах (кисломолочный продукт).

Самым зрелищным спортивным соревнованием в сельском ысыахе является традиционная борьба «хапсагай» (*якут.* хапсаай). Сначала борются по весовым категориям 53, 58, 64, 72, 80 и свыше 80 кг. У юношей и ветеранов разделение на категории другое. Захватывающая часть, как считают жители села, – это борьба за звание абсолютного чемпиона, где возраст и весовая категория не имеют значения. Все призы приобретаются за счет бюджета муниципального образования. Наиболее крупными призами были мотоцикл «Минск», скоростные велосипеды, теленок, телевизор. Особенно часто такие призы бывают в юбилейных событиях. Традиционный приз «мYhэ» тоже вызывает восторг и одобрение у зрителей. «MYhэ» - это одна из восьми частей разрубленной туши, обычно в виде бедренной кости животного с мясом в верхней части. Также проводятся другие традиционные спортивные соревнования, такие как масрестлинг, спортивное многоборье, бег на короткие и дальние дистанции, скачки на лошадях и другие [Яковлев, Николаев 2017].

Ысыах начинается с обряда благословления Всевышних Айыы, силы Природы, духов Срединного мира, благославляют также предков, проживавших на этой местности. Просят Айыы благоденствия, здоровья, счастья всем, чтобы скот и лошади множились, не было мора, обильного дождя для травы, чтобы Природа также возрождалась снова и была благосклонна к людям. Следующим значимым обрядом выступает круговой таней осуохай – где запевала водит хоровод по ходу солнца, по часовой стрелке. Запевала начинает раскачку и поет слова, которые он заранее заготовил или может импровизировать на ходу. Начинает обычно с упоминания первопредков якутов Омоой Баай и Эллэй Боотур.

Современный ысыах является особенным праздником по масштабу и по своему значению. Во время ысыаха вместе переплетаются элементы современной массовой культуры и традиционной культуры народа саха. Ярким примером тому является якутский рэп, рожденный городской молодежью, но нередко исполняемый на якутском языке [Венцель и др. 2017]. Молодежь участвует в древних обрядах, смотрит концерты современных популярных певцов, которые тоже в свое творчество включают традиционные мотивы, символы, совмещая их с мировыми трендами музыки.

Современный осуохай является особенным праздником, о чем сказано выше. В городе он чаще сопровождается боем в барабаны, а запевала

стоит на сцене. Но в селе, деревнях, где мало людей, запевала осуохай обязательно стоит в круге. Ему дают микрофон, который он сам держит, или дают головной микрофон. Петь тойук, осуохай, олонхо сейчас готовят в школах, детских садах и детских школах искусства. Там учат традиционным мотивам, языку, правильному произношению. Если ребенок проявляет изрядный талант, он может поступить в колледж культуры или Высшую школу музыки в Якутске. В этих учреждениях уже профессионально готовят работников культуры. Якутский язык занимает заметное место в профессиональной художественной культуре. Однако по понятным причинам не все люди обладают традиционным музыкальным, песенным талантом. Поэтому в массе своей якутяне поют как якутские песни, так и русские, и иностранные.

В завершение надо отметить, что проблема поиска эффективных механизмов приобщения якутской молодежи к своим традициям, традиционной культуре остается актуальной. Мы в основном коснулись проблемы адаптации сельских жителей (в основном молодежи) к городскому образу жизни. Но те культурные трансформации, которые происходят в среде якутов, многообразны и сложны. В частности, важной проблемой является роль якутского языка как формы идентификации молодежи со своим этническим сообществом в условиях, когда в информационном пространстве молодежи доминирует русский язык и интернационализмы. Интересен вопрос, как через родной язык якутская молодежь определяет свою идентичность в этой ситуации. И здесь важно заметить, что для якутов, как и для многих других народов России, городская культура – это культура с доминированием русского языка. Поэтому очевидно, что городские якуты и особенно молодежь, будут преимущественно пользоваться в основных сферах общения русским языком. В этих условиях для сохранения и поддержания этнической идентичности необходима не столько пропаганда якутского языка, сколько актуализация инструментов, с помощью которых якутские традиции будут органично интегрироваться в республиканские городские культурные ландшафты. Именно этот путь избран в Республике Саха (Якутия), и, как показывают вышеприведенные материалы, он оказывается достаточно продуктивным для поддержания якутской этнической идентичности.

Как представляется, языковая политика в Республике Саха и в правовом, и в культурном отношении строится, исходя из того, что процессы унификации и стандартизации, все очевиднее влияющие на якутов, не должны радикально менять систему их традиционных ценностей, включая язык. Поэтому идет поиск и путей интеграции этнокультурных ценностей якутов в современное информационное пространство, конструирование новых смыслов для этнических традиций, путей их адаптации к городской культурной среде.

Заключение

Языковая политика имеет важное значение для всех стран мира, особенно отличающихся сложным составом населения, поскольку для формирования и укрепления национального единства и гражданской солидарности недостаточно одной только политической воли и инструментов политической интеграции. Общенациональная идентичность, гражданское самосознание формируются на прочном историческом и культурном фундаменте, поскольку общая история, общие герои и общий вклад в защиту государства в формирование его границ, его национальных символов были бы невозможны без тесного взаимодействия и взаимопонимания между разными культурными группами, а средством их культурной интеграции должен быть общенациональный язык или язык межнационального/межэтнического общения.

Не случайно культурной формулой современных государств-наций является следующая: «одна страна – один народ – один язык». Эта формула вовсе не отрицает культурного многообразия и сосуществования в культурном пространстве страны множества языков, ибо единство граждан не предполагает их полной культурной и языковой унификации. Тем не менее и в прошлом, и ныне в ряде стран проводится жесткая языковая политика, направленная на формирование моноязычия и навязывание недоминантным культурным группам языка большинства. Осуществляется системное давление на языковые меньшинства с целью вытеснения их языков из публичного пространства и форсирования языковой ассимиляции меньшинственных групп, поскольку культурные меньшинства рассматриваются как потенциальные носители сепаратистских идей. Такая трактовка покоится на политическом принципе «язык – это власть». Особенно активно этот принцип используется на постсоветском пространстве, где политические элиты новых государств пытаются обосновать свое право на власть, в том числе и с помощью языка. Язык используется и как символ государственной независимости и суверенитета, как элемент нациестроительства, но одновременно он выполняет и роль инструмента, обеспечивающего преимущества представителям доминантных культурных групп в политической конкуренции, а одновременно и для политической изоляции опасных иноэтничных конкурентов. Ряд этнических активистов и региональных политиков пытаются использовать проблему сохранения языков меньшинств.

В России язык в последние два десятилетия также превратился в политический инструмент, поскольку обрел форму идеологии, особенно после того, как идеология этнического национализма фактически обанкротилась (но не исчезла из политических практик).

Вышеприведенные материалы, основанные на данных массовых опросов молодежи в целом ряде регионов, включая опрос, проведенный

осенью 2022 г. (и ряд других опросов), а также материалы case-study по Республикам Саха и Алтай, свидетельствуют о том, что процесс сохранения и укрепления этнической идентичности не может опираться исключительно на языковое строительство и языковую политику, поскольку между этничностью и языком не прослеживается обязательной связи. А потому *проблема совершенствования языковой политики и проблема сохранения культурной отличительности этнических групп – это две самостоятельные проблемы, и решение каждой из них требует своих программных и методических подходов.*

Второй принципиальный вывод связан с тем, что решать языковые проблемы или проблемы сохранения культурной самобытности этнических сообществ за счет других групп и методами активного административного давления невозможно в силу отторжения подобного подхода как со стороны этнических меньшинств, так и со стороны доминантных групп населения.

При этом стоит обратить внимание на то, что попытки осуществлять языковую политику, опираясь исключительно на меры государственного администрирования, продолжаются, и в ряде регионов только этот путь видится единственно возможным, хотя не приносит ожидаемых результатов, ибо культурное насилие над личностью не может быть достаточно эффективным методом повышения языковых компетенций. Но главная проблема при использовании административного ресурса в сфере языкового образования и языковой политики в целом состоит в том, что подобные методы порождают новые социальные противоречия и социальные риски, способствующие усилению конфликтного потенциала в местных сообществах.

Высказанные выше замечания, однако, нельзя расценивать как стремление отрицать значение этнических/региональных языков как инструментов интеграции меньшинств. Эту роль языка нужно и можно использовать в процессе культурного строительства как на региональном, так и на общефедеральном уровнях. Но в качестве инструмента этнической, территориальной и гражданской интеграции язык может выступать лишь при определенных условиях, суть которых сводится к тому, что в названном качестве он должен быть востребован обществом, а потому *главная задача практики сохранения и развития языков меньшинств состоит в том, чтобы превратить язык в востребованный и привлекательный культурный продукт на рынке культурного потребления, для чего необходим поиск инновационных решений и новых методик образования, эффективной рекламы языкового продукта как важного и значимого элемента культурного наследия этнической группы и каждого отдельного ее представителя.*

Отсюда возникает очевидная необходимость осуществления более глубоких исследований в области языковой политики и особенно в контексте анализа ее эффективности, проблема адекватной оценки качества языкового образования и его методических основ, при этом речь должна

идти как о языках этнических меньшинств и титульных этнических сообществ, так и о русском языке.

Мы не случайно включили в число регионов, в которых проводилось исследование, Архангельскую область, где доля русского населения является самой высокой в стране. И весьма показательно, что оценка качества языкового образования респондентами (а это недавние школьники – студенты первых курсов вузов) как в национальных республиках, так и в АО мало различается. Если же оценивать результаты ЕГЭ по Архангельской области по русскому языку, то они также свидетельствуют об очевидной проблеме, связанной с приобретением языковых компетенций в сфере русского языка. Впрочем, каждый россиянин вполне адекватно может оценить уровень знания согражданами государственного языка страны, слушая речи многих чиновников, депутатов, которые понятны только им самим. Но особое недоумение вызывает тот факт, что некоторые тележурналисты, работающие на центральных телеканалах, для которых владение словом должно быть важнейшим квалификационным признаком, словом владеют очевидно плохо. *Это говорит о том, что именно качество языкового образования, включая как языки меньшинств, так и русский язык, сегодня требует серьезного совершенствования.* А это многосторонняя проблема, которая касается и подготовки учителей, и разработки новых пособий и методик, и широкого внедрения практики публичных дебатов, и *активизации общественного интереса к словесности.*

Язык обычно рассматривается в тесной связи с этничностью, и нередко этническими активистами и представителями национальной интеллигенции, многими местными исследователями трактуется как главный признак культурно-языковых сообществ или этносов. Этничность/национальность не воспринимается отдельно от языка, хотя и мировой и собственно российский опыт показывает, что язык есть самостоятельный культурный феномен, а культурная отличительность этнических сообществ не требует наличия у каждого из них своего отдельного языка. Множество примеров из культурного опыта человечества доказывают, что культурная специфика группы, этничность могут успешно сохраняться и без наличия отдельного «собственного» языка вполне успешно, если члены этнического сообщества имеют прочное этническое самосознание (да и большинство языков не могут полноценно развиваться без иностранных заимствований и интернационализмов). К примеру, подавляющее большинство шотландцев не говорят на своем «родном» гэльском языке, ибо их материнский язык – английский. Но при этом шотландцы вполне отчетливо отделяют себя от англичан, ибо у них сохраняется шотландская самость, шотландская идентичность (тождество со своей культурной группой).

Наши опросы студенческой молодежи, проведенные во всех «финно-угорских республиках» в 2017 – 2022 гг., показали, что этничность со-

храняет свое значение для большинства молодых людей, но в основном как форма памяти о предках и как форма тождества со своим культурным наследием, хотя, безусловно, общероссийская гражданская (или политическая) идентичность является сегодня для них более актуальной. Этничность не занимает первого места в ряду социальных идентичностей, но никуда не исчезает, и ее инструментальное значение остается высоким, поэтому среди молодежных блогеров в республиках появилась прослойка, которая именуют себя этноблогерами и занимается эксплуатацией этнической темы, а весьма значительная доля (до трети и более) молодых респондентов, понимая опасность политизации этничности в республиках, считает вполне реальной угрозу межэтнических конфликтов. Указанные явления показывают, что оптимистичные заявления чиновников, касающиеся полной нормализации межэтнических отношений и исчезновения угрозы межэтнических конфликтов, далеки от реальности, ибо *этничность сохраняет значение политического ресурса и всегда может быть использована как в политической борьбе, так и в провоцировании общественного недовольства и конфликтных ситуаций*.

Во-вторых, о «вымирании» этнических групп или языков можно говорить лишь тогда, когда перестают работать культурно-языковые механизмы интеграции внутри этнических сообществ. При этом уровень языковых компетенций здесь не является решающим. Но стоит подчеркнуть, что характер функционирования финно-угорских языков специфичен, ибо уже данные микропереписи населения 1994 г. показали, что в семье общались на русском языке 987 из каждой 1000 вепсов, 825 карел, 568 коми, 381 коми-пермяков, 363 марийца, 350 удмуртов [Финно-угорские регионы, 1999: 10]. В последние десятилетия предприняты серьезные усилия по развитию языкового образования в республиках, создана основательные учебная и учебно-методическая базы для преподавания региональных языков, предпринимаются активные попытки расширить сферы их функционирования, но уровень языковых компетенций и характер языкового проведения остаются прежними.

В том, что языковая ситуация практически не меняется, в определенной мере повинны местные языковеды (в подавляющем большинстве сами являющиеся финно-уграми), которым поручено совершенствовать языковое образование и языковую политику. Они не смогли начать масштабные конструктивно-прикладные исследования, направленные на понимание того, как расширить социальные функции языков, повысить их престиж, а главное – как мотивировать молодежь для изучения языков своих предков. Лингвисты в национальных республиках преимущественно занимаются не социолингвистикой, а описанием глаголов, предлогов, причастий, а потому не были готовы решать указанные сложные проблемы и единственно возможной формой совершенствования языковых практик посчитали пуризм,

т.е. практику изгнания из уральских языков русизмов и интернационализмов. Возникший новояз только навредил развитию языков. Но при этом диалектные формы языков уральцев продолжают успешно функционировать в районах их компактного проживания. *Но наиболее значимо то, что само отношение к языку как к одному из важнейших этнических определителей не изменилось, о чем свидетельствуют итоги переписи* (табл. 162).

Таблица 162

Доля населения, чья этническая принадлежность совпадает с этническим языком по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г., %

народ	**Численность, тыс. чел.**	**Этнический язык, названный как родной, %**
мордва	479,0	55,3
марийцы	417,3	74,8
удмурты	383,9	69,2
коми	142,4	66,4
карелы	32,2	26,1

Здесь стоит сделать некоторые уточнения. Конечно, доля тех, кто признает свой этнический язык родным по сравнению с итогами советских переписей 1959 и 1989 гг., сократилась, но не очень значительно и отнюдь не катастрофически. Так, среди марийцев в 1959 г. 95,1% называли своим родным марийский язык, а в 1989 г. таких было 80,8%, среди коми соответственно 89,3% и 70,4% [Лаллукка 1997: 224]. Очевидно, что у разных этнических сообществ степень признания этнического языка «родным» различна, и здесь не может быть какого-то общего стандарта, поскольку культурные различия между разными народами велики, как велики территориальные, социально-экономические условия, в которых эти народы развиваются.

Характер и особенности языковой идентификации зависят от численности этнической группы, компактности или дисперсности ее расселения, ее социальной структуры (доли горожан и сельских жителей, социально-профессионального состава), характера взаимодействия с этническими соседями, исторического наследия и многого др. Очевидно, что у крупных, компактно расселенных и слабо урбанизированных народов языковая идентификация должна заметна отличаться от того, что мы видим на примере финно-угорских народов. Так, перепись 2020 г. показала, что 99,5% тувинцев, 98,2% – чеченцев, 89,7% – аварцев, 83,9% – башкир, 87,9% – алтайцев, 75,0% – чувашей и 56,3% – якутов (саха) назвали родным язык этнического сообщества, к которому они себя причисляют. И при этом оче-

видно, что ни один из перечисленных народов нельзя сравнивать с финно-уграми, поскольку они принадлежат не только к другим языковым семьям, но и их история, культурные традиции и современные культурные реалии иные, нежели у финно-угров.

При этом важно заметить, что 95,2% чувашей, 93,2% татар, 83,9% якутов, 80,3% алтайцев,70,7% тувинцев, 70,2 % аварцев, 58,5% чеченцев используют русский язык в повседневной жизни, согласно данным переписи 2021 г. [Итоги 2020].

Важнейшую роль и у финно-угров, и у многих других народов в деле сохранения языка играет изменение их социальной структуры и, в частности, рост доли городского населения (табл. 163). В городе полностью доминирует русский язык, и финно-угры, переезжая из села в город, естественным образом меняют язык общения во всех сферах коммуникаций. То же самое происходит и с другими региональными языками, и связано это с логикой социальных изменений, т.е. с процессом адаптации к городской среде.

Сегодня этнические языки превратились в своеобразные культурные символы, а потому многие их тех, кто называет родным языком тот язык, который «совпадает с национальностью», часто не знают или плохо знают его, но полагают, что их солидарность с этнической группой должна подкрепляться символическим маркированием этнического языка как родного.

Таблица 163

Доля горожан среди крупнейших финно-угорских народов по результатам переписей, в %

народ	**1970**	**2002**	**2010**	**2021**
марийцы	19,3	49,4	42,6	44,0
мордва	33,4	49,4	51.0	51,3
карелы	43,7	55,9	57,9	59,3
коми	35,7	47,5	48,1	39,4
коми-пермяки	22,2	38,9	36,8	30,8
удмурты	31,4	46,6	44,6	34,7

Чем обусловлены весьма ощутимые изменения в численности российских финно-угров и ряда других народов? Во-первых, очевидно, что процессы культурной унификации и гражданской интеграции в последние десятилетия усилились и не могли не сказаться на изменении культурных ориентаций (включая и смену этнической идентичности). Во-вторых, за полстолетия произошло изменение социальной структуры финно-угорских

народов: они из сельских этнических сообществ фактически превратились в городские этносы. То же самое можно сказать и о многих других народах, в социальной структуре которых неизменно увеличивается доля горожан.

В городах сельские мигранты переходят на русский язык во всех сферах общения, поскольку воспринимают его как язык горожан, а во втором или в третьем поколении происходит и смена этнического самосознания. Большинство городов в России формировались преимущественно как поселения, где русские и русский язык абсолютно доминировали, хотя население городов не было моноэтничным. Согласно уже упоминавшейся классической теории ассимиляции, которую начали разрабатывать в 1920-е, а окончательно обосновали в 1960-е гг. представители Чикагской социологической школы, «ассимиляция» мигрантов в принимающее сообщество *рассматривалась как естественный процесс односторонней индивидуальной интеграции* [Park1928]. В ходе этого процесса сельские мигранты воспринимали городской образ жизни, который они ассоциировали с русским населением и русским языком, являвшимся языком всего городского населения страны. Здесь же они вступали в многочисленные межэтнические браки, доля которых у финно-угров со второй половины XX в. стабильно увеличивалась [Лаллукка 1997: 250-276]. Как результат сначала у финно-угров происходил рост доли городского населения, а затем она стала снижаться, благодаря процессам унификации и ассимиляции, на что указывают и результаты переписи населения 2020 г.

Пример финно-угров отнюдь не уникален, ибо схожие процессы наблюдаются у чувашей, бурятов, хакасов и особенно малых народов Севера [Алос-и-Фонт 2023: Хилханова 2009; Гусейнова 2014; Вахтин 2001], целого ряда других народов, а потому политизировать этот процесс вряд ли уместно. Тем не менее, крайне необходимо обратить самое пристальное внимание на социокультурную сторону языковой политики и языкового строительства. А это означает, что необходим масштабный культурный поворот, касающийся как практики реализации этой политики, так и ее осмысления и методического оснащения.

Одновременно необходимо менять общественные настроения и мотивации в сфере получения языковых знаний, важно повышать значимость качественной словесности, требовательность к тем сферам профессиональной деятельности, которые связаны с публичностью и социальными коммуникациями, а значит и умением владеть словом. Здесь не должно быть людей, плохо владеющих публичной речью, не умеющих сформулировать свои мыли и понятно изложить свои взгляды целевой аудитории. В противном случае это будет вредить имиджу профессии, имиджу организации, политической партии, политического института и власти, поскольку доверие к ним формируется сначала в вербальном пространстве.

Источники

База данных 2023 – База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики, БД ПМО Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm (дата обращения: 11.05.2023).

БНКоми представляет 2011 – БНКоми представляет доклад Вячеслава Гайзера на конференции «Единой России». [Электронный ресурс]. URL: http//www/bnkomi.ru/data/news/6903/ (дата обращения: 08.06.2023).

Более 2023 – Более 520 тыс. туристов посетили курорт «Манжерок в 2022 году // Официальный интернет-портал Республики Алтай. URL: https://altai-republic.ru/news_lent/news-archive/45711/ (дата обращения: 12.05.2023).

В Горно-Алтайске 2023 – В Горно-Алтайске началось строительство школы № 7 // Новости Горного Алтая. URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/133583 (дата обращения: 12.05.2023).

В детских садах 2023 – В детских садах республики откроют национальные уголки//Новости Горного Алтая. URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/149674 (дата обращения: 12.05.2023).

В Марий Эл 2023 – В Марий Эл 26,5% жителей республики – это молодёжь. [Электронный ресурс]. URL:https://www.marimedia.ru/news/society/item/122294/ (дата обращения: 01.06.2023).

В Республике Алтай 2023 – В Республике Алтай за год в три раза увеличилось число трудовых мигрантов // ТОЛК. URL: https://tolknews.ru/obsestvo/140581-skolko-v-godu-v-respubliku-altay-pribilo-trudovih-migrantov (дата обращения: 12.05.2023).

В России 2023 – В России появится Ассоциация школ с изучением языков коренных малочисленных народов. Минпросвещения России, 19.12.2022. URL: https://edu.gov.ru/press/6341/v-rossii-poyavitsya-associaciya-shkol-s-izucheniem-yazykov-korennyh-malochislennyh-narodov/ (дата обращения: 11.05.2023).

В тесном соседстве 2013 – В тесном соседстве: мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства. Материалы Международной научной конференции, г. Саранск, 31 мая – 2 июня 2012 г. / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Изд. центр Историко-социологического ин-та Мордов. ун-та, 2013. 904 с.

В Юнеско 2023 – В Юнеско отнесли алтайский язык под угрозой исчезновения [Электронный ресурс] // Национальный акцент. URL: https://nazaccent.ru/content/34210-v-yunesko-otnesli-altajskij-yazyk-k.html (дата обращения: 12.05.2023).

Валовый региональный продукт 2023 – Валовый региональный продукт / Официальная статистика Комистат. [Электронный ресурс]. URL: https://11.rosstat.gov.ru/vrp (дата обращения: 03.05.2023).

Владимир Кыдыев 2023 – Владимир Кыдыев: Детей-алтайцев нужно обязательно обучать родному языку // Новости Горного Алтай. URL: http://www.gorno-altaisk.info/news/10852 (дата обращения: 12.05.2023).

Владимир Уйба 2022 – Владимир Уйба: «Наша помощь участникам СВО – это работа на победу» / Республика Коми. Официальный портал. [Электронный ресурс]. URL: https://rkomi.ru/news/2904 (дата обращения: 18.06.2022).

Власти и общественность 2023 – Власти и общественность Усть-Кулома возмущены обвинениями со стороны «Коми войтыр». [Электронный ресурс]. URL: http //www.komiinform.ru/news/143408/ (дата обращения: 06.06.2023).

Воспитательная деятельность 2023 – Воспитательная деятельность СВФУ. URL https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/usr/vd/ (дата обращения: 26.09.2023)

Вымираем 2022 – Вымираем и разъезжаемся: население Удмуртии сокращается седьмой год подряд / Сетевое издание «Udm-info» от 20 декабря 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo/udm-info.ru/s/news/2022-12-20/vymiraem-i-raz-ezzhaemsya-naselenie-udmurtii-sokraschaetsya-sedmoy-god-podryad-2620187 (дата обращения: 06.06.2023).

Всеобщая декларация 1948 – Всеобщая декларация прав человека/Принята резолюцией 217A (III) Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 03.06.2023).

Всероссийская перепись 2002 – Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11 (Дата обращения: 11.05.2023).

Госсобрание 2023 – Госсобрание: 63 % опрошенных выступают за обязательное изучение алтайского языка в школах // Новости Горного Алтай. URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/15356 (дата обращения: 17.05.2023).

Данные мониторинга 2023 – Данные мониторинга сохранения и развития родных языков народов Российской Федерации в части изучения родных языков в дошкольных и общеобразовательных организациях Российской Федерации в 2021–2022 учебном году. Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/b7743ead77362d8d49d25a38f5347b91/download/4406 (дата обращения: 11.05.2023).

Демографическая ситуация 2022 – Демографическая ситуация в Республике Коми за январь-сентябрь 2022 года (без учёта итогов Всероссийской переписи населения 2020). [Электронный ресурс]. URL: https://11.rosstat.gov.ru/news/document/188702 (дата обращения: 11.06.2023).

Демографический ежегодник 2021 – Демографический ежегодник Республики Коми. 2021: Стат. сб. Сыктывкар: Комистат, 2021. 194 с.

Доклад 2023 – Доклад о социально-экономическом положении Республики Алтай // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/region/docl1184/Main.htm (дата обращения: 14.05.2023).

Дорога 2023 – Дорога до Телецкого озера стала частью Чуйского тракта и получила статус федеральной // Новости Горного Алтая. URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/115197 (дата обращения: 14.05.2023).

Единый план 2021 – Единый план мероприятий по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года и Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (распоряжение Правительства РФ от 15.04.2021 № 996-р). URL:https://docs.cntd.ru/document/603336627?ysclid=lpf9o2ajh5565070253 (дата обращения: 14.05.2023).

Ежегодные доклады 2023 – Ежегодные доклады Общественной палаты Архангельской области о состоянии и развитии институтов гражданского общества в Архангельской области за 2020–2022 гг. URL: https://opao.ru/reports (Дата обращения: 12.05.2023).

Закон 1998 – Закон «О языках народов Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 №126-ФЗ, от 11.12.2002, № 165-ФЗ). [Электронный ресурс]. URL: http://www.base.consultant.ru/cjns/cgi/online/cgi?req=doc;base=LAW;n=38813 (дата обращения: 03.06.2023).

Закон 1993 – Закон Республики Алтай от 3 марта 1993 года № 9-6 «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» // Электронный фонд. Правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/802008526 (дата обращения: 14.05.2023).

Закон 1992 – Закон Республики Коми «О государственных языках Республики Коми». От 28 мая 1992 года [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=122014188&backlink=1&&nd=122016480

Закон 1998 – Закон Республики Мордовия от 6 мая 1998 года № 19-З «О государственных языках в Республике Мордовия». [Электронный ресурс]. URL: http//www.docs.cntd.ru › document (docs.cntd.ru › document) (дата обращения: 02.06.2023).

Закон 2004 – Закон Республики Мордовия от 1 декабря 2004 г. № 93-З «О государственной поддержке национально-культурных автономий».

[Электронный ресурс]. URL: http//www.docs.cntd.ru › document (дата обращения: 02.06.2023).

Закон 2006 – Закон Республики Мордовия от 27 июня 2006 г. № 41-З «О выборах депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия». [Электронный ресурс]. URL: http//www.docs.cntd.ru › document (дата обращения: 10.06.2023).

Закон 2013 – Закон Республики Мордовия от 8 августа 2013 г. № 53-З «Об образовании в Республике Мордовия». [Электронный ресурс]. URL: http//www.docs.cntd.ru› document (дата обращения: 12.06.2023).

Изучаем 2023 – Изучаем родной язык и родную литературу // Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Лицей № 6 им. И.З. Шуклина г. Горно-Алтайска». URL: https://lyceum-6.edusite.ru/p189aa1.html (дата обращения: 12.05.2023).

Индийские студенты 2022 – Индийские студенты СГМУ отметили важнейший для них праздник – Дивали. Официальный сайт СГМУ. 05.10.2022. URL: http://nsmu.ru/news/index.php?ID=60897 (дата обращения: 17.05.2023).

Информационная справка 2022 – Информационная справка об изучении карельского, вепсского и финского языков в образовательных организациях Республики Карелия в 2020-2023 учебном году. [Электронный ресурс]. URL: https://www.edu-rk.ru/edu/info/inform_spravka_karvepsfin_oork_2022-2023 (дата обращения: 25.05.2023).

История и культура народов 2009 – История и культура народов Марий Эл: примерная общеобразовательная программа для 1 - 11 классов / Сост. Л. Е. Майкова, Г. И. Соловьева. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2009. 60 с.

Итоги 2020 – Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/200525 (дата обращения: 18.06.2022).

Кабинеты 2023 – Кабинеты алтайского языка открылись в 29 школах Республики Алтай // Звезда Алтая. Электронная газета. URL: https://www.zvezdaaltaya.ru/2022/12/strong-kabinety-altajskogo-yazyka-otkrylis-v-29-shkolah-respubliki-altaj-strong/ (дата обращения: 16.05.2023).

Каждый 2023 – Каждый второй житель Архангельской области называет себя помором. URL: https://region29.ru/2021/11/06/61862d4d179bed2ea0692e12.html (дата обращения: 17.05.2023).

Карелы 2005 – Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск: Ин-т яз., лит. и истории КНЦ РАН, 2005. 281 с.

Комистат 2020 – Комистат, структура населения по наиболее многочисленным национальностям по итогам всероссийских переписей населения 2010 и 2020 годов. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.

aspx?src=https%3A%2F%2F11.rosstat.gov.ru%2Fstorage%2F2023 (дата обращения: 18.06.2022).

Конституция 2023 – Конституция Республики Мордовия. [Электронный ресурс]. URL: http//www.docs.cntd.ru › document (дата обращения: 02.06.2023).

Конституция 2022 – Конституция Российской Федерации/Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.06.2022).

Концепция преподавания 2023 – Концепция преподавания родных языков народов Российской Федерации. Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/616ab265aa2810f14a2c3fd1203a0aaa/ (Дата обращения: 11.05.2023).

Концепция развития 2015 – Концепция развития этнокультурного образования в Республике Коми на 2016-2021 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://komishkola.ucoz.ru/news/koncepcija_razvitija_ehtnokulturnogo_obrazovanija_v_respublike_komi_na_2016_2021_gg/ (дата обращения: 09.06.2023).

Концепция развития 2017 Концепция развития этнокультурного образования в Республике Карелия на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: https://studfiles.net/preview/6724336/ (дата обращения: 09.06.2023).

Круглый стол Комитета по развитию Дальнего Востока и Арктики на тему «Жизненные стратегии молодёжи российской Арктики и Дальнего Востока: факторы формирования и перспективы реализации», 19.04.2023: видео. Официальный портал Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/87425/ (дата обращения: 17.05.2023).

Массовое исполнение 2023 – Массовое исполнение танца осуохай стало символом единения многонационального народа Якутии. URL: https://www.sakhaparliament.ru/obshchestvo/17461-massovoe-ispolnenie-tantsa-osuokhaj-stalo-simvolom-edineniya-mnogonatsionalnogo-naroda-yakutii?ysclid=lo9n7v71od749608742 (дата обращения: 26.09.2023)

Методические рекомендации 2022 – Методические рекомендации «Об организации преподавания учебных предметов «Родной (карельский, вепсский, финский) язык», «Литературное чтение на родном (карельском, вепсском, финском) языке», «Родная (карельская, вепсская, финская) литература», «Второй иностранный (финский) язык» в общеобразовательных организациях Республики Карелия в 2022/2023 учебном году». [Электронный ресурс]. URL: https://www.edu-rk.ru/edu/info/metod_rekom_karel_veps_fin_2022-2023 (дата обращения: 25.05.2023).

Миграционные прирост 2019 – Миграционный прирост по полу, возрасту и направлениям передвижения в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним. 18.06.2019. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosstat.gov.ru (дата обращения: 03.05.2023).

Минстерство 2023 – Министерство просвещения поддерживает изучение языков народов, живущих на территории России. Минпросвещения России, 03.11.2020. URL: https://edu.gov.ru/press/3089/ministerstvo-prosvescheniya-podderzhivaet-izuchenie-yazykov-narodov-zhivuschih-na-territorii-rossii/ (дата обращения: 17.05. 2023).

Мониторинг 2019 – Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай в 2019 году (Майминский и Чемальский районы) // Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова. URL: https://niialt.ru/monitoring-yazykovoj-situatsii-v-respublike-altaj/419-monitoring-yazykovoj-situatsii-v-respublike-altaj-v-2019-godu-majminskij-i-chemalskij-rajony (дата обращения: 11.06.2023).

Мониторинг 2020 – Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай в 2020 году // Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова. URL: https://niialt.ru/monitoring-yazykovoj-situatsii-v-respublike-altaj/490-monitoring-yazykovoj-situatsii-v-respublike-altaj-v-2020-godu (дата обращения: 12.05.2023).

Мониторинг 2021 – Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай в 2021 году // Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова. URL: https://niialt.ru/monitoring-yazykovoj-situatsii-v-respublike-altaj (дата обращения: 07.05.2023).

Мониторинг 2022 – Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай в 2022 году // Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова. URL: https://niialt.ru/monitoring-yazykovoj-situatsii-v-respublike-altaj/625-monitoring-yazykovoj-situatsii-v-respublike-altaj-v-2022-godu (дата обращения: 02.06.2023).

Население 2022 – Население / Официальная статистика Комистат. [Электронный ресурс]. URL: https://11.rosstat.gov.ru/population (дата обращения: 03.05.2023).

Население Петрозаводска 2022 – Население Петрозаводска 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://kalendargoda.com/naselenie-petrozavodska-2022-chislennost-goroda-oficialnaya-skolko-chelovek-zhivet-1-yanvarya (дата обращения: 03.05. 2023).

Население России 2013 – Население России 2010–2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 530 с.

Национальный состав 2005 – Национальный состав населения по Республике Алтай: стат. сборник. Горно-Алтайск: Алтайстат, 2005. Т. 2. 111 с.

Начались съемки 2023 – Начались съемки первого российского мультфильма на алтайском языке // Новости Горного Алтая. URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/121591 (дата обращения: 22.05.2023).

Не хочу быть удмуртом 2023 – «Не хочу быть удмуртом»: больше 100 тысяч жителей республики сменили национальность / Сетевое издание «Udm-info» от 11 января 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://udm-info.ru/news/2023-01-11/ne-hochu-byt-udmurtom-bolshe-100-tysyach-zhiteley-respubliki-smenili-natsionalnost-2634580 (дата обращения: 06.06.2023).

Обязательное изучение 2023 – Обязательное изучение удмуртского языка в школах, этнопарк, площадки для народных игр – что старейшины ждут от Главы Удмуртии? [Электронный ресурс]. URL: http://www.finugor.ru/news/objazatelnoe-izuchenie-udmurtskogo-jazyka-ethnoparki-ploshadki-dlja-narodnyh-igr-chto (дата обращения: 06.06.2023).

Об итогах 2022 – Об итогах мониторинга по обучению алтайскому языку в национальных (алтайских) группах в образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования в Республике Алтай в 2022 году // Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Республики Алтай. URL: http://ipkrora.ru/index.php/etnokulturnaya-sostavlyayushchaya/polilingvalnoe-obuchenie (дата обращения: 27.05.2023).

Об утверждении 2020 – Об утверждении регионального проекта и Дорожной карты по апробации и внедрение регионального проекта «Полилингвальная модель обучения алтайскому языку в муниципальных дошкольных образовательных организациях Республики Алтай» в 2020–2025 годы// Министерство образования и науки Республики Алтай. URL: https://ipkrora.ru/index.php/federalnye-regionalnye-proekty/polilingvalnaya-model-obucheniya-altajskomu-yazyku (дата обращения: 29.05.2023).

Областной закон 2019 – Областной закон Архангельской области от 18.02.2019 № 57-5-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года». URL: https://arkh-gov.ru/doc/74415?ysclid=lpf9sat7z8501526939 (дата обращения: 17.05.2023).

Официальный портал 2023 – Официальный портал Общественной палаты Архангельской области, раздел «Доклады». URL: https://opao.ru/reports (дата обращения: 14.05.2023).

Паспорт региона 2023 – Паспорт региона // Официальный интернет-портал Республики Алтай. URL: https://altai-republic.ru/about-the-region/pasport/ (дата обращения: 07.05.2023).

Паспорт Республики Коми 2023 – Паспорт Республики Коми / Деятельность министерства экономического развития и промышленности.

[Электронный ресурс]. URL: https://econom.rkomi.ru/deyatelnost (дата обращения: 18.06.2023).

Педагоги 2023 – Педагоги предложили принять закон об обязательном изучении детьми-алтайцами родного языка // Новости Горного Алтай. URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/26003 (дата обращения: 01.06.2023).

Первая всеобщая перепись 2023 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Санкт-Петербург: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. 1897 – 1905. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/12632-pervaya-vseobschaya-perepis-naseleniya-rossiyskoy-imperii-1897-goda-spb-1897-1905 (дата обращения: 03.06.2023).

Письменные языки 2000 – Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М.: Academia, 2000. 651 с.

Постановление Администрации 2001 – Постановление Администрации муниципального образования «Северодвинск» Архангельской области от 01.01.2001 «О создании консультативного совета по делам национально-культурных автономий и землячеств при Администрации Северодвинска» (дата обращения: 11.05.2023).

Постановление 2012 – Постановление Правительства Республики Марий Эл от 8 октября 2012 года № 387 «О государственной программе Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013 - 2025 годы». [Электронный ресурс]. URL: https://nbmariel.ru/ (дата обращения: 09.06.2023).

Постановление 2004 – Постановление Правительства Республики Мордовия от 9 марта 2004 г. № 79 «Об утверждении Положения об упорядочении производства, реализации и учета социально значимой литературы на мордовских языках и произведений мордовских авторов на русском языке в Республике Мордовия». [Электронный ресурс]. URL: http//www.docs.cntd.ru › document (дата обращения: 02.06.2023).

Постановление 2010а – Постановление Правительства Республики Мордовия от 25 октября 2010 г. № 404 «О порядке утверждения норм современного мордовского (мокшанского и эрзянского) литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Республики Мордовия, правил орфографии и пунктуации» (docs.cntd.ru› document). [Электронный ресурс]. URL: http//www.docs.cntd.ru › document (дата обращения: 04.06.2023).

Постановление 2010б – Постановление Правительства Республики Мордовия от 25 октября 2010 г. № 405 «О Республиканской термино-орфографической комиссии по мордовскому (мокшанскому и эрзянскому) языку». [Электронный ресурс]. URL: http//www.docs.cntd.ru › document (дата обращения: 03.06.2023).

Постановление 2010в – Постановление Правительства Республики Мордовия от 1 ноября 2010 г. № 422 «Об утверждении норм современного мордовского (мокшанского и эрзянского) литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Республики Мордовия, правил орфографии и пунктуации». [Электронный ресурс]. URL:http//www. docs.cntd.ru › document (дата обращения: 09.06.2023).

Постановление 2011 – Постановление Правительства Республики Мордовия от 3 октября 2011 г. № 366 «Об утверждении Правил делопроизводства в исполнительных органах государственной власти Республики Мордовия» (редакция от 23 января 2012 г.). [Электронный ресурс]. URL: http//www.docs.cntd.ru › document (дата обращения: 07.06.2023).

Провал проекта 2023 – Провал проекта «Алтайская долина». Причина и последствия // Полит.ру. URL: https://polit.ru/article/2017/08/01/altai/ (дата обращения: 19.05.2023).

Программа предмета 2023 – Программа предмета «Культура народов Республики Саха (Якутия)» для 1-4 классов общеобразовательных школ. [Электронный ресурс]. URL: https://infourok.ru/ (дата обращения: 09.06.2023).

Региональный отчет 2015 – Региональный отчёт: Архангельская область / Проект «ALLMEET: Непрерывное обучение в течение всей жизни, направленное на развитие межкультурного образования и толерантности в Российской Федерации» в рамках программы ЕС TEMPUS – IV, проект 544410-TEMPUS-1-2013-IT-TEMPUS-JPHS D2.2 Recommendation Papers (Russian). Рабочий пакет 2. Февраль 2015. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/f1e/d2.1_existing_research_reviews_arkhangelsk_russian.pdf; https://narfu.ru/upload/medialibrary/33e/d2.2-recommendation-paper_arkhangelsk-ru.pdf (дата обращения: 11.05.2023).

Рейтинг 2023 – Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2021 г. // РИА Рейтинг. URL: https://riarating.ru/infografika/20220516/630222174.html (дата обращения: 12.05.2023).

Республика 2002 – Республика Марий Эл в цифрах: Крат. стат. сб. Йошкар-Ола: Маристат, 2002. 467 с.

Республика Марий Эл 2012 – Республика Марий Эл. Стат. ежегодник «Республика Марий Эл. 2012». Йошкар-Ола: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл, 2012. 512 с.

Республика 2019 – Республика Марий Эл. Статистический ежегодник «Республика Марий Эл». 2019. Йошкар-Ола: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл, 2019. 360 с.

Росстат опубликовал 2021 – Росстат опубликовал данные переписи 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: https://mariuver.com/2023/01/03/perepis-2021/ (дата обращения: 06.06.2023).

Синергетика 2023 – Синергетика Белкомура. У проекта магистрали – новая финансовая модель / Российская Газета. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2019/04/08/reg-szfo/novaia-finansovaia-model-belkomura-proshla-vedomstvennuiu-ekspertizu.htm,l (дата обращения: 20.06.2023).

Сколько нас? 2005 – Сколько нас? (Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Республике Коми): Сборник. Сыктывкар: Комистат, 2005. 54 с.

Смертность 2023 – Смертность и рождаемость в Удмуртии: данные Росстата. [Электронный ресурс]. URL: https://gogov.ru/natural-increase/udm (дата обращения: 07.06.2023).

Спасти 2022 – Спасти ненецкий язык. Научная Россия, 09.06.2022. URL: https://scientificrussia.ru/articles/naucit-ucitelej-nencev-prepodavat-neneckij-azyk-professor-aleksandr-polikarpov-o-sloznostah-sohraneniа-azykov-korennyh-malocislennyh-narodov (дата обращения: 11.06.2023).

Статистико-аналитические отчеты 2023 – Статистико-аналитические отчеты. ГАУ Архангельской области «Центр оценки качества образования. URL: https://aocoko.ru/gia/gia-11/9-statistiko-analiticheskie-otchety (дата обращения: 11.05.2023).

Стратегия национальной политики 2020 – Стратегия национальной политики в Республике Карелия на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Республики Карелия от 30 января 2020 года N 53р-П. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/465404691 (дата обращения: 25.05.2023).

Стратегия пространственного развития 2019 – Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года (распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р). – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1700990598&tld=ru&name=130219_207-p.pdf&text=Стратегия%20пространственного%20развития%20РФ (Дата обращения: 11.05.2023).

Стратегия развития Арктической зоны 2020 – Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645). URL: https://docs.cntd.ru/document/566091182?ysclid=lpf9y889op992140770 (дата обращения: 11.05.2023).

Стратегия развития морской деятельности 2010 – Стратегия развития морской деятельности РФ до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 08.12. 2010 №2205-р). URL: https://docs.cntd.ru/document/902250877?ysclid=lpfa0me248104747116 (дата обращения: 11.05.2023).

Стратегия социально-экономического развития 2023 – Стратегия социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 г. / Министерство экономического развития и промышленности Республики Коми – официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://econom.rkomi.ru/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-respubliki-komi (дата обращения: 20.06.2023).

Строительство 2023 – Строительство новых солнечных электростанции стартовало в Республике Алтай // Официальный интернет-портал Республики Алтай. URL: https://altai-republic.ru/news_lent/news-archive/25225/ (дата обращения: 30.05.2023).

Указ губернатора 2015 – Указ Губернатора Архангельской области от 27.05.2015 г. № 60-у «Об утверждении положения о Совете по межнациональным отношениям». URL: https://arkh-gov.ru/doc/65911?ysclid=lpfa2wxsuj663054878 (дата обращения: 11.05.2023).

Устав 2023 – Устав образовательной организации // Официальный сайт муниципального бюджетного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №7 г. Горно-Алтайска». URL: https://altayschool7.edusite.ru/mmagic.html?page=/sveden/document.html (Дата обращения: 12.05.2023).

Участники конференции 2023 – Участники конференции коми народа предложили уволить министра образования из-за приказа об изучении в школах коми языка по выбору. [Электронный ресурс]. URL: http://www.finugor.ru/news/uchastniki-konferencii-komi-naroda-predlozhili-uvolit-ministra-obrazovanija (дата обращения: 06.06.2023).

Учебники 2023 – Учебники по алтайскому языку и литературе для 5-9 классов включены в федеральный перечень // Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Республики Алтай. URL: https://ipkrora.ru/index.php/etnokulturnaya-sostavlyayushchaya/kafedra-metodiki-prepodavaniya-altajskogo-yazyka-i-literatury/646-uchebniki-po-altajskomu-yazyku-i-literature-dlya-5-9-klassov-vklyucheny-v-federalnyj-perechen (дата обращения: 19.05.2023).

Ученые 2023 – Учёные Лавёровского центра и студенты САФУ представили в Госдуму РФ предложения по поддержке молодёжи Российской Арктики, 20.04.2023. Официальный сайт ФИЦКИА УрО РАН. URL: http://fciarctic.ru/index.php?page=news&id=869 (дата обращения: 19.05.2023).

Федеральная служба 2020 – Федеральная служба государственной статистики: итоги всероссийской переписи населения 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 10.06.2023).

Финно-угорские регионы 1996 – Финно-угорские регионы России в цифрах. Стат. сб. Сыктывкар: Комистат, 1996. 158 с.

Финно-угорские регионы 1999 – Финно-угорские регионы России. Статистический сборник. Сыктывкар: Комистат, 1999. 196 с.

Финно-угорский мир 2005 – Финно-угорский мир. Стат. Сб. Сыктывкар: Комистат, 2005. 115 с.

Форсайт 2014 – Форсайт Республики Саха (Якутия) – 2050 / под ред. Е.И. Михайловой, В.С. Ефимова. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2014. 182 с.

Чиновники 2023 – Чиновники Минрегиона получили нагоняй от Хорохордина // Новости Горного Алтая. URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/132180 (дата обращения: 12.05.2023).

Численность и размещение 2022 – Численность и размещение населения Республики Марий Эл. 2022: Стат. сб.- Йошкар-Ола: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл, 2022. 26 с.

Численность населения 2021 – Численность населения по муниципальным образованиям Республики Коми по полу и возрасту 1 января 2021 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. [Электронный ресурс]. URL: https://komi.gks.ru/population (дата обращения: 07.05.2023).

Численность постоянного населения 2020 – Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 года (с учётом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosstat.gov.ru (дата обращения: 07.05.2023).

Языки 2002 – Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. 385 с.

Литература

Абрамов 2012 – *Абрамов В.К*. Мордва: очерки национального движения. Saarbrucken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH& Co. KG, 2012. 396с.

Абрамов 2002 – *Абрамов В.К.* Мордвины вчера и сегодня: Краткие очерки истории мордовской государственности и национального движения. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2002. 240 с.

Абрамов 1996 – *Абрамов В.К*. Мордовский народ (1897 – 1939 гг.). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1996. 12 с.

Абрамов 2012 – *Абрамов В.К*. Мордовский народ в первой половине XX века. Saarbrucken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH& Co. KG, 2012. 602с.

Абрамов 2004 – *Абрамов В.К*. Мордовский народ от съезда к съезду. Саранск, 2004. 157 с.

Автайкин 2004 – *Автайкин И.А.* Проблемы национального образования в Республике Мордовия // Успехи современного естествознания. 2004. № 11. С. 47 - 50.

Айбабина 2014 – *Айбабина Е.А*. Коми язык в Республике Коми // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 246-251.

Айзятов и др. 2012 – *Айзятов Ф.А., Лузгин А.С., Бареев М.Ю., Бурова Ю.В., Коваль Е.А., Моисеев А.К*. Межконфессиональный диалог как основа религиозной политики региона (на примере Республики Мордовия). Саранск, 2012. 228с.

Акимова, Юрченков, 2012 – *Акимова З.И., Юрченков В.А*. Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование. Саранск, 2012. 607 с.

Алос-и-Фонт 2017a – *Алос-и-Фонт Э.* Динамика демографии чувашского языка на основе Всероссийских переписей населения (2002–2021) // Этническая культура. 2023. Т. 5. № 1. С. 15-27.

Алос-и-Фонт 2017b – *Алос-и-Фонт Э.* Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании // Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. Е.И. Филиппова, научный ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 162-199.

Алпатов 2000 – *Алпатов В.М*. 150 языков и политика. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: КРАФТ+ ИВ, 2000. 244 с.

Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, КУЧКОВО ПОЛЕ, 2001. 288 с.

Артеменко 2020 – *Артеменко О.И*. Постсоветский период реализации государственной языковой образовательной политики // Русский язык в образовательной среде многоязычной России / Под научной редакцией чл.-корр. РАЕН О.И. Артеменко. М.: РАНХиГС, 2020. 544 с.

Аргылов, Охлопкова 2022 – *Аргылов Н., Охлопкова У*. Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен // Меди@льманах. 2022. Вып. № 6. URL: https://www.journ.msu.ru/science/books/40558/ (дата обращения: 28.08.2023).

Арутюнова 2017 – *Арутюнова Е.М*. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодёжи: общероссийский контекст и региональная специфика/Е.М. Арутюнова // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 259–272.

Афанасий Саввин 2023 – *Афанасий Саввин*: якутяне любят свой кинематограф, и у него большие перспективы по выходу на новые рынки. URL: https://yakutia-daily.ru/afanasij-savvin-yakutyane-lyubyat-svoj-

kinematograf-i-u-nego-bolshie-perspektivy-po-vyhodu-na-novye-rynki/ (дата обращения: 26.09.2023)

Ачкасов 2012 – *Ачкасов В.А*. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. 230 с.

Баляев 2013 – *Баляев С.И*. Этническая идентичность эрзян и мокшан: опыт этнопсихологического анализа. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 108 с.

Бареев 2006 – *Бареев М.Ю*. Развитие духовности в Мордовии (в контексте религиозного возрождения // Духовное развитие региона: состояние и перспективы: сб. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. С.119-120.

Баскаков 1981 – *Баскаков Н.А*. Алтайская семья языков и её изучение. М.: Издательство «Наука», 1981. 136 с.

Баскаков 1960 – *Баскаков Н.А*. Тюркские языки. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 248 с.

Бахлов, Курлевский 2012 – *Бахлов И.В., Курлевский И.В*. Республика Мордовия в системе российского федерализма: специфика статусно-ролевых характеристик // Финно-угорский мир. 2012. № 3-4. С.106-115.

Белеков 2021 – *Белеков И.И*. Современное состояние и перспективы развития алтайского языка // О функционировании государственного алтайского языка на территории Республики Алтай. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2021. С. 9–16.

Беликов, Крысин 2001 – *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 436 с.

Беляева и др. 2013 – *Беляева Н.Ф., Лаптун В.И., Мартыненко А.В., Надькин Т.Д., Якушкина Н.Н.* Русская православная церковь в Мордовии в советский и постсоветский периоды: от гонения к возрождению. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 107 с.

Беспалова, Чекурашева 2023 – *Беспалова Т.Е., Чекурашева А.Ю*. Обобщение судебной практики по Коренным Малочисленным Народам за 2021 год // Горно-Алтайский городской суд Республики Алтай. URL: http://gorno-altaisky.ralt.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1100 (дата обращения: 12.05.2023).

Бирин 2007-2011 – *Бирин В.Н*. Финский язык // Карелия. Энциклопедия. Т. 3. Петрозаводск: ПетроПресс, 2007-2011. С. 214.

Бирин 2022 – *Бирин В.Н.* Первый этносоциолог Карелии и его коллеги // Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 450 – 452.

Богатова 2003 – *Богатова О.А*. Гармонизация межэтнических отношений в региональном социуме. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 340 с.

Богатова 20024 – *Богатова О.А*. Гармонизация этносоциальных отношений в полиэтническом регионе. Саранск: НИИ регионологии, 2004. 87 с.

Богатова 2008 – *Богатова О.А.* Мониторинг в области повышения эффективности деятельности средств массовой информации Республики Мордовия: аналитический доклад Научного центра социального-экономического мониторинга Республики Мордовия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 49 с.

Богатова и др. 2004 – *Богатова О.А., Козин В.В., Сухарев А.И., Шилов Н.В.* Религиозные организации и межконфессиональные отношения в Республике Мордовия // Бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. 2004. № 12. 31 с.

Богатова 2005 – *Богатова О.А.* Республика Мордовия. Динамика этносоциальной структуры населения // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. № 102. С.12-16.

Богатова 1997 – *Богатова О.А*. Тенденции развития межконфессиональных отношений в современной России и проблема межконфессиональной толерантности // Социология гармонизации общественных отношений. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1997. С.50-54.

Богатова 1996 – *Богатова О.А*. Этноконфессиональная ситуация в Мордовии // Гармонизация межконфессионального сотрудничества народов России: сб. науч. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. С.29-32.

Борисова 2023 – *Борисова И.Ю*. Особенности советской языковой политики с 1917 г. до конца 1930-х гг. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1677129100 (дата обращения: 03.06.2023).

Бурыкин 1997 – *Бурыкин А.А*. Динамика языковой ситуации, функционирование письменности и этапы эволюции этнических культур малочисленных народов Севера // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1997. С. 28-41.

Валге 2009 – *Валге Ю.* Высшее образование на родном языке как важное условие сохранение языка // Финно-угорский мир. 2009. № 3. С. 102–109.

Вахтин 2001 – *Вахтин Н.Б.* Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. № 1. 2001. С. 11-16.

Венцель, Пирс, Тарасова 2017 – *Венцель А. Пирс Э.К., Тарасова З.Е*. Рэп как средство выражения социальных изменений на северо-востоке Сибири: хип-хоп, урбанизация и этничность якутов (саха) // Этнографическое обозрение. 2017. С. 168-182.

Верещагин 2020 – *Верещагин И.Ф.* Трудовая миграция в Архангельской области в оценке принимающего сообщества. // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 11. С. 11–15.

Верещагин и др. 2018 – *Верещагин И.Ф., Тамицкий А.М., Максимов А.М., Журавель И.П., Задорин М.Ю.* Этнокультурные и социальные процессы в Архангельской области и Ненецком автономном округе: монография. Архангельск: КИРА, 2018.1 электрон. опт. диск (CD-ROM). URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01009804286?ysclid=lpfa8ldkj539253850 (дата обращения: 21.05.2023).

Верещагин и др. 2017 – *Верещагин И.Ф., Зайков К.С., Тамицкий А.М., Трошина Т.И., Соколова Ф.Х., Харлампьева Н.К.* Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: монография / и др.; под общ. ред. Н.К. Харлампьевой. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.

Верещака 2011 – *Верещака Е.Г.* Статистическое исследование демографической ситуации в Архангельской области. Автореф. дисс. … канд. эк. наук. М.: МЭСИ, 2011. 23 с.

Власенко, Мартыненко, Надькин 2015 – *Власенко Д.В., Мартыненко А.В., Надькин Т.Д.* Ислам в Республике Мордовия: потенциал, проблемы, перспективы. Монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 115 с.

Влияние 2022 – Влияние интернет-ресурсов на гражданскую позицию современной российской молодежи: Коллективная монография / Отв. редактор М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2022. 365 с.

Волков 2000 – *Волков Г.Н.* Этнопедагогика: Учеб. для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений. М.: Academia, 2000. 176 с.

Володарская 2009 – *Володарская Э.Ф.* Модели языковой политики стран мира // Вопросы филологии. 2009. № 1 (31). С.24-45.

Воронцов 2010 – *Воронцов В.С.* Поможет ли новый федеральный закон родному языку? // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. М.: ИЭА РАН, 2010. С.180-188.

Воронцов и др. 2005 – *Воронцов В.С., Шабаев Ю.П., Шаров В.В., Шилов Н.В.* Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения / Под ред.: В.А. Тишкова, Ю.П. Шабаева. М.: ИЭА РАН, 2005 (Серия «Прикладная и неотложная этнология». Вып. 183). 46 с.

Габдрахманов, Макарова 20212 – *Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И.* Об актуальных вопросах этносоциального развития российских регионов // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 156–157.

Гончаренко, Фаузер, Жигарева 2012 – *Гончаренко А.В., Фаузер Г.Н., Жигарева С.Е.* Миграционные установки жителей северных городов // Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы. Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Апатиты, 14–16.11.2012. Апатиты: Ин-т экон. проблем им. Г.П. Лузина Кольс. НЦ РАН, 2012. С. 156–157.

Грачева, Мартыненко, Шилов 2005 – *Грачев С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: проблемы межкультурного диалога. М.: ИЭА РАН, 2005. 35 с.

Гром 2014 – *Гром О.* Алфавит, язык и идентичность в Бессарабии второй половины XIX – начала XX вв. // Plural: journal of the History and Geography Department, «Ion Creanga» State Pedagogical University. Kishinev. Vol. 2. No. 3. 2014. Pp. 5–24.

Губогло 1995 – *Губогло М.Н.* Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С.137-144.

Гусейнова 2014 – *Гусейнова А.В*. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия. Автореф. Дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. н. Улан-Удэ, 2014. 22 с.

Денисенко 2007 – *Денисенко В.Н*. Родной язык и этнос: коми и коми–пермяки // Материалы XXXVI международной филологической конференции. Выпуск 9. Уралистика. 12–17 марта 2007 г. Санкт–Петербург: СПбГУ, 2007. С.27.

Дилекова 2023 – *Дилекова С.Д*. Информация о дистанционном опросе, проведенном в рамках реализации проекта «Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай» в 2022 году/ С.Д. Дидекова//Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова. URL: https://niialt.ru/attachments/article/625/1_20230125-distancionnyj-opros-monitoring-2022.pdf (дата обращения: 22.06.2023).

Доленко 2001 – *Доленко Д.В*. Геополитические особенности положения Республики Мордовия // Мордовия в период реформ: сб. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. С. 96–102.

Дранникова 2017 – *Дранникова Н.В*. «Всесоюзная лесопилка» и «город корабелов»: к вопросу о локальной идентификации жителей Архангельска и Северодвинска // Русский Север. Вып. 1: Идентичности, память, биографический текст. к 95-летию К.В. Чистова. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2017. С. 287–308.

Дробижева 2020 – *Дробижева Л.М.* Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 202–224.

Емельянова 2018 – *Емельянова Е*. «Дом Аллаха»: как жили архангельские мусульмане до открытия мечети? // Аргументы и факты. «АиФ в Архангельске». 07.02.2018. №6.

Ефремов 2010 – *Ефремов Е.Н*. Православные и исламские молодежные общественные объединения в Республике Мордовия: значение, проблемы и перспективы // Всероссийская научно-практическая конферен-

ция, посвященная И. А. Анненкову (15 декабря 2010 г.): сб. ст. Самара: Инза, 2010. С.115-121.

Ефремов 2014 – *Ефремов Е.Н.* Русская Православная церковь и российская умма: основные направления социального партнерства и межконфессионального диалога в постсоветский период: монография. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2014. 184 с.

Зайков и др. 2018 – *Зайков К.С., Максимов А.М., Тамицкий А.М., Трошина Т.И.* Этносоциальная ситуация в арктических регионах России и государственная национальная политика // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 57–67.

Иванов 2023 – *Иванов А.М*. Этнополитическая ситуация в Республике Саха // Московский комсомолец в Якутии. № 4 (77). 25.01-01.02.2001 г. С.11. URL: https://textarchive.ru/ (дата обращения: 28.08.2023).

Инсарова 2008 – *Инсарова Н*. Родные языки – в каждую школу! // Финно-угорская газета. № 3 (10). 28 февраля 2008 г.

Исаев 1979 – *Исаев М.И*. Языковое строительство в СССР: процессы создания письменностей народов СССР. М.: Наука, 1979. 350 с.

Истомина 2012 – *Истомина О.Б*. Билингвизм: социальная типология языковых контактов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1(15). Ч. 1. С. 70–74.

Кадышев 2017 – *Кадышев Г.И*. Исторические особенности заселения и формирования культуры Русского Севера (на примере Архангельской области) // Academia. Архитектура и строительство. 2017. № 2. С. 64–71.

Калина 2023 – *Калина В.Г.* «Раскрытие нравственного и интеллектуального потенциала личности через использование активных методов обучения на уроках русского языка и литературы». [Электронный ресурс]. URL: slovopedagoga.ru›servisy/pedagog…faily…97.docx (дата обращения: 10.06. 2023).

Калинин 2000 – *Калинин И.К*. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000. 178 с.

Кардинская 2006 – *Кардинская С.В*. Этничность в идеологических конструкциях удмуртских СМИ // СОЦИС. 2006. № 6. С. 55-60.

Каторин 2019 – *Каторин И.В*. Социальное пространство северного региона в условиях формирования Арктической зоны России (на примере Архангельской области). Автореф. дисс. … канд. социолог. наук. Архангельск: САФУ, 2019. 30 с.

Катунин 2015 – *Катунин Д.А*. Языковое законодательство Республики Алтай // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Материалы XII международной научной конференции. г. Ховд, Монголия, 18–21 сентября 2015 г. Том II: Гумани-

тарные и социальные науки. Ховд; Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. С. 94–97.

Киричек 2002 – *Киричек П.Н.* Мордовская пресса и межнациональная проблематика: между должным, сущим и желаемым //Диагностика толерантности в средствах массовой информации: сб. ст. М.: ИЭА РАН, 2002. С.169-187.

Клементьев 2007 – *Клементьев Е.И*. Современное состояние карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия // Язык как основа этнокультурной идентичности. Материалы научно-практического семинара (21 февраля 2007 года). Петрозаводск. Из-во ПетрГУ, 2007. С. 52-58.

Князева, Превильская 2017 – *Князева Н.А., Превильская М.В.* Маленький пермяк. 1-3 класс. Программа внеурочной деятельности. М.: Планета, 2017.

Козин, Шилов 2002 – *Козин В., Шилов Н*. Республика Мордовия. Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 2002. 100 с.

Колебакина-Усманова 2023 – *Колебакина-Усманова Е.* «Идентифицировали себя как россияне»: Росстат объяснил «потерю» 590 тысяч татар. [Электронный ресурс]. URL: http://komitet-dn.duma.gov.ru/press-centr/publikacii-i-vystupleniya/cc331f7e-4f51-4792-a652-ba3352d5a78c (дата обращения: 06.06.2023).

Кондрашкина 2023 – *Кондрашкина Е.А.* Современная языковая ситуация в Республике Коми // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1. Ч. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/45.html (дата обращения: 07.05.2023).

Кондрашкина 2016 – *Кондрашкина Е.А*. Языковая ситуация в Республике Коми // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 738-743.

Кониченко, Юрченков 2006 – *Кониченко Ж.Д., Юрченков В.А*. На пороге реформ: Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ, 2006. 368 с.

Кормишкин 2002 – *Кормишкин Е.Д*. Роль и значение проблематики экономической безопасности региона в изучении экономических дисциплин // Интеграция образования. 2002. С. 127–133.

Корнеева, Козлова, 2017 – *Корнеева Г.В., Козлова Л.В*. К истокам методики обучения русскому языку инородцев в России: методическая система Н.И. Ильминского // Электронный журнал «Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие». [Электронный ресурс]. URL: www.humjournal.rzgmu.ru (дата обращения: 02.05.2023).

Котов, Рогачев, Шабаев 1996 – *Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П.* Современные коми. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 178 с.

Кудряевцева, Шабыков 2002 – *Кудрявцева Р.А., Шабыков В.И.* Республика Марий Эл: языковая ситуация и языковая политика в сфере образования. Русский язык в формировании межэтнической солидарности (региональные аспекты языковой ситуации в России и ближнем зарубежье. М.: Изд-во РУДН, 2002. 46 с.

Кудряшова 2005 – *Кудряшова Л.* Коми речь! Терпи родная… // Финно-угорский вестник. 2005. № 39. С.12-15.

Кулеев 2023 – Кулеев А. Северные мусульмане. Выживет ли татарская община Архангельска? // Восточный экспресс. URL: http://tatarica.narod.ru/world/diaspor/nmuslim_041203.htm (дата обращения: 17.05.2023).

Культурное богатство 2019 – Культурное богатство Коми края. Учебная программа по краеведению для 1-4 классов. [Электронный ресурс]. URL: http://sch24skt.ucoz.ru›2019/kraj_2-4.pdf (дата обращения: 09.06.2023).

Кучерова 2017 – *Кучерова И.* «Школа памяти для людей»: государственная политика сохранения исландского языка // Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. Е.И. Филиппова, научный ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 121-161.

Кучумов 2003 – *Кучумов И.* Крючья под ребро истории: этницизм в постсоветской историографии Башкортостана // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Сб. статей / Под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. С. 52-104.

Лаженцев 2008 – *Лаженцев В.Н.* Динамика социально-экономического развития Республики Коми // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 1(1). [Электронный ресурс]. URL: http://esc.vscc.ac.ru/article/5/full?_lang=ru (дата обращения: 20.06.2023).

Лаженцев 2013 – *Лаженцев В.Н.* Социально-экономическое развитие Республики Коми // Горный журнал. 2013. № 9. С. 18-23. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rudmet.ru/journal/1228/article/20848/ (дата обращения: 20.05.2023).

Лаллука 1997 – *Лаллука С.* Восточно-финские народы России: Анализ этнодемографических процессов. Санкт– Петербург: «Европейский Дом», 1997. 391 с.

Лаптун, Надькин 2014 – *Лаптун В.И., Надькин Т.Д.* Периодическая печать как одно из направлений культурно-просветительской деятельности Русской православной церкви в постсоветский период (на материале Республики Мордовия) // Материалы X международной науч.-практ. конф. «Достижения европейской науки – 2014», г. Перемышль, 7 – 15 апреля 2014 г. Вып. 14. История. Политология. Перемышль: Nauka i Studia, 2014. С.15-18.

Ле Коадик 2008 – *Ле Коадик Ронан*. Мультикультурализм //Филиппова Елена. Французские тетради. Диалоги и переводы. М.: ИЭА РАН, 2008. С.125-149.

Лузгин, Мокшин 2008 – *Лузгин А.С., Мокшин Н.Ф*. Мордва: мокша и эрзя. Саранск: Мордов. книж. изд-во, 2008. 271 с.

Лузгин, Мокшин 2012 – *Лузгин А.С., Мокшин Н.Ф*. Мордовский народ в истории и культуре Российского государства. Саранск: Мордов. книж. изд-во, 2012. 255 с.

Майалл, 2007 – *Майалл Х.* Трансформация конфликтов: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 76-97.

Майзина 2010 – *Майзина А.Н.* Функционирование алтайского языка в официальном делопроизводстве // Языковая ситуация и языковая политика в Республике Алтай. Горно-Алтайск: ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2010. С. 97-111.

Майзина 2019 – *Майзина А.Н.* О результатах мониторинга по изучению языковой ситуации в Республике Алтай // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы (матер. конф.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. С. 192-200.

Максимова и др. 2019 – *Максимова Л.А., Валиев Р.А., Руженцева Н.Б., Валиева Т.В.* Региональная идентичность в юношеском возрасте как маркер личностной связи с территорией проживания // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2. С. 82–92.

Максимова 2021 – *Максимова Н.И.* К вопросу изучения учебного предмета «Родной язык» в системе общего образования // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 77-2. С. 60-63. DOI 10.18411/trnio-09-2021-50. EDN AZOOJD.

Малахов, 2005 – *Малахов В.С*. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. 320 с.

Маркова 2023 – *Маркова Ю*. Аэропорт Горно-Алтайска отказывается говорить на родном языке // ГТРК «Горный Алтай». [Электронный ресурс]. URL: https://elaltay.ru/altaj-berilteler/e-irgi-solundar/34-novosti/novosti-dnja/1148-2013-08-02-04-34-17 (дата обращения: 12.05.2023).

Мартыненко, Надькин, Феномен 2012 – *Мартыненко А.В., Надькин Т.Д*. Феномен конфессиональных меньшинств в Республике Мордовия (в контексте формирования толерантности в современном российском социуме) // Вестник КазГУКИ. 2012. №3. Ч.2. С.61-65.

Мартыненко, Надькин 2012 – *Мартыненко А.В., Надькин Т.Д.* Экстремистские течения в Республике Мордовия: региональный аспект проблемы // Материали за VIII Международна научна практична конференция «Образованието и науката на XXI век – 2012». Т. 15. История. София, 2012. С.9-13.

Мартыненко, Надькин 2014 – *Мартыненко А.В., Надькин Т.Д.* Этнополитическое и конфессиональное развитие в постсоветской Республике Мордовия: достижения, проблемы и перспективы // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 6 (90). С. 89-91.

Мартыненко, Шилов 2003 – *Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Социокультурные и этнополитические особенности ислама в Республике Мордовия // Россия и мусульманский мир: сб. Русского исторического общества: Т. 7 (155). М.: Русская панорама, 2003. С.226-233.

Мартыненко, Шилов 2007 – *Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Республика Мордовия. I Международный фестиваль национальных культур финно-угорских народов // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе: бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Института этнологии и антропологии РАН. 2007. № 128. С. 9 - 11.

Матюшева 2023 – *Матюшева С.В.* Концепция развития этнокультурной направленности в Республике Коми // Образовательная социальная сеть. [Электронный ресурс]. URL: https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/regionalnyy-komponent/2020/03/14/kontseptsiya-obrazovaniya-etnokulturnoy (дата обращения: 03.05.2023).

Межконфессиональные и межнациональные отношения 2016 – Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл: науч.-стат. бюллетень/МарНИИ, авт.-сост. Г.С. Зеленеева, А.С. Гуляев, О.В. Орлова, В.В. Шабыков. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 2016. 181 с.

Межконфессиональные и межнациональные отношения 2022 – Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл» (материалы социологического исследования 2021 г.): науч. стат. Бюллетень / МарНИИ, авт.-сост. Г.С. Зеленеева, О.В. Орлова, В.В. Шабыков. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 2022. 202 с.

Межнациональные отношения 2002 – Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 года): Научно-статистический бюллетень. Йошкар-Ола: МАРНИИ-ЯЛИ, 2002. 153 с.

Мишанин, Мишанина 2012 – *Мишанин Ю.А., Мишанина А.Ю*. Национальная пресса в условиях рынка: обретения и потери (финно-угорский контекст) // Финно-угорский мир. 2012. № 3-4. С.32-35.

Мокшин 1998 – *Мокшин Н.Ф*. Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордов. книж. изд-во, 1998. 244 с.

Мокшин 2014 – *Мокшин Н.Ф*. Роль финно-угорского наследия в мировой культуре // Финно-угорский мир. 2014. №4. С.20-22.

Мокшин, Мокшина 2015 – *Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н*. Этнические процессы у мордвы на современном этапе // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 4(32). С. 26–30.

Мокшин, Молотова 2002 – *Мокшин Н.Ф., Молотова Т.Л.* Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья: монография. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 136 с.

Мокшина 2013 – *Мокшина Е.Н.* Актуальные проблемы истории и этнографии мордовского народа: избранные статьи. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2013. 231 с.

Мокшина 2014 – *Мокшина Е.Н.* Национальное движение мордвы и религия // Финно-угорский мир. 2014. № 4. С.19-20.

Мокшина 2006 – *Мокшина Е.Н.* Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2006. 306 с.

Мокшина 1998 – *Мокшина Е.Н.* Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998. 177 с.

Мокшина 2005 – *Мокшина Ю.Н.* Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2005. 256 с.

Мокшина, Никонова 2003 – *Мокшина Ю.Н., Никонова Л.И.* Историко-этнографическое исследование региона: план-проспект, вопросы и анкеты. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2003. 72 с.

Молодежь 2013 – Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа. Экспертный доклад / Под. ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. С.33-38.

Молодежь 2012 – Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2021. 388 с.

Молодежь 2003 – Молодёжь Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований). Выпуск 1. Сборник статей. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 2003. 160 с.

Молодежь 2007 – Молодёжь Республики Марий Эл. Выпуск 2. Материалы региональной научно-практической конференции. Йошкар–Ола: МАРНИИ, 2007. 172 с.

Молодежь 2008 – Молодёжь Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований). Выпуск 3. Сборник статей. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 2008. 176 с.

Молодежь 2010 – Молодёжь Республики Марий Эл. Выпуск 5. Семья и школа. Сборник статей. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 2010. 254 с.

Молодежь 2012 – Молодёжь Республики Марий Эл. Выпуск 6. Материалы Республиканской научно-практической конференции «Реализация государственной молодежной политики в Республике Марий Эл: проблемы и перспективы». Йошкар-Ола: МАРНИИ, 2012. 262 с.

Мордва 1981 – Мордва: Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. И. Козлов. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981. 336 с.

Мосин 2012 – *Мосин М.В*. Современные языки финно-угорских народов России (состояние и перспективы развития мордовских языков) // Финно-угорский мир. 2012. № 3-4. С.26-31.

Мосин 2015 – *Мосин М.В*. Эрзянский язык в национальной газете 1920 – 2008 гг. Монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 244 с.

Мухарямов, Мухарямова, Януш 2019 – *Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М., Януш О.Б.* Государственная языковая политика в Российской Федерации. М.: Изд-во РГГУ, 2019. 287 с.

Мызников 2021 – *Мызников С.А*. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 912 с.

Нагапетова, 2009 – *Нагапетова Р.Р*. Швейцарская система школьного образования и процессы языковой интеграции // Европейская интеграция культурное многообразие. Часть 2. Европейский образ жизни. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 218-251.

Нагурная, Родионова 2017 – *Нагурная С.В., Родионова А.П*. Научно-практическая конференция «Статус карельского языка в системе языков народов Российской Федерации: правовые, лингвистические, культурные аспекты». [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 06.06.2023).

Одинг, Юшков, Савулькин 2019 – *Одинг Н.Ю., Юшков А.О., Савулькин Л.И.* Использование национальных языков как государственных в республиках РФ: правовые и экономические аспекты // Terra Economicus. 2019. № 17(1). С. 112–130.

Ольшанская 2023 – *Ольшанская Оксана*. Переписали для галочки: в Сыктывкаре масштабный «перерасчет» населения вызывает больше вопросов, чем ответов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.komi.kp.ru/daily/28350/4498477/?ysclid=Ie87csaj30300638710 (дата обращения: 03.06.2023).

Орлова 2021 – *Орлова О.В*. Языковая ситуация и этнокультурные запросы в Республике Марий Эл // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России. М.: ИЭА РАН, 2021. С.125-129.

Османкина 2000 – *Османкина Т.Н*. Формирование гражданственности старшеклассников в условиях общеобразовательной школы: автореф… дис. канд. пед. наук. Оренбург, 2000. 163 с.

Паин 2002 – *Паин Э.А*. Динамика национального самосознания россиян // Этнопанорама. № 1. 2002. С. 10 – 18.

Палаткина 2002 – *Палаткина Г.В*. Этнотолерантность в структуре мультикультурного образования // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург: Оренбургский государственный аграрный университет, 2002. С. 279–280.

Панарин 2003 – *Панарин С*. Национально-культурное возрождение в республиках и территориальная целостность России // Евразия: люди и мифы. Сборник статей из журнала «Вестник Евразии». М.: Наталис, 2003. С. 427–449.

Перцев 2013 – *Перцев В.В.* Гимназическое образование в дореволюционной России; вторая половина XIX – начало XX века // Концепт. 2013. № 1 (январь). [Электронный ресурс]. URL: http://e-koncept.ru/2013/13008.html (дата обращения: 04.06.2023).

Пиаже, Инхельдер 2003 – *Пиаже Жан, Инхельдер Барбел*. Психология ребенка. М.: Питер, 2003. 159 с.

Пивнева 2011 – *Пивнева Е*. Поддержка и развитие финно-угорских языков в контексте этнокультурной ситуации // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / под ред. В. А. Тишкова. М.: ИП А. Г. Яковлев, 2011. С.64-89.

Плешкова 2003 – *Плешкова Т.Н*. Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие их факторы. Архангельск: Изд-во Поморск. Ун-та, 2003. 222 с.

Плешкова 2005 – *Плешкова Т.Н*. Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие их факторы. Автореф. дисс. … д. филол. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2005. 45 с.

Подвинцев 2017 – *Подвинцев О.Б*. «Переселенческие территории» в составе «национальных окраин»: противоречия субрегиональной структуры российских республик // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2017. № 1. С.108-115.

Подоплекин 2017 – *Подоплёкин А.О*. Прибрежные регионы российской Арктики в «новых экономических реалиях»: социальное положение и этнополитическая ситуация в Архангельской области в 2014–2016 гг. // Современная научная мысль. 2017. № 1. С. 217–223.

Подоплекин 2022 – *Подоплёкин А.О*. Региональная и этническая самоидентификация представителей «переходного» и «постсоветского» поколений в европейской части Арктической зоны России (на примере Поморья) // Россия: общество, история, политика. 2022. № 4 (4). С. 178–197.

Подоплекин 2016 – *Подоплёкин А.О*. Сельские жители прибрежных территорий Архангельской области: «доживающее население» или ресурс развития Российской Арктики? // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 2 (83). С. 213 – 222.

Попова 2015 – *Попова Р.П*. Обучение коми языку как государственному в Сыктывкарском университете // Вестник научных конференций. 2015. № 4-3(4). С. 107-110. EDN VKEHLV.

Правовой статус 2011 – Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / Под ред. В. А. Тишкова. М.: ИП А. Г. Яковлев, 2011. 288 с.

Премнина 2010 – *Преминина Я.К.* Современный демографический кризис в Архангельской области // Вестник Поморского университета. Сер. Естественные науки. 2010. № 4. С. 20–26.

Пустаи 2011 – *Пустаи Я*. Двуязычие – бич или благословение? // Финно-угорский мир. 2011. № 1. С. 8–10.

Разин 1994 – *Разин А*. Удмуртский этнос: проблема формирования патриотизма и интернационализма // Финно-угорские народы и Россия. Сборник материалов международных конференций 1992-1993. Таллинн: Институт Яана Тыниссона, 1994. С. 98-104.

Разживин, Широкова 2007 – *Разживин В.Ф., Широкова И.В*. Народ Мордовии: социокультурная динамика (Первая четверть XX – начало XXI столетия). Саранск, 2007. 286 с.

Раннут 2004 – *Раннут М*. Пособие по языковой политике. Таллинн: Tallinna Pedagoogikaűlikool, 2004. 215 с.

Реализация 2009 – Реализация государственной молодежной политики в Республике Марий Эл: сборник статей. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 2009. 160 с.

Решетников и др. 2020 – *Решетников А.В., Присяжин Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю.* Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // СОЦИС. № 7. 2020. С.22-31.

Ризванова 2023 – *Ризванова М.* Вселенная Расула/М. Ризванова/ DAGPRAVDA.ru/Сетевое издание «Дагестанская правда». [Электронный ресурс]. URL: https://dagpravda.ru/kultura/centr-literaturnoj-vselennoj/ (дата обращения: 04.06.2023).

Рогачев 2006 – *Рогачев М.Б*. Столица Зырянского края. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2006. 248 с.

Романов, Ярская-Смирнова 2006 – *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Этничность и социальная работа: анализ учебной литературы // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С.167-178.

Российская семья 1998 – Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования) / О.М.Здравомыслова, М.Ю. Арутюнян; Росс. Акад. наук. Институт социально-экономических проблем. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 172 с.

Российское студенчество 2014 – Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.

Сааринен 1995 – *Сааринен С.* Проблемы формирования и развития финно-угорских литературных языков // Коми-пермяки и финно-угорский мир: тезисы докладов и выступлений международной конференции. Кудымкар, 26–28 мая 1995 г. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1995. С. 73-79.

Саврасова 2021 – *Саврасова О.С.* Алтайский язык в современном образовательном пространстве: достижения и задачи // О функциони-

ровании государственного алтайского языка на территории Республики Алтай. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2021. С. 23-30.

Савтенко 2016 – *Савтенко Е.В*. Коми язык в образовательном и общественном пространстве Республики коми // Культурное наследие России. 2016. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komi-yazyk-v-obrazovatelnom-i-obschestvennom-prostranstve-respubliki-komi (дата обращения: 22.06.2023).

Салимов 2006 – *Салимов М.Ш*. Тенденция развития мусульманской общины Мордовии в 90-х гг. XX в. // Историко-культурные аспекты полиэтничных регионов России: сб. ст. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2006. С.322-325.

Сануков 2011 – *Сануков Е.Н*. Финно-угорские народы в условиях глобализации // Финно-угороведение. 2011. №1. С. 3-11.

Сапрыкин 2009 – *Сапрыкин Д.Л*. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.

Сибатрова 2006 – *Сибатрова С.С*. О языковой ситуации и функционировании марийского языка в Республике Марий Эл // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: Материалы международной научно–практической конференции. Ижевск, 25-28 октября 2005 г. Ижевск: Удмуртия, 2006. С. 38-42.

Смерть языка 2019 – Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / Отв. редакторы Е.И. Филиппова и С.В. Соколовский. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия - Телеком, 2019. 260 с.

Смирнов 2002 – *Смирнов И.Н*. Мордва: Историко-этнографический очерк. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2002. 296 с.

Смирнова 2002 – *Смирнова С.К*. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. Москва-Ижевск, 2002. 560 с.

Сначала 2018 – «Сначала было слово». Дискурс национальной идентичности в России и во Франции // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В. В. Амелин, Я. Беван, Е. Веттер и др./ Под ред. Е. И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия - Телеком, 2018. С. 69-109.

Соколова 2017 – *Соколова Ф.Х.* Языковая политика арктических регионов Российской Федерации в конце XX – начале XXI века //Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 6. С. 37–50.

Соколовский, Филиппова 2019 – *Соколовский С.В., Филиппова Е.И.* Законы и идеологии: политика и управление языковыми ситуациями // Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова, И.Л. Бабич и др.; отв. редакторы Е.И. Филиппова и С.В. Соколовский. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком, 2019. С.5-18.

Соколовский, Филиппова 2017 – *Соколовский С.В., Филиппова Е.И.* Языковое многообразие и социальное согласие: непростое равновесие // Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. Е.И. Филиппова, научный ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 4-16.

Соловьев 1987 – *Соловьев В.С.* По пути духовного прогресса. Некоторые итоги повторных социологических исследований проблем быта, культуры, национальных традиций, атеизма и верований населения Марийской АССР. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1987. 161 с.

Социально-экономическая 2019 – Социально-экономическая, демографическая, этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Коми, Республике Марий Эл, Республике Удмуртия, Республике Мордовия / сборник аналитических докладов. Отв. Ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2019. 364 с.

Социологи 2021 – Социологи ФИЦКИА УрО РАН оценили состояние этнической, гражданской и региональной идентичности молодёжи региона. 21.12.2021. URL: http: //fciarctic.ru /index.php?page=news&id=661(дата обращения: 19.05.2023).

Социологические исследования 2013 – Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений // Материалы межрегиональной научно-практической конференции,7 июня 2012 г. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 2013. 433 с.

Степанов Итоги 2023 – *Степанов А.* Итоги переписи и полное банкротство «карельского движения». [Электронный ресурс]. URL: https:// mustoi.ru/ (дата обращения: 06.06.2023).

Степанов 2023 – *Степанов В.В.* Критический анализ программы Всероссийской переписи населения 2010 // Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/analit01.php (дата обращения: 03.06.2023).

Студенты 2022 – Студенты Марий Эл профессиональное и гражданское становление (по материалам социологических исследований). Йошкар-Ола: МарНИИ. 2022. 182 с.

Сурво 2009 – *Сурво А.А.* Уральский миф // Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Вып. 5. Сыктывкар: КГПИ, 2009. С.124-129.

Сурво, Сурво – *Сурво В., Сурво А.* «Центры» и «периферии» финн(лянд)ского семиозиса // Геокультурное пространство европейского севера. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 174-190.

Сухановская 2022 – *Сухановская Т.В*. Архангельске начнут преподавать ненецкий язык // Российская газета. 30.08.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2022/08/30/ne-poteriatsia-sredi-svoih.html (дата обращения: 17.06.2023).

Сушкова 2012 – *Сушкова Ю.Н*. Уголовный кодекс мордвы. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2012. 126 с.

Сушкова 2009 – *Сушкова Ю.Н*. Этноправосудие у мордвы. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 576 с.

Тадина 2019 – *Тадина Н.А*. О трёх этапах модернизации родового общества алтайцев // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 88–97.

Тадина 2022 – *Тадина Н.А*. Об изменении этноязыкового сознания советских алтайцев // Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы: сб. материалов межд. науч. конференции, посвященной 100-летию образования СССР. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2022. С. 255-261.

Тишков 2021 – *Тишков В.А.* Обновление категорий и практик // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2021. С.18-33.

Тишков, Шабаев 2007 – *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу. Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 196. М.: ИЭА РАН, 2007. 31 с.

Тишков, Шабаев, 2019 – *Тишков В.А., Шабаев Ю.П*. Этнополитология. Политические функции этничности. 3-е издание, испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2019. 583 с.

Торцев 2020 – *Торцев А.М.* Освоение природных ресурсов и социально-экономическое развитие прибрежных территорий Архангельской области // Арктика: экология и экономика. 2020. № 2 (38). С. 109–121.

Трошина 1997 – *Трошина Т.И*. Татарская община в Архангельске (вторая половина XIX - первая половина X вв.) // Идель. 1997. № 1–2. С.66-67.

Тумусов 2000 – *Тумусов Ф.С.* Планета надежды нашей // Российская газета. 2000. 20 октября.

Тупикин 2021 – *Тупикин В.В*. Индивидуальная программа – новый инструмент развития Республики Алтай // Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Республики Алтай (к Дням Республики Алтай в Совете Федерации). Аналитический Вестник. 2021. Июнь. № 16. (776). С. 64-70.

Туровский 1999 – *Туровский Р.Ф.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М.: Гендальф, 1999. С.93-98.

Тыдыкова 2023 – *Тыдыкова Н.Н.* О двуязычии в Республике Алтай // Звезда Алтая. Электронная газета. [Электронный ресурс]. URL: https://www.zvezdaaltaya.ru/2016/06/o-dvuyazychii-v-respublike-altay/ (дата обращения: 12.05.2023).

Тыдыкова 2010 – *Тыдыкова Н.Н.* О функционировании алтайского языка как государственного языка в Республике Алтай/ Н.Н. Тыдыкова// Языковая ситуация и языковая политика в Республике Алтай: сб. науч. ст. Горно-Алтайск: ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2010. С. 22-44.

Тюхтенева 2011 – *Тюхтенева С.П.* Теленгиты Республики Алтай между двумя переписями населения // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 43-45.

Уляшев 2005 – *Уляшев О.И.* Орӧм вужъясысь кыӧн кыввор // Войвыв кодзув. 2005. № 4. С.62-66.

Уляшов 2023 – *Уляшов А.* «Кыдья роч» Они стыдятся своего языка презирают все, что связывает их с родной нацией. [Электронный ресурс]. URL: http: //www.kominarod.ru (дата обращения: 06.06.2023).

Ушинский 1898 – *Ушинский К.Д.* Систематический сборник очерков по отечествоведению. Санкт-Петербург: Александр. лицей, 1898. 168 с.

Фаузер, Смирнова 2020 – *Фаузер В.В., Смирнова А.В.* Миграции населения российской Арктики // Экономика и управление народным хозяйством. 2020. № 4 (40). С. 3–18.

Фарутин 2005 – *Фарутин А.* Под угрозой исчезновения // Финно-угорский вестник. 2005. № 39. С.12-14.

Филиппова, Ле Торривелек 2019 – *Филиппова Е.* Введение // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В. В. Амелин, Я. Беван, Е. Веттер и др.: под ред. Е. И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком, 2018. С. 3-9.

Филипова 2010 – *Филиппова Е.* Территории идентичности во Франции. М.: ИЭА РАН, 2010. 300 с.

Хелемяэ 2017 – *Хелемяэ Е.К.* Социально-экономические трансформации в Эстонии // Этническая политика в странах Балтии / Под ред. В.В. Полещука, В.В. Степанова. М.: Наука, 2013. С. 219-235.

Хилханова 2009 – *Хилханова Э.В.* Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии). Автореф. дис. на соиск. уч. ст. докт. филол. н. Барнаул, 2009. 39 с.

Ходенко 2009 – *Ходенко С.В*. Местные уроженцы в структуре постоянного населения регионов России // Народонаселение. 2009. № 3. С. 127.

Хорохордин 2021 – *Хорохордин О.Л.* Республика Алтай – туристическая жемчужина России // Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Республики Алтай (к Дням Республики Алтай в Совете Федерации). Аналитический Вестник. 2021. Июнь. № 16. (776). С. 64-70.

Цыгулев 2021 – *Цыгулев А.С*. Агропромышленный комплекс Республики Алтай // Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Республики Алтай (к Дням Республики Алтай в Совете Федерации). Аналитический Вестник. 2021. Июнь. № 16. (776). С. 53-59.

Цыпанов 2005 – *Цыпанов Е.А*. Лексическое обновление в коми, удмуртском и марийском языках: общее и особенное // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской конференции финно-угроведов (1-4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар: Ин-т ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. С.25-30.

Цыпанов 2017 – *Цыпанов Е.А*. Опыт периодизации национально-языковой политики в республике коми (от начала XX в. до наших дней) // Финно-угорский мир. 2017. №1 (30). С.22-25.

Чемчиева 2017 – *Чемчиева А.П*. Языковая ситуация в среде коренных малочисленных народов города Горно-Алтайска //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 125(86). С. 237-240.

Чендекова 2021 – *Чендекова А.Б*. О направлениях работы Министерства образования и науки Республики Алтай с родительской общественностью по повышению мотивации детей к изучению алтайского языка // Алтайский язык в XXI веке: сохранение и развитие (матер. конф.). Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2021. С. 91-92.

Черных 2020 – *Черных В.В.* Основные направления перспективного социально-экономического развития Республики Марий Эл // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4. С.98-106.

Чижова, Тутыгин, Подоплекин 2022 – *Чижова Л.А., Тутыгин А.Г., Подоплекин А.О.* Социально-экономическое развитие арктического макрорегиона: комплексный подход: монография / отв. ред. Чижова Л. А. Архангельск: КИРА, 2022. 292 с.

Шабаев 2013 – *Шабаев Ю.П*. Культурный апокалипсис или гражданская консолидация // Социологические исследования. 2013. № 3. С.28-36.

Шабаев 2011 – *Шабаев Ю.П*. Миграции, северные сообщества и идентичности // Историческая демография. 2011. №1. С. 44- 47.

Шабаев 2020 – *Шабаев Ю.П.* Российская многонациональность/многокультурность в курсе гуманитарной подготовки учащихся российской системы образования. М.: Изд-во РГГУ, 2020. 366 с.

Шабаев 2023 – *Шабаев Ю.П.* Русский Север: поиск идентичностей и кризис понимания. [Электронный ресурс]. URL: http://www.komi.com/pole/archive/pole/24.asp (дата обращения: 11.05.2023).

Шабаев 2019 – *Шабаев Ю.П.* Управление культурным многообразием России: опыт национальных республик. М.: Изд-во РГГУ, 2019. 171 с.

Шабаев 1998 – *Шабаев Ю.П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М.: ЦИМО, 1998. 376 с.

Шабаев п др. 2018 – *Шабаев Ю.П., Воронцов В.С., Орлова О.В., Мартыненко А.В., Миронова Н.П.* Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением) // Вопросы филологии. 2018. № 1. С.62-74.

Шабаев, Денисенко, Шилов 2009 – *Шабаев Ю.П., Денисенко В.Н., Шилов Н.В.* Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации: поиск модели // Регионология. 2009. № 2. С. 296-309.

Шабаев, Жеребцов, Журавлев 2012 – *Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С.* «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134–153.

Шабаев, Истомин 2017 – *Шабаев Ю.П., Истомин К.В*. Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы и коми-пермяки как «другие коми» // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С.99-114.

Шабаев, Миронова 2020 – *Шабаев Ю.П., Миронова Н.П*. Феномен Удмуртии-2: молодежь vs этнические антрепренеры // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 94-116.

Шабаев, Омаров 2022 – *Шабаев Ю.П., Омаров М.А*. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. М.: Изд-во РГГУ, 2022. 481 с.

Шабаев, Подоплекин 2017 – *Шабаев Ю.П., Подоплёкин А.О*. Европейский Север России: этнополитика и кризис местных сообществ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. № 1. С. 103–122.

Шабаев, Подоплекин 2011 – *Шабаев Ю.П., Подоплёкин А.О*. Северо-западный ФО // Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011. С. 163–182.

Шабаев, Садохин 2014 – *Шабаев Ю.П., Садохин А.П*. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: Директ-Медиа, 2014. 409 с.

Шабаев, Чарина 2010 – *Шабаев Ю.П., Чарина А.М*. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ. Санкт-Петербург: Институт сервиса и экономики; ИЭА РАН, 2010. 275 с.

Шабаев, Шилов 2015 – *Шабаев Ю., Шилов Н*. Языковая политика // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С.525-528.

Шабыков 2014 – *Шабыков В.И*. Межэтнические отношения в Республике Марий Эл в конце XX начале – XXI века. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 2014. 313 с.

Шабыков, Кудрявцева 2020 – *Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А*. Факторы этнической самоидентификации современной молодежи Республики Марий Эл //Социодинамика. 2020. № 8. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.8.33740. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33740 (дата обращения: 15.06.2023).

Шеломенцев и др. 2018 – *Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиренникова Е.В., Уханова А.В.* Факторы миграции в арктической зоне Российской Федерации // Ars dministrandi (Искусство управления). 2018. Т. 10. № 3. С. 396–418.

Шингареева 2023 – *Шингареева О.В.* Марий ЭЛ насчитывается 108 национальностей. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marpravda.ru/news/vsja-respyblika/v-mariy-el-naschityvaetsya-108-natsionalnostey/ (дата обращения: 20.06 2023).

Шипилов 2020 – *Шипилов А.В*. Возвращение домой. Заметки из самоизоляции // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 135–144.

Шлее 2004 – *Шлее Г.* Управление конфликтами: теория и практика. М.: Deutsch-Russischer Austausche. V., 2004. 200 с.

Щербакова 2003 – *Щербакова Т.И*. Этноориентированные организации финно-угорских народов в конце XX – начале XXI вв. // Нации и регионы в истории и культуры России: сб. ст. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2003. С. 136 – 143.

Эран, Филон, Депре 2008 – *Эран Ф., Филон А., Депре К*. Динамика языковой ситуации во Франции // Филиппова Елена. Французские тетради. Диалоги и переводы. М.: ИЭА РАН, 2008. С.150-154.

Этническая идентичность татар 2015 – Этническая идентичность татар в региональных контекстах / Отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова, Г. И. Макарова. Казань: Ин-т истории имени Ш. Марджани, 2015. 255 с.

Этнический фактор 2022 – Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: коллективная монография / Под ред. А. Е. Загребина, В. С. Воронцова. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2022. 452 с.

Этнокультурное образование 2010 – Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы (ред. В. Степанов). Вып. 1. М.: ИЭА РАН, 2010. 223 с.

Этнокультурное содержание 2017 – Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе: Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. Москва-Оренбург-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. 158 с.

Юркова 2018 – *Юркова М.В*. Арктический аспект формирования региональной идентичности жителей Архангельской области // Вестник Томского государственного университета. Сер. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 163–171.

Юрченков 2015 – *Юрченков В.А*. Государственное Собрание Республики Мордовия. История становления и развития, 1995 – 2015. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2015. 183 с.

Юрченков 1994 – *Юрченков В.А*. Масторава: основные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 1994. №1. С.15-22.

Юрченков 2002 – *Юрченков В.А.* Политика государства в сфере образования мордвы // Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона. Sapporo: Slavic Research Center Hokkaido University, 2002. С. 49-63.

Юсупов 2009 – *Юсупов Р.Р*. Социально-экономическое и социокультурное развитие татар-мишарей Мордовии в период советской модернизации в конце 1920-х – 1930-е гг.: Диссертация… кандидата ист. наук. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2009. 224 с.

Ябыштаев 2019 – *Ябыштаев Т.С.* Пути возрождённого зайсаната в Республике Алтай // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 440. С. 139-145.

Ябыштаев 2022 – *Ябыштаев Т.С*. Родовое движение алтайцев в конце XX – начале XXI века: Дис. … канд. ист. наук: 5.6.4. Горно-Алтайск, 2022. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/doc/diss/yabyshtaev_dissertaciya.pdf (дата обращения: 20.06.2023).

Язык и идентичность 2021 – Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2021. 620 с.

Языки 2002 – Языки народов России: Красная книга: Энциклопедический словарь справочник / гл. ред. В.П. Нерознак. М.: Academia, 2002. 392 с.

Языковая ситуация 2011 – Языковая ситуация в Республике Мордовия / Под ред. О. Л. Арискиной, Л. Н. Денисовой. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2011. 192 с.

Языковое многообразие 2021 – Языковое многообразие в российских регионах: возможности развития: коллективная монография / под общей

ред. д-ра социол. наук, проф. Шайхисламова Р.Б. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 196 с.

Яковлев, Николаев 2020 – *Яковлев А.И., Николаев Е.А*. Структура повседневной жизни современного якутского села // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2020. № 3(19). С. 14-23.

Яковлев, Яковлева 2021 – *Яковлев А.И., Яковлева К.М.* Адаптация сельской молодежи к городской среде: конфликт монокультурной и мультикультурной среде // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4-3(106). С. 180-183.

Baker 1998 – *Baker C., Jones S.P*. Language Marketig // Baker C., Jones S.P. Encyclopedia of Billingual and Billingual Education. Clevedon, Avon, UK: Multilingual Matters, 1998.784 p.

Haarmann 1991 – *Haarmann H*. Language politics and the new European identity// Coulmas F. (ed.) A language policy for the European Community – Prospects and Quandaries. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1991.

Jelinek 2006 – *Jelinek M*. O cheshskom yazykovom purizme novogo vremeni. In: Globalizatsiya-etnizatsiya: etnokul'turnye i etnoyazykovye protsessy [Globalisation-ethnisation: ethnocultural and ethnolinguistic processes], Book 2. Moscow, pp. 30-62.

Labov 1973 – *Labov W*. Socioliguistic Patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1973. 344 p.

Loimuv Eesti 2020 – *Loimuv Eesti*. Lõimumisvaldkonna arengukava koostamise ettepanek Vabariigi Valitsusele. Tallinn: Kultuuriministeerium, 2020.

Margus, Tonurist, Vaba, Viikberg 2001 – *Margus Kolga, Tonurist Igor, Vaba Lembit, Viikberg Juri*. The Red Book of the Peoples of the Russian Empire.Tallinn: NGO Red Book, 2001. 417 p.

Moseley 2010 – *Moseley Christopher* (Ed.). Atlas of the World's Languages in Danger. Paris: UNESCO, 2010. 218 p.

Park 1928 – *Park R.E*. Human migration and the marginal man // The American Journal of Sociology. 1928. № 33(6). Pp. 881–893.

Podoplekin 2023 – *Podoplekin A.* Ethnicity and Regional Self-Identity of Young People in the Euro-Arctic Periphery of Russia (The Case of Arkhangel´sk Oblast) // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2022. Vol. 11. № 1. Pp. 69–94. DOI 10.1353/reg.2022.0004; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49152508 (дата обращения: 15.11.2023).

Pyzhova 2011 – *Pyzhova A*. Identity and Regional Culture: The Case of the Pomor People in Arkhangel'sk Region, Russia. University of Tromsø. 2011. 86 p.

Tadina, Tzib, Yabyshtaev 2023 – *Tadina N.A., Tzib A.V., Yabyshtaev T.S.* Main Trends in the Policy of Regionalism Formation in the Republic of Altai // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography: Conference proceedings. 2023. Pp. 294-308. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7_26.

The Gaelic Language (Scotland) Act 2005 – The Gaelic Language (Scotland) Act 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://www.opsi.gov.uk/legislation/scotland/acts2005/50007--a.htm (дата обращения: 03.06.2013).

Сведения об авторах

Шабаев Юрий Петрович – руководитель авторского коллектива, доктор ист. наук, зав. сектором этнографии, гл. науч. сотр. Института языка литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН», профессор кафедры философии и социально-политических исследований Института гуманитарных наук Сыктывкарского гос. ун-та им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Республика Коми. Электронный адрес: shabaev@mail.illhkomisc.ru. Введение, заключение, главы 1-6.

Бирин Виктор Николаевич, кандат ист. наук, доцент кафедры государственного регионального управления Карельского филиала РАНХиГС, действительный государственный советник Республики Карелия 3 класса, г. Петрозаводск, Республика Карелия. Электронный адрес: vik_birin@mail.ru. Глава 7.

Зеленеева Гульнара Султановна, кандидат ист. наук, старший научный сотрудник направления «Социология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ), г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл. Электронный адрес: zeleneeva.gulnara@yandex.ru. Глава 9.

Мартыненко Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор ВАК, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Республика Мордовия. Электронный адрес: arkanaddin@mail.ru. Глава 10.

Миронова Наталья Петровна, кандидат ист. наук, н.с. сектора этнографии.Института языка литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми. Электронный адрес: sidnap@mail.ru. Глава 8.

Подоплекин Андрей Олегович, кандидат ист. наук, доцент; ведущий научный сотрудник лаборатории проблем развития территорий, заместитель директора Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук (г. Архангельск); член редколлегии журнала «Россия: общество, политика, история»; член сети российских экспертов для международного развития Программы развития ООН, г. Архангельск, Архангельская область. Электронный адрес: podoplekin@mail.ru. Глава 11.

Тадина Надежда Алексеевна, кандидат ист. наук, доцент, доцент кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета, руководитель Научной лаборатории этнографических исследований ГАГУ, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. Электронный адрес: ntadina@yandex.ru. Глава 12.

Ткаченко Мария Реисовна, кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры философии и социально-политических наук Института гуманитарных наук Сыктывкарского гос. университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Республика Коми. Электронный адрес:vorkuta@mail.ru. Глава 8.

Ябыштаев Тенгис Степанович, кандидат ист. наук, независимый исследователь, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. Электронный адрес: teng7891@mail.ru. Глава 12.

Яковлев Айтал Владимирович, кандидат ист. наук, доцент исторического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия). Электронный адрес:aytalyakovlev@mail.ru. Глава 13.

Г72 Государственная языковая политика и проблема формирования общероссийской идентичности: региональные практики / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2024.
ISBN 978-5-7281-3387-2

Монография посвящена анализу проблем, связанных с реализацией языковой политики в Российской Федерации, при этом основной акцент делается на оценке региональных моделей и практик этой политики. Рассмотрен накопленный за последние годы опыт языковой политики, а также содержание дискуссий, посвященных оценке роли региональных языков в сохранении культурного многообразия страны в целом и отдельных ее регионов – в частности. Языковые проблемы представлены как самостоятельная сфера культурной жизни и государственной национальной политики. Региональные модели языкового и этнокультурного образования анализируются в контексте доктринальных основ федеральной национальной политики и гражданских интересов российского общества. А при оценке имеющих место политических и образовательных практик, авторы опираются на нормы Конституции Российской Федерации, положения федеральных законов и базовые принципы прав человека, закрепленные в международном праве. В монографии обращено внимание на то, что язык все чаще пытаются использовать как идеологию и как инструмент в политической конкуренции, не принимая во внимание интересы отдельного гражданина. Отмечается, что региональные модели этнополитики, включая языковое образование, до сих пор нередко строятся с ориентацией на позиции этнических активистов и отдельных этнических сообществ, а интересы региональных сообществ в целом оттесняются на второй план. Необходимо осуществить решительный гражданский поворот в практике реализации государственной национальной политики в российских регионах, на что однозначно нацелена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации». Авторы используют широкий комплекс источников и показывают этнокультурную ситуацию в российских регионах в динамике, однако основу работы составляет массовый опрос студентов, проведенный декабре 2022 г. в нескольких регионах и дополненный локальными исследованиями в форме кейс-стади из Республики Саха (Якутия) и Республики Алтай.

Монография предназначена для специалистов области гуманитарных и социальных наук: этнологов, культурологов, политологов, социологов, языковедов. Вместе с тем она имеет и конструктивно-прикладное значение, поскольку предложенный анализ языковой политики и региональных практик реализации государственной национальной политики позволяет оценить существующие проблемы и внести необходимые коррективы в методы этнополитики, диктуемые интересами формирования российской гражданской нации, укрепления общероссийской идентичности.

УДК 81’27(470)
ББК 81.21(2Рос)

Научное издание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Оформление обложки
В.Ю. Поляков

Корректоры
О.Ю. Ролдугина, Н.И. Щербакова

Компьютерная верстка
Ю.В. Филимонов

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 11.06.2024
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. 24,0. Усл. печ. л. 34,1
Тираж 500 экз. Заказ № 1949

Издательский центр
Российского государственного
Гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru